

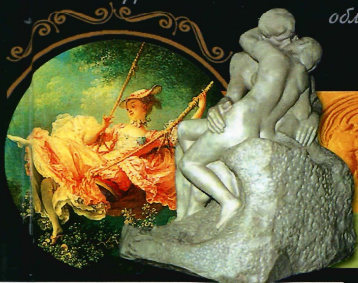

Эдуард ФУКС

История ПРАВОВ

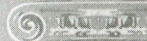
Если родители разрешают и помогают дочери флиртовать, то это имеет еще и другую причину, кроме желания дать ей возможность насладиться «невинными радостями» сношений с мужчиной. Подобное великодушное объясняется также стараниями родителей облегчить дочке ловлю мужа.

Э. Фукс

XV – XX в.

РУСИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

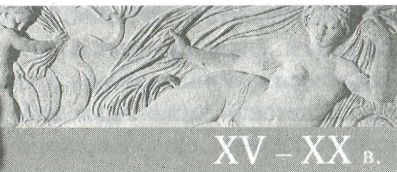
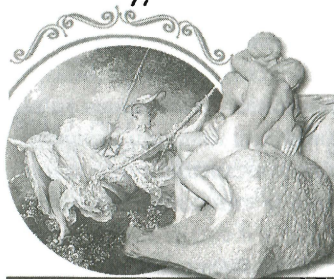

Эдуард ФУКС

История ПРАВОВ

Если родители разрешают и помогают дочери флиртовать, то это имеет еще и другую причину, кроме желания дать ей возможность насладиться «невинными радостями» сношений с мужчиной. Подобное великодушье объясняется также стараниями родителей облегчить дочке ловлю мужа.

Э. Фукс

XV – XX в.

РУСИЧ

УДК 17/99
ББК 87.7
Ф 94

Серия основана в 2010 году

Перевод с немецкого *В. М. Фриче*

Фукс Э.

Ф 94 ИСТОРИЯ НРАВОВ/Пер. с нем. В. М. Фриче. – Смоленск: Русич, 2010. – 544 с., илл. – (Историческая библиотека)

ISBN 978-5-8138-0991-0

Книга известного немецкого историка и карикатуриста Эдуарда Фукса под названием «Иллюстрированная история нравов» вышла в самом начале XX в. и сразу же привлекла внимание читателей. Автор рассмотрел в ней не всю область нравов, а только часть ее – половую мораль, в воззрениях на которую яснее всего отражается общая культура века.

Он описал нравы и половую мораль людей трех эпох – Возрождения, абсолютизма и буржуазного века. Читатель найдет на страницах этой книги ответ на вопрос: как из века в век менялись воззрения на брак, моду, супружескую верность, целомудрие, проституцию, адюльтер, формы взаимного ухаживания, представления о способах выражения чувств, как отображалась половая мораль в литературе и искусстве соответствующих эпох.

УДК 17/99
ББК 87.7

ISBN 978-5-8138-0991-0

© Оформление серии.
«Русич», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нравственное поведение, нравственные воззрения и становления, нормирующие и санкционирующие половую жизнь каждой эпохи, являются самыми характерными и яркими выразителями духа этой эпохи. Сущность каждого исторического периода, каждого народа и каждого класса отражается в них нагляднее всего. Вся общественная и частная жизнь людей и народов насыщена и напоена половыми тенденциями и интересами. Они – вечная и неисчерпаемая проблема и программа, которые никогда не снимаются с очереди в существовании индивидуума и общества.

Однако каждая эпоха – и это самое важное – облекает эти переживания в иные формы и постоянно пересматривает и направляет свои установления. В тысяче разнообразных оттенков протекала половая жизнь людей, понимаемая то как еле осознанная стихийная сила, как чисто животное чувство, то, напротив, провозглашаемая как дивная тайна бытия и высшая точка творческого проявления, то низводимая до уровня нескончаемой скабрезной выходки.

Вот почему история половой нравственности на различных ступенях культурного развития вместе с тем одна из главных составных частей истории человечества. Выражаясь более точно, это значит: история половой нравственности охватывает наиболее важные стороны общественного бытия людей, следовательно, историю законной и незаконной любви (брак, супружескую верность, целомудрие, прелюбодеяние, проституцию), историю чрезвычайно разнообразных форм взаимного ухаживания в целях и в интересах осуществления половой потребности, обычаев и нравов, в виде которых они кристаллизовались, представлений о красоте, радости, наслаждении и способах выражения чувства (язык, философию, право и т. д.), а также, конечно, идеологическое освящение половой жизни посредством искусства.

Так как история половой нравственности представляет

самую важную часть истории человечества, то и богатство свидетельствующих о ней документов в каждой стране неисчерпаемо. К тому же в них мы имеем самое величавое и блестящее, самое утонченное и безобразное, самое нелепое и тривиальное, что когда-либо измыслил и создал дух человека.

Несмотря на такое фундаментальное значение истории нравов, специально трактующей о половой нравственности, для человека, стремящегося к историческому познанию прошлого, несмотря на богатство источников, находящихся к услугам исследователя, история половой нравственности – область, которой пока еще пренебрегают современные историки. Нет ни одной истории нравов, которая бы рассмотрела и обосновала разнообразные видоизменения, происшедшие в воззрениях и нормах половой нравственности, начиная с исходящего средневековья. У нас имеются только собрания материалов и несколько небольших сжатых монографий, посвященных отдельным специальным вопросам, странам и эпохам.

В такой истории половой нравственности сосредоточено, как сказано, и самое высокое, и самое низкое. В силу необходимости она, однако, будет, если угодно, скорее историей безнравственности.

Это так понятно, потому что то, что считается в каждую эпоху «нравственным», заключается преимущественно в том, чего не делают, т. е. в том, что не поддается изображению, тогда как безнравственность обнаруживается в известных поступках, т. е. в том, что можно изобразить.

Или, выражаясь парадоксально, в истории половой нравственности отрицательное часто является единственно положительным. История нравов – конечно, не чтение для школьников и школьниц, но ведь такие качества и не свойственны серьезным научным исследованиям.

*Эдуард Фукс
Берлин–Целендорф
1909 г.*

Книга I

ЭПОХА РЕНЕССАНСА

Глава 1

ИДЕАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ КРАСОТЫ РЕНЕССАНСА

Так как эпоха Возрождения основывалась на развитии мировой торговли и послужила началом Великих географических открытий, то она вырвала человека из потустороннего мира, которому он до сих пор принадлежал, и сделала его господином самого себя. В качестве покупателя или продавца каждый сделался для нее ценным предметом интереса.

Эпоха Возрождения и провозгласила в конечном счете идеальным типом человека чувственного, того, кто лучше всякого другого в состоянии вызвать у другого пола любовь, притом в строго животном смысле, следовательно, сильное половое чувство.

В этом смысле целесообразная красота и восторжествовала, и притом чрезвычайно ярко, в эпоху Возрождения, так как она была эпохой революционной. После падения античного мира теперь красота праздновала свои высочайшие триумфы. Мужчина счита-

Женские моды. XVI в.

ется совершенным, т. е. красивым, если в нем развиты признаки, которые характеризуют его половую активность: сила и энергия. Женщина объявляется красивой, если ее тело обладает всеми данными, необходимыми для выполнения предназначенного ей материнства. Прежде всего грудью, питательным источником жизни. Грудь получает все больше значения, чем дальше развивается Ренессанс. В противоположность Средним векам, предпочитавшим женщин с узкими бедрами и стройным станом, предпочтение теперь отдавалось широким бедрам, крепкой талии, толстым ягодицам.

В женщине любили пышные формы, что не вязалось с миловидностью и грациозностью. Женщина должна была быть в одном лице Юноной и Венерой. Женщина, корсаж которой предвещает роскошную плоть, ценится выше всего. Вот почему уже девушка щеголяет своей пышной грудью. Величественно сложенная

женщина заслуживает глубочайшего преклонения. Она должна быть высокого импозантного роста, должна обладать пышной, прекрасной грудью, широкими бедрами, крепкими ягодицами, полными ногами и руками, «способными задушить гиганта». Таковы женщины Рубенса, созданные им для бессмертной жизни в лице трех Граций. Созерцание таких женщин доставляет высочайшую радость, ибо обладание ими сулит мужчине глубочайшее наслаждение.

Женской красоте посвящены самые обстоятельные, детальные и многочисленные описания. И это понятно. Не только потому, что творческая тенденция есть результат мужской активности, чаще встречаются конструкции женской красоты, созданные мужчиной, чем идеалы мужской красоты, созданные женщиной, а главным образом потому, что мужчина в принципе агрессивное, а женщина – пассивное начало. Правда, женщина тоже добивается любви мужчины, и даже в еще более сосредоточенной форме, чем мужчина добивается женской любви, но она никогда не делает этого ясно и отчетливо, как мужчина. Мужчина облакает поэтому свои требования относительно физической красоты женщины в самые ясные и точные описания. Тридцатью шестью достоинствами – по другим оценкам только восемнадцатью, двадцатью тремя или двадцатью семью – «должна обладать женщина, если хочет прослыть красавицей и быть желанной». Эти отдельные красоты обозначаются или формой, или цветом и т. д. Чтобы придать этому идеалу еще более осязательные, конкретные очертания, указывали обыкновенно на женщин определенных стран и городов. Уроженки Кёльна славятся своими красивыми руками, уроженки Брабанта – красивыми спинами, француженки – красиво выпуклыми животами, венки – пышной грудью, уроженки Швабии – красивыми ягодицами, баварки – красотой самых интимных частей женского тела. Люди Ренессанса ничего не

*Костюм голландской
проститутки. XVII в.*

хотели забыть и отличались большей точностью, а восходящие классы к тому же никогда не отличаются лицемерной стыдливостью. Порой не ограничивались даже этими данными, вдаваясь в еще более интимное описание. Женщина, желающая прослыть красавицей, должна обладать не одним каким-нибудь из этих достоинств, а всеми вместе.

Этот кодекс красоты был повсюду облечен в форму стихотворных афоризмов и дошел до нас в

целом ряде вариантов, притом иногда с иллюстрациями. Достаточно привести один пример.

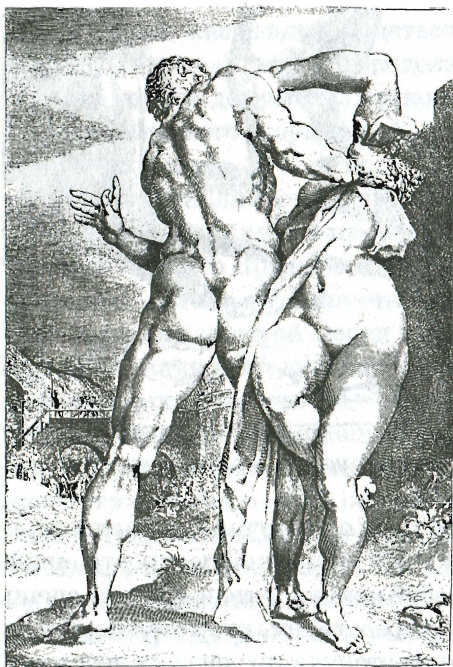
Очень распространенная свадебная песня перечисляет «тридцать пять достоинств красивой девушки» следующим образом:

«Три должны быть белыми, три – черными, три – красными, три – длинными, три – короткими, три – толстыми, три – большими, три – маленькими, три – узкими, а в общем женщина должна быть высокого роста и полного сложения, должна иметь голову, как уроженка Праги, ноги – как уроженка Рейна, грудь – как венка, живот – как француженка, спину – как уроженка Брананта, руки – как жительница Кёльна».

Никогда в живописи не изображали с таким горячим упоением красоту груди, как в эпоху Ренессанса. Ее идеализированное изображение – один из неисчерпаемых художественных мотивов эпохи. Для нее женская грудь – самое удивительное чудо красоты, и потому художники рисуют и рисуют ее изо дня в день, чтобы уве-

ковечить. Какой бы эпизод из жизни женщины ни изображал художник, он всегда найдет случай вплести новую строфу в гимн, раздающийся в честь ее груди.

Так как в мужчине и женщине видели всегда только пол, то в связи с презрением к старости мы замечаем у обоих полов страстное желание «снова помолодеть», особенно у женщины, так как ее расцвет менее продолжителен, а следы старости выступают наружу быстрее и виднее. Этим страшно затруднялась ее социальная позиция в борьбе за мужчину, так как других средств борьбы, кроме красивого тела, у нее в большинстве случаев не было. Оно ее главный капитал, ее ставка. Отсюда ее страстное желание остаться как можно дольше молодой. Из этой понятной тоски выросла в значитель-

Похищение сабинянок. Идеал мужской и женской красоты. Итальянская гравюра. XVII в.

Утренний туалет молодой женщины. XVI в.

ной степени идея об источнике молодости, представляющая в XV и XVI вв. такой распространенный мотив.

Само собой понятно, что и «наука» спешила предлагать десятки средств тем, кто хотел помолодеть. Шарлатаны, цыгане, старухи продают их легковверным людям на улицах и ярмарках, отчасти тайно, отчасти открыто. Эта тема также часто затронута в масленичных пьесах.

Не менее яркое доказательство в пользу основной чувственной тенденции Ренессанса – его отношение к наготe.

Известно, что тогда во всех странах к наготe относились довольно просто. Даже еще в XVI в. на сон грядущий совершенно раздевались, спали голыми. И при том оба пола всех возрастов; обыкновенно муж, жена, дети и слуги спали в общей комнате, не разделенные даже перегородками. Таков был обычай не только в крестьянстве и в низах, но и среди высшего бюргерства и аристократии. Даже перед гостем не стеснялись, и он спал обыкновенно в общей спальне с семьей. Жена ложится спать без платья в присутствии гостя, которого видела первый раз в жизни. Требования стыдливости считались исполненными, если она делала это «целомудренно». Если гость отказывался раздеться, то его отказ возбуждал недоумение. Как долго продолжался этот обычай, видно из одного документа, относящегося к 1587 г., в котором обычай этот порицается, следовательно, еще существовал.

Красивое тело выставлялось, однако, напоказ не только путем идеализирующего и преувеличивающего искусства, возносящего предметы над миром действительности, нет, в этом отношении шли гораздо дальше, смело щеголяя наготой перед всем миром – на улице, где ее окружали и ощупывали глазами десятки тысяч любопытных. Существовал обычай встречи перед городскими стенами навещающего город князя совершенно обнаженными прекрасными женщинами. История зарегистрировала целый ряд таких встреч: например, въезд Людовика XI в Париж в 1461 г., Карла Смелого в Лилль в 1468 г., Карла V в Антверпен в 1520 г. О последнем событии мы имеем более подробные сведения благодаря Дюреру, который присутствовал при нем и признавался, что он с особенным интересом разглядывал обнаженных красавиц.

О въезде Людовика XI в Париж сообщается следую-

щее. У фонтана дю Пансо стояли дикие мужчины и женщины, сражавшиеся друг с другом, а возле них три обнаженные прекрасные девушки, изображавшие сирен, обладавшие такой чудной грудью и такими прекрасными формами, что невозможно было наглядеться.

Необходимо коснуться еще одной особенности частной жизни, служащей не менее классическим доказательством свойственного Ренессансу культа физической красоты и относящейся к затронутому до сих пор кругу идей. Мы имеем в виду описание и прославление интимной телесной красоты возлюбленной или жены мужем или любовником в беседе с друзьями, их готовность дать другу даже случай воочию убедиться в этой хваленой красоте. Это одна из излюбленных разговорных тем эпохи.

Сеньор Брантом сообщает: «Я знал нескольких сеньоров, которые хвалили своих жен перед своими друзьями и подробнейшим образом описывали им все их прелести».

Один расхваливает цвет кожи жены, похожей на слоновую кость, с розовым налетом, как у персика, на ощупь мягкую, как шелк или бархат, другой — пышность ее форм, упругость ее груди, похожих на «большие яблоки с грациозными остриями» или на «хорошенькие шарики с розовыми ягодами», твердые, как мрамор, тогда как ее бедра — «полушария, сулящие высшее блаженство». Другие хвастают «словно выточенными белыми ногами» жен, подобными «горделивым колоннам, увенчанным красивым фронтоном». Не забывают при этом даже и самых интимных подробностей...

О духовных качествах супруги или женщины говорят разве под самый конец. Главную роль играет красивое тело, которое описывается с ног до головы и обратно. Описание нередко подкрепляется доказательством. Другу предоставляется возможность подглядеть жену во время купанья или туалета, или еще охот-

нее его приводят в спальню, где спящая жена, не подозревая, что она имеет посторонних свидетелей, предоставляет его взорам всю свою наготу. Порой даже сам муж откидывает скрывающие ее покровы, так что все ее прелести обнажаются перед взором любопытных. Телесная красота жены демонстративно выставляется напоказ, как клад или сокровище, которые должны возбудить зависть, и сомнению здесь не должно быть места. Вместе с тем обладатель этих сокровищ хвастает ими, чтобы подчеркнуть, что он их собственник. Он делает это не тайно, и жена должна то и дело мириться с тем, что муж подведет к ее ложу своих друзей, даже в том случае, когда она спит, и что он сорвет с нее одеяло, отчасти скрывающее ее тело от взоров.

Эпоха Ренессанса отличалась не только чувственностью. Так как речь идет о победе восходящего класса, то она не знала ни лицемерной стыдливости, ни страха, а смело и безбоязненно доводила все свои намерения до крайнего предела. Эта прямолинейность, в свою очередь, приводила к тем особенностям, благодаря которым моды Ренессанса кажутся нам подчас такими чудовищными, причем эти особенности характеризуют одинаково как мужские, так и женские моды. «Я превосходнейшим образом создан для любви», – говорил мужчина женщине при помощи своего костюма. «Я достойный предмет твоей силы», – отвечала она ему не менее ясно при помощи своей одежды. А как предложение, так и ответ отличались в эпоху Ренессанса одинаковой смелостью. Начнем с женской моды.

Проблема эротического воздействия разрешалась здесь, как уже сказано, смелым обнажением груди. Ренессанс придерживался того взгляда, что «обнаженная женщина красивее одетой в пурпур». Так как нельзя было всегда быть обнаженной, то показывали по крайней мере как можно больше ту часть, которая всегда считалась высшей красотой женщины и всегда

поэтому обнаруживалась при помощи моды, а именно грудь. Обнажение груди не только не считалось пороком, а, напротив, было частью всеобщего культа красоты, так как служило выражением чувственных порывов эпохи. Все женщины, одаренные красивой грудью, более или менее декольтировали ее. Даже немолодые уже дамы стремились как можно дольше вызывать иллюзии полной и пышной груди. Чем более одарена была женщина от природы в этом отношении, тем более расточительной была она. В отличие от других эпох, в период Ренессанса женщины декольтировались не только в бальной зале, но и дома, на улице и даже в церкви. Особенно щедры в этом отношении были они в праздничные дни. Эпоха Ренессанса ясно показывает, что не климат, а общественное бытие определяет моды, что климат создает во всяком случае только количественные, а не качественные отличия, в том смысле, что, например, более жаркие страны предпочитают более легкие ткани. Так как на севере действовали те же экономические причины, как и на юге, то северянки декольтировались так же сильно, как и южанки. Фламандка и швейцарка обнажали свою грудь не менее, чем французенка, венецианка и римлянка.

Чтобы лучше обратить внимание на красоту груди, на ее наиболее ценные достоинства – упругость и пышность, – женщины порой украшали ореолы алмазными кольцами и шапочками и обе груди соединялись золотыми цепочками, отягченными крестами и драгоценностями. Екатерина Медичи придумала для своих придворных дам моду, обращающую на грудь внимание тем, что в верхней части платья справа и слева были сделаны два круглых выреза, обнаруживавших обнаженные груди, или тем, что груди искусственно воспроизводились внешним образом. Аналогичная мода, в силу которой обнаруживались только грудь и лицо, царила и в других местах. Там, где обычай требовал, чтобы благородные дамы переходили улицу только под шалью или

в маске, как в Венеции, они, правда, скрывали лицо, но зато тем щедрее выставляли напоказ грудь.

Какой бы откровенности и смелости ни достигала женская мода в обнажении груди, ей ни в чем не уступала в этом та особенность мужской моды, которая отличает Ренессанс от всяких других эпох. Здесь речь идет о том, что немцы называют *Latz**, а французы *braquette***. Эта подробность придает мужской моде Возрождения в наших глазах поистине чудовищный характер...

Чувственному характеру эпохи Ренессанса как нельзя более отвечала та черта, что как женщина, так и мужчина открыто обнаруживали то, чему их век придавал наибольшую ценность. Никто не находил странным, что мужчина и женщина такими грубоватыми средствами действовали один на чувства другого. Мужчины и женщины вовсе не оставались равнодушными к этим возбудителям, а приводились ими в постоянное волнение. Литература Ренессанса богата доказательствами того, что чувства мужчины воспалялись глубоко обнаженной грудью женщины, что эта часть тела всегда прежде всего увлекает и соблазняет его.

Глава 2

ЛЮБОВЬ И БРАК

Половая любовь в эпоху Ренессанса носила прямо вулканический характер и проявлялась обыкновенно как вырвавшаяся из плена стихийная сила, подчинявшая себе все, пенясь и шумя, правда, порой и не без грубой жестокости. А так как каждая стихийная сила, проявляясь, обнаруживает свой конечный закон, то в

---

* Нагрудник (нем.).

** Передник (фр.).

области любви основным принципом была производительность. И это не подлежит сомнению: мужчина хотел прежде всего оплодотворять, женщина быть оплодотворенной.

Благодаря этому любовь получила в эпоху Ренессанса такой же героический оттенок, как и идеал физической красоты. Повышенная половая деятельность стала в глазах обоих полов явлением нормальным, дающим право на уважение. Совершенным в глазах эпохи был только тот мужчина, который, кроме вышеуказанных физических достоинств, отличался никогда не потухавшими желаниями, совершенной женщиной – только та, которая вплоть до самого зрелого возраста жаждала любви мужчины.

Многочисленные документы наглядно иллюстрируют чувственный характер любви и брака в эпоху Ренессанса: нравы, обычаи, общие и правовые воззрения, отражающиеся в своеобразных пословицах, поговорках, действиях, и в особенности литература и искусство, в которых половые отношения обычно становятся лейтмотивом.

В этом отношении в высшей степени характерны обычаи, связанные с бракосочетанием, обычаи, санкционировавшие брак: освящение брачного ложа священником – или епископом и архиепископом, когда в брак вступали люди княжеского происхождения, – и затем доживший до наших дней обычай публичного разделения ложа.

Когда священник освящал брачное ложе, он имел, конечно, в виду не место отдыха после дневных трудов, а «мастерскую любви». Дабы на ней покоилось благоволение Божие, дабы из нее выходили желанные продолжатели рода и наследники – вот для чего освящалось оно священником. Ложе как «мастерская любви» играет далее главную роль в правовых нормах, на которых покоился брак, о чем свидетельствует выше указанный обычай публичного его разделения: жених

Де Жод. Радости Венеры. XVII в.

и невеста вместе ложились в постель в присутствии свидетелей. В большинстве стран брак считался заключенным, когда жених и невеста «накрылись одним одеялом». «Взойдешь на постель и право свое приобретешь» – гласит древняя немецкая поговорка. Чтобы в этом не было сомнения, обычай совершался публично. Он сохранялся почти во всех европейских странах и почти у всех классов до начала XVII в.

Собственно германский по своему происхождению, этот обычай совершался самым разнообразным образом, официально, с большой торжественностью, в серьезном религиозном тоне, в присутствии священника, освящавшего ложе, но и юмористически. Общеизвестна форма, в которую этот обычай вылился при княжеских дворах. Так как в этой среде брак носил чисто условный характер, будучи обычно своего рода политическим договором, в силу которого одно государство передавало другому известную территорию

или права на власть, олицетворенные в образе невесты, то молодые могли и не видаться до брака: ведь личная склонность не входила как фактор в решение арифметической задачи. Сделка завершалась публичным разделением ложа, причем сам жених мог и отсутствовать, его роль мог взять на себя уполномоченный посланник, которому было поручено устройство сделки. Он ложился спокойно на парадное ложе рядом со «счастливой» невестой как официальный заместитель своего господина, и дело считалось сделанным, т. е. брак считался юридически заключенным.

Менее известны часто грубоватые, не лишённые юмористического оттенка обычаи, бывшие в ходу у простонародья и даже до сих пор окончательно не исчезнувшие. Для характеристики последних приведем один обычай, существующий в Верхнем Пфальце. «Как только телега с приданым невесты останавливается перед домом молодых, жених снимает двуспальную кровать, положенную на самом верху, и относит ее в спальню, потом в присутствии всех кладет в постель невесту, ложится рядом и целует ее».

Если в таких обычаях мы имеем дело с символической характеристикой деторождения как главной и последней цели брака, то, с другой стороны, существует ряд воззрений и обычаев, имеющих в виду непосредственно половой акт как ежедневную «брачную пищу», ради которой вступают в брак, «так как без нее не может обойтись ни здоровый мужчина, ни здоровая женщина».

Мы сказали выше, что эпоха Ренессанса отличалась здоровьем, а первое требование покоящейся на здоровом фундаменте физиологии любви заключается в том, что мужчине и женщине, как только они достигают половой зрелости, предоставляется право осуществления своих половых функций. Это воззрение было в самом деле общепризнанным в эпоху Ренессанса и выражается в целом ряде поговорок, и притом так

же наивно, как и грубо. О мужчинах говорится: «Если парни хотят расти и толстеть, то им не следует долго поститься». И то же самое провозглашается как право девушек: «Если девица испытывает голод, не следует долго ждать, а нужно ее скорее выдать замуж за молодого парня...»

Естественно, непринужденное отношение Ренессанса к явлениям жизни часто мотивировало раннее выполнение юношами и девушками половой функции теми же или схожими аргументами, которые Боккаччо вложил в уста одной дамы: «Законы природы важнее всего. Природа ничто не создала даром и снабдила нас благородными органами не для того, чтобы мы ими пренебрегали, а для того, чтобы мы ими пользовались».

Самой убедительной причиной в глазах женщин Ренессанса последовать совету дамы Боккаччо была мысль, что в противном случае «легко заболеть истерией, погубившей уже не одну прекрасную женщину», и что «лучшее средство против нее – брак с сильным и хорошо сложенным мужчиной».

При таком настроении любовная тоска мужчин и женщин Ренессанса носила, естественно, очень конкретный характер. Мужчина отнюдь не мечтает о равноправной подруге, рука об руку с которой он устремится навстречу высокой цели жизни, девушка также мало тоскует об освободителе и воспитателе ее души. Оба думают только об исполнении физического акта. Этим вполне определенным желанием исчерпывается вся их любовь.

Девушка этой эпохи не может дожидаться, когда созреет для любви. В одном стихотворении Нейдхарта фон Рейенталя, изображающем деревенскую любовь, мать и дочь беседуют о праве последней на любовь. Шестнадцатилетняя дочка настаивает на том, что ее тело уже давно созрело для любви, мать держится другого мнения, однако дочь знает прошлое матери: «Вам же было только 12 лет, когда вы перестали быть девуш-

кой». Мать сдается: «Ну хорошо, возьми себе любовников сколько хочешь». Дочь не довольствуется этим разрешением, она хочет, чтобы ей не мешали, и тут выясняется, почему мать находила дочь еще слишком юной для любви.

«Я бы охотно это сделала, если бы вы сами не отнимали у меня из-под носа мужчин. Черт бы вас побрал! Есть же у вас муж, на что вам еще другие мужчины?» Мать, видя, что ее обличили, соглашается на все: «Ну хорошо, дочка. Только смотри молчи. Будешь ли ты любить много или мало, я ничего не буду иметь против, хотя бы тебе пришлось качать на руках младенца. Но и ты не болтай, когда увидишь, что я отдаюсь любви».

Эта взаимная зависть женщин, особенно зависть матери к дочери, имеющей больше шансов на любовь, — довольно распространенный мотив в литературе эпохи. Наиболее классическим примером в этом отношении является нюрнбергская масленичная пьеса «Вдова и ее дочь на праздновании Масленицы», специально трактующая об этой зависти, притом в самом грубом тоне. По господствующему обычаю, вопрос отдается на разрешение судилища, которое, выслушав обе стороны, должно высказаться, кто из них, мать или дочь, имеет право первой выйти замуж. Мать мотивирует свое право первенства тем, что она молодая похотливая вдова и не может жить без мужчины, так как привыкла к «мужскому мясу», тогда как дочь ссылается на то чувство сладострастия, которое испытывает, когда батрак ее обнимает и целует. После того как все десять судей высказали свое мнение, мораль пьесы сводится к тому, что мать и дочь имеют одинаково большие права, так как «ночной голод мучает и женщин и девиц».

Теми же соображениями мотивируют свои «права на любовь» и молодые юноши. Ссылкой на «ночной голод» объясняют юноши и девушки также свое нежелание стать монахами и монахинями.

В некоторых деревнях уже четырнадцатилетняя

девушка считалась способной к браку. Однако, с другой стороны, существовал целый класс, которому вступление в брак было запрещено или во всяком случае очень затруднено, а именно подмастерья. Вступать в брак имели право часто одни только самостоятельные ремесленники или те, кто готовились стать самостоятельными. Но так как большинство цеховых регламентов не пускало в ряды мастеров пролетарские элементы подмастерьев, «сыновей не мастеров», то, разумеется, для значительного их числа это было равносильно запрещению вступать в браки. Там же, где подмастерьям разрешалось вступать в браки, существовал другой закон, в силу которого женатый подмастерье не имел права стать мастером, т. е. косвенно и это постановление было равносильно запрету жениться. Поистине односторонний классовый интерес не мог противопоставить желанию вступить в брак более крепкой преграды! Однако и эти указы были мало действен, так как в эпоху Ренессанса встречаются даже женатые уче-

Неравные пары. Гравюра. 1500

ники. Что они были не исключением, видно из того, что в цеховом регламенте существовал особый параграф, касавшийся «учеников, вступающих в брак». Так, например, в относящихся к 1582 г. статутах вюртембергских каменщиков и каменотесов говорится: «Если ученик в годы ученичества женится, то он все-таки обязан окончить свои два года выучки».

Чисто чувственное воззрение на любовь привело, естественно, к тому, что стремились как можно чаще испытать физическое наслаждение. Другими словами, ненасытность – одна из характерных черт половой жизни Ренессанса. Эту черту мы находим во всех странах: от испанского и итальянского юга до английского или голландского севера, от Западной Франции до Юго-Восточной Германии – всюду мужчины и женщины отличались непомерным аппетитом...

Хотя женщины и пассивны по натуре, однако они в этом отношении не только не уступали мужчинам, а, если верить современным поэтам и новеллистам, даже превосходили их своей требовательностью

Вспомним новеллу Боккаччо об отшельнике Алибеке. Чтобы обрисовать ненасытность женщин, сатирики заявляли, что у них вообще, кроме любви, ничего другого в голове нет: о чем бы с ними ни беседовать, все, даже самое невинное, они истолковывают в этом смысле.

Особенно требовательны в любви были, однако, если верить современникам, вдовы. Предписанный законом год траура редко соблюдался, так что даже еще в Средние века были назначены наказания, если вдова вторично вступала в брак по прошествии 30 дней после смерти мужа, и вознаграждение, если она в продолжение года честно оплакивала покойного. Поэтому существовало воззрение, что тот, кто женится на вдове, непременно станет рогоносцем. Испанская пословица гласит: «Вдовство вдовы продолжается только один

день», а французская поговорка утверждает: «Печаль вдовы только в ее верхнем платье». Только верхнее платье траурное, так как большинство вдов продолжало носить цветные сверкавшие нижние части костюма как средство воздействия на чувственность мужчины. Третий взгляд гласил: вдовы любят вдвойне, ибо хотят вознаградить себя со вторым мужем за те лишения,

которым их подвергал первый, и потому нет ничего опаснее, как жениться на вдове, бывшей уже два или три раза замужем. Брантом посвятил в своем сочинении целую главу любви вдов, и более половины приводимых им примеров касается их ненасытности. Об этом же немало рассказали также итальянские и немецкие новеллисты.

Если многие матери завидовали своим более молодым дочерям, имевшим больше шансов нравиться мужчинам, то новеллисты сообщают нам и о таких, которые стремились найти дочерям мужей, неутомимых в «турнире любви». Они поступают так потому, что «знают по опыту, что от одного этого зависит счастливая жизнь тех, у кого есть состояние, и что скорее можно отказаться даже от богатства, чем от этого».

Такие заботливые матери – новеллисты называют их обыкновенно самыми благоразумными – зорко присматривались к репутации мужчин, способных и готовых вступить в брак. Они наводили справки у знакомых, друзей, в церкви и на улицах.

Прежде чем получают нужные сведения, они не позволяют мужчине явиться в дом в качестве жениха. Под-

Неравный брак. Сатира на влюбленных старух. 1570

робнее всего развита эта тема в одной новелле-пословице итальянца Корнацано.

Мать молодой красивой девушки выбирает ей в мужа бедного, но стройного юношу, который славится своей силой. Дочь, естественно, ничего не имеет против того, что выбор мужа производится под таким углом зрения. Автор новеллы доказывает правильность взгляда матери тем, что даже этот молодой силач не мог удовлетворить требовательности молодой женщины и спастись от ее бешеной влюбленности только путем грубоватого средства.

Женщины, разумеется, отличаются неистощимой хитростью при достижении своей цели и притом с первого же дня брака. При таком чисто физическом взгляде на любовь величайшее преступление, которое может совершить мужчина, заключается в том, что он обманывает ожидания женщины, что он на словах сильнее, чем на деле. Женская жалоба на подобное хвастовство — обычная тема современной сатиры, масленичных пьес и пластического искусства.

Цель единобрачия всегда и везде предполагала принципиальное требование добрачного целомудрия. На практике это требование применялось, однако, исключительно к женщине. От жены муж требовал прежде всего, чтобы она сохранила свою физическую нетронутость до брачной ночи. Ее девственность принадлежала только ему. Сколько бы это требование ни облекалось в хитроумные идеологические измышления, в нем отражается, как уже было выяснено в первой главе, не более как материальная цель единобрачия, заключающаяся в производстве законных наследников. Тот факт, что жених в брачную ночь найдет невесту нетронутой, служит ему первой гарантией, что она и в браке будет соблюдать ему верность и что дети, которые произойдут от этого брака, будут его детьми. Для жениха не мо-

жет быть поэтому более неприятного разочарования, как узнать в брачную ночь, что его невеста имела уже связь.

Высокая оценка, которая давалась физической нетронутости женщины – в ней усматривали высшую женскую добродетель, – обнаруживалась в эпоху Ренессанса в целом ряде чрезвычайно откровенных обычаев, особенно свадебных, имевших целью публично доказать всему миру, что женщина в этом отношении «достойна» или «недостойна».

Наиболее распространенный признак отличия заключался в том, что достойная невеста подходила к алтарю с венком на голове: она носила «почетную корону целомудрия». Венок – признак девственности. Невесты-девственницы имели далее право распускать волосы на непокрытой голове. Наоборот, невеста, которая еще до брака сошлась с мужчиной, хотя бы с женихом, должна была удовлетворяться вуалью.

В Нюрнберге «падшая» девушка должна была идти в церковь с соломенным венком на голове, толпа осыпала место перед дверью ее дома сечкой и ее называли «испытанной девкой». В Ротенбурге церковная епитимья заключалась в том, что невеста, потерявшая невинность, должна была стоять на паперти с соломенной косой, приделанной к волосам, а ее совратитель обязан был в продолжение трех воскресений появляться в церкви в соломенном плаще, а также возить свою возлюбленную в тачке по всему местечку, причем толпа забрасывала обоих грязью.

В одном нюрнбергском указе, изданном в XVI в. и неоднократно возобновлявшемся в XVII столетии, направленном исключительно против гнусного порока «растления девушек», говорится, что это делается для того, чтобы «молодые предстали публично пред всеми в том позоре, в котором они сами виноваты». Мало того. Обе стороны подвергались еще серьезным теле-

сным наказаниям и денежным штрафам, особенно значительным, когда добрачная связь жениха и невесты обнаруживалась только после свадьбы, будь то вследствие преждевременного рождения ребенка или благодаря доносу. Наказание было потому серьезнее в таких случаях, что жених и невеста «обманули своим молчанием церковь и общину Господа и не сообщили об этом эконому при священническом доме»; как говорится в вышеупомянутом указе: они хотели присвоить себе почести, на которые не имели права.

Дабы благородная профессия доносчиков не вымирала, а и впредь обнаруживала кипучую деятельность, давая тем возможность отделить «добрых» от «злых», доносчик получал третью часть денежного штрафа. Некоторые указы обязывали даже невесту, если донос был «обоснован», подвергнуться осмотру со стороны двух назначенных городским советом акушеров, которые должны были выяснить, «находится ли она еще в честном состоянии девственности»... Невеста, не подчинившаяся такому осмотру, не имела права на «честную» свадьбу. Таким же путем ей, впрочем, разрешалось и самой очиститься от павшего на нее подозрения.

Еще более грубое, на наш взгляд, воззрение отражается в другом свадебном обычае, при помощи которого в разных странах и местностях невеста была обязана публично доказать, что вступила в брак девственницей. Обычай этот заключался в том, что на другой день после свадьбы простыня или рубашка невесты с торжеством вывешивалась или показывалась из окна. Только такое документальное доказательство спасало в глазах соседей и друзей честь новобрачной. Чем явственнее были следы крови, тем нахальнее выставлялась простыня напоказ соседям, ибо тем выше была слава невесты как девственницы. Брантом сообщает об этом обычае, каким он существовал в Испании, следующее:

«Женщина имеет еще одно средство доказать свою

незапятнанность, а именно на другое утро после свадьбы показать кровавые следы борьбы, как это делается в Испании, где окровавленная простыня вывешивается из окна при громких криках: “Мы считаем ее девушкой!”».

Подобный обычай сохранился до сих пор в славянских странах.

Разумеется, в тех местах, где такие обычаи сохранялись дольше, они принимали все более символический характер. Выставлялись уже не самые следы или во всяком случае следы, очень ретушированные. Естественно, что это должно было совершиться рано или поздно, даже там, где не преследовали при этом обмана. Опыт очень скоро научил людей, что свадебная ночь может и не сопровождаться «кровавой бойней», а девственность невесты все же будет неоспоримым фактом.

Высокая оценка, которая давалась физической нетронутости женщины, явствует еще из того обстоятельства, что потеря девственности делала женщину в глазах всех низшим существом. Она имела поэтому часто право предъявлять к тому, кто ее обесчестил, иск о вознаграждении. С другой стороны, мужчина мог требовать от родителей невесты, лишившейся своей девственности, более значительного приданого.

Однако все эти обычаи и законы, с которыми к тому же совершенно совпадало общественное мнение в эпоху Ренессанса, несколько не мешали тому, что как раз в эту эпоху не только мужчины, но и женщины особенно часто нарушали предписание добрачного целомудрия. При общей напряженности эротического чувства число добрачных связей должно было неизбежно возрасти.

Чем утонченнее становились средства, позволявшие избежать опасности, тем более возрастала у женщин готовность подчиниться велениям чувств и испытать те радости, которые Ренессанс ценил более всякой

другой эпохи. Добрачные связи женщин в эпоху Ренессанса должны были быть в порядке вещей почти во всех слоях населения. В литературе каждой страны встречается огромное количество заявлений на этот счет. С другой стороны, есть ряд обстоятельств и явлений, превращающих подобное предположение в достоверный факт.

В литературе встречаются даже многочисленные документы, на основании которых можно было бы заключить, что небольшое число женщин вступали в брак чистыми, как ангелы.

Ограничимся лишь немногими данными, свидетельствующими о добрачных связях девушек.

Для Италии Корнацано удостоверяет в новелле, основанной на поговорке «Кто был свидетелем, того да благословит Бог», что нет ни одной девушки старше десяти лет. Епископ, выведенный в новелле, говорит своим слушателям:

«Прежде чем стать епископом, я был исповедником, и все девушки старше десяти лет признавались мне, что у них уже было по крайней мере два любовника». О Франции говорится в одной новелле Тьонгера: «Немецкий дворянин, умевший немного говорить по-французски, въезжал верхом по мосту в Авиньон. Усталая лошадь начала спотыкаться, когда взошла на мост. Девица, очевидно легкого поведения, разразилась при виде этого смехом и стала издеваться над всадником. «Ах, мадам! — возразил он. — Вы едва ли удивитесь тому, что моя лошадь спотыкается, если узнаете, что она это делает всегда при виде женщины легкого поведения». «Ох! — воскликнула та. — Если это так, то советую вам не въезжать в город, ибо иначе вы сломаете себе шею».

Важной причиной того, что люди тогда легче поддавались своим чувствам, была легкость вступления в брак. Она в значительной степени устраняла опасность публичного порицания. Пока церковное венчание не было еще

принудительным законом, достаточно было простого обещания женитьбы, чтобы брак считался законным. В Германии, например, достаточно было простого «предложения и согласия». А если за этим следовало разделение ложа, то брак считался и состоявшимся. Для законности брака не требовалось ни публичного оглашения, ни составления брачного контракта. Когда в брак вступали молодые люди, то даже в этом случае не требовалось согласия родителей и опекунов. В результате — целый ряд так называемых «случайных браков», которые церкви пришлось признать, хотя она и делала это весьма неохотно.

Если к этому прибавить, что число жалоб, поданных покинутыми женщинами на мужчин, было чрезвычайно велико и что подобное печальное состояние продолжалось целое столетие, то отсюда следует, что эти «случайные браки» представляли не более как удобную форму, в которой мужчины и женщины удовлетворяли свои горячие сексуальные желания. Иначе невозможно истолковать тот факт, что большинство этих женщин было обмануто и покинуто. Другим доказательством в пользу чрезвычайно частых добрачных связей девушек является расцвет фабрикации искусственной девственности. Это «искусство» было известно уже Возрождению, а не только эпохе рококо или нашему веку. Все аптекари и продавцы специй торговали тогда также и мазями, и средствами, при помощи которых можно было завуалировать потерянную девственность, так что новый любовник или муж не только получал иллюзию, что он первый удостоился любви этой женщины, но и видел явные следы, подтверждавшие его уверенность. У Аретино можно прочесть грубоватое описание употребления такого «обновляющего девственность средства» и узнать по поводу этого, как невеста, достаточно сведущая в искусстве любви, сумела этим путем разбить самое основательное подозрение и прослыть образцом целомудрия.

И, по-видимому, торговля этими средствами отличалась бойкостью, а спрос на них был очень велик, так как хронисты то и дело сообщают, что аптекари наживали их продажей значительные состояния. Поэтому не только аптекари и продавцы специй торговали такими средствами, а также бесчисленное множество шарлатанов, акушеров и даже странствующих студентов, так как дело было выгодное, а спрос никогда не прекращался. В песне одного странствующего немецкого студента, относящейся к XV столетию, говорится: «Если девица потеряла свою невинность, то я состряпаю ей мазь».

Мужчины в большинстве случаев прекрасно знали о распространенности таких махинаций и потому, желая удостовериться в нетронутости девушки, прибегали к разным волшебным средствам, пуская их незаметно в ход еще до свадьбы. Такие средства, призванные выяснить, является ли девушка еще невинной, были в употреблении в разных местностях. Приведем как единственный пример «воду гагат» (раствор смоляного угля). Об этом средстве в Средние века говорили: «Если девушка выпьет эту воду и с ней ничего не случится, то она невинна, если же она после этого станет мочиться, то она уже не девушка». Так сами мужчины старались остаться в дураках! Ибо таким образом даже падшая женщина могла доказать, что она невинна. И, вероятно, женщины очень скоро раскусили это. Отсюда, с одной стороны, следует, какое большое значение придавалось тогда физической нетронутости девушки, с другой стороны, что предписание добрачного целомудрия тогда постоянно нарушалось. Далее необходимо сделать вывод, что часто женщина отдавалась будущему мужу еще до брака и что многие и многие порядочные девушки стыдливо носили «почетную корону целомудрия» (в день свадьбы), хотя раньше упражнялись не с одним юношей в игре «метания копья в кольцо», как называют «турнир между

мужчиной и женщиной, в котором мужчина остается победителем только тогда, когда захочет женщина».

Так как путем приличного поведения и дешевых средств шарлатанов можно было оставаться в общественном мнении девушкой, не будучи ею на самом деле, то больше всего боялись беременности, ибо только она влекла за собой опалу общества.

Каждый день случалось, что девушки оставались брошенными с ребенком на руках или под сердцем, а отец отправлялся на все четыре стороны.

Утверждая, что в эпоху Ренессанса случаи добрых связей были особенно часты, мы вовсе не хотим этим сказать, что это было право, признанное моральным кодексом века, а только то, что это было следствием повышенной эротики эпохи, неизбежным везде там, где классовые интересы не выдерживали натиска основной тенденции эпохи.

Однако бывали также случаи, были целые классы, где доброе половое общение женщины прямо санкционировалось кодексом морали. Мы имеем в виду обычай «пробных ночей», преимущественно – заметьте, только преимущественно! – существовавший в деревне и распространенный во всей Европе. Совсем этот обычай никогда не исчезал и сохранился во многих местностях вплоть до наших дней. Он восходит к давним временам и известен под разными названиями. Несмотря на древность этого обычая и на его распространенность, наши сведения о нем немногочисленны. Древнейшее его описание относится к XVIII в. и касается специально Швабии. Подробность этого обычая Фр. Г. Фишер описывает следующим образом в своей брошюре, посвященной этому вопросу:

«Почти во всей Германии, особенно в той части Швабии, которая именуется Шварцвальдом, среди крестьян держится обычай, в силу которого девушки уступают своим ухаживателям еще задолго до свадьбы права, принадлежащие обыкновенно только мужь-

ям. Но было бы совершенно неправильно думать, что эти девушки лишены женской нравственности и расточают свою любовь без всякой сдержанности всем своим любовникам. Ничего подобного. Деревенская красавица умеет так же экономно распоряжаться своими прелестями и скрашивать редкие моменты наслаждения такой же сдержанностью, как и любая барышня, сидящая за туалетным столиком.

Как только деревенская девушка достигает зрелости, за ней начинают ухаживать парни, и тем в большем количестве, чем больше у нее достоинств, пока они не заметят, что один среди них пользуется ее особыми симпатиями. Тогда они все исчезают, и счастливец имеет право посещать ее по ночам. Однако он плохо соблюдал бы романтическое приличие, если бы вошел к ней через дверь. Деревенский этикет требует, чтобы он совершал свои ночные визиты через окно под крышей.

Этот нелегкий подвиг доставляет любовнику первоначально только то преимущество, что он может поболтать несколько часов с девушкой, лежащей в постели совершенно одетой, застрахованной против всех козней Эроса. Когда она засыпает, он обязан покинуть ее, и только постепенно их беседа становится оживленнее. Впоследствии девушка предоставляет ему возможность, среди всевозможных шуток и забав в деревенском духе, удостовериться в ее скрытых прелестях, позволяет ему застать ее в легком одеянии и наконец разрешает ему все, чем женщина может удовлетворить чувственность мужчины. Но и теперь она соблюдает постепенность, хотя правила современных приличий не позволяют мне вдаваться в подробности. Много можно угадать уже по самому названию «пробные ночи», хотя первые визиты называются собственно «ночными посещениями».

Часто девушки отказывают любовнику в последнем доказательстве любви до тех пор, пока тот не прибегнет к насилию. «Пробные ночи» устраиваются каж-

дый день, «ночные посещения» — только накануне праздников и во время праздников. Первые продолжаютя до тех пор, пока обе стороны не убедятся в своей пригодности к браку или пока девушка не забеременеет. Только после этого крестьянский парень официально сватается, и помолвка, а потом свадьба быстро следуют друг за другом.

В своей брошюре Фишер приводит, кроме того, еще несколько более старинных документов, доказывающих существование этого обычая и в других местах. Так, в одном древнем документе сообщается: «У саксов существует отвратительный, законом признанный обычай, в силу которого жених сначала проводит ночь у невесты, а потом уже решает, женится ли он на ней или нет». Другой автор, Квардус из Кембриджа, говорит в своем описании Уэльса, что «прежде браки редко устраивались без предварительного соития, так как существовал обычай, в силу которого родители отдавали своих дочерей, причем деньги считались потерянными, если девушка отсылалась обратно домой».

Обычай «пробных ночей» и «ночных визитов» не ограничивался одним только крестьянством, а был распространен в XV и XVI вв. также и среди городского бюргерства, и притом, по-видимому, во всей Европе. Один хронист сообщает, что итальянские горожанки разрешали своим возлюбленным «пробные ночи», причем те, однако, должны были воздерживаться, и что даже патриции не видели в этом ничего предосудительного. О существовании того же обычая в Северной Франции говорит одно старофранцузское стихотворение, в котором обсуждается следующее: одна дама разрешила возлюбленному провести с ней ночь, но в полном воздержании. Вопрос гласит: кто из них приносит большую жертву?

В конце Средних веков формы взаимного ухода носили у всех почти классов и во всех странах

очень примитивный характер. То были не более чем так называемые первоначальные формы галантерейности. Другими словами, оба пола выражали друг другу свою симпатию не иначе, как недвусмысленным путем грубых прикосновений. Не только глаза, но и руки имели полную свободу действия. Разумеется, крестьянин поступал откровеннее и грубее дворянина или бюргера, с другой стороны, немецкое дворянство вело себя более неуклюже, чем итальянское и испанское, но все это были количественные, а не качественные различия.

Если в деревенских кругах ухаживание отличалось прямо грубостью, то бюргерство и дворянство были тоже по меньшей мере неуклюжи и еще далеки от всякой утонченности. Обе стороны всегда прямо направлялись к «конечной цели». Флирт, конечно, был очень в ходу, его разрешали и им пользовались при всяком случае и во всяком месте, но без нужды им не ограничивались. Мужчина всегда пользовался случаем «взять плохо защищаемую крепость», как тогда выражались. Словом, обе стороны в принципе предпочитали кратчайший путь.

Более утонченные формы ухаживания и любви долгое время встречались лишь среди куртизанок (как и в древности). Куртизанки знали, что в этом их главная притягательная сила в глазах мужчин. И они высмеивали дам, не доросших до их конкуренции. Римские куртизанки, например, издеваясь, говорили о благородных римлянках, что они, правда, всегда готовы отдаться, но не понимают даже утонченности, которую придает любви речь.

Коснуться рукой груди хорошенькой женщины, притом при всех, было первым актом преклонения перед ней, и этот прием встречается постоянно во всех классах. Так делали при каждом удобном случае, и прежде всего в собраниях и при посещениях, в особенности же во время танца. Такой шутливый жест ни-

сколько не предполагал более интимных отношений, наоборот, он сам часто становился началом более близкого знакомства. Отсюда следует, что такое поведение тогда не казалось предосудительным, а считалось вполне естественным. Поэтому и женщина – если только была недурна – видела в этом не оскорбление, а лесть и комплимент, и притом вполне законные. И если она обладала красивой грудью, то не очень и противилась этим жестам мужчины, а если и противилась, то больше для вида, или ради вящей пикантности, или прямо для того, чтобы дать возможность оценить ее прелести лучше, чем позволяла господствовавшая мода.

Женщина слишком хорошо знала гипнотизирующее воздействие своих ног и еще более – интимных прелестей, хотя бы зрелище длилось всего секунду, другими словами, она скоро угадала значение зрения в любви. И потому глазам мужчины предоставлялись широчайшие свободы. Декольтирование снизу вверх достигалось в эпоху Ренессанса главным образом путем танца или игр, главная прелесть и главная соль которых состояли часто в возможно большем оголении женщины. Ограничимся здесь этим простым указанием, так как танцу и играм будет посвящено детальное описание в главе об общественных развлечениях.

Здесь необходимо еще обосновать индивидуальную смелость, до которой нередко доходили женщины этой эпохи в использовании вышеуказанных средств воздействия. Хронисты разных стран сообщают нам, что женщина охотно сама старалась очутиться в щекотливом положении или охотно позволяла друзьям застигать ее в таком положении. В такой ситуации она оставалась часто очень долго, «чтобы убедиться, что мужчина удостоверился в ее прелестях и в ее красоте». Брантом пишет: «Часто дамам доставляет удовольствие показываться нам без помех, так как они чувствуют себя безупречными и убеждены, что могут нас воспламенить».

В эпоху Ренессанса жизнь давала мужчине и женщине сотни возможностей проявления грубых форм взаимного ухаживания. Узость условий существования, совместное жительство на ограниченном пространстве, наконец, примитивные средства удовлетворения потребности в совместном общении – все это создавало, так сказать, почву для постоянного воздействия друг на друга. Ограничимся одним примером: путешествиями.

В эту эпоху путешествия были не очень в ходу, женщины же особенно редко путешествовали. Если же обстоятельства вынуждали к этому, то люди за все время путешествия были положительно прикованы друг к другу. Если путешествовала женщина, то, конечно, не только с мужем или братом, а также часто с другом или знакомым, потому что опасность дороги заставляла ее даже в случае недалекого путешествия заручиться защитником. Так как дороги были плохи, то повозки не годились для путешествия, к тому же такое путешествие обходилось дороже и совершалось не так быстро. Путешествовали поэтому обыкновенно верхом. Если путешествовала дама, то она садилась или спереди или сзади своего спутника на того же коня. Знатные дамы отправлялись в таком виде и на охоту. Таким образом, дама и ее спутник находились в продолжение целых часов в интимной близости. Мужчине к тому же часто приходилось поддерживать женщину там, где дорога пересекалась рытвинами или рвами. Так естественно, что желание водило часто рукой мужчины – и конечно, и женщины! – если только они были добрыми друзьями или сделались таковыми во время путешествия. Что в большинстве случаев так и бывало, вполне понятно и не нуждается собственно в подтверждении, хотя подобные подтверждения можно найти у всех хронистов.

Начиная с миннезингеров и кончая новеллистами, мы узнаем то и дело, что всадник порывисто прижи-

мал к себе и нежно ласкал хорошенькую девушку из знати или здоровую крестьянку.

Аналогичными привилегиями часто пользовались гости и посетители. Считалось почти честью для себя, если желанный гость через короткое время вступал в рукопашную с женой или взрослой дочерью. Когда гость пользовался особенным почетом, то хозяйка нередко спешила послать ему для времяпрепровождения хорошенькую дочку. А гость доставлял дому честь, если находил дочку хорошенькой и оказывал ей внимание, которое не ограничивалось непременно одними поцелуями, и, однако, это никому не казалось предосудительным. Еще к Средним векам относится обычай посылать на ночь знатному гостю красивую служанку или достигшую прелести дочь, а порой эта роль выпадала и на долю самой хозяйки. Этот обычай назывался «отдать жену по доверию». Мурнер упоминает об этом обычае как о существовавшем еще в XVI в. в Нидерландах: «В Нидерландах еще держится обычай, в силу которого хозяин, если у него есть дорогой гость, посылает к нему жену по доверию».

Как охотно исполняли женщины эту роль, когда речь шла о красивом госте, так как он наилучшим образом оправдывал «доверие» — конечно, не мужа, а жены, — видно из французской рыцарской поэмы, где жена должна отказаться от этой роли в пользу красивой служанки, так как ее муж еще не спит и, по-видимому, не поклонник этого обычая. Вот это место:

«Графине было приятно иметь такого гостя. Она приказала изжарить для него жирного гуся и поставить в его комнате роскошную постель, на которой любоб было растянуться. Отправляясь спать, графиня призвала самую красивую и благовоспитанную из своих служанок и сказала ей украдкой: “Дорогое дитя, пойдик нему и служи ему как подобает. Я сама бы охотно пошла, да не хочу этого сделать из стыдливости перед графом, моим господином, который еще не заснул”».

Брак считался в XV и XVI вв. высшим состоянием. Быть холостым или старой девой считалось, напротив, пороком, и к таким людям относились как к заклейменным. Поэты и писатели без удержу прославляют брак. На всех языках, в самых разнообразных видах раздается гимн в честь его: «На брачном ложе спится мягче всего». Кто живет в браке, тому открыты в будущем небеса, остальным грозит ад.

Постоянное громкое восхваление брачной жизни как высочайшей заслуги имеет свои довольно явственно выступающие наружу естественные причины. Последние, однако, коренятся в гораздо меньшей степени в тех моральных мотивах, которые приводились в пользу брака, а скорее в настоятельных нуждах эпохи. Развившаяся индустрия нуждалась в людях, в рабочих руках, в покупателях. Абсолютная княжеская власть нуждалась в солдатах. Чем больше людей, тем лучше. С другой стороны, росту населения противодействовали сильнейшие преграды. Если в Средние века население не увеличивалось из-за усиления могущества церкви – вместе с последним росло число монастырей и их обитателей, живших в принудительном безбрачии, – то теперь на сцену выступили еще более опасные факторы.

Вместе с новым хозяйственным порядком родились и его страшные спутники – чума, алкоголизм, сифилис. Распространявшаяся во все стороны торговля создавала условия, придававшие всем этим болезням эпидемический характер. Все эти недуги сокращали не только вообще население, но главным образом его мужскую половину, так как мужчины легче подвергались заболеванию – во время путешествий, посещения домов терпимости и т.д., – и им в первую голову пришлось расплачиваться за новый экономический порядок. Убыли мужского населения способствовали также учащавшиеся распри и походы. При таких условиях безбрачие становилось все более открытой соци-

альной опасностью, каждый холостяк – прямым врагом общества.

Вот почему люди вдруг открыли моральные преимущества брака и усмотрели высшую его форму в возможно многодетном браке. Так как эта экономическая потребность совпадала с основной чувственной тенденцией века, то действительность совпала с этой важнейшей идеологией. Семьи с дюжиной детей были тогда не редкостью. От брака Виллибальда Пиркхеймера с Барбарой Лёффельгольц было тринадцать детей, аугсбургский хронист Буркхарт Цинк, дважды женатый, имел восемнадцать детей, отец Альбрехта Дюрера столько же, у Антона Тухера было одиннадцать, папский секретарь Франческо Поджо оставил также восемнадцать признанных им детей, среди них четырнадцать незаконных. В некоторых и довольно многочисленных семьях число детей доходило и превышало цифру двадцать.

Высшим законом брака во все времена была взаимная верность. Если эпоха Ренессанса ставила брак так высоко, то еще выше ставила она брак, построенный на взаимной верности супругов.

«Одно тело, две души, один рот, одно сердце, взаимная верность и обоюдное целомудрие, здесь двое, там двое и все же соединены воедино постоянной верностью...». Так пел уже миннезингер Рейнмар фон Цветер.

Эпоха Ренессанса пела не менее восторженную

Муж под башмаком.
Французский рисунок

хвалу супружеской верности в сотне самых разнообразных мелодий. «Нет лучшего рая, чем брак, где верность, как у себя дома». «Где верность, там рай на земле». Без верности невозможно супружеское счастье. Муж, уходящий от доброй жены к другой, сравнивается со свиньей, валяющейся в луже. Шперфогель пел: «Если муж уходит от доброй жены к другой, то он подобен свинье. Что может быть сквернее этого? Он оставляет чистый источник и ложится в грязную лужу».

Верная жена беспощадно оплачивает тому, кто хочет ее совратить с пути добродетели. Порой она как бы склоняется на его предложения, но только для того, чтобы указать ему на дверь таким недвусмысленным путем, что у него навсегда пропадает желание «пристать к честной женщине».

Если же романтики-апологеты прошлого видели в таких изречениях и примерах указание на общее состояние нравов, то они, конечно, ошибались. Они приписывали всему обществу то, что было свойственно лишь известным классам, в экономических условиях которых коренилась подобная идеология. Этими классами были мелкая буржуазия, пролетариат и часть мелкого крестьянства.

Бедность стала массовым явлением, а нищета отдельных лиц доходила до ужасных размеров. Ни один солнечный луч не улыбался пролетарию, из несчастного случая нужда превратилась в неотвратимую судьбу, тяготеющую над всей жизнью. Последствием этой нищеты стало то, что в пролетариате повсюду развилось безусловно аскетическое мировоззрение, а последнее исключает свободное, а еще более — разнузданное половое общение, ибо оно предполагает всегда радостное пользование жизнью и жизнерадостное мирозерцание.

Из-за убыли мужского населения на восемь или девять тысяч женщин приходилось только две тысячи мужчин. Существовало немало хозяйств, состоявших только из женщин, служанок и детей, лишенных

мужской защиты. Это неизбежно приводило к разным осложнениям, тем более что среди мужчин было много холостых солдат. Соединение нескольких домашних хозяйств под покровительством одного мужчины, практиковавшееся осажденными в Мюнстере, не имело, стало быть, ничего общего с полигамией. То было не половое, а экономическое объединение. И не найдется ни одного серьезного доказательства, которое опровергло бы такое положение, зато тем больше есть данных в пользу царившей там суровой чистоты нравов.

Рыцарский культ любви был процессом не только обновления, но и гниения, каким он и вошел в жизнь. Разумеется, если смотреть на этот процесс под углом зрения вечности, то он представляется нам в очаровательной дымке поэзии. Художественные документы, созданные рыцарской любовью, так своеобразны, что во всей литературе трудно найти что-нибудь аналогичное.

Стоит только снять с этого явления поэтический покров и прозреть за ним действительность — и перед нами предстанет иная картина и мы увидим только гниение и больше ничего. Какой стереотип скрывается за этой идеализацией? Брак — непрерывный обман, вот смысл этих произведений. Обманывать мужа — высший закон любви. Правда, рыцарский брак, как брак всех господствующих классов, покоился исклю-

*Сатирическая аллегория
прелюбодеяния. XVI в.*

чительно на условности. Однако только открытое возмущение и мужественное освобождение от безнравственных оков может наполнить нашу душу восторгом и уважением. Но такой поступок не приходит в голову ни одной тогдашней женщине. Месть природы выражается в коварном обмане, в систематическом желании сделать мужа отцом чужих детей.

Если во всех поэтических произведениях и говорится только о награде любви, то решающим все же является всегда конечный результат. В большинстве случаев этот конечный результат – незаконная беременность женщины, позволившей рыцарю служить ей. Большинство дам рыцарей не только разрешали это, но их высшим честолюбием было, если рыцарь носил их цвета. Объятия дамы – вот та награда, которой домогаются и которая обещается. Это высшая награда, которую можно предложить, так как примитивная культура эпохи видит в половом акте высшее наслаждение, которое может даровать жизнь.

Но если торжество обеих сторон и заключалось официально в том, чтобы обмануть мужа дамы и доставить друг другу тайные наслаждения любви, то само это торжество будет полным только в том случае, если дама забеременеет от своего рыцаря. Оставить после себя такое доказательство любви составляло, без сомнения, гордость очастливленного рыцаря и, вероятно, тайное желание многих дам. Таково было бы и логическое требование индивидуальной половой любви. Женщина хочет стать матерью от того мужчины, которому принадлежат ее симпатии.

В художественных документах эпохи рыцарства дело никогда не заходит так далеко, и, однако, только здесь обнаруживается истинный характер явления – процесс гниения. Но и сам культ дамы очень далек от идеализма. Достаточно вспомнить об одном его параграфе, о котором у нас имеются многократно подтвержденные сведения. Рыцарь сражается в турнире за

даму, ему совершенно неизвестную, позволяет восторжествовать ее цветам и получает за это в награду любовь. Приняв ванну и утолив голод, он имеет право разделить ложе дамы и на другое утро отправляется дальше, как неоднократно описано у Вольфрама фон Эшенбаха.

Однако еще более странно-смешной является в наших глазах ситуация, когда рыцарь терпит поражение. В таком случае он лишается своей награды. Но только он один уходит с пустыми руками. Дама, за которую он сражался, всегда получает свое, т. е. всегда получает возможность незаконного наслаждения. Ибо вместо рыцаря, который носил ее цвета, право на ее ложе получает теперь его победитель. Он должен доказать, что способен выйти победителем из борьбы не только с мужчинами, но и с женщиной. Другими словами, право произвести ребенка предоставляется теперь тому, кто еще недавно стоял враждебно лицом к лицу с ее другом.

Нельзя сказать, чтобы подобные воззрения отличались особенной возвышенностью. То же самое надо сказать — и это совершенно логично — о всей семейной жизни рыцаря, так как этот систематический обман был, разумеется, взаимным: как мы уже заметили, весь рыцарский класс представлял собой как бы общество содействия обоюдному прелюбодеянию. Это должно было, естественно, отражаться на всей семейной жизни.

Лукреция. Анонимный нюрнбергский рисунок

*Освящение брачного
ложа епископом.*

Немецкая гравюра. XV в.

Дети, семейное чувство – все это находилось в стороне от идеального мира рыцаря, не вдохновляло его, семья была для него лишь чисто внешней организационной формой его будничной жизни. Мы не должны поэтому создавать себе романтического представления о нравах, господствовавших в этой среде.

Женское помещение в замке – помещение, где работали женщины, – было в большинстве случаев вместе с тем и гаремом

рыцаря. Таково же и его отношение к своим вассалам женского пола. Помещик-рыцарь имел право делать с женами и дочерьми своих вассалов все, что он хотел, и он так и поступал. Если они ему нравились, то ничто не могло ему помешать удовлетворить свое желание. Так называемое право первой ночи, существование которого столь часто подвергалось сомнениям, было не более как совершенно «естественным правом», вытекавшим из понятий собственности. Все до сих пор сказанное касается, однако, только одной части рыцарства, и притом самой незначительной. Поэзия «миннединста» была всегда связана только с высшей и богатой аристократией. Большая масса рыцарства принадлежала, однако, к мелкому дворянству, которое жило не в пышных замках и крепостях, а в конурах, жалких и отвратительных, чуждых всякой поэзии. Достаточно вспомнить описание родного замка Гуттена Штекельберга, сделанное им, хотя его замок и принадлежал к числу сравнительно более за-

видных. Да и вся жизнь низшего дворянства была лишена всякой поэзии. Так или иначе большинство из них занималось разбоем и грабежом. Сегодня их ожидала добыча, завтра – удары. Последнее случалось, несомненно, так же часто, как и первое. При таких условиях нравственные воззрения этого класса должны были отличаться бесконечной грубостью и низменностью. Что касается половых отношений, здесь царили такие нравы и взгляды, какие ныне мы встречаем среди последних отбросов – профессиональных рыцарей большой дороги. И это было в самом деле так. Любая незащищенная женщина, все равно, носила ли она еще детские башмаки или уже приближалась к старости, подвергалась насилию, разумеется, всей шайки, в руки которой попадала, как господина, так и его слуг. Так же поступали и с женами и дочерьми своих же товарищей по ремеслу. И каждый старался уже заранее отомстить другому, надуть его, так сказать, авансом. Существовала характерная поговорка: «Мужики убивают друг друга, а благородные делают друг другу детей».

В оседлой части низшего дворянства, жившего исключительно трудом крепостных и не занимавшегося благородной профессией грабежа, или потому, что в данной местности нечего было грабить, или потому, что там деревни и города так умели защищаться, что разбой был сопряжен со слишком большим риском, половая нравственность была менее дика, отличаясь, однако, и здесь достаточной снисходительностью. В хронике вюртембергского графа фон Циммерна приведен случай, несомненно типический, прекрасно характеризующий нравственную распушенность мелко-дворянства XV и XVI вв. Жены рыцарей, впрочем, не отличались в большинстве своем такой требовательностью в выборе любовника, как дама, о которой идет речь в указанной хронике, изменившая мужу с другим рыцарем, так как довольствовались охотно «ко-

нюхами, виночерпиями, истопниками и шутами», даже крепостными крестьянами, как видно из пословицы, отвечающей на вопрос: «В какой месяц мужик более всего занят?» — «В мае, так как ему приходится тогда еще ублажать жену своего господина».

Эта нетребовательность объясняет тот удивительный факт, что среди знати и рыцарства встречалось гораздо больше безобразных физиономий, чем среди городского бюргерства. Большинство знатных, по его словам, родились от грязных мужиков и последних конюхов.

Если низшее дворянство представляло класс, находившийся в полном разложении, так как стал экономической ненужностью, то крестьянство, ближе всего стоявшее к феодальной знати и имевшее с ним очень много точек соприкосновения, представляло собой класс, находившийся тогда в процессе полного преобразования. Развившееся денежное хозяйство не сделало его лишним, но оно должно было внутренне совершенно переродиться, так как всюду переходило от производства для собственного потребления и для нужд общины (марки) к производству товарному.

Производителем всех этих предметов становилась деревня. Под влиянием этого радикального переворота изменилась и половая мораль крестьянства. Стерлись прежде всего старые патриархальные отношения внутри семейного союза, и быстрее всего, разумеется, там, где росло экономическое значение крестьянства, увеличивалось число батраков и батрачек и последние превращались из помощников и членов семьи в простых наемных рабочих.

Народная мудрость выразила свой взгляд на супружескую верность крестьян в сжатой поговорке: «Попам нет надобности жениться, пока у крестьян есть жены». И этот взгляд рассказчики новелл и фацевий, авторы масленичных пьес и народные поэты комментируют сотней описаний, примеров, анекдотов и сати-

рических выпадов. Надо, однако, иметь в виду, что в продолжение столетий крестьянин был излюбленным предметом насмешки, что остроумие горожан – все описания крестьянской жизни принадлежат именно перу горожан – с особенной охотой подчеркивало грубость и низменность его вожделений. Такое поведение было, впрочем, совершенно логично. Тип мужика противопоставлялся горожанину не из простого желания злословить и клеветать, ибо это желание могло остановиться и на другом объекте, а потому, что крестьянство было не только угнетенным классом, но и классом враждебным: в интересах бюргерской классовой борьбы было навязать ему всевозможные пороки.

Если мужика изображали не иначе как обжорой, пьяницей, развратником и грубым идиотом, то потому, что таким образом хотели унижить своего классового противника. Но если даже принять во внимание эту общую тенденцию приписывать мужику все грехи и пороки, изображать его вечно обманываемым – и прежде всего, конечно, его собственной женой, – если скинуть с его бюджета даже половину того, что на него наговорили, то и тогда нам придется сказать, что эти описания только до уродливо-смешного преувеличивали основные линии действительности. А что крестьянство действительно отличалось дикостью и грубостью, достаточно объясняется его некультурностью, обусловленной его примитивными экономическими средствами существования. В нем не было и следов какого-нибудь образования, господствовало отчаянейшее невежество. Столь же невежественный священник с его узким умственным горизонтом был единственным источником знания для деревни. При таких условиях разве могли возникнуть среди крестьянства более высокие этические воззрения, более утонченное нравственное чувство? Ничем не сдерживаемое подчинение инстинкту казалось ему высшим блаженством.

Бесспорно известно, например, что процент неза-

конных рождений в деревне всегда был выше, чем в городе. Далее: не менее бесспорно, что все указы, изданные властями против «растления девушек, разврата и прелюбодеяния в деревнях», никак не влияли на жизнь, несмотря на то что постоянно возобновлялись, и обыкновенно даже самые суровые церковные епитимьи не приводили к желаемому результату. Эта неискоренимость нравственной разнузданности имела свои основательные причины.

Изнасилование девушек, например, было во многих местностях просто потому неискоренимо, что по господствовавшему наследственному праву сотни парней были лишены возможности жениться, раз старший брат, наследник двора, еще не обладал определенными средствами или если родители еще не передали детям наследство, не желая удовольствоваться своей «старческой долей». Одно это обстоятельство объясняет нам в достаточной степени тот факт, что в таких местностях все указы против добрачного полового общения оставались безрезультатными, а также и то обстоятельство, что в этих местностях ни для девушки, ни для парня не считалось позором иметь незаконных детей. Надо прибавить еще и то, что в деревне не существовало проституции как суррогата брака или, во всяком случае, не в таком размере, как хотя бы в ничтожнейшем городишке. Это учреждение было деревне, конечно, не потому неизвестно, что открытая проституция не вязалась с воззрениями деревни на нравы и нравственность, а потому, что любовь – товар, который можно обменять почти только на деньги, а деньги имелись у крестьянина лишь в очень ограниченном количестве. Так, оставалось только сходиться с крестьянскими женами и дочерьми, а в более богатых деревнях, где существовала женская прислуга, с последними.

Если среди крестьянства господствовали, естественно, более разнузданные нравы, чем в городе, то

по отношению к батрачкам и служанкам уже, несомненно, господствовал принцип «*chacun pour chacun*». Правда, о положении тогдашней прислуги у нас почти нет никаких положительных данных, так как она не нашла своего историка. Но мы знаем, в каких условиях жила прислуга лет сто тому назад и каковы эти условия во многих местах еще в наше время. Мы знаем, например, что очень часто и теперь еще батраки и батрачки спят в одной комнате, что одежда их часто состоит только из рубахи и штанов, из рубашки и юбки. Если мы приложим к быту прислуги Ренессанса масштаб недавних дней или нашего времени, то придется сознаться, что вся женская прислуга находилась всецело во власти парней, батраков и, кроме того, еще хозяина-мужика. И, несомненно, лишь очень немногие служанки избежали такой судьбы, зато было много таких, которые должны были в продолжение года отдаваться не одному мужчине, бывали вечно беременны и часто сами не знали, кто отец их ребенка, так как все мужчины, бывшие на крестьянском дворе, поочередно обладали ими.

Наряду с рыцарем и крестьянином необходимо здесь упомянуть еще о ландскнехте, вытеснившем в XVI в. рыцарское ополчение. Хотя наемный солдат и является, таким образом, совершенно новой социальной формацией, однако о нем необходимо поговорить именно здесь, так как сходство его жизни с жизнью низшего дворянства наложило сходную печать и на его нравы.

В глазах романтиков всех стран ландскнехт – героическая фигура. Однако он отнюдь не является ею, даже в области военного искусства. В XV и XVI вв. большинство наемников вышло не из Швейцарии, а из Германии. Немецкие наемники составляли главный контингент наемных войск всех государей мира. Они сражались в Италии, Испании, Франции, Германии – словом, везде. И притом безразлично, во имя каких интересов и на службе у какого государя.

Так как условия существования как ландскнех-та, так и разбойничьего мелкого дворянства отличались крайней неустойчивостью, то и наемный солдат жил исключительно одним днем. Любовь, если встречалась на пути, доводилась до разнузданности. Ибо кто знает, что сулит завтрашний день. Женщиной по той же причине завладевали всегда силой, если к тому была возможность, и не прибегали сначала к утонченному ухаживанию. Для крестьянской жены или девушки было еще честью, если ее насиловали тут же на краю дороги или за соседним кустом, а еще большей честью, если сразу претензию на нее заявляла дюжина ландскнехтов, бросавших жребий, чтобы установить очередь. Та же судьба, естественно, грозила всем женщинам, предпринимавшим путешествие без надежной мужской охраны и попадавшим в руки шайки солдат; в таких случаях последние брали аванс в счет выкупа или – если они бывали милостиво настроены – требовали от незащищенных женщин дорожную подать.

О гнусностях всадников и рыцарей XV в. один хронист сообщает следующее: «В особенности страдали женские монастыри. Не щадили даже маленьких девочек, а жен прямо вытаскивали из домов мужей». Такие же сведения имеются у нас и о поведении ландскнехтов в XVI и XVII вв. Эти последние также никого не щадили – ни девочек-подростков, ни старух, ни беременных. Все без исключения подвергались насилию. Особенно варварски, конечно, вели себя ландскнехты при взятии осажденных мест. В таких случаях «право» было ведь на их стороне, и правом этим пользовались, насилуя женщин особенно изуверским образом и потом убивая жертвы своих скотских вожделений. Вот для примера описание событий, имевших место при взятии и опустошении городка, описание, которое мы находим у одного хрониста: «Много замужних женщин и девушек, даже беременных, подверглось насилию как

в самом городе, так и за его чертой. У одной беременной женщины вырвали груди. Двенадцатилетнюю девочку растлили до смерти, изнасиловали даже почти столетнюю старуху. Одну благородную даму так обыскали, думая найти у нее золото, что та от ужаса и стыда скончалась. На глазах у мужа опозорили и увели жену и молоденькую дочку, а его самого убили и т. д.»

Эта картина типична, и из истории Тридцатилетней войны можно было бы привести еще сотню подобных описаний. В этой области прогресс мог совершиться и совершался лишь очень медленно. Только самопомощь, к которой в отдельных случаях прибегали крестьяне и бюргеры, ставила некоторую преграду подобным насилиям.

Все сказанное здесь о ландскнехтах вполне приложимо и к морали большой дороги, кишевшей тогда всевозможными отбросами. О Баварии XVI в., например, сообщается: «Страна изобиловала бывшими ландскнехтами и солдатами, ставшими ворами и разбойниками, разнузданными голодными бродягами и босяками всех видов». Немало преступных элементов встречалось и среди «бродячего люда», среди тех многих людей без рода и племени, которыми тогда были полны проезжие дороги. Разумеется, в них нельзя видеть только преступников. Но, с другой стороны, не следует забывать, что среди бродячего люда находилось много разбойников, так как и эта группа еще в большей степени, чем ландскнехты, вербовала своих членов среди деклассированных. Там, где разбойники были в большинстве, они, разумеется, не просили милостыню и не вступали в переговоры, а удовлетворяли свои желания силой — грабили, убивали, насиловали. Что даже и на улицах многих городов честь женщины никогда не была в безопасности, видно из частых и строгих указов городских властей, направленных против возраставшего числа «насилий над честными женщинами и девушками», а также из постановлений, которые запрещали женщи-

нам с наступлением темноты выходить на улицу без света и без мужской охраны.

Там, где любовь сведена к удовольствию, на первом плане стоит принцип разнообразия. Это разнообразие достигается одновременным половым общением с несколькими мужчинами или несколькими женщинами. Тенденция эта главным образом выражается в возникновении института постоянной любовницы или постоянного любовника. Муж имеет кроме жены еще одну или несколько метресс, порой тут же в своем доме. Гейлер из Кайзерсберга пишет: «Есть и такие мужчины, которые содержат в своем доме рядом с женой еще публичную женщину». Жена часто не только супруга, но и метресса другого, порой третьего и т. д. Большинство сексопсихологов ошибочно называют это «прирожденной склонностью женщины к проституции», потому что исходят из отдельных индивидуальных случаев. На самом деле это социальное и потому заурядное явление, обусловленное вышеприведенными экономическими причинами.

Бесчисленное множество мужчин в таких классах и в такие эпохи находят совершенно естественным, что их жены имеют любовников или являются метрессами других. Надо, впрочем, заметить, что чаще всего здесь сказывается рафинированность мужей, а не их снисходительность или справедливость, предоставляющая другим те же права, какие они сами присвоили себе. Мужчина находит у проститутки больше наслаждения — ибо она утонченнее решает проблему любви, сведенной к простому удовольствию, — и потому превращает в проститутку свою собственную жену. Молчаливым соглашением является при этом требование, чтобы жена, сходясь с любовником, избегала беременности. Только беременность дискредитирует, потому что компрометирует не самый факт, а только неловкость, неумение соблюдать правила любви, ибо любовь не более как игра.

Женская неверность ограничена, таким образом,

исключительно неудобными последствиями. Вместе с тем в таком классе совершенно видоизменяются и понятия о «приличии». Приличным считается муж, уважающий права любовника и умеющий так устроить дело, что ни любовник, ни жена не попадают перед ним в неловкое положение. В нужный момент он покинет комнату или квартиру, никогда он не появится на сцене в неурочный час – если бы он поступил иначе, он нарушил бы правила приличия.

Воплощением добродетели считается в такие эпохи женщина, отдающаяся другим только в период беременности, виновником которой является ее муж, так как последний уже не рискует в таком случае воспитать детей, принадлежащих не ему. «Беременная женщина не может быть неверной», – гласила распространенная поговорка.

Под влиянием этого меняется и жизненная мудрость женщины. Один современник говорит: «Как только женщина забеременеет, она уже считает, что не может оскорбить мужа и сделать его рогоносцем, и ни в чем не отказывает своим друзьям». Последствия этой философии обрисовывает поговорка: «Беременные женщины отдаются тем охотнее». Однако жена не всегда становится матерью от мужа, вместе с тем она желает избежать последствий и от связи с любовником, не отказываясь, однако, от радостей незаконной любви. Как быть в таком случае? Очень просто. Не следует ограничиться одним любовником, надо их иметь несколько. «Кто живет одновременно со многими мужчинами, не может забеременеть», – гласит поговорка.

В своей истории города Любека Бекер сообщает о том, как жаждавшие любви патрицианские жены, которым обстоятельства не позволяли держать официального любовника, вознаграждали себя за потерю любовных наслаждений: «В 1476 г. жены патрициев Любека отправлялись вечером под густой вуалью в винные по-

гребки, чтобы в этих очагах проституции удовлетворять свои желания, оставаясь неузнанными».

Налицо те же методы, как в императорском Риме. И в этом нет ничего удивительного: экономическая ситуация культурных наций в эпоху Ренессанса походила на экономическое положение Рима.

Институт любовников и метресс получил наиболее ясно выраженный официальный статус при дворах и среди придворной аристократии. Каждый князь содержал фавориток, т. е. при каждом дворе существовала целая свита обворожительных проституток. Большинство из них принадлежало к придворной аристократии, но и бюргерство поставляло очень часто метресс для княжеского ложа. Генрих VIII, король Англии, по очереди пригласил двух хорошеньких дочек пекарей, Людовик XI Французский имел несколько метресс из горожанок, бранденбургский курфюрст Иоахим I жил с развратной вдовой литейщика. Можно было бы привести сотню имен. Придворные дамы часто составляли не что иное, как официальный гарем князя. Приобщение к чину придворной дамы значило часто не более, как то что данная дама удостоилась чести украсить ложе короля или чести принять на своем ложе его или принцев. О дворе Франциска I Соваль сообщает, что здесь каждая придворная дама в любой момент была обязана удовлетворять султанские прихоти короля:

«Король любил наносить неожиданные ночные визиты то одной, то другой придворной даме. Комнаты дам были так устроены, что король в любой момент мог явиться к ним, имея ключ от каждой комнаты».

И те же нравы господствовали при многих других дворах. Так как назначение в чине придворной дамы здесь было равносильно назначению метрессы, то тем из придворных, жены которых отличались особенной пикантностью или красотой, приходилось в продолжение десятилетий делиться ими с королем, а потом на протяжении многих лет – с дюжиной дру-

гих мужчин, принцев и фаворитов. Для дамы это не считалось позором, ибо всеми признанная логика абсолютизма гласила: «Кто разделяет ложе с королем, не совершает позорного поступка, кто отдается маленьким людям, становится проституткой». Мужья, естественно, имели это в виду и порой даже строили на этом весь свой брак. В таких случаях «права» жены прямо заносились в брачный контракт, чтобы потом не возникало недоразумений. Брантом рассказывает о подобном случае: «Я слышал об одной благородной даме, которая при заключении брака выговорила у мужа право свободно отдаваться при дворе любви... В виде вознаграждения она выдавала ему ежемесячно тысячу франков карманных денег и ни о чем другом не заботилась, как только о своих удовольствиях».

Если же находился муж настолько наивный, что отказывался понимать логику абсолютизма, то ему ее внушали таким убедительным образом, что он прекрасно усваивал ее. Доказательством служит следующий случай, произошедший при дворе Франциска I. Хронист рассказывает:

«Мне передавали, что однажды король Франциск хотел провести ночь с дамой, которую любил. Он встретил ее мужа со шпагой в руке: муж намеревался ее убить. Однако король направил свою шпагу ему в грудь и под страхом смерти приказал не трогать ее. Если он только посмеет хоть тронуть ее, король или убьет его, или велит отрубить ему голову. Он показал мужу на дверь и сам занял его место. Эта дама могла считать себя счастливой, что нашла такого покровителя, так как муж ничего ей не говорил и предоставил ей полную свободу действия.

Мне передавали, что не только эта дама, но и многие другие пользовались покровительством короля. Многие люди в годы войны, желая спасти свои владения, украшают ворота королевским гербом. Так же

точно многие женщины пришивали к платью королевский герб, так что их мужья ничего не могли им сказать, если не хотели лишиться жизни».

Разврат был, разумеется, не только самоцелью, не только вулканическим извержением таившихся в недрах эпохи сильных страстей и вожделений, но в большинстве случаев также и средством к цели. После того как любовь получила товарный характер, она стала в эту чувственную эпоху наилучше оплаченным товаром и вместе с тем наиболее ходким предметом торговли. Во всех переулках и на всех площадях стояла Венера и бесстыдно выставляла напоказ свою пышную красоту. Она стояла особенно охотно перед каждой дверью, за которой царили власть и могущество. Обладательница телесной красоты могла там получить в обмен на свою любовь не только деньги, но и власть, положение, права. И она на самом деле выторговывала все это для себя, для мужа, для братьев, для семьи.

Для большинства молодых аристократок красота была тем капиталом, который они пускали в оборот и который почти всегда приносил им ростовщический процент. В своем описании английского двора конца XVI в. англичанин Вильсон говорит: «Многие молодые аристократки, очутившиеся благодаря расточительной жизни родителей в стесненном положении, смотрели на свою красоту как на капитал. Они приезжали в Лондон, чтобы продать себя, добивались значительных пожизненных пенсий, выходили затем замуж за выдающихся и состоятельных людей, и на них смотрели как на благоразумных дам, даже как на героические умы».

Повинуясь эротическим капризам могущественного покровителя, немало дам завоевали себе и мужьям общественное положение. Ничто так не просвещало князей относительно выдающихся способностей их подданных, как любовные таланты их жен. Соблазнительная красота жены, дочери или сестры упрощала

самые сложные юридические дела. Для бесчисленного множества судей не было более убедительного аргумента, более серьезного довода в пользу обвиняемого, как прекрасная грудь или очаровательное тело его жены, в особенности если она была не прочь впустить судью в этот эдем.

Чем неблагороднее были средства, пускавшиеся в ход аристократией в борьбе за место королевской любовницы, тем выше была гордость плебеев, если женщина из этого класса побеждала своих аристократических конкуренток. И не только ее семья, удостоившаяся такой чести, утопала в блаженстве, если дочь или жена попадали в чин королевской любовницы, но часто и все бюргерство данного города исполнялось гордости и видело в этом честь, выпавшую на долю всего класса. В этой подробности ярко сказался характерный для эпохи и для классового развития момент.

Если, по мнению этих общественных кругов, высшим счастьем, которое могло выпасть на долю хорошенькой женщины, было стать королевской метрессой, то удостоиться внимания герцога, графа, кардинала, епископа, даже простого дворянина тоже было незаурядной честью... В конце концов на свете существовал только один король и один папа. Карьеру же сделать хотелось каждой. Так ужели же не отдать тот чудесный капитал, который представляла собой физическая красота дочери или жены, в руки какого-нибудь платежеспособного и влиятельного аристократа? Очень многие порядочные мещанки придерживались поэтому всегда того мнения, что их любовный капитал должен по крайней мере таким образом приносить как можно больший процент.

Эта столь обычная гордость горожан карьерой проститутки, делаемой их женами, представляла собой, впрочем, вполне естественное проявление исторической ситуации. Везде там, где абсолютизм достигал господства — например в таких городах, как Париж,

Лондон, Рим, Вена, Мадрид, и, кроме того, во многих епископствах, — вся буржуазия очень быстро попадала в полную экономическую зависимость от двора и поэтому логически воспринимала и его «мораль».

Многие мужчины бывали часто усерднейшими сводниками своих жен и дочерей, и столько же браков были лишь замаскированными сводническими предприятиями. Эти мужья следующим образом доставляли добычу своим женам: «Они говорят любовнику: жена моя расположена к вам, она даже любит вас. Навестите ее, она будет рада. Вы можете поболтать и развлечься».

Другие стараются объяснить своим женам ситуацию таким образом:

«Такой-то в тебя влюбился. Я хорошо его знаю. Он часто у нас бывает, из любви ко мне, дорогая, прими его ласково. Он может доставить нам немало удовольствий, и знакомство с ним может быть для нас полезно».

И когда означенный друг явится, он всегда найдет красавицу жену не только одну, но вдобавок еще в восхитительном неглиже, которое и самого неуклюжего мужчину заставит найти подходящие слова. «Да и как могла бы умная жена лучше исполнить желания мужа?» И хитрая женщина превосходно умеет использовать ситуацию: «Как только друг чувствует любовный жар, ему приходится оставить золото и серебро, плащ и шубу, одежду и башмаки».

Конечно, не одни только мужчины были виновны в том, что их «благочестивые жены становились публичными женщинами», и не им одним принадлежала инициатива. Сами жены прекрасно знают, какой спрос существует у «попов и дворян» на капитал, скрывающийся под их платьем, и, если муж отказывается купить красивые наряды и украшения, жена грозит ему просто отправиться к «монахам и попам и позволить им полакомиться ею».

«Желаю, чтобы тебя лихорадка взяла! Если ты не

купишь мне наряда, я побегу к монахам, к дворянам, к попам. Они купят мне платье, за которое я, как все, заплачу своим телом».

Если женская неверность и свободное половое общение женщин и считались тогда в этих классах самым естественным явлением, то отсюда не следует заключать, что оно было вместе с тем и самым простым и безопасным делом. Лицом к лицу с изображенными здесь кругами и индивидуумами стояло немало и таких мужей, которые с величайшей страстностью и ревностью охраняли свои самодержавные права на супружеское ложе. В этих случаях жена должна была домогаться посторонней любви на собственный риск и страх. А если она так поступала, то это очень часто грозило жизни как неверной жены, так и любовника, посягнувшего на чужую собственность. «Отсутствию предрассудков» у одних вполне соответствовала жестокая мстительность других, когда они застигали виновника на месте преступления.

Наиболее распространенное наказание заключалось, как и во все времена, в том, что муж избивал обоих провинившихся. Часто он призывал соседей, чтобы выставить обоих прелюбодеев на публичное осмеяние, но так поступали только глупцы, забывавшие, что они тем самым выставляют напоказ свой собственный позор и сами же ставят себя в неловкое положение. Такого позора муж избегает только тогда, когда убивает обоих. Циники мстят так, что сначала подвергнут любовника на глазах неверной жены гнусному наказанию, а потом уже убивают его. Такие акты мести рассказаны нам многими новеллистами. Другая разновидность циничной мести состояла в том, что муж кастрировал любовника, а жена должна была присутствовать при этой ужасной процедуре, о чем у нас также имеется немало сообщений. Самое дьявольское наказание, какое только мог придумать обманутый муж, приписывается одному итальянскому дворянину, ко-

торый имел право считать самого себя чрезвычайно сильным в любви. Так как его жене и этого было мало и она все-таки отдавалась любовникам, то он заметил цинично: «Надо дать ей возможность хоть раз в жизни насытиться» – и передал ее в руки двенадцати оплаченных носильщиков и гребцов, пока несчастная не скончалась, что произошло на третий день.

Жестокой мести обманутого мужа соответствовал не менее жестокий прием предусмотрительного мужа искусственно обеспечить себе находившуюся в опасности верность жены. Мы имеем в виду механические средства защиты ее физической верности, которыми пользовались мужья в эпоху Ренессанса.

Как ни высоко ставила вся тогдашняя жизненная философия действие моральной проповеди, прославляя на все лады целомудрие, все же более хитрые мужья думали: «Чем безопаснее, тем лучше». И это «лучшее» находили в том, что дьяволу – в данном случае дьяволу разврата – ставили ножку, портили ему игру. А этой цели лучше всяких моральных принципов и восторженных похвал целомудрию достигали, по мнению предусмотрительных мужей, прочные механические средства, «запиравшие вход в эдем земной любви». Раз жена знала, что она лишена возможности удовлетворить просьбы любовника, то могла при необходимости сделаться добродетельной, отвергнуть с гордым выражением лица на шептывания алчного ухаживателя и с более спокойной совестью победить собственные дурные мысли.

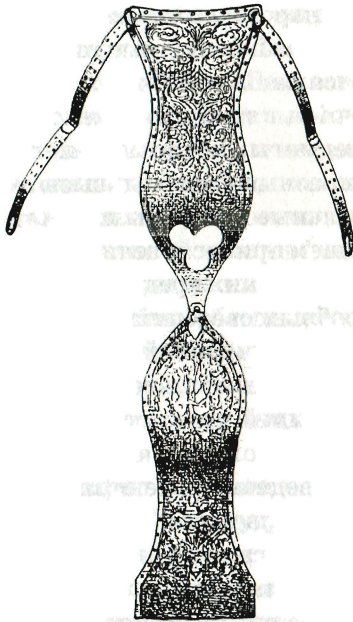
Эта философия привела к изобретению железного охранителя целомудрия, известного под названием «пояса целомудрия», или «пояса Венеры». Он был устроен так, что носившая его на себе женщина могла исполнять свои естественные потребности, но не половой акт, и запирался очень сложным замком, ключ от которого находился в руках мужа, жениха или любовника.

«Пояс целомудрия» был, бесспорно, не единственным техническим средством, которым пользовались

против неверности женщин. В народных низах, по всем вероятиям, были в ходу приемы, аналогичные тем, которыми еще теперь пользуются на Балканском полуострове. Эти приемы заключаются в том, что в женский половой орган вводятся предметы, которые нелегко изъять, или впрыскиваются разные кислоты, вызывающие длительные воспалительные процессы и доставляющие женщине при малейшем прикосновении самые ужасные боли. Об употреблении таких средств в эпоху Ренессанса у нас более подробных сведений не имеется, и только косвенно, исходя из внутренней логики явлений, мы вправе заключить, что ревность господского права отличалась тогда не меньшей продуктивностью и жестокостью, чем теперь.

Безусловно достоверные сведения имеются у нас об употреблении «пояса Венеры», а также о распространенности этого средства. Установлено, что им пользовались во всех странах, и притом на протяжении целых столетий. Правда, вплоть до последнего времени существование этого технического средства обеспечения женской верности подвергалось сомнению. Романтики, идеализирующие прошлое, ни за что не хотели допустить возможности подобной жестокости или в крайнем случае относили его употребление к Средним векам, к эпохе крестовых походов. Поступая так, можно было оправдать применение этого средства тем, что рыцарь пользовался им поневоле не только для того, чтобы обеспечить себе верность жены во время своего отсутствия, а главным образом для того, чтобы обезопасить ее от возможного изнасилования.

Иногда «изящная решетка Венеры» – первый подарок, подносимый молодым мужем своей молодой жене на другое утро после свадьбы. Она так наивна, что не знает, что делать с этим подарком. Муж объясняет любопытной, для какой цели она должна носить это своеобразное украшение, и сам опоясывает ее им. «Отныне закрыта возможность преступной любви»,

*Серебряный пояс целомудрия.
Музей Ключи. XVI в.*

и жена носит эту «лучшую защиту добродетели почтенных женщин» всегда тогда, когда не покоится рядом с мужем. Когда патриций или феодал отправляется в далекие страны, он заказывает для своей «похотливой жены друга, который лучше всего сумеет защитить ее верность». Этот надежный друг — «узда из железа, которой можно укрощать похотливых женщин» даже тогда, когда муж находится на чужбине.

Однако эпоха, изобретшая «пояс целомудрия», сейчас же нашла выход в воровском ключе. Мы узнаем, что тот же

торговец, который продавал мужьям за большие деньги «пояс целомудрия», в то же время продавал их женам за не меньшие деньги второй ключ — «противоядие против морали». Пословица выразила фатальную мораль истории в следующих сжатых словах: «На женщину, которая не желает защищаться, ты тщетно наденешь пояс».

Если такая «Гименеем на замок запертая» дама сама не имела второго ключа, то для могущественного человека, который натыкался у снисходительной к нему дамы на такое препятствие, не было особенной трудностью найти ловкого слесаря, способного в несколько часов открыть сложный замок и соорудить другой ключ, при помощи которого любовник мог впредь по своему усмотрению отпирать мешавшие его

предприимчивости врата и снова их запирают, не возбуждая в муже дамы ни тени подозрения.

Большинство женщин, как упомянуто, однако, сами обладали вторым ключом, который и передавали вместе с любовью избранному мужчине.

Однако то, что эпоха, создавшая «пояс Венеры», изобрела и второй ключ, так что защита против женской неверности становилась не более как иллюзорной, — это только одна, и притом далеко не самая крупная, фатальность. Главная ирония заключалась в том, что «пояс целомудрия», усыпив бдительность ревнивых мужей, сделался главным виновником неверности их жен. Муж уже не боялся галантных шуток, которые позволяют себе с его красавицей женой гости или друзья, и потому чаще и дольше отсутствовал дома, чем делал бы при других условиях. Так создавались сотни ранее не существовавших возможностей для измены. И вполне в порядке вещей, что жены в большинстве случаев старались использовать все эти сотни возможностей. Или, как говорила пословица: «Пояс целомудрия с замком только усиливает неверность жен». И таков в самом деле итог всех сообщений и описаний, посвященных применению этой защиты женской верности.

Глава 3

НРАВСТВЕННОСТЬ ЦЕРКВИ

Говоря о церкви эпохи Возрождения, мы всегда имеем в виду только римско-католическую церковь, так как принципы евангелически-лютеранской или протестантской лишь значительно позднее стали фактором, ощутимо влиявшим на общественную и частную нравственность.

Так как римская церковь представляла столь же

грандиозную, как и важную социальную организацию в организме европейского человечества, то и ее специфическая половая мораль, вытекавшая из особых условий ее существования, сделалась как в теории, так и на практике такой же важной составной частью общей публичной и частной нравственности.

Главным оплотом римской церкви были монахи и монастыри.

Монастыри были в Средние века единственными очагами науки. Здесь жили первые врачи, обладавшие лучшими средствами против болезней людей и животных, чем знахарки. Здесь учились читать, писать, считать, только здесь систематически культивировали и развивали искусство письма. В монастырях возникла прежде всего и женская эмансипация – столетиями раньше, чем в среде имущего бюргерства, ибо они эмансипировали женщину задолго до того времени, когда возникло бюргерство. Достаточно вспомнить многочисленных ученых игумений, аббатис-писательниц. Эта эмансипация была, разумеется, возможна только потому, что здесь впервые были налицо благоприятствовавшие ей экономические условия. По той же причине в монастырях расцвели и разные искусства, высшие проявления культуры.

Совокупность этих факторов объясняет нам продолжавшееся столетия господство монахов и церквей. Вот истинные причины их власти, а не молитвы и песнопение.

К этому базису следует свести и главную основу монашеской жизни – институт безбрачия, если мы хотим понять это явление в его сущности, в его исторической обусловленности и, следовательно, уяснить себе его конечные последствия.

Однако кровь сильнее искусственных сооружений, и обуздать, поработить ее удалось только у части клира. Самые строгие указы и наказания оставались поэтому безрезультатными. Стали распространяться са-

мые отвратительные, противоестественные пороки. В конце концов им служили совершенно открыто и так же открыто трактовали указы, направленные против них.

На церковном соборе в Париже было постановлено следить за тем, чтобы «монахи и каноники не предавались содомии», чтобы «все подозрительные двери к спальням и другим опасным местам тщательно заделывались епископами», чтобы «монахини не спали на одной кровати», и т. д. Так как причина, вызвавшая подобные пороки, продолжала существовать, то все эти меры были действительны только в отдельных случаях. Вот почему делали все больше уступок, а делать эти последние было тем легче, что в celibате речь шла не о принципиальном воздержании, а лишь, как было указано, об устранении той формы половых отношений, которая могла сократить источники доходов и сферу господства папы.

Отрицая за клиром право на брак, ему разрешали

Сводник-монах и крестьянин. Немецкий рисунок. 1523

иметь наложниц. Влиятельный французский церковный учитель Жерсон следующим образом оправдывал невоздержание монахов: «Нарушает ли священник обет целомудрия, удовлетворяя свою половую потребность? Нет! Обет целомудрия касается только отречения от брака. Священник, совершающий даже самые безнравственные поступки, не нарушает, стало быть, своего обета, если совершает эти поступки как нежелательный». Жерсон только слегка ограничивал эту свободу священников: «Старайтесь делать это тайком, не в праздничные дни и не в священных местах и с незамужними женщинами».

Аргументы Жерсона стали, так сказать, догматическими взглядами. Чего же еще? Так как приходилось спасать кошелек, которому угрожала опасность, то как было не рискнуть высокой ставкой. В конце концов изобрели еще причину, как будто бы оправдывавшую право на наложницу в интересах самих же верующих. В другом месте тот же Жерсон говорит: «Для прихожан является, конечно, большим соблазном, если священник имеет наложницу, но было бы для них еще большим соблазном, если бы он оскорбил целомудрие одной из своих прихожанок».

Во всяком случае, таким образом был найден путь, удовлетворявший обе стороны, и вопрос о celibате был решен в духе и – что важнее – в интересах церкви. Священник получал возможность иметь содержанку, епископская, равно как и папская, касса открыла источник постоянных доходов, а опасность, которой священнический брак грозил папству, была устранена. На соборе в Павии в 1020 г. папа Бенедикт VIII обвинял духовенство главным образом в том, что оно грешило публично и демонстративно. Епископ Дамиани писал также в XI столетии: «Если бы священники предавались разврату тайком, то его можно было бы терпеть, но публичные содержанки, их беременные животы, кричащие дети – вот что не может не оскорб-

лять церкви». Порой, правда, папы чувствовали угрызения совести за свою снисходительность, и, объятые священным негодованием, они тогда повышали епитимьи, повышали подати, которые должны были платить священники, жившие в незаконном браке, и притом повышали значительно. Такой священный гнев имел свои две хорошие стороны: он тяжелее карал грешников и обогащал церковную кассу.

Распространенность среди духовенства конкубината имела огромные размеры.

Так как источники доходов церкви коренились в эксплуатации чужого труда, то конкубинат не служил только удовлетворению естественной потребности, что могло бы представить более высокую форму половых отношений, чем большинство чисто условных браков, а должен был выродиться повсеместно в систематизированный разврат. Это должно было случиться притом очень рано, ибо такова была естественная логика. Уже в начале XII в. аббат Руперт из Дейца, недалеко от Кёльна, сообщает: «Те из священников, которые воздерживаются от брака, так как он противоречит законам церкви, тем не менее отнюдь не ведут воздержанного образа жизни, напротив, они ведут себя тем хуже, что никакая супружеская связь не обуздывает их, и они тем легче могут переходить от одного предмета наслаждения к другому».

Такова схема, сохранявшаяся на протяжении столетий.

Нравственная разнузданность была, следовательно, правилом, обусловленным исторической ситуацией. Разнузданность же не знает ни границ, ни удержу. Ее стихия – разнообразие. Так сама собой она доходит всегда до оргии. Тысячи монастырей становились «очагами бесстыдства и всяческих пороков». Нигде культ Приапа и Венеры не был до такой степени распространен. «Монахиня» и «проститутка» были часто синонимами. Одна пословица гласила: «Она мона-

хиня или девка», другая: «Внизу девка, сверху святая», третья: «Когда поп ржет, монахиня открывает ворота». По мнению народа, на свете вообще не существовало целомудренных монахинь. «Были только три целомудренные монашки: одна убежала, другая утонула, третью все еще ищут». Монахи, по общему убеждению, занимаются только скверной.

Масса монастырей были самыми бойкими домами терпимости. По этому поводу сложилось немало поговорок: «Августинка по ночам всегда хочет иметь на подушке две головы»; «Во многих монастырях под постелью найдешь всегда пару разных туфель»; «Сорная трава растет во всех садах», — сказал приор, когда брат-монах увидел утром у него под кроватью женские башмаки». Тайный секретарь Буркхарт сообщает о Риме: «Почти все монастыри города стали вертепами». И то, что верно относительно Рима, приложимо и ко всему христианскому миру.

В Германии, Испании, Франции и, разумеется, в Италии было немало монастырей, в которых ни одна келья не оставалась без ночного посетителя, мужчины или женщины. Во многих местностях монастыри были излюбленными гостиницами окрестного дворянства. Нигде бравый рыцарь не мог рассчитывать на более гостеприимный прием, нигде Венера не доставляла ему столько развлечения. Здесь гости веселились и безобразничали больше, чем в женском притоне, да к тому же заезжему гостю не приходилось ничего платить. От него требовали только силы и в изрядной дозе, как сообщают многочисленные новеллы и шванки. Так как монастыри были часто самыми интересными домами веселья, то порой дворяне наезжали целыми ордами и оставались там несколько дней, чтобы насладиться танцами, игрой, музыкой и всеми дарами Венеры. Как нам известно из многих сообщений, монахини во время таких визитов соперничали с опытнейшими жрицами любви. В девяноста из ста случаев

Бесчестность поповских любовниц

веселье завершалось общей оргией, падали все преграды, и желаниям не было удержу и помехи.

Очевидно, женские монастыри уже рано превратились в «дворянские дома терпимости», а монахи, по видимому, были не очень довольны конкуренцией мирян. Такой вывод можно сделать из того факта, что монахиням выдавались своего рода премии, если они согрешили с клириком. Такой грех считался менее великим. Доказательством может служить следующее заявление магистра Генриха из ордена мендикантов (нищих) в Страсбурге. Документ относится к 1261 г.

«Если монахиня, поддавшаяся искушению плоти и человеческой слабости, нарушит обет целомудрия, то вина ее меньше и она заслуживает большего снисхождения, если отдается клирику, чем если согрешит с мирянином».

Клирики никогда не оставались в дураках, тем более что, по общему убеждению, они отличались особенной одаренностью в делах любви. Об этом единодушно толкуют все сатирики – Аретино, Рабле, авторы шванков. К ним присоединяются и поговорки: «Он

силен, как кармелит», или «Он развратен, как брат-тамплиер», или еще грубее: «Похотливые женщины чувят кармелита по платью», или «Истого капуцина женщины чувят уже издали».

Последствия развратной жизни монастырей должны были прежде всего сказаться в том, что «стены их оглашаются не столько псалмами, сколько детским криком». Поговорки отражают этот факт, который был слишком обычным. «Странно, что черные куры несут белые яйца», – сказала монахиня, удивляясь, что ее ребенок не похож на черного бенедиктинца», «Никто не застрахован от несчастия!» – сказала монахиня, родив близнецов». Поговорки подчеркивают, что явление это было именно обычным. «Женский монастырь без родильного приюта то же, что крестьянский двор без стойла».

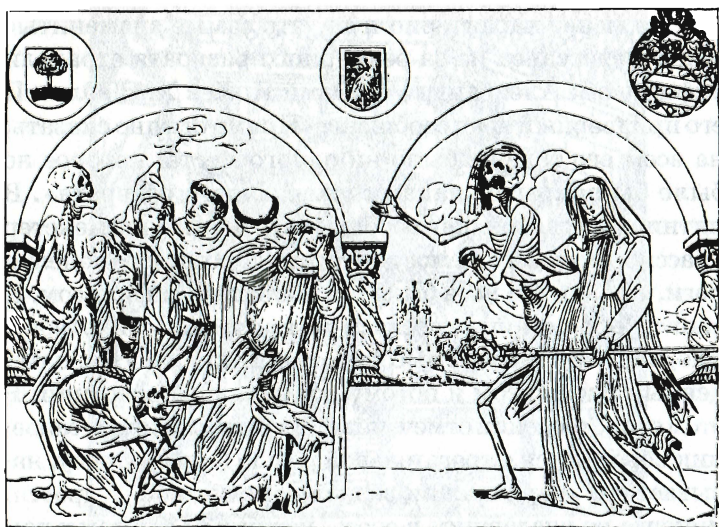
Следующее последствие этого разврата носило уже более мрачный характер. В монастырях «грехом» также часто считали только рождение детей, тем более что оно было связано со всякими неудобствами. В женских монастырях процветали поэтому как детоубийство, так и аборт. Циммернская хроника сообщает: «Что сказать о таких монастырях, где монахини часто рожают детей? Да поможет им Бог, чтобы дети по крайней мере родились живыми, воспитывались бы во славу Божию и не убивались бы, а то существует слух, будто около таких монастырей имеется пруд, в котором запрещено ловить рыбу неводом и воду из которого никогда не выпускают, а то, пожалуй, найдется кое-что, могущее навлечь на монастырь позор и плохую молву».

Другой хронист, Дитрих Нимский, сообщает о монастырях Бремена, Утрехта и Мюнстера: «Монахи и монахини живут вместе в монастырях и превращают их в дома терпимости, в которых совершаются самые гнусные преступления. Монахини убивают собственных детей».

Так как рождение ребенка монахиней считалось величайшим преступлением, то еще более процветал аборт. Братья Тейнер доказывают в своем исследовании о безбрачии священников, богатом ссылками на источники, путем потрясающих примеров, что «монахини, готовившиеся стать матерями, подвергались самому ужасному обращению как раз в наиболее бесстыдных монастырях». Это логично, и всегда так бывает: чем безнравственнее проститутка, тем более дорожит она репутацией.

Если таковы были нравы низа церковной иерархии, то ее верхушка утопала в не меньших пороках и грязи. Бесчисленное множество пап являлись для низшего клира положительно классическими образцами нравственного одичания. Говоря своим образным языком, народ попадал прямо в цель, когда называл известных пап не «его римским святейшеством», а «его развратным святейшеством» или называл многих кардиналов «бесстыдными псами».

Н. Мануэль. Вторжение смерти в веселый монастырь

Красноречивым комментарием к этим эпитетам служит не одна грязная страница из истории папства. Об Иоанне XXIII Дитрих Нимский сообщает, что он, «по слухам, в качестве Болонского кардинала обесчестил до двухсот жен, вдов и девушек, а также многих монахинь».

Еще в бытность свою папским делегатом в Анконе Павел III должен был бежать, так как изнасиловал молодую знатную даму. Ради кардинальской шапки он продал свою сестру Юлию Александру VI, а сам жил в противоестественной связи со второй, младшей сестрой. Бонифаций VIII сделал двух племянниц своими метрессами. В качестве кардинала Сиенского будущий папа Александр VI прославился главным образом тем, что в союзе с другими прелатами и духовными сановниками устраивал ночные балы, где царила полная разнузданность и участвовали знатные дамы и девушки города, тогда как доступ к ним был закрыт их «мужьям, отцам и родственникам». Пий III имел от разных метресс не менее двенадцати сыновей и дочерей.

Не менее характерно и то, что самые знаменитые папы Ренессанса из-за безмерного разврата страдали сифилисом: Александр VI, Юлий II, Лев X. О Юлии II его придворный врач сообщает: «Прямо стыдно сказать, на всем его теле не было ни одного места, которое не было бы покрыто знаками ужасающего разврата». В пятницу на святой, как сообщает его церемониймейстер Грассис, он никого не мог допустить до обычного поцелуя ноги, так как его нога была вся разъедена сифилисом. К эпохе Реформации относится сатирическое стихотворение, вложенное в уста высокого сановника с носом, изъеденным сифилисом и потому подлежащим операции. В этом стихотворении отмеченный печатью сифилиса сановник обращается с трогательной речью к своему носу, называет его «кардиналом, зеркалом всяческой мудрости, никогда не впадавшим в ересь, истинным фундаментом

церкви, достойным канонизации» и выражает надежду, что «тот еще станет со временем папой».

В одном из своих знаменитых «Писем без назначения» – они были адресованы всему миру – Петрарка дал правильную характеристику не только своего времени, но и будущего, говоря: «Грабеж, насилие, прелюбодеяние – таковы обычные занятия распущенных пап; мужья, дабы они не протестовали, высылаются; их жены подвергаются насилию; когда забеременеют, они возвращаются им назад, а после родов опять отбираются у них, чтобы снова удовлетворить похоть наместников Христа».

К этим, так сказать «естественным», порокам присоединялись в не меньшем размере пороки противоестественные...

Церковь нарушила бы свои священнейшие традиции, если бы не извлекла из этих пороков выгоду для

Похотливый монах. Немецкий рисунок

себя. Как рассказывает голландский богослов Вессель, долго проживший в Риме, бывший другом папы, за известную плату папы разрешали и противоестественные пороки.

Весьма понятно, что священники и монахи систематически злоупотребляли находившейся в их руках властью не только для того, чтобы эксплуатировать народ как массу в экономическом отношении, но и для того, чтобы его поработить своим личным прихотям, своим чувственным удовольствиям. Похотливость монаха возбуждалась, естественно, не только при виде физических достоинств невест Христа, но и при виде пышного корсажа здоровенной крестьянки или хорошенькой мещанки. «Не только тело монахинь вкусно», – воскликнул патер, протягивая свои руки к крестьянке. Вожделения монахов вспыхивали даже чаще и скорее лицом к лицу с женщинами из простонародья, так как ввиду исполняемых ими религиозных функций монахи чаще и ближе соприкасались с ними, чем с монахинями. К тому же здесь последствия их любовных походов сопровождалась для них меньшей опасностью или во всяком случае меньшими неудобствами. Если в интересном положении оказывалась жена крестьянина или бюргера, то виновник из духовенства мог и не заботиться о дальнейшем, так как истинной причиной мог считаться ее муж. По этой причине его священническая деятельность открывала ему здесь безграничные возможности наслаждения, которых он жаждал. Развратник-клирик мог удовлетворять свои желания с десятками, даже сотнями женщин.

Как только слуга церкви стал в итоге происходившей эволюции человеком, исключительно жившим для наслаждения, он начал систематически пользоваться властью церкви, ее средствами господства в интересах своей развратной жизни. Главным из этих средств была исповедь. Исповедь и исповедальня доставляли условия, наиболее благоприятные для совращения женщин.

Исповедник имел не только право, но и обязанность задавать самые интимные вопросы. Таким путем исповедь становилась важнейшим и сильнейшим средством политического господства церкви, а похотливый священник мог одновременно служить и церкви и себе.

Развращенная фантазия бесчисленного множества из них отдавалась этим путем без удержу наслаждению соращения любого невинного существа, приходившего с ними в соприкосновение, купалась в утонченном удовольствии, которое доставляли им интимнейшие сведения, сообщавшиеся им самой же прекрасной «грешницей», имела возможность довести до высшего эротического возбуждения невинную девушку, невесту, мечтающую о дне свадьбы, или молодую замужнюю женщину.

В исповедальне проходили не одни только воображаемые оргии. Порабощенные властью церкви над душами, миллионы женщин лишались не только духовного, но и физического целомудрия. Нигде так легко не усыплялась совесть, не устранились сомнения: ведь

Пострижение дочери в монахини. Немецкий рисунок

Сатира на распутство монахов и монахинь

священнику было достаточно объявить грех своей жертвы добродетелью. Сотни тысяч невежественных женщин были искренно убеждены, что совершают богоугодное дело, охотно исполняя самые дикие прихоти исповедника. Так как бывали исповедальни, где Приапу и Венере поклонялись более дерзко, чем в самом бойком доме терпимости, то существовало столько же общин, где не только все зрелые девушки, но и вообще все женщины, обладавшие еще хотя бы намеком на красоту, без исключения принадлежали к гарему священника. В таких местностях матери часто качали на руках детей, обязанных своим существованием только активному участию, которое духовный пастырь принимал в благе своих прихожанок.

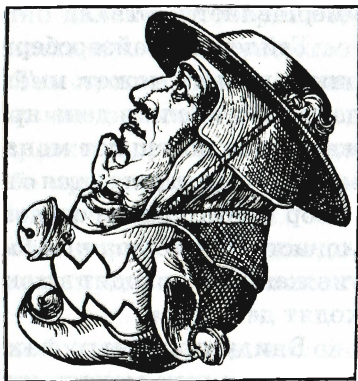
Где слово и жесты оказывались неубедительными, прибегали к хитрости, а где и она была безуспешна — к насилию. Многие тысячи женщин подвергались насилию в ризнице, в доме священника, в собственной квартире или даже в исповедальне. Гейлер из Кайзерсберга предъявляет к своим собратьям по сословию следующий

обвинительный акт: «Ты грешил с публичными женщинами, обманывал девушек, насиловал вдов и жен и связывался с исповедницами. Я уже не говорю о бесстыдстве, с которым ты нарушал святость брака, я не говорю и о том бесстыдстве, за которое тебя следовало бы сжечь».

История каждого города дает такой обильный в этом отношении материал, которым можно было бы наполнить целую книгу. В этом бесконечном триумфальном шествии порока имели бы свое место все классы общества, как и все ступени церковной иерархии. На мягких епископских ложах покоились, добровольно или вынужденно, прекрасные дамы из аристократии и бюргерства, на суровом ложе в узкой келье отшельника — дочери народа. Народная поговорка: «Впусти монаха в дом, он войдет в комнату,пусти его в комнату, он полезет в постель» — была столь же неопровержима, как десять аксиом математики, ибо подкреплялась тысячью достоверных фактов.

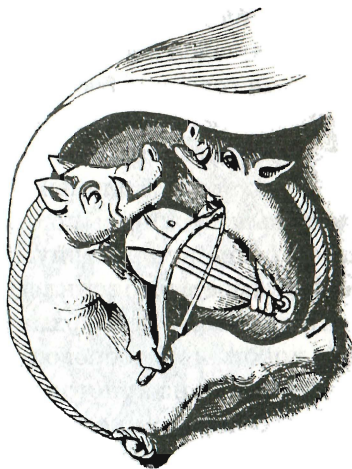
Такой же опыт вынес народ из более близкого знакомства с монастырями. «Священник говорит: я люблю свое стадо, но овечек больше козлиц». Также рассуждали и монахи и доказывали это усерднейшим образом на практике. «Кто пошлет жену в монастырь, получит все, что ему нужно, да сверх того еще ребенка». Монастырских служанок, естественно, часто ожидала та же судьба. Если в мужских монастырях соворачались жены мещан и крестьян, то в женских их нередко сводили.

В конце Средних веков и в эпоху Ренессанса большинство монастырей

Епископ-шут.

Сатира на епископов — охотников до праздников

*Сатира на жизнь
радостных монахов.
Собор в Винчестере*

были отнюдь не святынями, где занимались постом, умерщвлением плоти и молитвами, а местами, где вовсю наслаждались жизнью. Если уже будни в таких монастырях представляли отнюдь не жизнь, полную лишений, то тем более праздники праздновали пьянством, едой, музыкой и пением и, конечно, пляской. Танец имеет смысл только тогда, когда мужчина пляшет с девушкой, — танец, в котором участвуют одни только мужчины, смешон! — в девицах

поэтому никогда не было недостатка. Не было недостатка еще в одном: редко участницы вечеров уходили не обласканными. В тишине кельи им убедительнейшим образом доказывалось, что «ряса отнюдь не умерщвляет плоть».

Гейлер из Кайзерсберга знал это по собственному опыту и, быть может, имел в виду этот свой опыт, когда писал: «Если в день ярмарки, да и в другое время женщины посещают монастыри и пляшут с монахами, а потом уединяются с ними в кельях, то это явный позор и этого бы не следовало допускать. В мужских монастырях не должно быть места женщинам. Многие женщины входят в монастырь порядочными, а выходят девками».

Ввиду подобных фактов такие поговорки, как «Уже одна тень монастырской колокольни плодовита» или «В тени монастыря все гибнет, только женщины становятся плодовиты», такие поговорки, в которые народ верил, как в Евангелие, были не чем иным, как не-

сколько преувеличивающей и потому лишь резче подчеркивающей суть дела характеристикой действительности.

Если все многочисленные известные нам попытки возмущения народа против погрязших в пороках церковнослужителей не привели в большинстве случаев к победе, достигая в лучшем случае лишь частичных успехов, то не потому, что народное возмущение было недостаточно велико, а потому что церковь успела стать союзницей могущественных господствующих классов или потому что почти весь экономический базис жизни покоился на прочном господстве церкви. Лицом к лицу с такими причинами тщетной оказывалась даже высочайшая степень нравственного возмущения.

Глава 4

ПРОСТИТУЦИЯ

В конце Средних веков и в эпоху Ренессанса люди еще были чрезвычайно далеки от теоретического проникновения в сущность и условия существования гражданского брака. Тем лучше понимали они тогда логику событий. Так как эпоха отличалась крайней эротической напряженностью, то люди очень хорошо уясняли себе практические нужды времени. Было ясно, что без проституции не обойдешься, если только брак хотел с грехом пополам достигнуть своей цели, а именно производства законных наследников.

Люди знали, что в их жилах течет кровь, что она течет бурно и кипуче, воспаляя горячими желаниями стариков и молодых. Все были убеждены, что держать в объятиях хорошенькую женщину или ласкать удалого молодца – высшее наслаждение в жизни, ко-

торому далеко уступают все другие. И потому желание «грешить» было у всех велико. Бес сладострастия сидел на каждой крыше, нашептывал каждому изо дня в день самые страстные желания. Десятки примеров ежедневно доказывали тому, кто умел смотреть, что это было так. Каждый день можно было видеть, как добрый молодец подстерегает девицу, как сосед обнимает служанку, как подмастерье заигрывает с женой мастера, если того нет дома, как соседка приводит в порядок платье, когда молодой монах выходил из дома, и многое другое. Само собой понятно, в своем доме никто ничего подобного не видел или только очень редко, так как большинство верило в незапятнанность своей домашней и семейной чести.

Если на добрые нравы своей семьи и можно было рассчитывать, то все же в эту эпоху существовало нечто, перед чем и они не могли устоять, — насилие. Перед дикой жадой наслаждения, не совращающей словами, а прямо прибегающей к силе, были беспомощны и самая нравственная девушка, и самая честная жена. А подобная опасность подстерегала их на всех перекрестках и углах. Всюду массами проходили ландскнехты и всевозможный бродячий люд, нищие и паломники. Во многих городах их насчитывались сотни, даже тысячи.

Эта опасность, подстерегавшая около каждого дома, протягивавшая руки за каждой женщиной, вызвала всеобщий страх. Нужен был надежный громотвод для страстей, ежеминутно готовых вспыхнуть. Уже одной этой опасности достаточно, чтобы объяснить, почему эпоха Ренессанса относилась повсеместно с такой широкой терпимостью к проституции.

Сознание этой опасности укреплялось, однако, еще одним обстоятельством, быть может, наиболее важным из всех, — чрезвычайно сильными социальными потребностями, обусловленными всей структурой общества. Мы уже указали раньше на тот факт, что тогда во мно-

гих странах и во многих ремеслах подмастерья не имели права жениться. Для этой значительной части населения во многих городах и городках оставалось только внебрачное удовлетворение половой потребности, притом в продолжение почти всей их жизни. Чем больше росла индустрия, а с ней и число занятых в ней подмастерьев – часто они составляли половину населения, – тем, естественно, увеличивалась опасность, грозившая женщинам и девушкам от этой холостой части населения. Из-за узости жизненных условий и местной связанности, ввиду малого развития путей и средств сообщения, благодаря тому, что все знали друг друга и постоянно сталкивались друг с другом, эта опасность достигала размеров, которые мы, ныне живущие, можем легко недооценить, но едва ли переоценить.

Ввиду этого обстоятельства интересы семьи требовали прямо чрезвычайной охраны. В этом никто не сомневался. А подобную охрану обещала именно проституция, эта продажа и купля любви в розницу и за сдельную плату. Под влиянием всех этих причин в эпоху Ренессанса решили не только узаконить проституцию, но и оказать проститутке такое снисхождение, отвести ей в общественной жизни такое место, которое наложило в конце концов на эпоху очень своеобразный отпечаток.

В эпоху Ренессанса прямо и откровенно заявляли, что проститутка и дом терпимости – необходимая защита брака и семьи. В течение всего этого периода во всех странах дома терпимости считались созданными «для лучшей защиты брака и девичьей чести»; так говорилось не только в хрониках и литературных трактатах, но и в указах властей, разрешавших открытие дома терпимости или санкционировавших уже совершившееся открытие подобного учреждения.

Организуя и систематизируя разврат, люди не только говорили, но и искренно верили, что делают это

Римская куртизанка.

Рисунок с картины Тициана

в интересах священной-ших идей, каковыми являются брак и женское целомудрие. И, однако, эта вера была в значительной степени просто великим благочестивым самообманом. Охрана семьи была, конечно, важной, но отнюдь не важнейшей причиной своеобразной терпимости к проститутке. Главным, хотя и неосознанным мотивом этого стремления избежать большее зло путем меньшего было желание мужчины обеспечить свое господское право.

Мужчина хотел беспрепятственно удовлетворять свои желания, а это было бы невозможно, если бы строго относились к тре-

бованию мужской верности и мужского целомудрия или если бы захотели придать ему законную силу. Вот почему и узаконили проституцию, тем более что она к тому же позволяла мужчине удовлетворять изо дня в день свою потребность в разнообразии чувственных удовольствий, свою повышенную потребность в разврате.

Вот почему тот факт, что проститутка была включена в рамки общественной организации, и особенно тот способ, каким проституция была легализирована, представляли вместе с тем и один из величайших триумфов господского права.

В глаза бросается тот факт, что тогда даже самый ничтожный городок имел свой дом терпимости, свой

«женский дом», как его тогда называли, а подчас и целых два. В более значительных городках существовали целые улицы, заселенные проститутками, а в крупных и портовых городах даже целые, порой значительные кварталы, где публичные женщины жили или вместе в домах терпимости, или в одиночку, одна рядом с другой. Клиентов проститутки искали не только на улице, их они ожидали не только дома, они отправлялись за ними и в другие места. Так, трактиры были тогда часто синонимами домов терпимости, а также в еще большей степени многочисленные общественные бани – во многих городах излюбленная арена действия проституток. А там, где сами посетительницы и не были проститутками, эту профессию исполняли банщицы.

Чтобы обрисовать степень развития проституции в некоторых городах, укажем на следующие данные современных хроник и других источников. В Лондоне, как сообщают, уже рано существовало «невероятное количество домов терпимости».

Аналогичные не менее достоверные сведения имеются у нас относительно Парижа.

В своей истории проституции Гюгель пишет: «Многочисленные бани, существовавшие в Берлине в XIV в., были также домами терпимости. Проституток называли городскими девицами». В соседнем Кёльне в 1400 г. возникло первое такое учреждение.

Хуже всего обстояло дело, по-видимому, в Риме. Здесь всегда насчитывались многие тысячи проституток, и притом сюда включались только «честные проститутки», те, которые не скрывали своего ремесла. Не меньше было, однако, и число бесчестных. Как раз в Риме очень многие женские монастыри были вместе с тем наиболее бойкими домами земной любви. Можно не придавать безусловной веры грязным эротическим фантазиям «божественного Аретино», в особенности его сатирическим описаниям римской монастырской жизни, но бесспорным остается то, что

К. де Пасс. Искушение. Гравюра. XVI в.

в его диалогах в преувеличенных очертаниях отражается реальная действительность, и уже одно это оправдывает поговорку: «Все пути ведут в Рим, а в Риме — к безнравственности».

Это состояние нравов вполне объясняется особой исторической ситуацией Рима. Надо принять во внимание, что нигде не было такого благоприятного для проституции стечения обстоятельств и что эти условия были совершенно своеобразными и исключительными. Подобное стечение обстоятельств никогда больше не повторялось в культурной истории: в Риме жил в эту эпоху наибольший процент холостых и незамужних. Из года в год сюда стекались десятки тысяч клириков, и каждый из них проживал здесь целыми неделями, даже месяцами. Как бы ни было велико войско этих холостых клириков, оно совершенно терялось в бесконечных вереницах паломников всех стран, ежедневно прибывавших в Рим, большая часть которых

состояла из временных холостяков и незамужних. Здесь легче, чем где бы то ни было, могли они заработать деньги, необходимые для обратного путешествия. Это было настолько обычное, настолько бросающееся в глаза явление, что оно отразилось также и в соответствующих карикатурах. Как ни примитивны многие из этих картин, их смысл не подлежит сомнению: паломница не более как ходячее орудие любви, само собой понятно – земной.

Очень наглядное представление о большом количестве проституток в эпоху Ренессанса дают далее сообщения хронистов об имперских съездах, церковных соборах и т. д. Проститутки подобны навозным мухам: где есть падаль, туда они слетаются. Во все времена поэтому на соборы и съезды стекалась масса проституток.

То безусловное понимание, которое земные потребности высшего духовенства находили в таких случаях у бюргерских жен, иллюстрируется циническим выражением кардинала Гуго. В 1241–1251 гг. папа Иннокентий IV находился со своим двором в Лионе. Когда он покидал город, упомянутый кардинал сказал горожанам: «Друзья, вы многим нам обязаны. Мы были вам полезны. Когда мы прибыли сюда, здесь было только три или четыре публичных дома. А теперь, уезжая, мы оставляем только один, охватывающий зато весь город от восточных и до западных его ворот».

Среди проституток, стекавшихся на церковные соборы, находились самые красивые и знаменитые куртизанки всех стран. Торговля любовью была, по-видимому, в таких случаях очень выгодна. О Констанцском соборе сообщается, что многие первоклассные куртизанки, находившие своих клиентов среди епископов и кардиналов, заработали состояние, доходившее до сотни тысяч.

Особую разновидность проституток представляли совершенно неизвестные нашему времени, но игравшие почти до конца XVIII столетия очень большую роль сол-

датские девки, огромными массами сопровождавшие войска. Уже в «Парцифале» говорится: «Было там немало женщин, иные из которых носили на себе двадцать поясов от мечей, заложенных им за проданную ими любовь. Они совсем не походили на королев. Эти публичные женщины назывались маркитантками».

Известно, что во время осады Нейса Карлом Смелым в его войске находилось «около четырех тысяч публичных женщин». В войске немецкого кондотьера Вернера фон Урслингера, состоявшем в 1342 г. из трех тысяч пятисот человек, насчитывалось, по имеющимся у нас данным, не менее тысячи проституток, мальчиков и мошенников. К войску, которое в 1570 г. должен был привести в Италию французский полководец Страцци, присоединилась такая масса галантных дам, что ему было трудно передвигаться. Полководец вышел из этого затруднительного положения весьма жестоким образом, утопив, по сообщению Брантома, не менее восьмисот этих несчастных особ.

Первоначально солдатские женщины были не паразитами, питавшимися, ничего не делая, от избытка добычи, а очень важной составной частью организации войска, организации вооружения, интендантства и т. д., что объясняется продолжительностью войны. Отдельный солдат нуждался в помощнике, который носил бы за ним ненужное в данный момент оружие, кухонные принадлежности, который заботился бы о его пропитании, помогал бы ему делить и уносить добычу и который бы ухаживал за ним во время болезни или когда он бывал ранен, защищал бы его, иначе он мог легко очутиться в самом беспомощном положении и погибнуть. Эти обязанности исполняли мальчики и проститутки. Рядом с такими разнообразными обязанностями роль солдатской женщины как проститутки отступала на задний план. Ничто не подтверждает это лучше народных песен, в которых отражается жизнь проституток и мальчиков, сопровождавших войско.

Одна из таких песен, относящаяся к XV и XVI вв., гласит: «Мы, проститутки и мальчики, обслуживаем по собственному желанию наших господ. Мы, мальчики, уносим все, что можно продать. Мы приносим им еду и питье. Мы, проститутки, почти все из Фландрии, отдаемся то одному, то другому ландскнехту, но мы и полезны войску: мы стряпаем обед, метем, моем и ухаживаем за больными. А после работы мы не прочь повеселиться. Если бы мы вздумали ткать, мы немного заработали бы. И хотя ландскнехты часто нас колотят, все же мы, проститутки и мальчики, предпочитаем служить им».

По мере того как война принимала все более разбойничий характер и все более росла возможность делить добычу, увеличивалось и число проституток, сопровождавших войска. Все меньше женщин боялось неудобств военной жизни. Зато все больше женщин манила перспектива богатой жизни. Несмотря на всевозможные жестокости, которым они ежечасно подвергались, их увлекала за собой мечта о добыче. Ткать, пока кровь не пойдет из пальцев, тоже не было особенным удовольствием и едва доставляло нужное для жизни. Так не лучше ли «служить ландскнехту»?

Естественным последствием такого массового наплыва проституток к войску было то, что их уже рано организовали, включили как составную часть в организм войска и старались в самом широком масштабе использовать в интересах военного дела.

При тогдашних условиях военного дела проститутка была прежде всего работницей, и притом очень важной. Разумеется, это нисколько не мешало ей усердно отдаваться и своей исконной профессии, позволявшей ей выманивать у ландскнехта награбленные дукаты, к чему она в конечном счете главным образом и стремилась.

Другим характерным доказательством огромного развития проституции в эпоху Ренессанса служат значительные доходы, получавшиеся от эксплуатации

Начальник отряда солдатских девок

публичных женщин, на которых смотрели как на доходную податную статью. В податных книгах разных городов сохранилось на этот счет немало интересного материала. Ни городские, ни церковные, ни княжеские кассы не упустили из виду, что из карманов проституток можно выудить немало денег, и они поэтому с самого начала обирали проституток по всем правилам утонченного финансового искусства.

Сохранившиеся податные списки города Парижа показывают, как рано проституция была обложена

податью. Из этого документа видно, что уже в XIII в. налог на проституцию давал городской казне изрядный доход. О Сиксте IV сообщают, что он получал от одного только дома терпимости не менее двадцати тысяч дукатов. Тот же папа часто передавал священникам в виде синекуры налоги, вносившиеся известным числом проституток. Агриппа фон Неттесгейм сообщает, что доходы одного церковного сановника состояли из «двух бенефиций, одного курата в двадцать дукатов, одного приората, доставлявшего сорок дукатов, и трех проституток в доме терпимости». Не менее интересные данные имеются у нас также и об обложении проституции и ее доходов в Гамбурге в конце XV в. По имеющимся у нас сведениям, «городское управление совершило договор с двумя держателями домов терпимости, в силу которого они должны были платить ежегодно за каждую девицу таксу от пяти до девяти талантов». Кое-какие данные имеются у нас и относительно Нюрнберга. Правда, точных цифр в данном случае нет, но известно, что в силу указа 1487 г. держатель дома терпимости был обязан выплачивать по неделям выговоренную плату за наем помещения и за концессию.

Когда проститутка старится и красота ее уже не находит спроса на рынке любви, она, если только не погибнет в нищете и больнице, принимается за еще более доходную профессию сводни. «В молодости – девка, под старость – сводня».

Войско своден рекрутировалось, однако, не только из проституток в отставке, а также из значительного числа женщин, всегда исключительно занимавшихся только этим ремеслом или публично для всех желающих, или под той или другой маской для отдельных лиц. Такие женщины встречались во всех классах. Наиболее обычным покровом, под которым сводня исполняла свою деятельность на службе отдельных лиц, был чин камеристки.

В Испании прикомандированная к жене или дочери знатных людей дуэнья, или «блустительница чести», была в огромном большинстве случаев не чем иным, как сводней, доставлявшей любовников своей осужденной по испанскому обычаю на затворническую жизнь госпоже. Сводне, находящейся на службе у всех и каждого, посвятил целую главу Аретино. По его описанию, выходит, что она порой наиболее занятая особа. Особенно ночью у нее часто ни минуты отдыха. Выведенная Аретино сводня рассказывает: «По ночам сводня ведет образ жизни летучей мыши, которая ни на минуту не садится. Главная ее деятельность начинается, когда совы и филины вылетают из своих нор. Тогда и сводня покидает свое гнездо и бегаёт по женским и мужским монастырям, дворам, притонам и трактирам. В одном месте она приглашает с собой монаха, в другом монахиню. Одного она сводит со вдовой, другого с куртизанкой, одного с замужней, другого с девушкой; лакею она подводит камеристку, мажордома соединяет с госпожой. Она заговаривает раны, собирает растения, заклинает духов, вырывает мертвецам зубы, снимает с повешенных сапоги, пишет формулы заклинания, сводит звезды, разъединяет планеты и порой получает изрядную встрепку».

Эти отряды проституции были всегда безмерно велики, особенно в эпохи всеобщей разнузданности. Никто их не считал, да и никогда не сочтет!

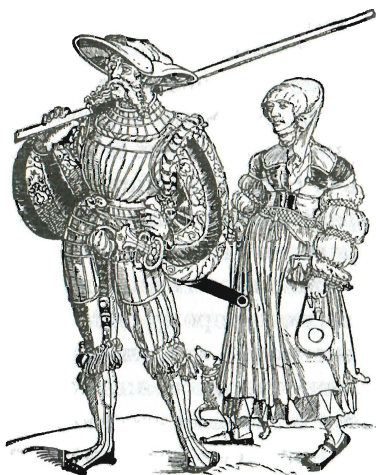
Еще значительнее было войско мужских паразитов, живших за счет проститутки, войско сводников – сутенеры. Профессия сводника весьма напоминает ремесло сводни. Подобно тому как камеристка часто исполняла обязанности сводни – при знатной даме, так камердинер – при знатном барине. Гораздо больше было, однако, число тех, кто занимались этим ремеслом на собственный риск и страх и сбывали одну или несколько проституток для временного или более продолжительного пользования. Уже и тогда публичная

женщина, промышлявшая на воле, нуждалась во всегда готовом к ее услугам заступнике, который мог бы защитить ее от нападений и грубого обращения, а также вовремя предупредить ее о появлении городских стражников, ловивших тайных проституток.

Проститутка была одним из главных центров тогдашней общественной жизни. Наиболее ценными и характерными доказательствами в этом отношении являются,

несомненно, празднества эпохи Ренессанса. Можно без преувеличения сказать, что в большинстве случаев проститутка была главным фактором, создававшим праздничное настроение, так как она вносила больше всех жизнь в эти увеселения. И это было вовсе не случайностью и не было простым сопутствующим явлением: именно создание такого настроения было в данном случае главной целью. Специально ради этой цели проституток привлекали ко всем праздникам, и устроители, т. е. отцы города, сознательно выдвигали их для повышения настроения.

Это прежде всего доказывается той выдающейся постоянной ролью, которую эти женщины играли на таких празднествах. В большинстве случаев, когда торжество происходило в теплую пору года, в эпоху Ренессанса господствовал обычай передавать букеты, бросать к ногам торжественного шествия цветы, забрасывать ими присутствовавший народ. Эту обязанность возлагали в большинстве случаев на проституток. Этим,

*П. Флетнер. Ландскнехт
и проститутка*

однако, еще не исчерпывалась их роль в деле возбуждения известного настроения. Они отнюдь не исполняли обязанности простых статисток; не уступали потом своего места порядочным женщинам, дабы те тем ярче сияли своей благовоспитанностью и добродетелью. Нет, они действовали часто в продолжение всего праздника и являлись гвоздем всей увеселительной программы.

Мы имеем в виду довольно распространенный обычай, по которому одна или несколько красивых нагих куртизанок встречали или приветствовали высокого княжеского гостя. Именно этот пункт программы был всегда главной частью торжественного приема. Когда начинались танцы, то проституткам не отводились места простых зрительниц за оградой. Напротив, именно с ними обыкновенно плясали придворные и дворяне, тогда как гордые патрицианки смотрели на пляску с высоты балкона или эстрады. Во время таких празднеств устраивались далее всевозможные представления, турниры, бега и т. п., участницами которых бывали исключительно «вольные дочери» города. Одни из прекраснейших куртизанок изображали группы мифологического или символического характера, другие исполняли вакхические танцы, или они состязались между собой из-за премии красоты, назначенной городом. Особенной популярностью пользовались так называемые «бега проституток», ибо здесь случай всегда являлся услужливым сводником чувств зрителей.

Когда праздничный день кончался, то и тогда роль проститутки еще не была сыграна до конца. Напротив, как раз теперь начиналась ее истинно активная роль, также относившаяся к официальной программе. Только теперь место действия прямо переносилось в «женский переулок», в «женский дом». На средства города дорога туда празднично освещалась во все время пребывания в стенах города высоких гостей, на средства города все придворные гости могли там веселиться

сколько душе было угодно. Самым красивым куртизанкам города далее приказывалось в любой момент быть готовыми к приему находившихся в городе гостей и «обслуживать их всех своим искусством». И, несомненно, куртизанки старались и в этом отношении постоять за репутацию города.

Даже и во время чисто семейных увеселений, во время народных праздников, на свадьбах патрициев и т. д. проституткам отводилась довольно значительная роль в целях повышения общего праздничного настроения. На народных праздниках и специально для этого придуманных торжествах они участвовали в таких же представлениях, как в дни княжеских посещений. Были и такие увеселения и праздники, которые устраивались исключительно проститутками, как, например, танец Магдалины, а также и такие, которые посещались главным образом ради представлений, устраиваемых проститутками. Необходимо заметить еще, что проститутки иногда получали от городской общины известные повинности, например вино и дичь. На свадьбах патрициев или городских дворян публичным женщинам города порой устраивался особый стол, где их угощали за счет жениха. А во время так называемой вечерней пляски, обыкновенно завершавшей свадьбу, проститутки всегда составляли главную часть женского элемента.

Таковы некоторые наиболее яркие формы, в которых обитательницы «женского переулка» активно содействовали общему праздничному настроению.

Протоколы городских советов и городские счета дают немало иллюстраций и доказательств в пользу вышеизложенного.

На основании протоколов бернского городского совета историк Швейцарии Иоганн Мюллер сообщает по поводу пребывания в городе императора Сигизмунда в 1414 г., проездом в Констанцу на собор: «Городской совет постановил, что за все это время каждый может

получать вино из постоянно открытого погребка (вообще двору и свите устраивалось роскошное угощение), а также был отдан приказ, чтобы в домах, где прекрасные женщины торговали собой, придворные принимались гостеприимно и даром».

А император путешествовал на восьмиестах лошадях. Свита была, следовательно, немала. Император остался, по-видимому, весьма доволен оказанным приемом, и в особенности куртизанками, ибо в другом месте говорится: «Впоследствии в обществе князей и господ король не мог нахвалиться этими двумя ему оказанными почестями: вином и женской лаской. Городу пришлось тогда заплатить по счету, предъявленному «красавицами из переулка»!»

О существовании разных обычаев, о том, как они претворялись в жизнь, мы часто узнаем из запрещений, которым они подвергались. Об упразднении «бега проституток» в Мюнхене мы узнаем из примечания к протоколам городского совета от 10 июля 1562 г.:

«Решено в городском совете, чтобы отныне падшим женщинам возбранялось устраивать бега ввиду их непристойности, бегают они отвратительно, почти оголяются, подают молодым людям плохой пример и возбуждают их пойти за ними вниз (т. е. в «женский переулочек»).

В Вене такие ежегодно устраивавшиеся бега были упразднены уже в 1531г., или, вернее, в этом году они были устроены в последний раз.

Изображая роль, которую проститутка играла в общественной жизни Ренессанса, мы должны сказать, естественно, несколько слов и об отношениях к проституции отдельной личности.

Так как половое общение считалось тогда главным содержанием, самой сущностью всякого увеселения и развлечения, то холостяк, желавший весело провести день или вечер, отправлялся в большинстве случаев прежде всего в «женский переулочек». Для многих

«женский дом» был местом свидания, где каждый легче всего мог встретить знакомых и где собиралось постоянно самое интересное общество. Все, кто только легко зарабатывал деньги и потому так же легко их тратил, встречались здесь: праздные ландскнехты, авантюристы, всякие искатели счастья, всякий опустившийся люд. Очень часто туда отправлялись в компании, подобно тому как ныне отправляются в компании кутил. В «женском доме» веселились, как ныне веселятся в ресторанах и трактирах: пели, играли, плясали, позволяли себе скабрзные шутки и выходки с его обитательницами.

Иначе относился к проституции женатый, семейный мелкий буржуа. Если холостяку знакомство с проститутками официально разрешалось, то семьянину оно строго запрещалось, и не только неписаными законами, а обыкновенно даже прямо специальными постановлениями городских советов, целый ряд которых дошел до нас.

Вдовец снова имел официальное право сходитья с проституткой. Для последнего проститутка часто становилась так называемой «тайной женой», т. е. экономкой, необходимой для ведения хозяйства, очень часто также его сожительницей. Что это нередко бывало, что в этом опять-таки видели нечто естественное, явствует из частых указаний на то, что, вступая в брак, такой-то мужчина имел ребенка от своей «тайной жены».

Что конкубинат часто существовал наряду с браком, что муж часто содержал наряду с женой в своем же доме еще наложницу, этот факт также подтверждается достоверными документами. Впрочем, более распространенным этот обычай был не в мелкой буржуазии, а в восходившей крупной буржуазии, в среде богатого купечества, которое в качестве революционного класса смело игнорировало суровые требования патриархальной семьи и обнаруживало свою революционность особенно именно в сексуальной области.

Еще положительнее, притом с уклоном в сторону рафинированности, относилось к проституции дворянство, как городское, так и придворное. Здесь открытые связи с красивыми куртизанками вполне обычное дело. Здесь красивая куртизанка становится высшим предметом роскоши. В этих кругах возродился поэтому до известной степени античный гетеризм, разумеется, именно только до известной степени.

Представители знати открыто содержали красивых куртизанок, подобно тому как они содержали редких, драгоценных зверей. Они нанимают им дома или отдают в их распоряжение свой дом, окружают их прислугой, лошадьми, колясками, покупают им роскошные платья, драгоценности и т. д., превращают их дом в блестящий предмет роскоши. Здесь они бывают совершенно открыто, приводят сюда своих друзей, устраивают общие празднества. Связи с куртизанкой, безумная на нее трата денег являются даже одним из способов демонстративного выставления напоказ своих богатств.

Порой несколько друзей сообща покрывали расходы по содержанию куртизанок.

Наряду с куртизанками, содержавшимися одним человеком или целым кружком, в эпоху Ренессанса, как некогда в античном мире, возник тип первоклассной кокотки, тип гетеры, зарабатывавшей своей красотой и изысканностью столько, что могла освободиться от экономической зависимости, превращавшейся из рабыни в госпожу, за которой ухаживали самые богатые и могущественные люди. Этот тип впервые в большом количестве появился в Италии. В одной Венеции насчитывалось полтораста первоклассных куртизанок, соперничавших в смысле блеска и роскоши с принцессами. Характерной их представительницей, и притом наиболее знаменитой, была венецианка Вероника Франке. Опытная в любви, эта куртизанка имела среди своих клиентов высшую родовитую и ум-

ственную аристократию второй половины XVI в. Ее спальня была своего рода первоклассной гостиницей на самом бойком перекрестке Европы, связывавшем Рим с Востоком, в ней останавливались пестрой вереницей князья и короли, платившие порой огромное состояние за одну ночь любви. Вероника была долгое время подругой великого Тинторетто и принимала в своем салоне знаменитейших писателей и художников Италии, а также тех французских и немецких, которые путешествовали в Италию. О ней не без основания говорили: «Если эта новая Аспазия меняла местожительство, то ее переезд напоминал переезд королевы, причем посланники распространяли весть о ее отъезде и приезде».

Ради славы содержать знаменитую и дорогую куртизанку разорился не один аристократ.

Ради обладания знаменитой куртизанкой люди рисковали не только состоянием, но и жизнью. Кондотьер Джованни де Медичи насильно похитил некую Лукрецию у Джованни делла Стуфа во время праздника, устроенного последним в Реканати. В 1531 г. во Флоренции шесть рыцарей вызвали на поединок каждого, кто осмелился бы отрицать, что куртизанка Туллия Арагона «прекраснейшая и удивительнейшая дама во всем свете». Такое кувырканье разума на службе культа проституток было тогда обычным явлением в среде праздных классов.

Необходимо здесь указать еще на те приемы, которыми в эпоху Ренессанса куртизанки обращали на себя внимание мужчин.

Одни гуляли на улице, провоцируя прохожих, другие сидели в неглиже у открытого окна или в дверях домов, привлекая к себе внимание мужчин. Третьи, отличавшиеся особенной красотой, совершали у окна самый интимный туалет, делая прохожих его свидетелями, или, как уже упомянуто, выставляли свою красоту напоказ в публичных банях. Наконец, самые важные

Венецианская куртизанка

вели образ жизни настоящих великосветских дам, возбуждая желания даже в князьях и королях.

Рафинированностью костюма проститутки также делали себе рекламу, и притом каждая публично или в «женском доме». Несмотря на все запреты, они выбирали самые роскошные материи и, пока еще были сносны, страшно злоупотребляли декором.

Так как видная куртизанка была провозглашена эпохой самым драгоценным предметом роскоши, самым желанным предметом наслаждения,

то она по необходимости должна была щеголять всеми теми ценностями, которые повышали тогда значение человека. А этими ценностями прежде всего были искусства и науки. Хотя каждая куртизанка усерднейшим образом позировала в требуемой эпохой роли, зная, что публика хотела, чтобы даже и продажную любовь ей подносили на золотом блюде, все же поведение ее было не более как подделкой, видимостью. Гетера уже не могла стать тем, чем она была в античном мире, так как содержание брака значительно изменилось. В имущих и господствующих классах законная жена уже перестала быть простой производителем законных наследников, чем она была в Греции, она сама стала предметом роскоши. С того момента, как совершился этот переворот, куртизанка была и оставалась только суррогатом. Оба

явления тесно связаны между собой, а сущностью суррогата всегда является поддельность.

В заключение укажем еще на одно далеко, впрочем, не второстепенное доказательство в пользу чрезвычайной роли, которую куртизанка играла в общественной жизни Ренессанса, – на искусство. Куртизанка была мотивом, которым тогда занимались все отрасли изобразительного искусства, и притом все с одинаковым усердием.

Первое изображение куртизанки в немецкой живописи принадлежит кисти великого Гольбейна. Написанная Мурильо сеньора Галлегас – куртизанка. В Италии превосходные изображения куртизанок созданы Карпаччо, Тицианом и другими гениями, в Нидерландах – решительно всеми великими мастерами: Массисом, Лукой Лейденским, Вермером, Хальсом, Рембрандтом. Так как тогдашнее искусство было первым историком своего времени, то все затронутые нами подробности находят в нем свои иллюстрации. Безусловно подтверждая все эти детали, искусство своими многочисленными изображениями куртизанки во все моменты ее жизни и деятельности, из которых ни один не забыт, дает самое неопровержимое доказательство в пользу той громадной роли, которую она играла в тогдашней жизни.

Широкая официальная терпимость к проституции в эпоху Ренессанса скоро привела к необходимости ее регламентации, отчасти в интересах урегулирования разнообразных подробностей, отчасти – и это была, без сомнения, главная причина вмешательства властей – в интересах предупреждения или улаживания постоянно грозивших со всех сторон конфликтов. В этой области постоянные эксцессы были неизбежны.

Первоначальные подобные меры имели повсеместно в виду локализацию рынка любви. «Городские девушки» имели право промышлять и жить только на известных улицах. Так, часто церковь требовала, что-

бы они не жили на улицах, которые вели к храму. Церковь видела насмешку над благочестием прихожан, если разврат «открывал свой рынок» непосредственно возле церковной паперти.

Существовали, далее, определенные улицы и кварталы, где специально предписывалось жить жрицам любви. Это были обыкновенно улицы, лежавшие в стороне от городской жизни, тупики, выходившие в ров или упиравшиеся в городскую стену. Около последней находилось большинство «женских переулков» и домов.

Жриц любви не только вытесняли в местожительство за черту почтенных бюргерских кварталов, каждую в отдельности еще хотели отметить особенным признаком. Конечно, мужчины охотно прибегали к услугам проституток и ни за что не желали отказываться от даруемых ими радостей, при каждом удобном случае проститутки обязаны были доставлять удовольствие и развлечение и т. д. Но именно потому, что в них видели только предмет наслаждения, их хотели

Дворяне и проститутки

сразу распознать среди десятка других женщин. Еще в большей степени, впрочем, это делалось для того, чтобы их отмежевать от порядочного общества. Между ним и ими воздвигалась непреодолимая преграда, дабы порядочная женщина из мещанства не рисковала запятнать свое платье.

Этот жестокий обычай публичного клеймления проститутки практиковался везде, а именно путем регламентации ее костюма. Каждая официальная публичная женщина должна была носить на своем костюме какой-нибудь в глаза бросающийся знак. В одном указе города Цюриха от 1313 г. говорится: «Каждая публичная девушка, а также содержательница публичного дома должна на улице носить красную шапочку в виде капюшона. Если в церкви они хотят снять его, то они должны откинуть его на плечи, а потом снова надеть».

Меранский городской совет постановил в 1400 г.: «Публичным женщинам запрещается носить пальто или шубу и участвовать в танцах с женами бюргеров и другими почтенными женщинами. На башмаках они обязаны носить желтый бантик, чтобы их легко можно было распознать, носить же серебряные украшения им возбраняется».

Регламентация костюма содержала еще ряд других постановлений, направленных против проституток и служивших той же тенденции клеймления. Подобно тому как им предписывалось носить особые отличительные знаки, так часто им запрещалось одеваться в определенные материи, носить то или другое украшение. Ношение этих тканей и украшений было неограниченной привилегией почтенных и благородных дам. В основе таких постановлений лежало убеждение, что все, чего ни коснется проститутка: мода, которую она выбирает, драгоценность, которой она украшает себя, — становится также нечистым.

Те же причины, которые привели к локализации проституции, привели очень скоро и к регламентации

этих бирж любви. Очень рано встречаются уже и так называемые «регламенты публичных домов». Древнейшие, подлинность которых не подлежит сомнению, восходят к XII в.

К числу самых интересных и подробных таких регламентов, сохранившихся до нас, принадлежит «Устав женского дома в Улеме». Уже второй пункт, исполнение которого содержатель дома подтверждал под присягой перед бургомистром и советом, чрезвычайно поучителен:

«Во-вторых, пусть он присягнет, что будет содержать свой дом в порядке и снабжать его хорошими, опрятными и здоровыми женщинами и что он никогда не будет иметь менее четырнадцати, если же он лишится одной из них вследствие болезни или по какой-нибудь другой причине, то обязан в течение месяца возместить их другой или другими опытными, опрятными и здоровыми женщинами так, чтобы не уменьшалось вышеозначенное число четырнадцать».

Из этого пункта явствует, что спрос на проституцию был весьма велик. Требуется не менее четырнадцати женщин, чтобы удовлетворить спрос на любовь, и потому их число никогда не должно быть меньше. Кроме того, они обязаны быть годными, опрятными и здоровыми. Видно, что ульмские бюргеры требовали за свои деньги хороший товар!

Годность к любви является требованием, которое очень часто повторяется. Под этим словом подразумевали прежде всего соответствующий возраст. Во многих таких постановлениях содержателю прямо запрещается принимать очень молодых девушек, хотя, впрочем, возраст никогда точно не определялся: исходили из соображений «способна ли она уже к любви», из соображений индивидуального развития... Подобные указания интересны еще потому, что подтверждают частые сообщения хроник, что в «женских домах» было много совсем юных девочек. Из этого факта

следует выводить не то, будто существовал недостаток во взрослых проститутках, а то, что хозяева заведений стремились удовлетворять требования всяких посетителей, даже и развращенных сладострастников.

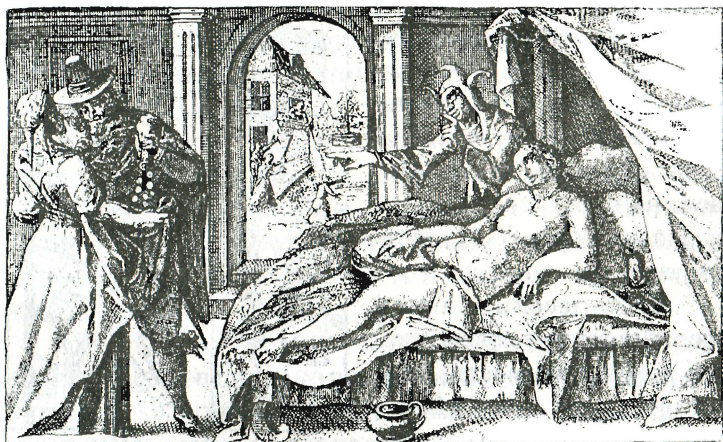
В концессии, данной вюрцбургскому содержателю дома терпимости Мартину Гуммелю в 1444 г., подробнее указаны все признаки «годности»:

«Содержатель дома не должен иметь в них беременных женщин... А если у него найдется девочка, слишком молодая, то ее следует наказать розгами и изгнать из города под страхом смерти, пока она не достигнет нужного возраста!» Итак, бедная жертва еще награждалась розгами! Подобно тому как хозяину заведения было запрещено принимать слишком «юных дочерей» для потехи развращенных гостей, так не имел он и права принимать замужних. Подобное запрещение мы встречаем повсюду: во Франции, Англии, Германии. Не менее часты, однако, и сообщения о том, что запрещение это нарушалось и что все большее количество замужних женщин тайком служили в домах терпимости, в особенности когда собирался имперский съезд или в городе находилось много войска, так что не грозила особая опасность разоблачения.

У нас очень мало положительных данных о посещении таких заведений молодежью. Из того факта, что среди разнообразных пунктов, исполнение которых было для содержателя обязательно под присягой, часто встречается и параграф о запрещении входа в такие

В доме терпимости.
Немецкий рисунок. XV в.

Как опасно посещать публичный дом. XVII в.

заведения мальчикам, можно с уверенностью заключить, что подобные случаи бывали, и, очевидно, не редко. Время посещения также регламентировалось уставом. Во Франции для этого предназначались часы от восхода до захода солнца. После захода солнца уже нельзя было ни войти, ни выйти из такого дома. В Голландии и Англии заведения должны были быть закрыты по воскресеньям. В одной английской хронике говорится по поводу этих разнообразных пунктов:

«В заведениях не должно быть замужних женщин, а также женщин, страдающих каким-нибудь серьезным недугом. Так же точно было запрещено открывать их по воскресеньям, обычай, до сих пор сохранившийся у благочестивых кальвинистов Голландии. Вывески не вывешивались, а писались на стенах, часто над ними красовалась кардинальская шляпа».

Бок о бок с этой регламентацией проституции со стороны властей стояла цеховая организация самих проститутток, при помощи которой они отстаивали и защищали свои права. Воздействие этой организации ясно сказывается в разных пунктах устава, носящих

социальный характер, говоривших об уходе за больными и ограничивавших права и претензии хозяев. Так, например, проститутка имела право в известное время не принимать мужчин; далее, ее нельзя было насильно удерживать в заведении, наконец, у нее была и некоторая защита против чрезмерной эксплуатации хозяина.

Все эти социальные меры, развитые, между прочим, подробно и в вышеупомянутом ульмском уставе, по всей вероятности, объясняются именно организацией самих проституток, т. е. коллективным и серьезным протестом тех, кто лучше всех знали, в какой защите нуждалась проститутка.

При помощи своей организации «честные девки» вели еще другого рода борьбу, а именно в интересах нравственности, против нечестной конкуренции на рынке любви. Они хотели, чтобы тайные проститутки не портили им дела, не сбивали цен, не отнимали у них из-под носа клиентов. Мужчины, по их убеждению, были обязаны посещать только «честных девок», только «женский переулок». Они поэтому систематически доносили на тайных городскому совету, прося его «во имя Господа и милосердия» подвергать их наказанию за то, что те отнимали у них хлеб.

Моралисты-проповедники не переставали ни на минуту громить проституцию. Они беспрестанно изображали ее самыми мрачными красками как источник всех зол, как глубочайшую пропасть ада, в какую только может упасть женщина или мужчина. Главный их довод постоянно состоял в том, что проститутки интересуются исключительно кошельком тех, кто их посещает. Бесконечное множество из тех поговорок, в которых отражается нравственное негодование на проституток, порождено именно этим взглядом. «Кто водится с публичными женщинами, того общиплют, как курицу»; «Проститутка охотно принимает, но только деньги»; «Публичная женщина любит лишь до

*«Будьте осторожны.
Не ходите в притон. Там я
потерял свои бриллианты».*

Голландская гравюра

тех пор, пока ей платят»; «Проститутка и вино выметают дочиста ящик с деньгами»; «Когда публичная женщина ласкает, она имеет в виду не сердце, а только деньги в кармане» и т. д. Такими пословицами хотели возбудить в мужчине отвращение к проститутке.

Что именно эта философия лежала в основе отрицательного отношения к проституции, еще лучше доказывает изобразительное искусство. Главнейшая мысль морализующих картин всегда — покушение проститутки на кошелек ее временного любовника. Заметьте: не то считается позорным, что женщина продает себя за деньги, что она связывает самый интимный акт с самым скверным и грязным торгом. Сатира направлена лишь на то, что проститутка украдкой врывается в права собственности мужчины.

Наряду с борьбой против проституции путем нравственного негодования, рядом с не менее частыми, но редко исполнявшимися угрозами кары встречаются уже довольно рано практические попытки ограничения проституции. Так как люди не понимали социальных причин этого явления, так как они усматривали в прирожденной испорченности, в лени и похотливости единственный мотив, побуждавший женщин становиться проститутками, то они воображали, что совершенно достаточно заставить проституток покаять-

ся в своем грехе. С этой целью основывались монастыри «кающихся», бегинажи, как их называли во Франции, орден, распространенный во всех странах.

В одной шпейерской хронике так описывается основание в 1302 г. общины бегинок: «Кающимися называются женщины, незамужние или состоящие в браке, которые предавались греховной плотской любви, а потом почувствовали раскаяние и сожаление. Для них в имперских городах в это время были выстроены особые дома, где они могли бы покаяться в своей безнравственной жизни, оберегаться от греха и находить себе пропитание уходом за больными из мирян и духовенства. В Шпейере орден бегинок был основан в 1302 г. или немного раньше одним богатым горожанином, который построил для таких кающихся особое помещение, где они могли совместно жить, дал необходимые для их содержания деньги и постановил, чтобы они носили грубое белое полотняное платье».

Возможностью покаяния исчерпывалось все, что общество сделало для ограничения проституции. Проститутка была клеймена и должна была на всю жизнь сохранить это клеймо. Возвращение в ряды гражданского общества было для нее закрыто. Прошлого ничем нельзя было искоренить, даже браком с почтенным и уважаемым человеком. Достаточно привести один документ. В 1483 г. в Гамбурге было постановлено: «Публичная женщина не имеет права носить украшения. Если она выйдет замуж за честного человека, то ей все-таки возбраняется знаться с честными женщинами. Такая женщина должна носить чепец и никакого другого головного убора».

При таких условиях немудрено, что опыт с кающимися не приводил к желанному результату. В шпейерской хронике говорится, например, что «эти женщины (кающиеся), по общему мнению, весьма вредные сводни». Также безуспешны были вообще все попытки под-

Де Жод. Продажная любовь

нять нравственность. Все негодующие слова были сказаны на ветер.

И все-таки постепенно — особенно заметным это становится со второй половины XVI в. — люди становились нравственнее.

Было бы, однако, нелепо приписать этот положительный результат нравственному влиянию Реформации, как часто делается, или вообще влиянию нравственных поведенческих. Главной причи-

ной являлся экономический упадок, задержавший дальнейшее развитие капитализма, начавшееся в таком грандиозном масштабе.

Когда сокращается прибыль имущих классов и под влиянием серьезного экономического кризиса рушатся многочисленные состояния, когда в дверь мещанина и пролетария стучится нужда, по необходимости ограничиваются все формы наслаждения, и прежде всего в области половой.

Вторым фактором был сифилис. Он погасил жизнерадостность даже и там, где ее не нарушили нужда и горе.

Первое появление сифилиса в конце XV в. было самым страшным испытанием, какое пришлось пережить тогдашнему человечеству. То, что в его глазах было высшим вакхическим проявлением жизни, вдруг получило отвратительное, ужасное клеймо. То был проклятый подарок, поднесенный Европе Новым Светом, завоеванным капитализмом рукою Колумба. То был вместе с тем апогей всемирно-исторической тра-

гикомедии: бедные туземцы вновь открытого мира заранее отомстили своим будущим, жадным до золота мучителям. Из них хотели выжать только золото, а они влили в жилы Европы огонь, заставляющий еще теперь, четыреста лет спустя, корчиться в беспомощном отчаянии миллионы людей.

Во время эпидемии запирались все «женские дома», все проститутки изгонялись из города или запирались до окончания эпидемии. Такого метода придерживались особенно часто в эпоху первой атаки болезни, в первой четверти XVI в. Там, где болезнь не носила такого зловещего характера или где по каким-нибудь другим причинам не решались закрывать притоны и изгонять проституток, «женские переулки» сами пустели, так как боязнь заразы вместе с плохими временами удерживала многих мужчин от тех мест, где они когда-то были постоянными посетителями.

Глава 5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Общественные развлечения эпохи Ренессанса представляют немало интересных данных для истории половых нравов. В прежние столетия, а в особенности в эпоху Ренессанса, в гораздо большей степени, чем теперь, важнейшие формы общественных увеселений были не чем иным, как средством создать благоприятные условия для любви, и притом для любви физической. Так как большая масса понимала под удовольствиями жизни только еду, выпивку и половое наслаждение, то пользоваться жизнью было тогда в большинстве случаев равносильно поклонению этим трем божествам.

Среди этих трех видов наслаждения на первом месте стояла любовь, культ Венеры и Приапа.

Так как наша работа имеет своей темой не всю область нравов, а только часть ее – половую мораль, то в нашу задачу не входит нарисовать полную картину общественных развлечений Ренессанса. Мы должны ограничиться лишь теми формами и сферами, в которых обнаруживался сексуальный момент, другими словами, теми случаями, которые служили этой цели, и теми средствами, которыми она достигалась. Если к средствам относятся прежде всего игры и танцы, то главными случаями для осуществления культа Венеры были наряду с большими частными и общественными празднествами обе главные сферы тогдашних общественных увеселений: прядильня и баня!

Посещение так называемой прядильни является во всех странах одной из основных форм общественных развлечений как в деревне, так и в городе. Как там, так и здесь совместная работа служила часто не более как предлогом для правильно организованного совместного культа Венеры и Приапа.

Речь идет в данном случае, конечно, не о частной прядильне, а о тех до известной степени публичных прядильнях, где собиралась вся деревня или по крайней мере несколько молодых и более пожилых женщин один или два раза в неделю зимой для совместной работы. Эти собрания носили самые различные названия. В этих помещениях женщины сходились с веретеном и прялкой, чтобы скоротать длинный зимний вечер. А так как местным парням доступ сюда был не запрещен, то эти учреждения стали отправными точками общественных увеселений.

На этих собраниях царил обычай, в силу которого каждый парень сидел сзади своей девушки – а честь девушки требовала, чтобы за ней непременно ухаживал какой-нибудь парень, – добросовестно исполняя возложенную на него обязанность. А эта последняя состояла в том, что он должен был то и дело стряхивать с колен девушки отбросы пеньки. Исполнение

В прядильне

этой обязанности, как нетрудно видеть, давало ухаживавшему за девушкой парню все новые возможности более или менее откровенного ухаживания, а как его, так и ее честь требовали, чтобы эти возможности не оставались неиспользованными.

Чем смелее и более дерзко действовал парень, тем выше становилась его репутация в глазах девушки и тем более последней завидовали ее подруги, если верить жалобам современных проповедников морали. Из этого то и дело подтверждаемого современниками факта неоспоримо следует правильность нашего ранее сделанного указания, что работа была в общественных прядильнях только предлогом для культа Венеры и Приапа, что большинство крестьянских девок отправлялись туда главным образом для того, чтобы стать на целый вечер предметом подобных ухаживаний парней.

Вошедшее в поговорку плохое освещение этих помещений весьма способствовало таким эксцессам, на которые старики закрывали глаза. Часто помещение, где пряли, освещалось одной только лучиной. Если она гасла, когда отворялась дверь или вследствие другой

причины, – а это случалось каждый вечер, – то, разумеется, ни один парень не медлил как следует использовать случай, а девки не очень противились их ласкам. Порой таким образом устраивались целые оргии. А так как они были по душе многим участникам, то последние сами усердно помогали случаю, так что лучина гасла по нескольку раз в один вечер.

Не только девушки, но и замужние и вдовы участвовали в таких развлечениях. Если одни приходили с тем, чтобы облегчить дочке возможность сблизиться или пококетничать с парнем, то многие другие приходили для того, чтобы позволить парню или соседу таким образом поухаживать за ними.

Такие собрания часто сопровождались и веселой пляской. В некоторых местах парни приводили поэтому специально для этой цели музыкантов.

Власти видели себя вынужденными вмешаться, так как порой, особенно когда тухла лучина, участники доходили до последней крайности, а еще чаще на обратном пути парню ничего не стоило подчинить своим желаниям чувственно возбужденную девушку. Парни, хвастающие своими подвигами в прядильнях, поэтому всегда спешат упомянуть и о последствиях, которые они будут иметь для девушки. Под влиянием ревности дело часто доходило до драки, искалечения, даже убийства. Чем явственнее собрания прядильниц вырождались в «ночи драк», как их называли в некоторых местностях, тем чаще власти были вынуждены ополчаться против них путем предостережений и угроз. В одном таком постановлении, изданном в Нюрнберге в 1572 г., говорится, что «неоднократно на таких сходках девушки совращаются или тайком от родителей принуждаются к неравному браку, а порой и подвергаются насилию и позору», что «молодые люди ссорятся между собой, ранят и убивают друг друга».

Дальнейшей ступенью общественных развлечений были публичные бани. Если предлогом для посе-

щения прядильни служил труд, то предлогом для посещения бани служили чистота и здоровье, ибо и в этом случае мы имеем перед собою организованную форму систематического культа Венеры и Приапа. В виде общественных бань эпоха создала, наряду с «пробными ночами» и публичными прядильнями, еще одну возможность откровенного флирта, с той только разницей, что в последнем случае он носил более индивидуальный характер, а в первом — более общий, массовый.

Подобно своеобразной роли, которую играла куртизанка, обычай банной жизни придает эпохе Ренессанса особенно характерный отпечаток. Пристрастие к бане, в Германии восходящее к древним германцам, основывалось на широко тогда распространенном убеждении, что частое и продолжительное посещение бани необходимо в интересах сохранения или восстановления здоровья. Обычай совместного купания обоих полов также восходит к очень ранним временам. Впрочем, обычай почти совершенно обнажаться во время купания имел и свою гигиеническую причину (кроме вышеописанного отношения эпохи к наготы, наиболее ярким выражением которого служил обычай спать без рубашки). По крайней мере этим гигиеническим мотивом постоянно оправдывался обычай полнейшей наготы во время купания. Долгое пребывание в бане вызывало у большинства воспаление кожи, так называемую банную сыпь, и эта сыпь доставляла при трении о материю сильную боль. А так как, с другой стороны, в этой сыпи видели предпосылку и неизбежное условие полезного действия бани на здоровье, то она и служила удобным поводом для возможно далеко идущей наготы во время купания.

Оба пола были в этом отношении одинаково требовательны. Мужчины носили в лучшем случае передник или же имели в руке маленький веник, когда выходили из бани. Одежда женщины была такая же

легкая и состояла из маленького фартука, едва прикрывавшего ее тело. Женщины обнажались даже еще охотнее мужчин. Вместе с тем они подчеркивали свою наготу, придавая ей характер раздетости. Они достигали этого изысканностью прически и сверкающими украшениями: ожерельями, браслетами и т. д. Они становились пикантно раздетыми дамами. Из первоначальной нужды таким образом сделали для собственного и чужого удовольствия – добродетель.

Обычай совместного купания – и часто безусловной обнаженности при этом женщины – господствовал до XIII и XIV столетий. Только с этого момента мы встречаем в разных местах постановления, запрещающие совместное купание мужчин и женщин и отводившие каждому полу особое время, а подчас и особое помещение для купания.

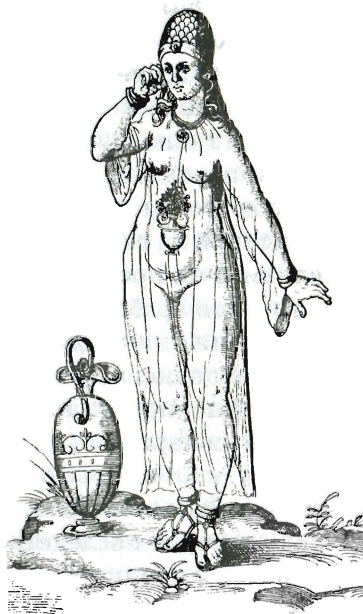
Если обычай, служивший первоначально только целям чистоты и здоровья, превратился с течением времени в одну из важных форм культа Венеры, в свою очередь весьма содействовавшего этому обычаю, то это было в природе явления. Так как господствовало убеждение, что баня только тогда бывает полезна для здоровья и только тогда имеет целительное действие, когда часто ее посещаешь (обыкновенно два раза в неделю, а в курортах, конечно, ежедневно), что необходимо как можно дольше мыться и париться, то появлялась, естественно, потребность скоротать время беседой и забавой. Так баня сделалась одним из главных очагов общественного развлечения. А коротали время при помощи пения, музыки, шуток, а так как купались по целым часам, то и едой и выпивкой.

Не менее естественным было и то, что взаимные отношения между полами носили всегда главным образом галантный характер. Галантное обращение с купавшейся рядом женщиной служило лучшим поводом для знакомства. И, разумеется, какой мужчина не пользовался подобным случаем для ухаживания. Надо

принять во внимание и то, что помещение, где купались, все равно, была ли то баня или купальня, было в большинстве случаев очень ограничено и что даже там, где мужчины и женщины отделялись друг от друга перегородкой, последняя была так низка, что никогда не мешала взорам и очень редко — рукам. Что же касается ванн, главной формы купален, то в них мужчины и женщины купались уже безусловно вместе, как показывает целый ряд картин и рисунков.

Словом, купание было наиболее благоприятным случаем для всех видов галантных походов. И потому об этой важной и для всякого интересной теме постоянно беседовали, т. е. к практиковавшимся здесь развлечениям принадлежал и разнузданный культ Венеры в словах, жестах и действиях, и он-то и придавал пикантность еде, выпивке и пению. А так как каждое явление подчинено своей собственной логике, то купание очень скоро превратилось из средства укрепления здоровья в удобный случай самого дерзкого и откровенного флирта. Купались уже для того, чтобы иметь возможность поухаживать друг за другом, цель превратилась в средство.

Понятно, что перед свадьбой, как перед праздником, люди принимали ванну. Однако в данном случае речь идет не о простом купании ради чистоты, а «о празднестве, составлявшем часть свадьбы, продолжавшейся несколько дней». Даже

*Купальный костюм дамы.
XVI в.*

более: речь идет о кульминационной точке всего свадебного торжества. Это видно хотя бы уже из того, что баня устраивалась обыкновенно лишь после свадьбы, что баня составляла заключительный эпизод свадебного пира. Этим объясняется также поведение молодых и гостей. В сопровождении музыкантов и гостей молодые отправлялись в баню, чтобы там выкупаться. Ради чистоты? Да, конечно, но только между прочим. А главным образом для того, чтобы довести свадьбу до конца среди пения, выпивки и веселья. Все современники единодушно сообщают, что при этом главную роль играли эротические шутки, забавы и игры.

Но даже и впоследствии, когда оба пола купались раздельно, обе стороны имели после бани достаточно возможностей вознаградить себя за потерянное, так как существовал обычай, что после купания оба пола собирались для совместного кутежа, танца и пения. Так как скоро выяснилось, что, чем меньше мешает платье, тем удобнее прыгать и скакать, то обе стороны охотно отказывались делать туалет, прежде чем перейти к игре и танцам. А это значило не более, как создать удобный повод для самого грубого флирта. Понятно, что повод этот старались до конца использовать.

Ссылкой на разнузданность, царящую в банях, составлялись на протяжении XV и XVI вв. в большинстве городов требования разъединения полов во время купания, накладывался запрет на совместное купание. Однако, по-видимому, эти постановления постоянно игнорировались. Разумеется, не старушками, а молодыми парнями, не желавшими упустить приятного случая по-своему поухаживать за девицами. А о сочувственном отношении последних к подобного рода шуткам говорят последствия, о которых часто упоминают авторы хроник и шванков.

Но и там, где оба пола уже не имели права совместного купания, где для каждого было установлено особое время и существовали особые помещения, быт этих

учреждений представляет еще немало характерных особенностей, позволяющих судить о нравственных воззрениях эпохи. Так, во многих местах женщинам тем не менее разрешалось пользоваться услугами банщика, имевшего на себе только небольшой фартучек, тогда как сами они отказывались даже от передника и разоблачали перед ним всю свою сияющую красоту. Надо заметить, что банщики не исполняли тупо-равнодушно свою обязанность, а часто позволяли себе довольно грубое ухаживание за понравившимися им женщинами. В одном сообщении говорится, что хотя они и снабжены фартуком, но часто его «роняют, как будто невзначай». А от взоров других мужчин женские бани были отнюдь не герметически закупорены.

Так как трудно было придумать более удобный, а для той эпохи и более приятный случай поклоняться Венере словами, взглядами, жестами и поступками, так как все здесь прямо толкало к использованию этого случая именно таким образом, то баня и дом терпимости очень рано слились. Это слияние объясняет нам и то обстоятельство, что профессия содержателя бани, как и профессия хозяина дома терпимости или скоморохов, считалась на протяжении всего Ренессанса ремеслом бесчестным. А само слияние этих двух учреждений замечается повсеместно и господствовало очень долго.

Первым проявлением этого слияния бани с проституцией была банщица. К услугам посетителей всегда, кроме банщика, были и банщицы. Если первые часто обслуживали женщин, то вторые не менее часто – мужчин. Банщица не только мыла, но и готовила постель для посетителя, если он желал после бани отдохнуть и т. д. Так становилась она естественным образом компаньонкой гостя, отвечавшей на все его даже самые грубые выходки, которым благоприятствовал уже один его костюм.

Одежда банщицы состояла везде только из сорочки, которая часто была сделана из прозрачной ткани.

Бывали случаи, что банщицы обслуживали гостей и совершенно обнаженными. Банщицы были лучшей рекламой хозяина бани, и он нанимал обыкновенно красивых и крепких, таких, которые могли смело обнажаться перед мужчинами, чтобы воспламенять их в таком виде. Некрасивые банщицы были всегда предметом насмешек. Доход хозяина возрастал, конечно, в зависимости от количества развлечений, которые посетитель находил в его учреждении. Нет надобности доказывать, что роль банщиц обыкновенно исполняли проститутки. Названия «банщица» и «проститутка» были синонимами. Назвать женщину «банщицей» считалось страшным оскорблением. «Она вела себя так скверно, как банщица».

Так как публичная баня была вместе с тем храмом Венеры, а банщица – прежде всего ее жрицей, то священникам и монахам посещение этих учреждений было или совсем запрещено, или же им предписывалось пользоваться услугами лишь банщика. Часто сами священники и монахи приводили банщика с собой. И вот случалось, что, когда чьи-нибудь дерзкие глаза заглядывали в помещение, где он мылся, банщик оказывался с косой.

Далее следует упомянуть, что банщицы представляли собой ту маску, за которой пряталась проституция в деревнях. Однако не только банщицы, но и многие из посетительниц бани принадлежали к большому ордену «веселых женщин».

В большинстве случаев только самые красивые проститутки выбирали баню местом своей деятельности. Так как оба пола купались вместе и без костюма, то красивая проститутка имела здесь лучший случай рекламировать себя. При многих банях находились обыкновенно одна или две комнаты, где парочки могли уединиться.

Многие мужчины отправлялись в определенные бани со специальной целью развлечься с проститутка-

ми, и потому многие городские бани были в сущности лишь расширенными домами терпимости. Если мы встречаем в хрониках указания на так называемые собственные бани проституток (такое известие существует, например, относительно проституток Ульма), то мы едва ли ошибемся, увидев здесь только известную разновидность публичных домов.

Рядом с общественными банями следует упомянуть и о частных, находившихся в домах знатных патрициев. В них часто господствовали те же нравы и тот же тон, как и в общественных, так как и они были прежде всего местами увеселения и любви. «Кто хочет повеселиться, тот устраивает у себя баню», – говорили тогда. Здесь влюбленная парочка могла удобнее всего предаться радостям Венеры и Приапа. В этих домашних банях все ходили совершенно обнаженными.

Этот обычай важен для истории общественных нравов по следующим двум причинам. Во-первых: частная баня была не только интимной комнатой для исключительного пользования членами семьи, сюда прежде всего приводили гостя, присутствуя во время его купания и посылая ему для услужения самую хорошенькую из горничных, и здесь же купались вместе с друзьями, развлекаясь едой, выпивкой, играми и шутками.

Другая причина, заставляющая считаться с этим обычаем как материалом для истории общественных нравов, заключается в том, что эти домашние бани были, по словам скандальной хроники эпохи, главной ареной адюльтера, и прежде всего именно для жен. В домашней бане молодая, красивая хозяйка дома охотнее всего позволяла любовнику застать ее врасплох. Желая угодить другу, умеющему использовать отсутствие мужа, дама спешила устроить ему ванну и присутствовала во время купания. Желая намекнуть любовнику, что она готова исполнить все его просьбы, жена-изменница писала ему, что его «ждет приятная

Банщик моет женщину

и веселая ванна». Такие «семейные радости» были весьма по вкусу многим ухаживателям и не менее охотно доставлялись им их красавицами. Доказательством могут служить разнообразные рассказы о том, как муж возвращается раньше, чем его ожидали, завершая сцену трагическим финалом.

Домашняя баня представляла часто не более как импровизированное помещение, куда на случай надобности ставили ванну. В домах богатых бюргеров и патрициев, во дворцах знати и церковных сановников ванная комната, напротив, устраивалась с большой роскошью: с мраморным полом, драгоценными ваннами, картинами соответствующего содержания, с мягкими пуховиками на скамьях, манящих после бани к отдыху, и т. д.

Домашняя ванная, несомненно, более древнего происхождения, чем публичная баня. Она существовала уже в рыцарских замках, и из поэзии миннезингеров явствует, что уже и тогда она служила предпочтительно для культа Венеры. Но до XII в. число их было, по всей вероятности, еще очень незначительно, так как нам известно, что многие князья и государи посещали публичные бани. В XV и XVI вв. по мере роста богатства в среде восходившей буржуазии число домашних ванн все увеличивается и общественная баня посещается уже почти исключительно средним и низшим классами.

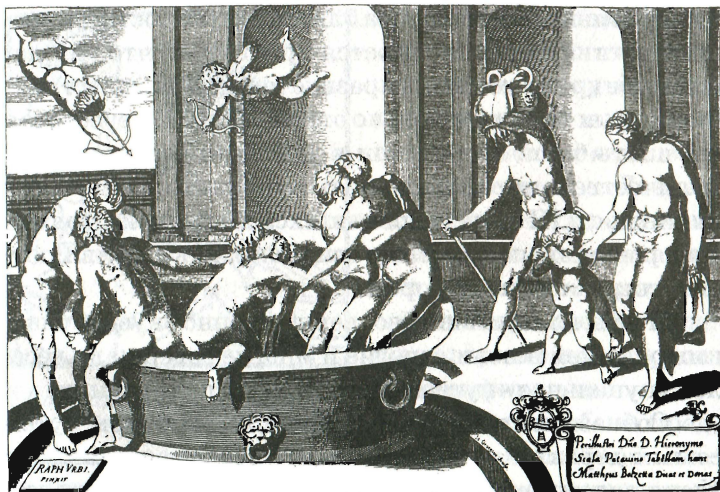
Постепенный отказ патрициата и вообще всех имущих классов от пользования публичными банями как публичными домами имел, однако, еще одну причину. Она заключалась не в том, что эти классы обраца-

ли все больше внимания на благопристойность и нравственность. Дело объясняется просто тем, что они нашли себе другое место для развлечений. Удовольствия, от которых они добровольно отказывались, переставая посещать бани, они нашли в удвоенном и утроенном количестве в многочисленных курортах, расцветших начиная с XIII в. и становившихся такими же модными и роскошными местами свидания, какими являются и современные курорты.

Чтобы полностью и беспрепятственно вкусить сладких радостей жизни, многие и многие совершали веселое «купальное» путешествие, как тогда говорили.

Соблазнять и быть соблазненной, и притом путем самых дерзких и рискованных средств, составляло главную тему ежедневной жизни, облакавшуюся в сотни разнообразных форм. К этому все стремилось. Это давало камертон жизни. Женщины исполняли эту программу главным образом тем, что на протяжении целых часов доставляли мужчинам во время совместного купания самые пышные эротические зрелища, мужчины – тем, что постоянно побуждали женщин к такому поведению, создавая при помощи галантных слов, откровенных жестов и смелых выходок все новые комбинации для повторения старых приемов. Зрелище, которое женщина доставляла мужчине, было притом не тайным, специально для него предназначенным, а открытой игрой, имевшей в виду, быть может, одного, но рассчитанной на всех. Эта игра должна была приковать к женщине взоры всех.

Посетительница целебных источников не могла, правда, обнажаться больше, чем дама, купавшаяся в своей домашней ванне, но зато она больше подчеркивала свою раздетость, устраивая более роскошную прическу, утопая под блеском украшений, надевая более богатый купальный костюм (если прибегала вообще к костюму), очень мало предназначенный служить своей первоначальной цели.

Рафаэль. Фреска в ванной комнате кардинала Биббиены

Нет ничего удивительного в том, что проститутки наезжали в курорты целыми ордами. Здесь их профессия была особенно прибыльна. Куртизанки, естественно, задавали тон всей жизни. Во время празднеств они были оживляющим элементом. Постоянное присутствие многочисленных проституток было далее обязательно для этих курортов.

Желание отдохнуть от гнета семейного быта, от скуки супружеской жизни толкало не только многих мужчин к посещению курортов, но и многих «честных женщин». Глаубер говорит: «Многие женщины охотно посещают соляные или горячие источники, так как их мужья слишком стары и холодны». Еще в 1610 г. Гваринониус пишет: «Многие женщины едут в Галле, потому что там им нетрудно обмануть своих мужей». Другой современник сообщает: «В купальных каморках многие порядочные женщины развлекаются с молодыми людьми, от чего должны были отказаться дома из боязни сплетен, и многие усердствуют в этом отношении больше даже, чем банщицы».

При таких условиях неудивительно, что бесплодие было той женской болезнью, которая легче всего излечивалась целебными ваннами. Поджо сообщает об этом со злой насмешкой: «Если ты, о друг, спросишь меня о действии здешних источников, то я должен тебе сказать, что оно очень разнообразно, но в некоторых пунктах оно прямо грандиозно и божественно. Ибо во всем свете нет других целебных источников, которые лучше излечивали бы женское бесплодие. Если сюда приезжает бесплодная женщина, то она очень скоро испытывает чудодейственную силу источника, если она только усердно прибегает к тем средствам, которые наука предписывает бесплодным».

Короче и лучше всего выражает этот факт старинная поговорка: «Для бесплодных женщин лучшее средство – целебные источники. Чего не сможет сделать источник, то сделают гости». Разумеется, порой лечение было даже слишком успешно и превосходило первоначальную цель, как видно из другой поговорки: «Лечение в курорте оказалось слишком успешным, так как забеременели мать и дочь, служанка и собака».

Постепенное исчезновение обычая публичных бань и купален было вызвано теми же причинами, которые обезлюднили «женские дома», а именно общим социальным упадком и сифилисом.

По поводу общего социального упадка надо заметить еще, что он осложнялся для содержателей бань тем, что в XVI в. сильно вздорожали дрова. Так как бани топились исключительно дровами, то посещение их становилось все дороже по мере того, как дорожали дрова, и сделалось в конце концов роскошью, недоступной для большой массы.

Игры взрослых имели во все времена в большинстве случаев эротическую подкладку или, во всяком случае, в них всегда звучала эротическая нотка. Содержанием большинства игр, пользующихся симпатией взрослых, служит шутливое ухаживание друг за

другом молодых людей обоего пола или процесс взаимного завоевания одного другим.

В Средние века и в эпоху Ренессанса это эротическое содержание игр выступает еще совершенно откровенно. Яснее всего в тех играх, в которых речь шла не о чем другом, как об аллегорическом изображении грубого чувственного удовольствия. Мужчины и женщины хотели как следует и как можно удобнее насладиться удовольствием, доставляемым такими шутками. А проще всего это можно было сделать именно в рамках игры, в которой участвовали оба пола. Характерными примерами таких игр являются: «опрокидывание», «похищение поцелуя», «пастух из нового города» и др. Все эти игры были одинаково популярны и распространены.

Игра «опрокидывание» состояла в комическом единоборстве мужчины и женщины. Каждая из сторон должна была попасть поднятой ногой в пятку другого, чтобы вывести его из равновесия и повалить на пол. Дама сидела при этом верхом на спине мужчины, стоявшего на коленях, а кавалер свободно стоял на ногах. Так как женщины тогда не носили нижних юбок, то все единоборство было со стороны дамы непрерывным добровольным обнажением перед взором зрителей ног и бедер. Это декольтирование снизу вверх достигало своего апогея, когда победа оставалась за кавалером и дама падала на пол. Аналогично содержание игры «похищение поцелуя». Поцелуй играл главную роль во многих играх. В той, которую мы имеем здесь в виду, примитивно-грубый характер развлечения прямо бросается в глаза. Борющиеся пары сидели верхом: женщина на плечах мужчины, мужчина на плечах женщины. Очевидно, это была не очень салонная игра, так как конь и всадник то и дело падали и парочки катались по полу или на траве в пестрой сутолоке, в чем и состояло главное удовольствие.

Игра «пастух из нового города» описана Мурне-

ром. В ней тоже все вертелось вокруг поцелуя как награды. Эта игра требовала от женщины такой же силы, как от мужчины, так как и она должна была поднять и кружить его в воздухе. Только та способна участвовать в этой игре, которая «может поднять парня на воздух, когда он принимается скакать и прыгать». Мужчина мстил тем, что поднимал свою партнершу еще выше и вертел ее в воздухе еще отчаяннее. Мурнер замечает по поводу этой игры: «В ней нет ни приличия, ни пристойности. Когда парни поднимают девиц, то доводят игру до того, что у них все видно». Игра кончалась, по-видимому, массовыми поцелуями.

Но все игры и шутки далеко уступают по своей популярности и по своему эротическому содержанию той игре, которая во все времена была излюбленной забавой взрослых, – танцу.

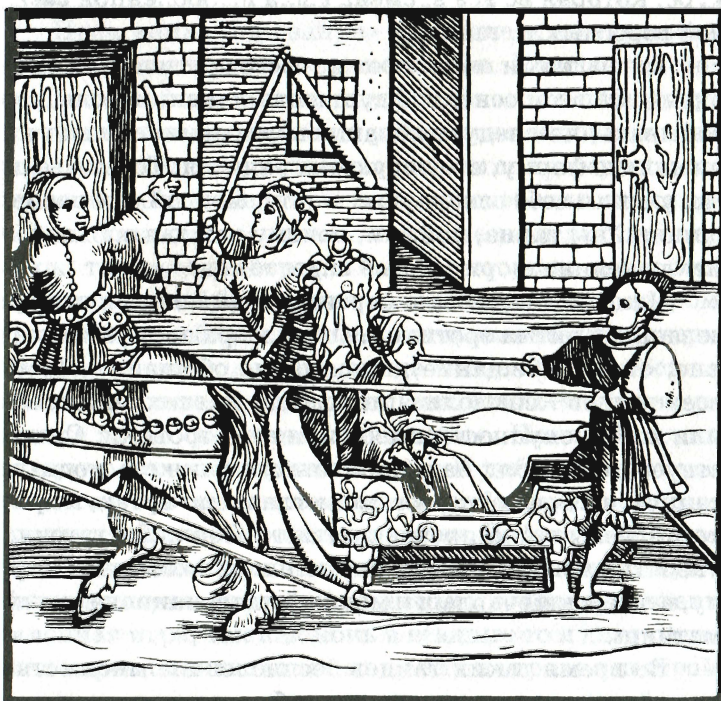
Танец, как и мода, прежде всего эротическая проблема. Об этой основной сущности пляски не следует забывать, не следует обращать внимание только на внешнюю форму, в которую она рядится. Только если мы уясним себе основную ее черту, мы поймем последние тайны танца, поймем, почему каждая эпоха, без исключения, творит новые виды танца.

Пляска всегда была переведенной на язык стилизованного ритма эротикой. Она изображает ухаживание, отказ, обещание, исполнение обещания. Тема всех танцев – символизация одного из этих элементов или же совокупности всех элементов эротики. Существует целый ряд национальных, а также и модных танцев, изображающих в своих главных чертах, и притом чрезвычайно прозрачно, акт любви. Достаточно указать на итальянскую тарантеллу, польскую качучу, венгерский чардаш и модный интернациональный матчиш.

Во время таких танцев бесчисленное множество людей наслаждаются упоением безумного сладострастия. Если в упомянутых танцах эротический элемент

обнаруживается при первом взгляде на них, при первых звуках, так как они доводят в своей дикой символике до последнего предела то, что изображают, то, в сущности, о том же самом идет речь и в других современных танцах, например в вальсе. Вальс передает ту же тенденцию, только в более утонченной, изысканной форме.

Эта истинная сущность пляски объясняет очень многое. Так как она – переведенный на язык стилизованного движения ритм полового акта, то, естественно, никогда не существовало более опасного соблазителя и сводника, чем танец, и потому в танце перед сладострастием раскрываются самые широкие и смелые горизонты.

Катание на санях. Символический летучий листок

Парень, умевший смелее других кружить в воздухе свою партнершу, пользовался славой лучшего танцора, так как позволял ей до дна испить сладкую чашу безумия. Многие девушки поэтому сами побуждали своих кавалеров вести себя как можно смелее. Современник пишет: «С парнем, не умеющим или не желающим как следует кружить девуку, последняя ни за что не хочет плясать и называет его дураком, не способным двигать своими членами. Многие парни не плясали бы так бесстыдно, если бы сами девки не побуждали их к этому, даже более, теперь сами девки кружат в воздухе парней, если последние оказываются слишком ленивыми».

Для девицы, женщины и вдовы – все они одинаково усердно танцевали – не было большей чести, как если ее приглашали к каждому танцу и кавалер поднимал ее выше других.

Когда безумие пляски охватывало девушку, она переставала скупиться на те щедрости, которых так жаждали мужчины и юноши. Более стыдливая расстегивала тайком для своего кавалера одну пуговицу в корсаже, более смелая делала это открыто и не ограничивалась одной.

Генрих фон Миттенвейлер говорит в одном стихотворении: «Девушки бойко прыгали так высоко, что видны были их колени. У Гильды лопнуло платье так, что показалась вся грудь. Гюделейн стало так жарко, что она сама раскрыла спереди свое платье, и все мужчины могли насладиться ее красотой».

Так как танцорки ничего не имели против того, что их опрокидывали на пол или на землю, то эта забава в некоторых местах вырождалась в настоящую оргию, без которой вообще не обходилась ни одна пляска. Власти старались помочь делу еще тем, что ставили танцующих под надзор. Алойзиус Орелли пишет в 1555 г.: «Так, например, запрещены все танцы, когда-то главное увеселение всех классов и возрастов. Они разрешались только на свадьбах, но должны были кончаться с

заходом солнца. Чем реже становилось это удовольствие, тем с большей страстью наслаждались им. Молодые сильные юноши старались во время танца повалить других, причем неоднократно случалось, что девушка падала вместе с танцором и падала так, что ее положение вызывало смех, оскорблявший ее стыдливость. Правда, опрокидывание друг друга было запрещено, но в увлечении пляской забывали об этом запрещении. Если опрокидывали одного, это действовало заражающе и опрокинутый старался отомстить быстротой и ловкостью. Чтобы воспрепятствовать таким неприличиям, власти посылали особых цензоров на бал. То были слуги городского совета, носившие цвета города. Им было приказано при первой преднамеренной попытке опрокинуть одного из участников пляски запретить музыкантам играть и таким образом положить конец всему веселию».

Пляска служила поводом для обмена всевозможными интимными нежностями. Главную роль играл поцелуй. Целовали женщину не только в губы и щеки, а охотнее всего в грудь. Эта ласка считалась актом преклонения, который каждая девушка и женщина могла разрешить, не рискуя потерять доброго имени. Еще усерднее губ действовали, однако, руки. «Мужчины хватают девок на виду у всех за корсаж, что доставляет большинству из них тайное удовольствие». Женщины только слабо противились такому натиску, так как мужчины именно этим путем обнаруживали свой восторг перед партнершей по танцу.

Раз с обеих сторон делались такие уступки друг другу, то неудивительно, что целомудрие находилось в очень рискованном положении, и потому пословица гласила: «Когда целомудрие отправляется на пляску, оно пляшет в стеклянных башмаках» или: «Девушка, отправляющаяся танцевать, редко возвращается неощипанной». То, чего требовали в упоении танцем, что наполовину обещалось взглядами и рукопожатием,

осуществлялось потом на обратном пути, когда чувства еще были опьянены.

Если из-за подобных приемов и нравов благочестивые люди требовали упразднения всякой пляски, ибо в «каждом танце замешан дьявол», то так называемое почтенное бюргерство осуждало только вечерние танцы как единственные будто бы очаги безнравственности. Отказаться же от «приличных бюргерских танцев» оно ни за что не хотело. И не только потому, что пляска была одним из наиболее излюбленных увеселений, но и по той не менее важной причине, что бал, тогда, как и теперь, служили лучшим случаем для почтенных матерей семейств заняться сводничеством и выгодно сбыть с рук своих дочек.

Танцы позволяли лучше всего довести сводничество до желанной цели. А это обстоятельство опровергает мнимую «порядочность» бюргерской пляски. Ибо везде там, где занимаются сводничеством, всегда прибегают к тайным уловкам, чтобы не упустить выгодное дельце. Самый надежный прием, который только может пустить в ход женщина, все равно, в салоне или на танцевальной площадке, состоит в том, чтобы давать мужчине авансы в счет будущего, так как эти авансы — лучшая «приманка для холостяков» и лучше всего возбуждают их аппетит. Кроме того, каждая девушка, все равно, крестьянка или мещанка, знала превосходно пословицу: «Женщина любит так, как танцует» и др. И умные девицы и вели себя сообразно таким пословицам.

Женщина богатых и знатных кругов делала мужчинам своего класса те же самые уступки за чудовищно смелые выходки, какие позволял себе похотливый деревенский парень по отношению к охваченной сладострастием девке, и нравились они ей не менее, чем последней.

Во время входивших тогда в моду при дворах официальных танцев, напоминающих наш полонез и заключававшихся в том, что пары двигались по зале под зву-

ки музыки, участники вели себя, несомненно, менее шумно и более чопорно. Однако эти танцы служили лишь официальным вступлением к какому-нибудь торжеству. Так, знаменитый «факельный танец» по своему происхождению не что иное, как церемония, сопровождавшая шествие молодых к брачному ложу. Но и в этих случаях главная суть также была в том, что выше мы определили как основную сущность танца, являющегося лишь стилизованной эротикой. Даже в этих чопорных церемониальных танцах чувственность подсказывала фигуры, определяла темп, диктовала движения и поклоны танцующих. Они также не более как символическое выражение любви между мужчиной и женщиной. Они только стилизованные формы взаимного ухаживания.

Так как пляска представляла наиболее благоприятную почву для проявления и удовлетворения чувственности, то она всегда и занимала первое место среди увеселений.

Если люди хотели веселиться, они приглашали музыканта и он должен был наигрывать пляску. Главный ежегодно повторявшийся престольный праздник отмечался не только обильной выпивкой и едой, но и непрерывной общей пляской. Уже за обедом музыканты играли плясовую, и едва обед кончался, как парень обхватывал девку, сосед — полную соседку и пары неслись по траве в бешеном вихре.

Чем выше поднималось настроение, чем бешенее становилась общая сутолока, тем чаще доставлял танец отдельным участникам сладострастные ощущения. То и дело уходили парочки, чтобы снова появиться украдкой. За окутанной вечерним сумраком изгородью тайком удовлетворялась жажда любви, и чопорная мешанка была так же снисходительна к своему ухаживателю, как благородная дама к разнежившемуся аристократу или широкоплечая батрачка к похотливому батраку.

Когда солнце наконец клонилось к закату, слышалось уже не воркованье и сдавленный смех, а из горла вырывался сладострастный стон и крик. В этой стадии уже нет речи о противодействии. Из ритмической пляска превращается в дикое торжество разнузданности. Все-все – такова единая воля, проникающая во всех. И это «все» совершается в диком и пьяном экстазе. Уста льнут к устам, и, подобно железным крючьям, впиваются пальцы в пышное тело. Парень уже не тащит девку с собой за изгородь, а бросает ее тут же на землю, чтобы насытить свою дику алчность. Так изобразил Рубенс праздник в деревне. Эта картина воспроизводит действительность не такой, какая она есть на самом деле, но она самая грандиозная и потому самая правдивая символизация чувственной радости, которой отдавалась эпоха Ренессанса в праздничные дни. Вместе с тем и именно поэтому она сделалась смелым откровением последних тайн страсти, во время пляски текущей огнем по жилам людей.

Наряду с престольным праздником значение большого народного гуляния имела Масленица.

Поскольку в нем участвовали взрослые, эротика не только ощущалась и здесь довольно явственно, но все в нем было положительно насыщено эротикой: она была главной темой, которую культивировали. Это тем более естественно, что Масленица служила, по всей вероятности, продолжением древних сатурналий, т. е. была не более чем официальным случаем для безудержного торжества чувственности. Нет ничего удивительного поэтому в том, что Масленица во многих местностях символизировалась гигантским фаллосом, который несли на шесте впереди процессии. Обычай маскироваться и рядиться давал особый, можно сказать, безграничный простор для этого культа, так как окутывал каждого дымкой безвестности.

С маской на лице, в шутовском костюме мужчины и женщины могли безбоязненно позволять себе всякие

смелости и всякую свободу, на которые они не отважились бы с открытым лицом. Мужчина мог нашептывать свои признания и желания даме в такой форме, которая даже под маской вгоняла ее в краску стыда. А женщина позволяла себе слова, которые в будни никогда не сорвались бы с ее уст. Дерзкий мог свободно дойти до последних пределов смелости, так как по законам шутовской свободы снисходительно прощали и самые смелые выходки, а женщина, жаждавшая чего-нибудь необычного, могла поощрять робкого использовать удобный момент. Все это можно было делать и говорить, так как никто не знал другого.

Ряжение давало возможность еще для целого ряда эксцессов, так как при некоторой ловкости человек мог не бояться разоблачения и преследования. Можно было исполнить в честь женщины или проститутки серенаду и отомстить ей неузнанным при помощи разных «позорных песен» за полученный от нее отказ, можно было в большой компании посетить «женский дом» и там устроить дебош, можно было на улице запугивать девушек и женщин и насладиться их страхом и т. д.

Об одном празднике, устроенном в 1389 г. при французском дворе в связи с турниром, свидетель сообщает: «Ночью все надели маски и позволяли себе такие выходки, которые скорее достойны скоморохов, чем таких знатных особ. Этот вредный обычай превращать ночь в день и наоборот вместе со свободой безмерно есть и пить привели к тому, что люди вели себя так, как не следовало вести себя в присутствии короля и в таком священном месте, как то, где он во время похода держал свой двор. Каждый старался удовлетворить свою страсть, и все будет сказано, если мы упомянем, что права многих мужей были нарушены легкомысленным поведением их жен, а многие незамужние дамы совершенно забыли всякий стыд».

О карнавале 1639 г. сообщается, что герцогиня Ме-

Зимние развлечения

динская устроила маскарад, на котором фигурировала с двадцатью тремя красивейшими дамами в костюме амазонок, и притом такого мифологического покроя, что этот праздник наготы вызвал целый ряд скандалов. Упомянутые выше игры борьбы между обнаженными куртизанками и крепкими лакеями, бывшие в ходу при дворе папы Александра VI, были также карнавальной шуткой.

С Масленицей был связан ряд обычаев, безусловно, эротического характера. Упомянем лишь об обычае «соления девственности» или об обычае «паханья плугом и бороной». В одном описании последнего обычая говорится: «Молодые мужчины собирают всех девушек, участвовавших в продолжение года в танцах, впрягают их вместо лошадей в плуг, на котором сидит музыкант, и гонят всех в реку или пруд». Эти слова только описывают обычай, не объясняя его тайного смысла. На самом деле он служил средством высмеять в юмористической форме тех девушек, о которых было

достоверно известно, что они весьма мечтали выйти замуж, но остались без женихов.

Эротический смысл этого обычая нетрудно вскрыть, если вникнуть в символику, которой он обставлен. «Плуг» и «борона» служили как в Средние века, так и в эпоху Возрождения (как некогда и в древнем мире) символами мужской силы, тогда как недра земли, которые ими вспахиваются, считаются символами женского плодородия. Этим обычаем хотели сказать, что означенные девушки тщетно искали пахаря, который вспахал бы их пашню любви, и потому их и гнали под град насмешек в воду, ибо воду нельзя распахать.

В связи с масленичными пьесами необходимо сказать несколько слов и о тогдашнем театре. Масленичные пьесы, хотя и не были исходной точкой театра, все же были одним из его главных источников. Они воплощают всегда веселый жанр – комедию и фарс. Элемент серьезный и трагический, в свою очередь, обретал свое выражение в мистериях. В этих последних зрелищах, не только находившихся под покровительством церкви, но и обыкновенно устраивавшихся ею, эротика играла также значительную роль. Достаточно упомянуть, что, например, мотив непорочного зачатия трактовался в них с невероятной грубостью. Это справедливо главным образом относительно французских мистерий. В одной такой мистерии Дева Мария помогает в последнюю минуту забеременевшей от духовника игуменье выйти из фатального положения, а когда одна дерзкая женщина хочет удостовериться, правда ли она дева непорочная, то она лишает ее руки. Известно, какие смелые эротические мотивы и ситуации встречаются в драмах Гросвиты из монастыря Гандерсхейма: сцены массового соращения и изнасилования женщин, случаи инцеста и т. д.

При таких условиях неудивительно, что в светских драмах и комедиях эротике отводилось также весьма большое место.

Глава 6

СЕКСУАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ

Подобно юному божеству вступил Ренессанс в жизнь европейского культурного человечества. Шаги его оставили в истории огромный след, продолжающий сверкать еще поныне как великолепный победный знак прогресса.

И, однако, над огненным плащом, в который облачился юный бог, над этим плащом, сообщавшим всем опьяняющую радость творчества, сгустились в полдень две огромные тени, приносявшие духовную и физическую смерть всем тем, кто попадал в эту тень. То были сифилис и ведовство.

Если сифилис был своего рода всемирно-исторической остротой, страшной иронией истории, то ведовство – всемирно-исторической фатальностью. Сифилис мог бы и не явиться, он не вытекал с внутренней необходимостью из исторического развития. Ведовство с его дьявольскими оргиями было, напротив, исторической необходимостью. Оно было неизбежно.

История ведовства навсегда останется одной из самых чудовищных глав во всей истории человечества. Эта трагедия непонятна лишь до тех пор, пока ее вырываешь из рамок эпохи. Если же ее рассматривать в связи с эпохой, то она является вполне логичной, ибо ее возникновение было неизбежно.

Не случайность, что вера в ведьм и преследование ведьм начинаются как раз на исходе XV в. В 1484 г. появилась булла папы Иннокентия VIII против ведовства, в 1487 г. вышел в свет дьявольский «Молот ведьм», составленный Генрихом Инстититорисом и Яковом Шпренгером, – так сказать, догматика веры в ведьм, приведшая безумие в систему. Не простой случайностью является и то, что вера в ведьм и преследование ведьм совпадают с периодом между 1490 и 1650 гг.

Конечно, как до, так и после этой эпохи ведьм пре-

следовали. Уже столетиями раньше ведьмы сжигались, и только в XVIII в. погасли последние костры, на которых церкви жарили цветущие женские тела. Но временем истинного господства этого безумия был как раз период между 1490 и 1650 гг.

Эти даты дают нам вместе с тем ключ к разгадке проблемы. Нас интересует в данном случае не только половой, эротический элемент этого явления, но и та черта, что совпадение отвратительнейшей главы в истории с одной из самых гордых и жизнерадостных глав европейской культуры является не просто плохой остротой мировой истории, которая могла бы выразиться и иначе, что это безумие было неизбежным финалом тогдашних возможностей развития.

Вера в дьявола и демонов, так сказать, вечна, так как тесно связана с каждым сверхъестественным объяснением мира. Каждое понятие нуждается в своей противоположности, чтобы получить конкретное содержание. Понятие теплоты предполагает понятие холода, принцип добра предполагает принцип зла. Понятие «божество» тесно связано, таким образом, с понятием «дьявол». Принцип зла всегда, однако, олицетворяется творческой фантазией в большем количестве образов, чем идея добра. В зле люди видят незаслуженную злобу завистливых врагов. А так как мир в глазах каждого полон неразрешимых загадок, грозящих бедой и невзгодами, то он, следовательно, населен чертями. Существует 4 333 556 чертей и чертенят. Говорят, однажды у смертного одра игуменьи они все собрались вместе.

Представляя прямую противоположность идее добра, вера в дьяволов и демонов является постоянным элементом во всех религиях откровения. Мы находим ее у древних египтян и греков, равно как и в христианстве. Протестантизм не представляет в данном случае исключения.

Если несмотря на то что вера в ведьм — постоянная

Старуха в борьбе с дьяволом

составная часть всякой религии откровения, эта вера только в ту эпоху привела к оргии всеобщего безумия, то это объясняется исключительно историческими условиями времени. Нам надо, следовательно, доказать, что исторические условия были тогда именно такими, что они должны были неизбежно привести к оргии ведовского безумия.

Небо и ад, божество и дьявол всегда не что иное, как отражение земной действительности, олицетворение ее радостей и страхов, ее блаженства и мук. В этом маскараде дьявол всегда воплощает горечь жизни. Так как последняя в ту или другую эпоху более или менее одинакова для всех людей, то и представления людей эпохи о дьяволе более или менее одинаковы или во всяком случае очень схожи. Другими словами, происхождение понятия о дьяволе объясняет нам то иначе необъяснимое явление, что каждая эпоха представляет себе дьявола по-своему. Далее отсюда следует, что, чем сложнее становилась жизнь, чем больше она навязывала людям скорбь и страдания, тем сложнее становились и представления о дьяволе, который все боль-

ше превращался в жестокого варвара, все на своем пути душашего и убивающего.

А именно так осложнилась жизнь для человечества вместе с воцарением капитализма.

Перед человечеством раскрылись и все его последствия. Первым из них была необходимость изучения естественных наук, проникновения в тайную сущность вещей. Чтобы объехать мир, нужна была астрономия; чтобы расчленить, познать и сделать своим собственным господином человеческое тело, высшее понятие эпохи, нужна была анатомия; чтобы разлагать вещества на составные элементы и произвольно комбинировать эти элементы, т. е. чтобы иметь возможность фабриковать, нужна была химия.

Воли отдельных лиц было, однако, недостаточно для решения этих огромных задач. Требовалась подготовительная работа целых столетий, чтобы осуществить эту цель. А между тем все было обречено на половинчатость, все оставалось половинчатым. Человеческий дух поневоле заблудился. Астрономия превратилась в астрологию, анатомия в шарлатанство, химия в алхимию. А это было не чем иным, как банкротством первоначальных стремлений, внешними формами, в которых обнаружилось это банкротство.

Когда же люди стали постепенно сознавать факт банкротства — его причины и связь они никогда не уяснили себе, — то чувство беспомощности перешло в настоящую панику. Весь мир казался теперь одним сплошным преддверием ада, где тысяча дьяволов простирают руки к несчастной жертве, чтобы насладиться ее страхом. Добрый, милосердный Бог, казалось, покинул землю.

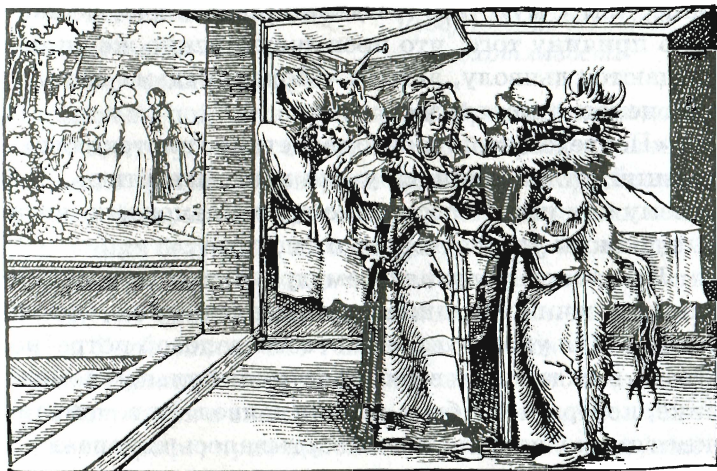
Если незрелость эпохи привела к суеверию, то общее отчаяние возвело его на трон. Люди продавались дьяволу, бросались в объятия веры в демонов, чтобы до известной степени примирить черта и обмануть таким образом судьбу, уже наметившую свою жертву.

Таковы исторические предпосылки культа дьяво-

ла и эпидемической веры в ведовство, принявших с конца XV в. характер массового явления. А так как медленное течение развития лишь постепенно выводило людей из запутанного лабиринта, то Европа неизбежно превратилась на полтора столетия в один огромный ведьмовский котел, где чудовищная галиматья «Молота ведьм» была высшим законом, а никогда не потухавшие костры – последней инстанцией мудрости.

Необходимо в заключение дополнить эту картину некоторыми подробностями.

Первый вопрос, постоянно всплывающий здесь, гласит: почему безумное дьявольское суеверие обращалось преимущественно против женщины, почему всегда говорили о ведьмах, а не о колдунах? Что касается специально Германии, то существенная причина этого явления заключается в положении древнегерманской женщины в религии. Женщина считалась жрицей, всегда находящейся в союзе с божескими силами. Ведьма является до известной степени наследницей германской жрицы.

Г. Вейдиц. Черт похотливости

Гораздо важнее, однако, другой фактор, касающийся всех стран. Этот фактор заключается в обусловленном учением о первородном грехе, презрительном отношении к женщине. «Через женщину в мир вошел грех», «женщина есть воплощение греха», «всякий грех от женщины», «объятия женщины подобны западне охотника», «всякое зло ничто в сравнении с женщиной». Так гласят главные положения христианства, и церковь комментировала их сообразно своему аскетическому мировоззрению с неисчерпаемым разнообразием. Отсюда только один шаг к убеждению, что женское начало – врата, ведущие в ад. А это один из главных пунктов веры в ведьм и «Молота ведьм». Благодаря тому, что женщина вступает в любовную связь с дьяволом, ад подчиняет себе душу человека.

Одна из самых длинных глав «Молота ведьм» обосновывает это положение. Это та чудовищная глава, где каждая строчка представляет собой глумление над женщиной. В ней встречаются и все вышеприведенные афоризмы, и ими автор отвечает на вопрос: «Почему подобные гнусности встречаются у слабого пола чаще, чем у мужчин?». Однако последнюю, решающую причину того, что преимущественно женщины предаются дьяволу, авторы «Молота ведьм» находят в их ненасытном сладострастии.

«Подведем итог: все это делается из плотских вожделений, отличающихся у них ненасытностью... Вот почему они имеют постоянно дело с демонами, которые должны удовлетворить их похоть».

При таких условиях немудрено, что всякая падкая до мужчин женщина подозревалась в том, что она ведьма. Для удовлетворения своей половой потребности она нуждается в сверхчеловечески сильном помощнике, которым мог быть только дьявол. Впрочем, так же часто положение это вывертывалось наизнанку и похотливость считалась делом дьявола.

Если спросить о предрасположенности отдель-

ных индивидуумов к вере в существование ведьм и о главных питательных источниках чудовищных преследований, которым подвергались ведьмы, то ответ вскроет нам еще дальнейшие половые элементы ведовства.

Здесь важен тот факт, что многие женщины крепко верили, что они вступали в любовную связь с дьяволом и находятся в союзе с ним. Разумеется, мы не будем придавать значения ни одному слову тех чудовищных признаний в подобных любовных связях, подробнейшим образом описанных в массе актов, составленных во время процессов ведьм. Все подобные признания получены и сделаны под пыткой. А таким образом можно доказать все, что угодно. Однако в нашем распоряжении имеются и другие достоверные данные о распространенности этой веры. Что здесь идет речь о видениях и измышлениях безумцев, ничего, разумеется, не меняет.

Важно отметить здесь то, что эти безумные мечты становятся настоящим массовым явлением в эпоху упадка Ренессанса. Это также находит свое объяснение в тогдашней исторической ситуации. Эта эпоха была благодаря в значительной степени вышеописанной катастрофе, приведшей к гибели Ренессанса, вместе с тем веком постоянного и огромного недостатка в мужчинах (как было указано уже в другом месте). Ни-

Г. Гольциус. Символическое изображение женской похотливости

когда не было такого множества неудовлетворенных в половом отношении женщин, девушек и вдов, как тогда. Сотни тысяч женщин без зазрения совести удовлетворяли свои желания полными глотками, но ведь и этот факт обусловлен в значительной степени той же причиной.

Было, однако, еще больше женщин, тщетно мечтавших об удовлетворении своих инстинктов. Их было много везде, в особенности же среди мелкой буржуазии, где экономические условия сильно затрудняли вступление в брак. Эта острая и отчаянная борьба за мужчину приводила к тому, что множество женщин насильно стремились добиться любви и предпочитали всем рисковать, лишь бы достигнуть своей цели. Вера в демонов приходила этим несчастным на помощь. Какая-нибудь старуха-соседка или бродячая женщина знала тайну и располагала тайными средствами. Она умела мастерить всепобеждающие любовные напитки или знала средства получить над мужчиной тайную власть, так что он не успокоится, пока не будет обладать той, которая дала ему это средство.

Это было тайной мечтой бесчисленного множества женщин, под влиянием социальной нужды их желание становилось могучим стимулом, и десятки тысяч женщин из года в год испытывали действие подобных формул и тайных рецептов.

Если неудовлетворенная жажда любви приводила женщину к эротическому помешательству, то получалась в итоге женская болезнь, которая для тогдашней науки была неразрешимой загадкой, а суеверию должна была представляться признаком того, что такая женщина одержима демоном и что в ней засел дьявол. Этой болезнью была истерия в разных ее стадиях. Целый ряд описаний поведения женщин, слывших в том или другом городе, в той или другой местности ведьмами, показывает, что многие из таких женщин были просто истеричками. Швейцарская поговорка, вложенная в уста

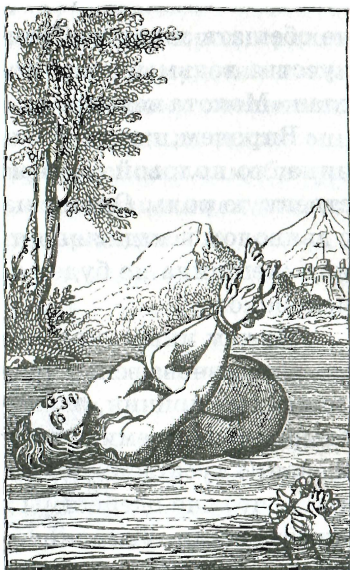

девушки, страдающей болезненной жадой любви: «Мать, дай мне мужа, а не то я подожгу дом» – служит типическим доказательством того, как часто половая неудовлетворенность принимала форму истерии.

Таким образом, сама картина болезни давала – особенно когда женщина уже была тайно заподозрена – обильнейший материал для доносов. В то, во что верило общественное мнение, в тысяче случаев верила и сама подозреваемая женщина. Была еще третья причина распространенности тогда полового безумия, и эту причину также не следует игнорировать.

Мы имеем в виду так часто практиковавшийся обычай религиозного самобичевания. Опыт доказывает, что самобичевание может даже нормальным в половом отношении лицам доставить половое наслаждение, и потому оно всегда и относилось под названием «флагелляции» к эротическим извращениям. В то время самобичевание было одним из главных козырей в руках церкви, которая таким образом сама искусственно взращивала то, что ею же осуждалось как высший порок, – то была, быть может, самая жестокая ирония заблудившегося духа века.

Что главным содержанием проблемы ведовства является именно половой элемент, видно из того, что основные номера репертуара кухни ведьм имеют почти без исключения отношение к половой жизни. Женщина становится ведьмой, вступая с дьяволом в половую связь. Таким пу-

Испытание ведьмы. XVI в.

тем она получает свою тайную власть. В «Молоте ведьм» говорится: «В-пятых, такая женщина, приобщенная к царству дьявола, получает своего особого черта для любви. Он устраивает с ней свадьбу, а другие при этом веселятся. В-шестых, этот черт часто ее навещает, вступает с ней в половые отношения, иногда приказывает ей сделать то или другое зло вместе с другими, получившими такое же приказание». Постоянная половая связь с властителем ада или с одним из его заместителей – вот та монета, которой дьявол платит женщине за то, что она ему продалась. Ведьма умеет варить снадобья, пропитывающие кровь мужчины и женщины neodолимым желанием обладать определенной особой, но и столь же непреодолимым отвращением. Ведьма может увеличить до бесконечности половую способность мужчины или же совершенно ее уничтожить; она может сделать для мужа и жены невозможным исполнение супружеских обязанностей. Даже лишить мужчину его полового органа, а женщине обещать зачатие. Таковы главные проявления искусства ведьмы, и им посвящена наибольшая часть глав «Молота ведьм».

Впрочем, когда в союз с дьяволом вступает мужчина, то половой элемент также часто играет существенную роль. Одним из главных пунктов договора с дьяволом всегда является тот, что ни одна девушка или женщина не будет в силах устоять перед таким человеком.

Не чем иным, как массовым эротическим безумием, все сызнова вспыхивавшим под влиянием вышеизложенных причин, являются и многочисленные монастырские эпидемии, о которых мы узнаем. Бешеное желание кусаться, убеждение монахинь целого монастыря, что они одержимы дьяволом, – все это признаки нимфомании, вызванной половой неудовлетворенностью, насилием над природой. Мужчина как предста-

витель пола играл центральную роль во всех этих безумствах. Дьяволом, безумствовавшим в крови монахинь, была бешеная жажда половых ощущений.

То же явление лежит в основе и многочисленных плясовых эпидемий, например массовой пляски св. Вита. В таких эпидемиях танец являлся часто не чем иным, как рядом бесстыдных поз, продиктованных безмерными вожделениями. Как только участников этих танцев охватывало возбуждение, они в диком бешенстве срывали друг с друга платье, женщины с мужчин, мужчины с женщин, чтобы путем такого бесстыдного зрелища дойти до настоящего эротического безумия.

Сотни совсем обнаженных и полуобнаженных женщин и мужчин в сладострастной истоме ждали спасителя. И спасение совершалось путем грандиозно-чудовищных оргий, всегда сопровождавших вспышку массового плясового безумия. Большинство женщин, участвовавших в таких плясовых эпидемиях, возвращались домой беременными, а меньшинство из них знало, кто отец ребенка, которого они носили под сердцем, ибо оргиастическое опьянение бросало мужчин и женщин навстречу беспорядочному половому смешению.

К подобным же явлениям приводила также эпидемия флагеллантов с их процессиями самобичующихся, тоже обыкновенно завершавшимися отчасти открытыми, отчасти тайными оргиями.

Книга II

Галантный век

Глава 1

ЭПОХА АБСОЛЮТИЗМА

Наиболее яркой чертой в духовной структуре эпохи абсолютизма было бесконечное презрение королевской власти ко всем недворянским элементам населения. Мещанин, рабочий, крестьянин были в глазах правящих классов не людьми даже, а просто существами, креатурами. Именно в эпоху абсолютизма сложилось убеждение, что только начиная с барона человек имеет право называться человеком.

На этом основании государь окружал себя только дворянами, был доступен только дворянам и только дворянство имело права.

Подобное презрение к черни было неотделимо от соответствовавшего ему прямо противоположного умонастроения, выливавшегося в своем крайнем выражении в чувство собственного богоподобия. Абсолютный государь становится в своих глазах, а также в глазах всего мира высшим земным существом, становится владыкой «божьей милостью». Власть его не от народа, и он от-

ветственен только перед Богом. Такой типичный абсолютный государь, как Вюртембергский герцог Карл Евгений, имел своим девизом слова: «Государь – образ и подобие Божье. Он имеет право делать добро и зло, как ему заблагорассудится». Из такого воззрения само собой возникает убеждение, что единственный и высший закон для страны – его благо, его удовольствие. Этот принцип становится во всех странах общим мнением, получает всеобщее признание, возводится в догмат.

Когда монарх совершал прогулку по городу, то нередко целые улицы и бульвары оцеплялись, и только издали народ обретал высокое счастье лицезреть священную особу монарха. А тот, кто удостоивался его взгляда или милостивого обращения, постигал величайшее счастье, которое только может выпасть на долю смертного, и на всю жизнь чувствовал себя вознесенным высоко над своими согражданами.

Официальная любовница вызывала презрение разве только в сердце ее конкуренток. Раз ее красота и любовь заслужили королевское внимание, то она сама становилась «божьей милостью».

Почести, предписанные королем для официальной любовницы, оказываются ей с тем же благоговением, как и ему, – правда, только до тех пор, пока ей разрешено разделять его ложе. Как только чары другой признаны более обаятельными, звезда и счастье недавней фаворитки погружаются в ночь забвения.

Абсолютный монарх под гипнозом своего видимого всемогущества, очутившегося в его руках только благодаря противоположности интересов боровшихся общественных сил, в самом деле искренне верил, что все это так и быть должно. Он нисколько не сомневался, что в нем живет и действует само божество. Французские короли одним прикосновением руки лечат болезни и недуги, порой действительно исцеляя больных: чудо это творила вера.

Абсолютизм – грандиозная и единственная в сво-

Г. Сент-Обен.
Галантный аббат

ем роде обстановочная пьеса, и потому каждый, кто в ней участвует, обязан позировать и представлять.

Вот почему во всех дворцах аристократии, а также в домах бюргерства все стены покрыты зеркалами. Везде и всюду зеркало — главный предмет обихода. Люди к тому же хотели быть зрителями собственной позы, хотели иметь возможность аплодировать себе, и потому все толь-

ко и делали, что со всех сторон рассматривали себя. Даже наверху, под балдахином постели, помещалось зеркало — люди мечтали заснуть в той позе, в которой хотелось быть застигнутыми любопытным оком, иметь даже в момент полного самозабвения возможность принять более стильную позу. Даже проявление духа часто не более как своего рода сооружение зеркала. Письма, которые писались друзьям — а тогда все писали письма, — не более как зеркала.

Своего рода зеркалами были и многие тысячи мемуаров той эпохи. Они отражают историческую позу, в которой человек хочет дожить до потомства. Каждый, кто занимает положение, кто обладает умом, хочет создать особую позу и обессмертить ее. Вот почему эпоха абсолютизма была вместе с тем классическим веком литературы мемуаров, и богатства этой последней и поныне еще не изучены.

С обстановочной пьесой, с позой не вяжется интимность, так как стать предметом лицезрения — высшее желание всех. Интимность поэтому исключена из жиз-

ни, и все поведение становится единым официальным актом – вся жизнь от рождения и до смерти и даже в ее священнейшие моменты. Ибо и в сфере чувств царят поза и представительство. Каждый живет, таким образом, в миниатюре жизнью абсолютного государя. Дама совершает свой интимнейший туалет в присутствии друзей и посетителей не потому, что ей некогда и она поэтому на этот раз вынуждена игнорировать стыдливость, а потому, что она имеет внимательных зрителей и может принять самые деликатные позы. Кокетливая проститутка высоко поднимает на улице юбки и приводит в порядок подвязку не из страха ее потерять, а в уверенности, что она на минуту будет стоять в центре внимания. И эпоха выработала сотни разнообразных поводов и вариаций поз.

Мода века – тоже единственное в своем роде грандиозное средство позировать, принять в глазах публики совершенно индивидуальную позу; даже самые смелые приемы не пугают никого. И то же самое применимо ко всему моральному поведению. Мужчина способен на геройство, только когда на него смотрят. Говорят лишь тогда, когда можно рассчитывать быть услышанным, и именно для того, чтобы быть услышанным.

Где нет интимности, нет и тайны. И в самом деле, нет больше тайн ни в своей, ни в чужой жизни. Все трубят во все трубы о своих горестях и радостях. Нет больше ни интимных страданий, ни интимного счастья. Всякий был свидетелем чужой жизни, а до известной степени и участником в ней. Каждый спешит покаяться в своих грехах. Сокровеннейшие тайны сообщаются другу или подруге. Горе женщине, после смерти которой узнают, что у нее был тайный любовник, о существовании которого никто не догадывался.

Так как вся личная жизнь становится публичным актом, то характерная черта всего – поверхностность. Люди влияют друг на друга только внешностью и со-

вершенно этим довольствуются. Все жаждут немедленного успеха, и ему приносится в жертву все. Никто не смотрит вглубь, чтобы иметь возможность угнаться за всем и все использовать. Отсюда неизбежное следствие – все обман и ложь. Непосредственность и искренность неудобны, так как их нельзя по желанию месить, как тесто, и придавать им разные формы.

Общая культура века всегда яснее всего отражается в воззрениях на половые отношения и в законах, регулирующих эти отношения. Именно это отражение и представляет главную тему нашего исследования.

Культура абсолютизма отразилась в области половой как галантность, как провозглашение женщины властительницей во всех областях, как ее безусловный культ. Век абсолютизма – классический век женщины. Она повелевает не только как тайная государыня, ее права царицы признаны официально перед лицом всего мира. Она открыто выставляет свой сан, как открыто пользуется связанными с ним привилегиями. В своей известной книге «Женщина в XVIII в.» братья Гонкуры прекрасно охарактеризовали этот золотой век женщины:

«В эпоху между 1700 и 1789 гг. женщина не только единственная в своем роде пружина, которая все приводит в движение. Она кажется силой высшего порядка, королевой в области мысли. Она – идея, поставленная на вершине общества, к которой обращены все взоры и устремлены все сердца. Она – идол, перед которым люди склоняют колена, икона, на которую молятся. На женщину обращены все иллюзии и молитвы, все мечты и экстазы религии. Женщина производит то, что обыкновенно производит религия: она заполняет умы и сердца. В эпоху, когда царили Людовик XV и Вольтер, в век безверия, она заменяет собою небо. Все спешат выразить ей свое умиление, вознести ее до небес. Творимое в честь нее идолопоклонство поднимает ее высоко над землей. Нет ни одного писателя,

которого она не поработила бы, ни одного пера, которое не снабжало бы ее крыльями».

Эти слова Гонкуров о Франции применимы ко всем европейским странам. Так как экономическая и политическая ситуация была везде одна и та же, то одинакова была и культурная физиономия эпохи. Везде царила женщина, везде господствовали законы галантности. Различие здесь только в большей или меньшей утонченности форм. В других странах эти формы только грубее и неуклюжее – как это бывает всегда с копиями, – чем во Франции, где в силу вышеописанных благоприятных для проявления абсолютистской культуры предпосылок могли развиться и утонченнейшие формы галантности. В этом все различие.

Сущность галантности заключается в том, что женщина в качестве орудия наслаждения, как живое воплощение чувственности взошла на престол. Ей поклоняются, ей курят фимиам, как олицетворенному сладострастию. Перед ее умом и воображением, перед ее душой благоговеют лишь настолько, насколько они возвышают ее чувственные прелести и доставляемое ею чувственное наслаждение. Культ женщины и чувственности в указанной форме был также неизбежен, был таким же необходимым историческим последствием, как и само возникновение абсолютизма. Там, где ограниченный численно класс мог существовать за счет всего остального населения и беспрепятственно удовлетворять свои вожделения, он неизбежно становится паразитом. А у паразита одна только программа – физическое наслаждение. Один из остроумнейших эпикурейцев эпохи, аббат Галиани, писал: «Человек существует не для того, чтобы постигнуть истину, и не для того, чтобы быть жертвой обмана. Все это безразлично. Он существует исключительно, чтобы радоваться и страдать. Будем же наслаждаться и постараемся поменьше страдать». А желаннейшим

наслаждением становится любовь. Так последняя должна была стать в век абсолютизма самоцелью.

Паразит хочет, однако, наслаждаться, не затрачивая предварительно или одновременно никакой умственной или душевной энергии. Поэтому страсть и борьба безусловно упраздняются. Удовлетворение чувственности – таков общий закон морали: нравственности противоречит только отказ. Женщина поэтому с самого начала готова уступить. Ее колебания – только средство увеличить наслаждение мужчины. Один из величайших мастеров по части галантности, граф Тилли, говорит в своих мемуарах: «Во Франции необходимо пустить в ход немало прилежания, ловкости, внешней искренности, игры и искусства, чтобы победить женщину, которую стоит победить. Приходится соблюдать формальности, из которых каждая одинаково важна и одинаково обязательна. Зато почти всегда есть возможность насладиться победой, если только нападающий не болван, а женщина, подвергшаяся нападению, не олицетворение добродетели».

Если дама колеблется, то только потому, что хочет увеличить удовольствие мужчины, добывающегося ее благосклонности. «Какое очарование связано с подобными сооружаемыми препятствиями! – восклицает граф Тилли. – Женщина не желает сразу сдаться. Она позирует в роли неприступной. Она должна говорить «нет», а ее поза внушает мужчине уверенность в успехе. Все грубое и опасное должно быть исключено из любви. Страстная ревность считается смешной. Если обнаруживается это чувство, оно вызывает только недоверчивое и неодобрительное покачивание головой. Соперники скрещивают шпаги, но они редко прокалывают сердце, обыкновенно оставляя на коже лишь царапину. Подобно шипам розы, любовь должна наносить лишь моментальную боль, а не подобно кинжалу в бешеной руке – опасные для жизни раны, еще менее убивать. Кровь только символ, а не

удовлетворение мести. Не нужно бойни, достаточно одной капли, чтобы создался этот символ.

Желания обнаруживаются всегда элегантно и грациозно, а не бурно и разрушительно. Никто не позволит себе жеста циклопа. С руки никогда не снимается перчатка. Люди садятся за стол наслаждения как беззаботные жуиры, а за их стульями, в качестве прислужника, стоит радость.

Подобное представление о любви, лишенной всякого «животного элемента», предполагает, как свое полярное дополнение, систематическое воспитание женщины как лакомого кусочка для чувственного наслаждения. Все в общении с ней должно гарантировать сладострастие. Она постоянно должна находиться, так сказать, в состоянии сладострастного самозабвения – в салоне, в театре, в обществе, даже на улице, равно как и в уединенном будуаре, в интимной беседе с другом или поклонником. Она должна утолять желания всех и каждого, кто с ней соприкасается. Каждая женщина должна принадлежать всем, должна обладать искусством увеличивать до бесконечности свою способность наслаждения, удвоить, удесятерить свою личность.

Всеми способами: речью, движениями, костюмом, шуткой, игрой, – всем своим психическим и духовным существом женщина обязана доказывать, что она постоянно и мастерски осуществляет эту свою единственную программу жизни. Поведение ее должно внушать мысль, что ее воображение всецело насыщено сладострастными представлениями, что ее мысль обращена лишь на один этот предмет, занята только его разнообразными возможностями. Во всяком случае, она должна принять такую позу. Ибо и любовь стала публичным актом, предметом выставки и разыгрывается на сцене перед тысячью зрителей. Поэтому эпоха особенно высоко ценит женщину, уже от природы настроенную чувственно, жаждущую все новых наслаждений и вечно мечтающую о праздниках любви.

Само собой понятно, что этим и обуславливалось все поведение мужчины, тогда как поведение женщины было лишь ответом на его поведение. Мужчина должен был уважать в женщине драгоценнейший сосуд сладострастия. И он так и поступал, превращал женщину в идола, в единственное божество. Обращение его с ней было равносильно постоянному боготворению ее, неизменному и самозабвенному культу в словах и делах.

Женщина обладает только достоинствами, она добродетельна и прекрасна, и притом прекрасна каждая. Подобно тому как каждая женщина до известной степени принадлежит каждому мужчине, так и мужчина обязан распространять свой культ на каждую женщину в отдельности. Каждой женщине, в частности, обязан он говорить и доказывать, что именно она то существо, которое заставляет его кровь течь быстрее, которая возбуждает его чувства и т. д. Каждая женщина должна себя чувствовать царицей. И эта цель кладет отпечаток на все его поведение, смягчает его голос, так как преданность и боготворение не мирятся с шумливостью. Искренность и откровенность во взаимных отношениях вытесняются вежливостью и, смотря по обстоятельствам, более или менее подчеркнутой лестью. Противоречие допускается только в том случае, если оно превращается в комплимент.

Мужчина устраняет с пути женщины каждое препятствие. Каждое ее желание становится для него приказанием, малейший ее каприз – законом. Женщине предоставлено первое место, ей уступают дорогу, дабы ей было удобно идти. Каждый считает для себя честью отказаться от собственных прав и выгод в пользу ее.

Только что описанное поведение мужчины должно, однако, – и это важно! – иметь эротическую нотку, которая и отличает галантный век от всех других эпох. По существу, галантность, рыцарское отношение более сильного к более слабому вечно и потому всегда налицо в отношениях полов, как вечно и их отличие

друг от друга в смысле физической силы. В эпоху галантности это рыцарское отношение, однако, доведено до смешного, и притом исключительно в направлении эротическом. Мужчина относится к женщине по-рыцарски не только как к существу более слабому, а как к драгоценному орудии желаннейшего наслаждения, в ней воплощенного.

В эпоху галантности, естественно, должна была коренным образом измениться и сущность чувственных проявлений. Из проявления силы, всегда, впрочем, самой природой ограниченной, чувственность превратилась в простую игру. Любовь стала галантностью, так как игру можно продолжать до бесконечности и каждый день ее можно разнообразить. Все формы взаимного ухаживания превращаются в игру и тем самым становятся более утонченными. Все духовное, душевное, артистическое – лишь средство возбуждения, средство выработать новые формы галантности, придумать новые откровения в этой области.

Все это неизбежно приводит к изменению моральных воззрений. «Мораль внесла в любовь все зло», – говорил Ретиф де ла Бретонн. А аббат Галиани издевался: «Если добродетель не делает нас счастливыми, то какого же черта она существует». И поэтому ее и отсылали к черту, равно как и верность, всегда скучную. Порок получает теперь общественную санкцию. Правда, он не провозглашен официально добродетелью, зато его идеализируют в интересах «наслаждения» – высшей жизненной цели. В ней он находит свое оправдание. Проститутка в глазах всех уже не публичная клоака, а опытейшая жрица любви. Неверная жена или неверная любовница становится в глазах мужа или друга после каждой новой измены тем более пикантной. Удовольствие, доставляемое женщине ласками мужчины, усугубляется от мысли, что до нее бесчисленное множество других женщин уступало его желаниям, и т. д.

Таковы в общих чертах законы абсолютистской культуры и их специфическое отражение в половой области.

Здесь необходимо подчеркнуть один вывод. Этот вывод гласит: век господства женщины никогда не бывает веком истинного возвышения женщины, а напротив, ее глубочайшего унижения. Культ женщины, подобный тому, который господствовал в XVIII в., мог установиться вообще только при условии такого унижения. В самом деле! В эпоху абсолютизма мужчина и женщина стояли рядом не как равноправные личности, а ведь только в таком равноправии коренится истинное возвышение женщины. В XVIII в. она не имела никаких реальных и гарантированных прав. Напротив, политическое господство мужчины и его произвол по отношению к женщине были безграничны. Век, видевший в неверности женщины желаннейшую пикантность, способную только повысить половое наслаждение, предоставлял в то же время мужчине право подвергать жену на основании одного только подозрения в измене строжайшему наказанию, а именно пожизненному заключению в монастыре.

Так как мужчина имел полную возможность исполнять всякое свое желание, то он неизбежно стал рабом своих капризов. И незаметно общепризнанным законом сделался безумнейший парадокс. Мужчина провозгласил своего раба своим господином и служил ему как раб. Основной сущностью любви сделался мазохизм: такова в последнем счете половая мораль абсолютизма. После всего сказанного не требуется особого дара проникновения, чтобы понять основную черту эпохи и рассеять всякие сомнения на этот счет.

Развитие абсолютизма происходило в разных странах с неодинаковой быстротой, а господство его длилось в разных странах неодинаково долго. Причина этих явлений коренилась в неодинаково быстром темпе развития капитализма, который сначала предпола-

гал наличность абсолютизма, а потом на известной ступени развития устранил его. В Германии и Австрии господство абсолютизма продолжалось в сущности до 1848 г., то есть держалось более двухсот лет, тогда как во Франции оно кончилось уже в 1789 г., просуществовав менее двухсот лет, а Англия уже в XVIII в. вступила на путь развития буржуазных отношений.

Из этих отличий, равно как из неодинаковой продолжительности существования в разных странах абсолютизма, следует (как и в эпоху Ренессанса), что не только в одно и то же время существовали различия между отдельными странами, как уже было указано, а также и то, что в каждой отдельной стране нетрудно констатировать крупные различия между восхождением, расцветом и упадком абсолютистской культуры. Так как наша цель – выяснить только основной закон эпохи, изобразить историю скорее в поперечном, чем в продольном разрезе, то мы можем спокойно удовольствоваться общим рассмотрением абсолютизма во всех странах.

Во всех европейских странах XVIII в. был веком господства женщины, имевшим, конечно, свой период как подготовки, так и завершения.

Глава 2

НОВЫЙ АДАМ И НОВАЯ ЕВА

При характеристике какой бы то ни было эпохи вообще первым делом необходимо проанализировать господствующий в ней идеал красоты.

Каждая новая эпоха производит прежде всего коренной пересмотр прежних воззрений относительно того инструмента, на котором она намерена сыграть новую мелодию, и нигде новые мелодии не требуют в такой мере нового инструмента, как в этой области.

Есть еще одна причина, в силу которой ответ на вопрос должен стоять во главе характеристики половых нравов определенной эпохи. В процессе пересоздания физического идеала красоты новая сущность чувственных переживаний и эмоций не только облекается в теоретические формулы, но и принимает физиологически осязаемые формы. Идеал физической красоты эпохи есть вместе с тем и идеал особенно ценимых эпохой нравственных качеств, так как в своей идеологической сущности он всегда не более как результат постоянно бодрствующей тенденции обоготворения, всегда формирующей человеческое тело в зависимости от своих специальных целей. Вот почему и сам результат иной в каждую иную эпоху.

В идеологии XVIII в. снова рождаются новый Адам и новая Ева. Или, точнее, новая Ева и новый Адам. Ибо на этот раз сотворение человека начинается с женщины. Насколько велико было различие между общественным бытием человечества в эпоху Ренессанса и в сменивший ее век абсолютизма, настолько же резко противоположно старому новое представление о физиологической красоте человека.

Ренессанс выше всего ценил в мужчине и женщине цветущую силу как важнейшую предпосылку творческой мощи. Век абсолютизма, напротив, считал все крепкое и могучее достойным презрения. Сила казалась ему эстетически безобразной. В этом, вероятно, наиболее выразительное отличие в идеологии красоты обеих эпох, во всяком случае, здесь принципиально наиболее важное отличие, ибо только уяснение решающей причины, обусловившей это изменение, приведет нас к познанию истинной сущности созданного абсолютизмом идеала красоты.

В эту эпоху законы красоты диктовались, как мы знаем, классом, который, имея в своих руках возможность всецело жить за счет других, не знал ничего более презренного, чем труд. В глазах представителя гос-

подставляющего класса эпохи старого режима труд, и в особенности труд физический, — позор. В глазах паразита труд настолько унижает человека, что последний перестает быть человеком. В глазах паразита истинное благородство и истинный аристократизм заключаются прежде всего в безделье, и безделье становится постепенно первой и главной обязанностью этих классов и групп населения.

Так как всякая борьба, предполагающая наличность силы, исключена из жизни господствующего класса, определяющего законы красоты, то прекрасным считается в эту эпоху такое тело, которое не пошлет силой. Оно не тренировано, а холено, нежно и хрупко, или, как тогда предпочитали выражаться: грациозно. И то же применимо ко всем жестам, движениям. Во всем преобладает игра, которой, однако, стараются придать благородство.

Выражаясь сжато, эпоха старого режима считала истинно аристократическим идеалом красоты типические линии человека, предназначенного для безделья. Вершиной человеческого совершенства признан человек в смысле предмета роскоши, идеализированный бездельник, что не значит, конечно, что здесь идет речь о противоположности между человеком духовно и физически активным. Прибавим, что таким всегда был аристократический идеал и всегда он таким оставался в этих классах, а в остальных лишь до той поры, пока последние настолько были поработаны аристократией, что зависели от нее и в духовном отношении.

Этому вовсе не противоречит тот факт, что когда абсолютизм находился в апогее, то красивой считалась величественная мужская и женская фигура. Эта величественность была не более как позой, только актерской демонстрацией силы. Выставляли поэтому напоказ даже не силу, а сверхсилу. Да и царил этот идеал лишь мимолетно. Он знаменует собой тот короткий

период, когда абсолютизм, по-видимому, достиг апогея своего никем не оспариваемого могущества, период между 1680 и 1700 гг.

Мы незаметно переходим ко второй характерной черте идеала красоты, созданного эпохой абсолютизма.

Бездельник XVIII в. вместе с тем, как мы уже знаем, также и утонченный жуир. В силу этого и сам идеал красоты развивался в сторону рафинированности. Основное отличие в данном случае от эпохи Ренессанса состояло в том, что, хотя животный элемент остается в любви по-прежнему самым главным, в нем техника преобладает теперь над творчеством. Важнее всего техника любви, пути, ведущие к ее последнему слову. Идеализируется только орудие наслаждения или, вернее, различные его орудия, и в них кульминирует сам идеал красоты. А это равносильно систематическому изгнанию творческого начала из идеальной телесной фигуры человека, в чем и состоит сущность рафинированности в половой области.

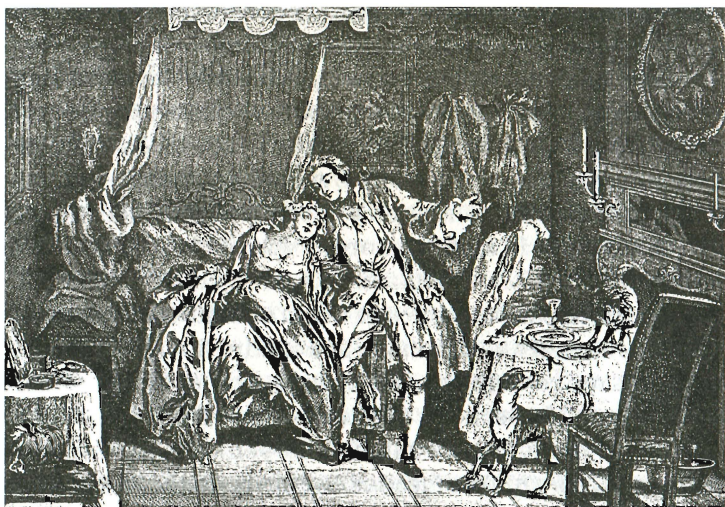
Стремление к изысканному чувственному наслаждению очень характерно обнаруживается в идеологии красоты. Так как паразит-жуир стремится все к новому увеличению возможностей наслаждения, то первое, что он делает, он раздробляет наслаждение, чтобы его умножить. Это заставляет его по необходимости раздроблять и само человеческое тело. Жуир делает из него десяток отдельных, самодовлеющих орудий наслаждения. Тело перестает быть единым, становится составным. Так разрушается прежняя гармония, характерная для царившего в эпоху Ренессанса идеала человеческой красоты. В женщине видят уже не нечто целое, а прежде всего отдельные прелести и красоты: маленькую ножку, узкую кисть, нежную грудь, стройный стан и т. д. Существуют только отдельные части ее личности, женщина не более как *mixtum compositum* этих отдельных частей. Это как бы отдельные блюда эротического пиршества, которые женщи-

на подносит мужчине. А отсюда вытекает одно совершенно новое и весьма важное явление.

Под влиянием такого раздробления на части прежней единой гармонии, обусловленной творческой тенденцией эпохи, идеал красоты уже не был соединен непременно с наготой. Отныне он, напротив, находится в теснейшей связи с одетым телом, неотделим от последнего. Вследствие этого меняется и отношение к наготы. Нет больше нагих тел, есть только тела раздетые. Если раньше одежда была только до известной степени облачением, только декорацией, украшающей нагое тело, то отныне она становится существенным элементом. Мода эпохи абсолютизма – не что иное, как попытка решения вставшей перед ней проблемы: разъединить гармоническое единство тела, разложить его на отдельные «прелести», стало быть, в отношении женщины – на грудь, бедра и лоно. Разложив сначала человека на эти отдельные части, костюм служил вместе с тем связующей рамкой для этих особенно ценимых эпохой частей тела.

Тело, раньше стоявшее перед взором обнаженным, теперь всегда одето или раздето. Желая показать красоту возлюбленной или жены как можно выгоднее, ее рисовали уже не нагой, как Генрих II велел изобразить Диану Пуатье в молочной ванне, или Филипп II – принцессу Эболи на ложе, – напротив, ее изображали теперь в такой позе, чтобы соблазнительное декольте или *retrousse* превращало костюм в не менее соблазнительную рамку для отдельных прелестей ее тела, направляя взоры прежде всего именно на них. Метод, разумеется, не столько более приличный, сколько более рафинированный.

При оценке этого явления не следует, впрочем, упускать из виду, что оно обуславливается еще одним важным фактом и новым воззрением, сложившимся в обществе. Необходимо здесь также считаться с особым ходом прогресса культуры. Молодость всегда настрое-

Патер. Поищите блоху

на бурно, для нее на первом плане конечная цель, и потому она всегда отличается производительностью. Это верно по отношению к целым классам и народам, как верно по отношению к отдельным индивидуумам. Если поэтому человечество переживает новую юность, то оно положительно преисполнено смелых подвигов. Этим объясняется творческая продуктивность эпохи Ренессанса во всех областях. Дальнейшее развитие культуры, процесс ее старения отличается, напротив, тем, что люди уже не стремятся в той же степени к конечной цели, а скорее озабочены тем, чтобы увеличить расстояние, отделяющее их от этой цели: они придумывают все новые обходные к ней пути.

Не само счастье или наслаждение, а лишь пути к нему – вот что теперь самое главное.

Это результат всеобщего тяготения к развитию и облагораживанию жизни, стало быть, в конечном счете стремление к усовершенствованию человеческого рода, чем отличается каждая более поздняя культура

от культуры более примитивной. И это сооружение обходных путей происходит во всех областях культуры без исключения, в особенности же в половой области, во всех ее составных частях. Эпоха абсолютизма представляет по своим результатам, несомненно более развитую, хотя и не более высокую культуру. Победа в любви разлагается на сотню отдельных побед, и хотя поражение дамы – дело заранее решенное, перед каждой победой приходится брать штурмом несколько укреплений.

Эротический пир состоит всегда из десятка блюд, причем главное блюдо только венчает его, да и то не всегда. Во всяком случае, это главное блюдо ценится только в том случае, если ему предшествовало или если оно было обставлено достаточным количеством вкусных закусок. Чувственное наслаждение – меню лакомых кусков, приятно щекочущих, притом всегда на новый лад. Грубая домашняя еда, где интерес сосредоточен на главном блюде, где этим блюдом объедаются до того, что уже не остается никаких других желаний, находится под запретом. Идти прямо к цели – это манера мужиков и болванов. Если же иногда поступают так, то исключительно для разнообразия, и само это разнообразие также воспринимается, как лакомство.

Все это придает созданному абсолютизмом идеалу красоты его особую нотку. Она заключается в подчеркивании рафинированности всего телесного, а это подчеркивание состоит в том, что на место истинно прекрасного становится пикантное, на место здорового и сильного – пикантное и сладострастное. Пикантность – вот истинный признак красоты этой эпохи, и она заставляет закрывать глаза не только на явную дисгармонию, но даже и на несомненное безобразие.

Пикантна интересная бледность лица – символ физической хрупкости, а также печать, наложенная на лицо ночами, посвященными любви. Любимый цвет

кожи этой эпохи – не пышущий свежестью и здоровьем, а бледный. Цветущее здоровье – черта мужицкая.

Так как бледный цвет лица и кожи считался признаком красоты, то в XVIII в. тратили огромную массу пудры. Лишь розовым налетом должна быть подернута кожа, точно сквозь нее просвечивает тайный огонь желаний, ни на минуту не потухающий, как доказательство постоянной готовности к галантным похождениям. То огонь, только электризирующий, а не сжигающий ни очага, на котором он горит, ни предмета, которого он коснется.

Пикантен и потому красив ротик, похожий на бокал, наполненный до краев сладострастием, бокал, из которого можно вкушать одно только наслаждение. Губы должны быть такой формы, чтобы они каждого возбуждали к поцелуям, а при поцелуе они должны трепетать от затаенного желания.

Венерой считается та женщина, груди которой подобны «двум чудесным сахарным головам наслаждения», а бедра – «двум сладострастным полушариям блаженства». Члены ее должны быть подобны «плющу нежности».

Грудь уже не источник жизни, а бокал наслаждения. И то же самое говорится об утонченных линиях бедер, талии и т. д. Предпочтение дается линиям опытности и ловкости. Эти положительные черты уже ясно указывают на то, что считалось отрицательным. Героическая структура тела, мощные и жирные ляжки кажутся безобразными. Подобные формы, когда-то слывшие царственно прекрасными, теперь внушают страх. Массивные руки и ноги вызывают отвращение. Члены должны быть изящными орудиями наслаждения. Тело женщины должно быть нежной игрушкой для всевозможных фантазий влюбленной галантности, а тело мужчины – обещанием, что он сумеет сыграть на этом инструменте все новые вариации, все новые мелодии. Идеальными типами мужчины и женщины

считаются те, внешность которых даже в преклонном возрасте говорит об их способности решать эту задачу.

Чем утонченнее становилась культура абсолютизма, тем более отдавали предпочтение ранней зрелости, юноше, принимающему позу возмужалости, девушке, сознающей себя орудием наслаждения. Именно эти два типа эпоха охотнее всего изображала в идеализированном виде, так как они ближе всего соответствовали ее идеалу красоты. Пластические искусства всегда старались придать телу юношеские или девичьи очертания. Это, впрочем, черта, вообще характерная для старческих культур. Что верно для отдельного индивидуума, то применимо и к линии движения культуры. Мужчина в расцвете сил любит женщину в период полного развития ее женственности, тогда как старика больше всего притягивает незрелость, грудь, контуры которой только обозначаются. И то же самое верно и относительно женщин. Цветущая женщина отдает предпочтение мужчине, который в состоянии удовлетворить ее страсть, а перезрелая женщина, и в особенности старуха, неспособная возбудить желание в мужчине, добывается любви отрока, в котором мужчина только что пробуждается: ее честолюбие состоит в том, чтобы сорвать первые ростки его любви.

Старик дядя, знакомящий свою только что оперившуюся племянницу с бурными радостями любви, старуха тетя, посвящающая молодого, красивого племянника в мистерии страсти, — излюбленные мотивы искусства рококо. Доброжелательный дядюшка пробует, не слишком ли стянут корсет у племянницы, и пользуется этим, чтобы запустить руку за корсаж. Игривая тетушка просит племянника найти у нее блоху и разоблачает перед ним сокровища своей перезрелой красоты. Таковы всегда первые уроки любви: вместо удовлетворения только игра. Когда культура вступает в старческий возраст, то эти черты индивидуальной

дряхлости принимают социальный характер, становятся чувством, разделяемым всем обществом.

Кульť детскости – признак, главным образом, нисходящего абсолютизма. Наиболее пикантной такой эпохе представляется в конце концов взаимная любовь незрелых отроков: любовные сцены между девочками и мальчиками, далеко еще не достигшими половой зрелости. Таков заключительный аккорд эпохи, когда-то начавшей с восхищения пышными формами, созданными кистью Рубенса.

Божество чтят не только тем, что о нем говорят возможно больше, а также тем, что говорят только о нем, восхваляют и прославляют только его.

Эпоха абсолютизма была веком женщины, а женщина была божеством века. Она была воплощением идеала вообще. Этим объясняется то обстоятельство, что тогда существовал, собственно, только идеал женской красоты, что рядом с обнаженной и раздетой на тысячу ладов Евой почти никогда не ставится раздетый Адам. В искусстве рококо обнаженный мужчина выступает редко, как редко выступает в нем и мужчина раздетый. Удовольствие, получаемое женщиной от мужчины, не зависит в такой же степени от его физического строения. Мужчина может и не быть красивым, чтобы исполнять свои функции. Мужчина остается одетым, а это, в свою очередь, еще более оттеняет раздетость женщины. Воображение и желания должны просыпаться только в мужчине. Идеология превращает его поэтому в фавна, сатира и, наконец, Приапа, то есть в олицетворение всегда бодрствующего полового вожделения, тогда как женщина остается светской дамой эпохи рококо даже в том случае, когда выслушивает комплименты и терпит ласки этого похотливого фавна. Мужчина как таковой упразднен. Он превратился в простое понятие эротического чувства.

Мужской идеал, ценимый эпохой, обнаруживается только в костюме. Элегантный придворный – совер-

шеннейший тип мужчины. Первоначально, в эпоху восходящего абсолютизма, он принимает позу величия. Каждый хотел изобразить Бога, в его лице ступающего по земле. Проблема эта была удовлетворительнейшим образом разрешена при помощи парика Allonge, в один миг превращавшего голову любого портного или перчаточника в величественную голову Юпитера. Мужчина теперь только ухаживает за дамой, привлекает ее тысячью пикантных вежливых нападений. Своей физической личности он придает поэтому кокетливый и грациозный вид.

Из характера мужчины постепенно исчезают мужественные черты. В эпоху упадка абсолютизма он становится все более женоподобным. Женственность становится его характернейшей сущностью. Женоподобными становились его манеры и костюм, его потребности и все его поведение.

Если подвести итог, то мы должны сказать, что созданный эпохой абсолютизма идеал красоты не достоин удивления, не заслуживает зависти. Он ведет лишь в заманчивые низины наслаждения, себе довлеющего и себя собой исчерпывающего.

Одним из важнейших доказательств того, что XVIII в. был веком женщины, служит культ атрибутов женской красоты. Формы этого культа как в отдельности, так и в своей совокупности подтверждают названные выше тенденции. Так как документы, в которых выразился этот культ, вместе с тем составляют часть того материала, из которого мы вывели эти тенденции, то они и есть те данные, которые позволяют нам получить пластическое представление о современном идеале красоты.

Быть может, никогда гимн в честь эротической красоты женщины не раздавался так восторженно, как тогда. В этом отношении никакая другая эпоха не может сравниться с эпохой абсолютизма, и всякая другая рядом с ней кажется бедной. Этой задаче галант-

ный век посвятил главную часть своих творческих способностей.

На первом плане и в эту эпоху во всех странах стоит прославление женской груди, на которой у средиземных рас сосредоточен культ женской красоты.

В честь женской груди раздаются самые горячие славословия. Большинству человеческий язык кажется слишком бедным, чтобы исчерпать всю ее красоту. В ее описание вносятся захлебывающимися от восторга панегиристами все новые образы и сравнения. Порой уже одно простое описание становится восторженным панегириком.

При описании красоты других частей тела – все они имеют свой особый культ – воображение людей XVIII в. никогда не обнаруживало даже приблизительно такой же продуктивности, что, однако, не позволяет нам говорить о сказавшемся здесь пренебрежении.

«Маленькие ручки и маленькие ножки», по словам Гиппеля, те красивые части женского тела, которые сохраняются дольше других.

Своего наиболее фанатического поклонника нашла маленькая ножка в XVIII столетии в лице Ретифа де ла Бретонна, написавшего в честь нее целый роман «Le Pied de Fanchette». Здесь описаны все прелести маленькой женской ножки, передано то чувство сладострастия, которое она возбуждает в мужчине. А что этот культ мог вырождаться во всеобщую манию, доказывает пример веймарской герцогини Анны Амалии.

В одном описании Веймара XVIII столетия говорится: «Чтобы доказать свое умиление перед маленькой ножкой герцогини, мужчины украшали свои цепочки ее золотым изображением, а дамы скупали башмаки герцогини, менявшей их каждый день по несколько пар».

Это один из тех пароксизмов верноподданнического чувства, которые были нередки у столичного насе-

ления, в данном случае прямо перешедший в эпидемию извращенности.

Икры должны быть полны и круглы, «как у Фетиды», и, конечно, белы, «словно они покрыты снегом» или «выточены из слоновой кости». Округло должно быть и колено.

И потому речь снова становится пламенной, когда очередь доходит до описания и прославления этих красот. Бедр женщины – «колонны, поддерживающие храм любви», «цепи сладострастия» и т. д. Восхваление бедер обыкновенно связано с восхвалением ягодиц – красоты Венеры Каллипиги. Красота этой части тела единственная, которая, по мнению поэтов, может безбоязненно соперничать с красотой груди, а по убеждению некоторых, она для последней – даже непобедимая конкурентка.

Если все до сих пор сказанное с очевидностью доказывает правильность вышеприведенного положения, а именно что красота женщины ценится только с точки зрения ее эротической прелести, то еще нагляднее это подтверждается ходячим тогда восхвалением интимнейших красот женского тела...

В женщине обращает на себя внимание только ее физическая красота.

Естественным последствием подобного галантного мировоззрения, признававшего за женщиной одно только положительное качество, а именно способность эротического возбудителя, был тот факт, что всегда, когда говорили о женщине, первое и главное, на что указывали, было возможно более детальное описание ее физического портрета. Если упоминается о ее душе, то почти только постольку, поскольку эти ее качества способны увеличить степень ее эротического воздействия на мужчину.

Другим очень интересным проявлением подобного чисто галантного воззрения на женщину являются многочисленные в XVIII в. описания чужих стран и

народов. В специфической женской красоте той или другой страны обыкновенно подчеркивают и то специфическое лакомство, которое она доставляет: физический портрет женщины той или другой страны поэтому не только не забывается, а ставится даже во главу угла. Англичанки пользовались, по-видимому, высшей общепризнанной славой красоты. Граф Тилли говорит: «Англичанки, вообще говоря, довольно красивы, зато некоторые и замечательно безобразны. Необходимо допустить две возможности. Во-первых, в Англии, вероятно, существует больше красавиц, чем где бы то ни было, так как здесь природа очень позаботилась о прекрасном поле, хотя и поскупилась на грацию, которую лишь до известной степени может заменить деланная естественность. И во-вторых, если англичанка теряет красоту, то ее безобразие превосходит всякие границы, становясь для остальных предметом настоящего торжества».

Классические типы английской красоты, пользовавшиеся мировой известностью, — сестры Геппинг и леди Гамильтон, прославившаяся во всех европейских столицах изобретением пластических поз, а потом, из-за своих скандальных отношений с неаполитанской королевой Каролиной и с английским адмиралом Нельсоном, ставшая предметом такой же ненависти, как прежде восторга.

В тех случаях, когда создавался, так сказать, сборный портрет красивой женщины, англичанка вносила в него значительную часть составлявших его прелестей. Обыкновенно у нее заимствовали грудь и достоинства Венеры Каллипики, иногда, напротив, лицо. Только ноги англичанки никогда не устаиваются такой чести: они всеми считаются слишком большими. Надо, впрочем, заметить, что слава англичанок как красивейших женщин имела не одни только антропологические причины. Если все чаще отдавалось предпочтение пышной красоте англичанки, полной

груди, которую уже нельзя покрыть одной рукой, статной фигуре и т. д., то в этом сказалась, без сомнения, реакция против упадочной женской красоты нисходящего абсолютизма, слишком много обещавшей и слишком мало дававшей.

В Германии особенной красотой славились, по общим отзывам, уроженки Саксонии, Брауншвейга и Ганновера. Напротив, берлинки никогда не считались красивыми. В «Описании Берлина, Потсдама и Сан-Суси» Мюллер говорит:

«Берлинцы и берлинки далеко уступают по красоте своим соседкам, уроженкам Брауншвейга, Ганновера и Саксонии. Они редко отличаются стройным ростом, живым, приятным выражением лица... Страсть к румянам, распространенная среди женщин высших классов, их высокие шляпы, похожие на усеченный конус и надвигающиеся на самое ухо, безобразные чепчики, обрамляющие лицо, точно крылья летучей мыши, используемые женщинами низших классов, — все это отвратительно... Прибавьте сюда еще дерзкое и циничное выражение, с которым женщины (и не только проститутки) смотрят на вас, и аффектированный, ни на чем не основанный смешной тон самодовольства и важность мужчин».

В описаниях француженок подчеркивается преимущественно соблазнительная красота походки, которой следовало бы подражать всем женщинам, «желающим получить от любви мужчин возможно больше удовольствия». В выходившем в Веймаре ежемесячнике «Лондон и Париж» говорится: на француженку нельзя смотреть без эротических желаний. А в другом месте: француженка — мастерица в области любви, так как «все ее движения продиктованы любовью», потому она и «прекраснейшая из всех». «Истинная красота состоит не в совершенстве форм, а в том эротическом возбуждении, которое она вызывает в мужчине». Таково было торжество пикантности.

Ф. Буше. Влюбленная куртизанка

Пластические искусства окружали женщину культом, ничем не уступавшим тому, который творили в ее честь поэты. Живописцы, граверы, скульпторы так же точно идеализировали женское тело, изображая его всегда не обнаженным, а раздетым, при помощи декольте.

Одним из излюбленных мотивов этого культа красоты в тогдашней живописи было «сравнение». Этот мотив чрезвычайно часто повторяется в искусстве рококо. Две или несколько женщин спорят, кому принадлежит пальма первенства за ту или другую красивую часть тела. Само собой понятно, что в таком споре недостаточно одних слов и заявлений, необходимо показать то, что подлежит оценке. И вот красавицы кокетливо раскрывают корсаж, чтобы перед зеркалом установить, чья грудь соединяет в себе наиболее ценные преимущества. Или же они поднимают до колен юбки и сравнивают миниатюрность ножки или округлость икр или, наконец, во время купания

они смело вступают в состязание со статуей Венеры Каллипиги.

В особенности совместное купание служит на картинах XVIII в. полной самонаслаждения демонстрацией своих прелестей, в которой явно звучат нотки соревнования и конкуренции. Каждая говорит: я самая красивая. А ее поза прибавляет: и самая пикантная. Женщина, по-видимому, не знает более излюбленного состязания и потому каждый день снова вступает в такое состязание. Дама, разумеется, не очень сердится, если неожиданно появляется свидетель подобных сцен, так как в таких вопросах кто более компетентный судья, как не мужчина. И для кого, как не для него, хотят быть прекрасной?

К той же категории принадлежат и картины, изображающие, как дама, сидя в укромном будуаре, вся ушла в созерцание собственной красоты. Юная красавица спускает рубашку и исследует перед зеркалом совершенство своего тела. Может ли бутон розы соперничать с красотой ореолов ее груди, спрашивает она, с нежной улыбкой сравнивая их. И все для нее становится желанным зеркалом ее красоты. Склоняясь над ясным ручейком, на берегу которого она раздевается для купания, она подвергает осмотру сладострастные линии бедра. И этот осмотр простирается на самые интимные части тела. Она знает, какие качества особенно ценимы и в какой мере она ими обладает. Вообще, когда красавица одна, для нее нет большего удовольствия, как поднять юбки, раскрыть грудь и выставить напоказ свою красоту. Обнажаясь, принимая пикантные позы, она устраивает настоящую выставку своих красот.

Подобное тысячекратное освещение сокровенных красот женского тела в современном искусстве, подобное подчеркивание телесных достоинств, особенно ценимых эпохой, является в последнем счете лишь художественной формулой всеобщего культа женской

красоты. Метод пластического искусства поэтому совершенно совпадает с методами литературы. Там и здесь главную роль играет прославление груди. Ее красота всегда – при каких бы то ни было обстоятельствах – выставляется напоказ перед зрителем. Словно это самое опьяняющее зрелище, которое только можно доставить человеку. На каждой картине вы найдете поэтому обнаженную грудь, и художник отыскивает все новые поводы для декольте. Вообще, нет ни единой картины – особенно из эпохи рококо, – которая не вплетала бы по крайней мере одну новую нотку в апофеоз красоты женской груди.

Необходимо здесь вспомнить один исторический факт, характеризующий этот культ женской груди как эротический возбудитель, отличающийся к тому же особенной смелостью. Речь идет о чудесной вазе для фруктов, некогда украшавшей Малый Трианон в Версале и имевшей форму совершенной по красоте женской груди. По словам братьев Гонкуров, мы имеем здесь дело с изображением груди королевы Марии-Антуанетты. История возникновения этой вазы следующая. Однажды в интимном кружке разгорелся спор, кто из присутствующих придворных дам может похвастаться самой прекрасной грудью. Само собой понятно, что первый приз был присужден Марии-Антуанетте. И вот во имя увековечения этого благородного состязания, в котором ее грудь осталась всеми признанной победительницей, Мария-Антуанетта разрешила художнику отлить ее несравненную грудь – то был памятник, с ее разрешения воздвигнутый в честь ее груди. Впрочем, почему и не воздвигать подобные памятники? Ведь достоинства этой груди были во всяком случае несомненное многих заслуг, за которые людям сооружаются памятники.

Культ женской груди связан в живописи – как и в поэзии – с культом Венеры Каллипиги. Если Буше изображает прачку за работой, то он вовсе не думает о

том, чтобы дать художественное олицетворение труда, он просто ищет удобного случая изобразить позу, особенно ярко оттеняющую эту часть тела. Труд интересовал художников этой эпохи лишь настолько, насколько с ним можно было связать галантную нотку. Так как эпоха особенно ценила красоту пикантно выпуклых бедер, то не менее ходячий мотив в тогдашнем искусстве – изображение задней части женского тела. В особенности Буше отличался в этом отношении, придумывая все новые вариации на эту тему. Он может считаться наиболее восторженным почитателем Венеры Каллипиги в эпоху старого режима.

Культ красоты прекрасных женских ляжек – вот третья форма царившего тогда культа женской красоты. Обыкновенно он тесно связан с только что указанным. Однако часто изображение этой части тела становится самоцелью или по крайней мере главной темой.

Глава 3

ЛИВРЕЯ РАЗВРАТА

Одежда – это та форма, которую дух придает телу во вкусе времени. Каждая эпоха, создающая нового Адама и новую Еву, всегда создает и новый костюм. Костюм все сызнова определяет и пытается решить как эротическую проблему, так и проблему классового обособления. Должен был придумать новое решение этих проблем и абсолютизм. Разнообразные, возникшие в эпоху старого режима моды представляют не что иное, как вариации или развитие основных линий и тенденций эпохи.

Существеннейшее отличие эпохи абсолютизма – и не только ее, а если откинуть короткий промежуток, занятый революцией, вообще новейшего времени – от

Ренессанса заключается в том, что с этого момента начинается вновь эра одетого человека. Костюм уже не служит, как при Ренессансе, простой декорацией для нагого тела, а становится главным, рядом с чем живой человек отступает далеко на задний план. Идеал красоты теперь осуществляется при помощи одежды, сосредоточивается в одежде. Она превращается в необходимость. Отделить человека от его костюма уже невозможно, ибо они – единое целое. Только под покровом своей специфической одежды человек становится определенной личностью. В эпоху абсолютизма люди вообще состоят только из платья, и часто платье и есть весь человек.

Из этого важного обстоятельства следует, что отныне в истории нравов анализу специальной ливреи времени и тем вариациям, которые в нее вносит мода, должно быть отведено значительно большее место, чем при характеристике предыдущих периодов, так как они являются важными подсобными средствами содействия тенденциям эпохи и их осуществлению. Доказательством этого положения может, между прочим, служить и тот факт, что отныне моды играют гораздо большую роль в изобразительных искусствах, чем прежде. Именно с XVII в. (если не считать некоторых подготовительных явлений в этом смысле) начинают появляться – с тем чтобы уже больше не исчезнуть – гравюры, посвященные модам.

Так как костюм – одно из важнейших средств классового обособления, то новая мода всегда принципиально дело рук господствующих классов. Последние стараются всеми мерами обособиться от низших классов и по внешнему своему виду и тем еще ярче подчеркнуть свое господствующее социальное положение.

Так как, с другой стороны, в эту эпоху средоточием всего служит абсолютный государь, так как он мера всему, то не менее логично, что в начале этой эпохи господствовали величественные формы и линии. Мо-

нарх же неземного происхождения и потому недоступен. Таков был, как мы знаем, основной закон абсолютизма. Этот закон должен был поэтому найти свое особо яркое выражение именно в моде, созданной абсолютизмом. И мода нашла решение задачи как в кринолине, так и в характерных для эпохи нагофренных воротниках и оттопыривающихся бантах на платьях как женщин, так и мужчин. В таком костюме человек становился в самом деле неприступным, принуждая соблюдать почтительное расстояние.

Физиономия абсолютизма оформилась впервые в Испании, и потому Испания была родиной этой моды.

Абсолютный монарх не только недоступен. Он вместе с тем постоянно желает показать свое величие и могущество, свое богоподобие. Эта вторая тенденция нашла свое характерное выражение во Франции при Людовике XIV. Человек невежественный и необразованный, он, однако, несомненно, обладал большим чутьем в вопросах представительства. Позднейшие его панегиристы говорят: «Людовик XIV обладал в такой степени сознанием своего королевского величия, как ни один из его предшественников». Было бы правильное и точнее сказать: он был величайшим актером идеи королевства божьей милостью, ни разу не сбившимся со своей роли.

Правда, во Франции абсолютизм нуждался в таких ловких комедиантах. Здесь народ когда-то был силой, и с ним приходилось считаться. Вновь созданная власть абсолютного государя должна быть здесь продемонстрирована народу наглядно и недвусмысленно. В Испании она в этом не нуждалась: контрреформация в союзе с инквизицией праздновала в этой стране кровавые оргии и не сложила оружия, пока не были окончательно вытравлены последняя свободная мысль и последние порывы к свободе. Божественность королевской власти была здесь общепризнанным догматом, в котором никто не сомневался, и абсолютизм

поэтому не находил нужным идти на уступки. Все искренне верили, что испанские короли – в самом деле облекшиеся в человеческие формы боги, и здесь эта истина не нуждалась в символах. Не то во Франции, где победа абсолютизма над народом никогда не была такой полной.

Введение парика Allonge было тем средством, на которое прежде всего напали, чтобы дать возможность мужчине принять позу величественного и могущественного земного бога. Надо было начать с прически, которая служит не только неизменной рамкой для головы, но и наиболее удобным средством продемонстрировать другим свою сущность. Ничто так хорошо не позволяет казаться простым, скромным, сдержанным, задумчивым, или смелым, дерзким, веселым, фривольным, циничным, или, наконец, чопорным, недоступным, величественным, как именно специфическая прическа. В настоящем случае речь идет о стереотипном достижении именно впечатления величественности. Парик Allonge решил эту проблему. В нем голова мужчины становилась величественной головой Юпитера.

В женском костюме идея величия была осуществлена, с одной стороны, удлинением шлейфа, с другой – при помощи фонтанжа. Введение последнего обыкновенно приписывается метresse Людовика XIV, носившей это имя. На самом деле этот чудовищный головной убор только заимствовал свое название у этой дамы. Введение его было не простым случайным капризом, а, как всякая мода, царившая более или менее продолжительное время, неизбежным звеном в развитии известной категории явлений, постепенно подготавливавшихся. Фонтанж, с одной стороны, логическое дополнение парика Allonge, а с другой – столь же естественный противовес огромному шлейфу, длина которого колебалась от двух до тринадцати метров. А чем длиннее был шлейф, тем выше становился и фонтанж.

Участь всех мужей. 1700

Когда после короткого периода расцвета абсолютизма старые формы государства и общества распались, мода также должна была потерять свое недавнее чопорное величие и подвергнуться процессу разложения, который ярко обнаружился в модах рококо. Здесь все вывернуто наизнанку. Главные линии, однако, сохранялись, или, по крайней мере, к ним постоянно старались вернуться.

За продолжавшимся более тридцати лет суверенным господством кринолина и фонтанжа последовала сначала довольно продолжительная реакция, в период которой вернулись к более скромным формам юбки и относительно более разумным видам прически. Последнее касается, впрочем, только женской прически — мужчины продолжали носить парик. Надо, однако, заметить, что эта реакция родилась не из какой-нибудь разумной идеи, а лишь из стремления как можно свободнее и беззастенчивее предаваться своим эротическим капризам, стремления, замечаемого во Франции в эпоху регентства. Однако эта свобода носила в своем внешнем выражении слишком буржуазный характер, да и слишком мало соответствовала интересам строгого классового обособления, чтобы положить конец смешному безумию моды, характеризующему первый период господства абсолютизма. Рококо снова вернулось к кринолину и высоким, как башня, прическам.

Юбка превратилась в настоящее чудовище, и официальный придворный костюм делал каждую даму похожей на огромную движущуюся бочку. Только протянув руку, могла она коснуться руки спутника. А прическа становилась настоящей маленькой театральной сценой, на которой разыгрывались всевозможные пьесы. Мы вовсе не преувеличиваем. Все, что порождало в общественной и политической жизни сенсацию, искусно воспроизводилось на голове дамы (сцены охоты, пейзажи, мельницы, крепости, отрывки из пьес и т. д.). Даже казни доставляли мотивы и сюжеты. Так как эпоха требовала прежде всего позы, то все демонстрировали в самой смешной форме свои чувства. Мечтательное возвращение к природе символизировалось построением на голове фермы с коровами, овцами, розами и пастухами, все, конечно, в миниатюрном виде, или воспроизведением сеющих и паших мужиков. Увлечение пасторалями, в свою очередь, переносило на дамские головы идиллические и галантные пастушьи сценки.

Немецкая карикатура на модные прически

Дама, желавшая показать, что она преисполнена мужества, выбирала сражающихся солдат, галантная дама, кокетливо выставлившая напоказ свои успехи, предпочитала носить на голове любовников, дерущихся из-за обладания ею на дуэли, и т. д. Эта до смешного смелая мода возникла, как вообще все моды, во Франции и не осталась, подобно другим, в пределах Парижа, а совершила очень скоро свое триумфальное шествие по всем европейским столицам.

Когда пришла мода на перья, то это было только временным возвращением к рассудительности, так как и в данном случае очень скоро дошли до гротескных сооружений, как нетрудно убедиться на основании многочисленных описаний и изображений.

Придумать какую-нибудь новую комбинацию в сфере моды было горячей мечтой многих светских дам, а высшим триумфом для такой дамы было видеть, как придуманная ею новая комбинация нашла такое сочувствие, что входила в моду на несколько недель или по крайней мере дней – дольше не длилась ни одна мода. Мария-Антуанетта каждую неделю совещалась со своим придворным парикмахером, знаменитым Леонаром, «великим Леонаром, тратившим на одну прическу около 19 метров газа и принципиально не пользовавшимся кружевами». И каждую неделю она заставляла его придумывать новые комбинации, которые затем вводила в моду.

Так как специфическое общественное бытие господствующих классов состояло в праздности, то моде предстояла задача сделать тело, предназначенное для праздности, неспособным к труду. И эта тенденция точно так же вылилась в самые смешные, гротескные формы. В парике, в сюртуке, отороченном золотом и украшенном бриллиантами, в кружевном жабо и т. д. мужчина мог только медленно двигаться, а дама со стянутой в щепку талией, в похожем на бочку кринолине и совсем почти не могла двигаться, должна была взвешивать каждый шаг, если не хотела стать смешной, потерять равновесие и упасть. Так же точно и шлейф – характерная черта неспособности к труду, праздности. У тех классов и групп, вся жизнь которых была праздником, шлейф поэтому сделался официально составной частью костюма.

Так как все вышеупомянутые тенденции, формировавшие моду, сходились в том, чтобы создать впе-

чатление неспособности к труду, то в результате и явилась та в своем роде единственная картина моды, которая так отличает эпоху барокко и рококо от всех других эпох. Подчеркивая, что человек не только не хочет, а прямо не может работать, моды эпох барокко и рококо отличались, естественно, крайней неорганичностью. Это самая нелепая и, в сущности, безобразная мода, которая когда-либо существовала. Она безобразна, ибо находится в кричащем противоречии с внутренней логикой костюма. Безусловная свобода человека пользоваться своими членами – таков высший разум костюма, необходимая предпосылка гармонической и, следовательно, красивой моды.

Моды барокко пышны, а моды рококо – грациозны. Однако величие барокко становится смешным (люди, не умеющие отличить позу от действительности, говорят: «возвышенным»), так как право предаваться всякому капризу отражается и в костюме. Грация же моды рококо – это грация доведенной до последней степени рафинированности, разлагающей человека на его составные части, усматривающей в них и подчеркивающей их исключительно как орудия чувственного наслаждения. По отношению к женщине она состоит в смешном прославлении и боготворении пола. Никогда женщина не выглядела так пикантно, так аппетитно, так вызывающе, – словом, никогда она не была так «женственна», как тогда. Спорить против этого не приходится, еще менее это положение можно опровергнуть. Необходимо, однако, называть вещи их именами, вскрывать их тайный смысл, если хочешь их понять.

Эта специфическая пикантность, которую моды рококо придавали женщине – впрочем, и мужчине, – не что иное, как облекшийся в классическую форму высший разум тенденции к разврату. Моды рококо – утонченнейшее решение, придуманное европейской

культурой, чтобы подчеркнуть в костюме эротическую нотку, беспредельно господствующую. А эта особенность в связи с упомянутым фактом, что это была мода паразитов и бездельников, гарантировала ей продолжительное господство.

Так как главной программой эпохи было создание новой Евы, то ее различные тенденции яснее всего обнаруживаются в женском костюме. А как мы уже знаем, главная тенденция в идеологии красоты состояла в раздроблении женского тела на отдельные его прекрасные подробности, преимущественно грудь, лоно и бедра. Эта тенденция должна была поэтому особенно ярко выразиться в моде. Даже больше: только мода могла осуществить эту тенденцию, так как только костюм может подчеркнуть или же разрушить гармоническое единство тела.

Чтобы иметь возможность продемонстрировать в духе времени отдельные красоты, на которые распалось женское тело, прежние средства были уже недостаточны. Для этого необходимо было придумать совсем новое средство. И оно было найдено. То был каблук.

На первый взгляд роль его в ансамбле костюма может показаться ничтожной. Однако он представляет одно из наиболее революционных завоеваний в этой области. Каблук открывает совершенно новую эру подчеркивания телесного момента, эру, в которой мы сами еще пребываем и приобретениями которой мы все еще пользуемся. Необходимо поэтому прежде всего поговорить о нем. Каблук меняет самую манеру держаться: живот втягивается, грудь выступает вперед; чтобы сохранить равновесие, надо выпрямить спину, благодаря чему выпуклее выступает таз; особое положение колен делает походку моложавее и бойчее; выступающая вперед грудь кажется пышнее, линии бедер становятся напряженнее, их формы – пластичнее и яснее.

Введением каблука блестяще была разрешена главная проблема века, а именно проблема разрушения гар-

монии тела и выявления отдельных его красот. Искусственное обнаружение груди и таза равносильно демонстративному выставлению напоказ этих эротически действующих частей тела. Они действуют подобно плакату; женщина точно говорит мужчине: обрати внимание специально на эти прелести, они – самое интересное, что у меня есть, и их я хочу тебе показать прежде всего и т. д. И в самом деле, мужчина видит прежде всего именно эти части тела, для его взора они самая главная приманка, и часто он видит только их.

Что здесь мы имеем дело с проблемой, характерной специально для абсолютизма, доказывается до очевидности отдельными датами из истории каблука. Его предшественниками были гротескные ходульные башмаки, заимствованные, как говорят, испанцами у мавров. Однако мы встречаем подобные подставки и в других странах, например в Италии, где их называли *zoccoli*. Эти подставки, достигавшие порой значительной высоты (в Венеции даже, как говорят, 12 и 15 дюймов), служили нескольким целям.

Они должны были помогать пешеходу идти по всегда грязной улице, не загрязняя самих башмаков. Необходимо принять во внимание, что тогда нигде не существовало тротуаров, что даже улицы были в большинстве случаев немощенные, в лучшем случае мостились лишь некоторые главные из них, все же остальные в продолжение года были покрыты грязью, превращавшейся после каждого дождика в огромные бездонные лужи. Нечистоты выбрасывались за дверь даже еще в XVI в., и так как уборные существовали лишь в немногих домах, то люди обычно отправляли свои естественные потребности на улице. Поэтому даже на мощеных улицах протекал мутный ручеек нечистот. Так обстояло дело еще в XVIII в.

При таких обстоятельствах подставка под башмаком была необходимым аксессуаром и ее применение вполне понятно. Но подобно тому, как все, что касает-

ся женского костюма, бывает женщиной использовано еще и в ее специальных интересах, так и эти подставки становились для нее удобным средством эффективнее подчеркнуть известные линии.

Первые каблуки отличались неуклюжей формой, как показывают не только изображения, а еще яснее — хранящиеся в разных музеях башмаки начала XVII в. Очень скоро стали, однако, появляться и более изящные. Люди научились пользоваться этим изобретенным ими для осуществления их специфических целей средством, выявлять все скрытые в нем возможности. Для каждого класса, для каждой группы каблук становился средством лучше всего выявить свою сущность, свои характерные особенности. У почтенной мещанки он был не такой, как у дамы или кокетки. Первоначально широкий и неуклюжий, он постепенно достиг такой высоты, что на нем нельзя уже было ходить, а можно было только подпрыгивать.

Какое впечатление производили дамы в таких башмаках, видно, например, из одного места в мемуарах Казановы. Он сообщает, что видел однажды, как французские придворные дамы переходили из одной комнаты в другую вприпрыжку, подобно согнувшимся кенгуру. Такую позу дамы должны были принять, если хотели сохранить равновесие.

Лицом к лицу с такими несомненными фактами можно без преувеличения сказать: необходимой предпосылкой изобретения каблука было возведение на престол женщины как высшего божества. Вместе с тем он был доказательством поражения мужчины, всецело подчинившегося, как раб, своим желаниям, исключительно направленным на физическое наслаждение.

Если высокий женский каблук представляет наиболее важное приобретение в области моды эпохи абсолютизма, то ее наиболее бросающаяся в глаза черта — выставление напоказ женской груди.

Дамы носили тогда декольте не только в празднич-

ных случаях, но и дома, на улице, в церкви – одним словом, везде. Еще в эпоху Ренессанса, правда, мужчинам показывали эту часть тела как можно чаще. Однако было в этом отношении важное различие, на которое следует указать. Это различие между обнаженной и раздетой грудью. Отличие это обуславливается не степенью оголения груди, а общей тенденцией костюма и особым способом демонстрирования этой прелести. Эпоха Ренессанса показывала взорам обнаженную грудь. Она оставляла ее непокрытой, как непокрытыми были лицо и руки. Это вполне органическая черта, так как в эпоху Ренессанса весь костюм был только, собственно говоря, декорацией для нагого тела.

Эпоха абсолютизма поставила на место обнаженной груди грудь раздетую, раскрытую. Логика нового костюма требовала, чтобы грудь была закрыта. Но женщина хотела показать мужчине свою грудь. «Я знаю, ее вид взволнует твои чувства, и так как это совершенно соответствует моим намерениям, то я и показываю ее тебе» – таково тайное признание каждой женщины. И вот она демонстративно делает отверстие в платье, обнажая грудь, раскрывает свое платье спереди, подобно тому как иногда она поднимает юбку, чтобы показать ножку. То, что в эпоху Ренессанса только показывалось, теперь прямо предлагается мужчине.

Это значит другими словами: необходимо всегда находиться в таком положении, которое каблук придает женщине, стоящей или сидящей... Чтобы достигнуть этой цели, чтобы помешать женщине принять иную какую-нибудь позу, каблук получает союзника в виде лифа, потом корсета: они та форма, в которую отливается женское тело. Верхняя часть женского тела облекалась в броню из рыбьей кости, которая безжалостно отодвигала назад плечи и руки и тем самым заставляла грудь выдаваться вперед. Теперь грудь получала такое положение, в котором ее хотели преимущественно видеть. Или, другими словами и яснее, те-

перь грудь представлялась взорам всегда в том виде, в каком она, собственно говоря, по законам природы бывает только в момент эротического возбуждения. Стимулировать постоянную эрекцию женской груди – вот высшее требование красоты с точки зрения эпохи.

Отсюда вытекает не только декольте, а декольте, возможно более глубокое, так как только таким образом достигается имеющаяся в виду цель. Эпоха доходила поэтому до самых гротескных форм оголения груди. Вырез делался как можно глубже и больше. В описаниях современных нравов часто встречаются фразы вроде следующих: «Женщина не позволяет портному закрывать высокие снежные горы» или «Галантная дама любит показать, что на вершинах этих красивых гор горит огонь нежной страсти».

Так как при обнажении груди – при всем желании идти как можно дальше – приходится все же соблюдать известные границы, то старались как можно выше поднять грудь при помощи лифа. Многие матери придерживались тогда того взгляда, что девушки должны выставять напоказ как можно больше из того, чем их наградила природа.

Целый ряд случаев доказывает, что красивые женщины не довольствовались тем, что показывали так смело свою грудь или дома, или в праздничной зале, а любили в таком виде выходить на улицу. Красавица жена шотландца Депортера часто прогуливалась в Париже под руку с мужем с совершенно обнаженной грудью. Хотя подобные зрелища и не были редкостью, но иногда, как нам сообщают, происходили настоящие скопища. То были отнюдь не враждебные демонстрации, напротив, «каждый хотел вблизи насладиться прекрасной грудью, возбуждавшей в зрителях сладострастные чувства». Другой современник рассказывает о трех молодых англичанках, которые каждый день прогуливались вместе по аллеям вокзала: груди их производили сенсацию, потому что ни одна не похо-

дила на другую. «Каждый день люди спорили, кому присудить пальму первенства, и никак не могли столковаться».

Впрочем, такое смелое декольте, по-видимому, было исключением уже по одной той важной причине, что при частичном декольте легче симулировать впечатление постоянно приподнятой груди, чем при полном ее обнажении; последнее было в моде, например, при дворе Карла II, в Англии.

О степени декольте мы больше и лучше всего узнаем от современных моралистов-проповедников. Если для большинства других писателей декольте — дело настолько понятное, что они вспоминают о нем лишь вскользь, то для моралистов оно было «причиной всякого зла». Глубокий вырез на груди кажется им входом в адскую пасть, в геенну огненную, которая всех поглощает и всем грозит — юноше, мужчине, старику, которая уничтожает все лучшие намерения и т. д. О размерах выреза в XVII в. говорится: «Женщина хочет, чтобы он был по крайней мере настолько велик, чтобы две мужские руки могли удобнее проскользнуть, хотя они ничего не имеют и против того, чтобы он был еще немного больше». По словам сатириков, выходит, что под этим «немного» следует подразумевать возможность для женщины все показать, а для мужчины все видеть, ибо если как следует заглянуть в сердце женщины, то очень скоро станет ясно, что они сами предпочли бы ходить совсем голыми.

Для характеристики половой морали эпохи абсолютизма юбка не имеет того же значения, как декольте, хотя в типических линиях кринолина она также облеклась в форму, ярко отражавшую дух абсолютизма. И все же отказаться от освещения этого средства галантности значило бы затушевывать некоторые весьма существенные подробности общей картины, так как в данном случае речь идет не только о новом воплоще-

нии идеи величия, но преимущественно о выработке эротически-возбуждающих линий.

Кринолин является дальнейшим развитием юбки-валика, Wulstenrock, которая вошла в моду еще в эпоху Ренессанса, чтобы достигнуть своих наиболее гротескных форм в период восходящего абсолютизма. Кринолин был лучшим, то есть более рафинированным, решением той самой задачи, которую ставил себе еще его предшественник эпохи Возрождения. Подобно фонтанжу, да и большинству тогдашних мод, происхождение кринолина также приписывается мимолетному капризу одной из королевских метресс, а именно госпоже Монтеспан, желавшей как можно дольше скрывать от придворного общества свою беременность.

Что причина возникновения кринолина не эта, видно хотя бы из того, что он существовал в Англии еще раньше, чем вошел в моду во Франции. Нельзя, однако, отрицать, что цель, которую с ним связала госпожа Монтеспан, составляла в эпоху галантности одно из его важных преимуществ. Ведь большинство светских дам подвергалось каждый день опасности внебрачной беременности, и в беременности очень многих дам чаще был виноват друг. В интересах репутации всех этих дам было как можно дольше скрывать свое роковое падение на гладком паркете галантных походов. Если это удавалось, то подозрительному светскому обществу, при виде беременной женщины менее всего думавшему о муже, было трудно ответить на вопрос о законности ее интересного положения. «Порядочная» дама также стремилась скрыть свое положение до последней минуты. К тому же беременность тогда считалась скорее позором, чем славой. Беременность была смешна. Как глупо, если виновником был муж! Какая неловкость, если виновником был любовник!

Главная цель при создании кринолина заключалась в преувеличенном подчеркивании узкой талии, считающейся также одной из главных женских кра-

сот. Даже более, это впечатление хотели еще усилить в направлении современного понятия «женственности», то есть в смысле распада тела на грудь, лоно и бедра. При помощи лифа эта задача была блестящим образом решена. Вошла в моду тонкая талия, положительно разрезавшая тело на две половины – на грудь и нижнюю часть тела. Оставалось еще только подчеркнуть лоно... А это было достигнуто путем заостренного книзу лифа. Уже раньше встречается подобный прием. Но только в XVIII в. удалось полностью решить эту сокровенную задачу. Длинный острый угол, которым заканчивался лиф, угол, прозванный одним сатириком «путеводителем в долину радости», служил вместе с тем необходимым соединительным звеном между обеими половинами тела, созданным тонкой талией, звеном, по крайней мере косвенно восстанавливавшим естественное единство.

Кринолин и талия позволяли добиться еще одного очень важного для эпохи результата. Как бы ни была женщина неуклюжа и груба, в этом костюме она производила впечатление изящной и грациозной. Небольшое преувеличение – и нетрудно было затушевать формы, слишком пышные для вкуса эпохи.

Кринолин решил еще одну не менее важную эротическую тенденцию эпохи, и решил ее притом не менее блестяще, а именно тенденцию закутывания тела, выражавшуюся так же гротескно, как смешно лиф осуществлял противоположную тенденцию оголения. Кринолин настолько же закрывал нижнюю часть тела и затушевывал ее линии, насколько лиф раскрывал грудь. Всякая другая форма юбки сочеталась с линиями тела и оттеняла чудесную ритмику движений больше и лучше, чем кринолин, который их почти уничтожал. Кринолин вообще убивал все естественные линии, покрывая их как бы огромным колоколом, подчинявшимся только закону собственной ритмики...

Единственное, что этот колокол порой позволял

видеть, были ножки. Мы говорим: порой! В тех случаях, разумеется, когда женщина обладала маленькой ножкой и была не прочь ее показать.

Как видно, в этой моде встречаются самые дикие противоречия: самые смелые формы оголения сочетаются с такими же смелыми формами закутывания. Однако высшую рафинированность эта мода достигала лишь косвенным образом. Кринолин только, видимо, скрывал тело, приводя благодаря своим странно-смешным формам к не менее странно-смешному оголению. Обусловленное оттопыривающейся формой юбки, оно было, по-видимому, преднамеренным и, как все якобы случайное и мгновенное, действовало тем более вызывающе. В какой степени кринолин позволял заглядывать под юбку, особенно во время восхождения на лестницу, реверанса и т. д., мы сумеем себе представить только в том случае, если вспомним, что тогда дамы носили только коротенькую нижнюю юбку, а кальсоны на протяжении всего XVII и XVIII в. находились под запретом.

Носить кальсоны считалось для женщины прямо позором, и это право предоставлялось только старухам. Только катаясь верхом, дама надевала кальсоны. Было бы точнее выразиться так: кринолин соединял не оголение и закутывание тела, а лишь оба наиболее рафинированных способа оголения – постоянного, придуманного хитроумно, и случайного, как результат удачного случая, действовавшего поэтому тем более рафинированно. Эпоха требовала, чтобы женщина была «пикантной». А что могло быть пикантнее, чем представить взорам любопытствующих интимнейшие прелести в самой невинной ситуации и с самым бесстрастным невинным видом. Неудивительно, что тогда было немало мастериц, умевших с большой ловкостью давать влюбленным любопытствующим взорам пикантнейшие спектакли.

Здесь бессильны и нравственное негодование, и

даже убедительное указание на неэстетичность впечатления. Эстетика женщины как класса покоится на одном только положении, признает одно только мерило: в глазах мужчины она хочет быть орудием полового наслаждения, хочет бросаться ему в глаза. Неизменный ее девиз гласит: я хочу демонстрировать ему свою красоту и я покажу все, если это гарантирует мне наисильнейшее впечатление, я покажу поменьше лишь в том случае, если это позволит мне добиться скорее своего... Дальнейшее только подтвердит это положение.

По мере того как метод *retrousse*, т. е. «искусство показывать ногу», принимал все более рафинированные формы, стали все больше обращать внимание и на нижние части костюма, *les dessous*. Начали с башмаков, чулок и подвязок. Долгое время ограничивались этими тремя аксессуарами. Очень скоро поняли, что при помощи фасона башмаков и цвета чулок можно по желанию исправить форму ноги до самого колена, и очень скоро научились пользоваться этими средствами для увеличения красоты ноги.

Подвязка, которую раньше носили ниже колена, была постепенно перенесена выше колена, чем сразу было достигнуто несколько важных результатов. Во-первых, таким образом эффективно удлинялась нога, а во-вторых, границы для добровольного *retrousse* были перенесены как можно выше. Теперь нога выше колена оказывалась не обнаженной, а приличие требовало только скрывать наготу. Там, где начиналась она, *retrousse* находило свою естественную границу. И многие женщины здесь только и усматривали границу. Они позволяли мужчине видеть как можно больше, и эта уступка доказывала, что они в душе шли навстречу желаниям мужчин.

Так как суть *retrousse* состояла в обнаруживании подвязки, то эпоха отдавала предпочтение таким развлечениям и играм, которые легче и лучше других позволяли достигнуть этой цели. Трудно было найти для

этого более удобный случай, как, сидя на качелях, пронизывать воздух. И в самом деле, именно тогда качели вошли в моду. Ни одна игра не пользовалась такой популярностью. Это доказывают сотни картин и гравюр, изображающие, как красавицы, не заботясь о том, какие пикантные зрелища они доставляют очам мужчин, отдаются этой забаве.

Вдохновеннейшими режиссерами таких спектаклей выступают обыкновенно умные и в особенности красивые женщины, которым не приходится бояться обнаружить во время игры свои прелести, и они ловкими движениями стараются выставить напоказ все, что достойно лицезрения. Так вошли в моду качели с их «счастливыми случайностями», и ими тогда все одинаково увлекались – актеры и публика.

Так как главной целью этого развлечения было не само качание, так как это последнее было только средством устроить *retrousse*, то на качелях всегда находится только дама, мужчина же только зритель. Актером он был лишь настолько, насколько мог содействовать пресловутым «счастливым случайностям».

К числу эротических моментов эпохи относятся и цвета, которым та или другая эпоха отдает предпочтение. Цвета, употребляемые для костюма, являются рефлексом температуры крови, этой истинной носительницы чувства: кровь – это ведь материализованная жизнь. А жизнь – не что иное, как чувственность, облекшаяся в действия. Если чувственность течет в жилах эпохи могучими и бурными волнами, если она пышет огнем, то и цвета, в которые рядится эпоха, всегда сочны и яркие, всегда сияют и сверкают, как огонь, и никогда не приглушаются. Повсюду господствуют самые смелые контрасты.

Эпоха Ренессанса любила поэтому пурпурно-красный, темно-голубой, ярко-оранжевый и удушливо-фиолетовый цвета, ибо они наиболее соответствуют жизни. Она не признавала промежуточных цветов. Яркие

краски так же типичны для ее костюма, как и для ее искусства. Они отличали не только праздничный костюм веселья, но и будничную одежду труда. Каждый словно ежеминутно погружен в пламя, он как бы сияющее отражение жгучих страстей. Вся жизнь в домах, на улицах, в храмах точно расплавленный огонь. Праздничные процессии производят впечатление колышущегося океана пламенных красок. Радость, вдохновение, разнузданность растоплены в сиянии красочных волн. То воплощение гармонии силы, грандиозная симфония творческих порывов, пробудившихся и ставших действительностью в эту эпоху.

В период рококо холодное величие сменилось фривольным наслаждением. В моду входят теперь нежные краски – чувственность без огня и без творческой силы. Светло-голубой и нежно-розовый вытесняют цвета пурпурный и фиолетовый: сила истоцилась. На место ярко-оранжевого цвета ставится бледно-желтый; мелочная зависть господствует там, где когда-то свирепствовала разнузданная ненависть необузданных натур. Сверкающая зелень изумруда уступила матово-зеленому цвету: эпоха похоронила светлую надежду на будущее, ей остались только лишённые творческих порывов сомнения.

Нет больше места и резким контрастам; светло-лиловый, серовато-голубой, серо-желтый, светло-розовый, блекло-зеленый – вот наиболее любимые цвета как в искусстве, так и в моде. Чувства не распадаются на свои враждебные элементы. Зато шкала цветов имеет сотни делений, тысячу оттенков, как и наслаждение. Одно время в ходу был блошиный цвет, и все одевались в этот цвет. И, однако, этот цвет имел полдюжины утонченнейших оттенков. Различали цвета: блохи, блошиной головки, блошиной спины, блошиного брюшка, блошиных ног, и даже существовал цвет блохи в период родильной горячки.

Когда явился спрос на нежно-телесный цвет, то различие в оттенках отличалось настолько же рафи-

нированностью, насколько и пикантностью. Различали между цветом живота монашенки, женщины и т. д. Подобная терминология была как нельзя более в духе галантного века. Для него не существовало ничего более нежного, как цвет тела только что постригшейся монахини, ничего более гладкого, как кожа нимфы, ничего более пикантного, как кожа женщины, хранящая следы нескончаемых праздников жгучих наслаждений.

Физическая внешность, которой хотят придать возможно больше красоты, вызывает естественно тем более интенсивное обаяние, действует тем заманчивее, чем разнообразнее те формы, в которые она облекается. Ввиду этого стараются выставить свою личность напоказ в возможно более разнообразных и новых видах, то есть костюмах. А это и есть роскошь количественная.

Эти факторы должны были дойти до последней границы в эпоху абсолютизма, так как в ней царит закон величественности, представительства.

Каждый человек от государя до последнего лакея хочет не только представлять, но и перещеголять в этом отношении остальных. А достигнуть этой цели можно было в эту эпоху только путем чрезмерной роскоши костюма и постоянной смены платья. В эпохи, когда все построено на внешности, костюм является, естественно, первым и лучшим средством подчеркнуть свое главенствующее положение на лестнице социальной иерархии. Костюм сверкал поэтому тогда золотом и драгоценными камнями. В особенности официальная одежда, служебный и салонный костюм были чрезмерно украшены и затканы золотыми галунами, вставками и отворотами. Драгоценные камни заменяли пуговицы, пряжки на башмаках были украшены аграфами из драгоценных камней, ими были затканы даже чулки.

Платье меняли так же часто, как и прическу. Часто знатные кавалеры и дамы носили не более одного раза самый драгоценный костюм, стоивший несколь-

ко тысяч. К их услугам были самые выдающиеся художники, обязанные придумывать все новые комбинации. Монтескье замечает:

«Раз даме пришла в голову мысль появиться на ассамблее в роскошном наряде, то с этого момента 50 художников уже не смеют ни спать, ни есть, ни пить».

Камеристка Марии-Антуанетты каждый день работала с королевой – как и придворный парикмахер – и, как видно из мемуаров этой дамы, была ее интимнейшей поверенной. Впрочем, эта близость не мешала тому, что в 1787 г. этот, как ее называли, «министр мод» оказался несостоятельным должником на сумму в 2 миллиона. Умершая в 1761 г. русская императрица Елизавета оставила после себя не более и не менее чем 8 тысяч дорогих платьев, свыше половины которых стоили от 5 до 10 тысяч рублей.

Господствующая в данную эпоху роскошь есть не только экономический факт, а оказывает огромное влияние на нравы вообще. Там, где роскошь возведена в степень общего закона, невозможность конкурировать с другими в этом отношении влечет за собой общественную опалу, и потому женское целомудрие и верность не обретаются в почете, который выпадает лишь на долю порока. В такие времена в господствующих классах обычным явлением бывает мужчина, находящийся на содержании у стареющей кокотки, и женщина, идущая на содержание к богатому любовнику.

Царившая в век абсолютизма безграничная роскошь мод служит одним из характернейших доказательств того, что вся жизнь тогда покоилась на чувственности. А сосредоточение роскоши вокруг женщины служит не менее веским аргументом в пользу того, что она сама в эту эпоху была предметом роскоши, которую мог себе позволить мужчина, и притом самым драгоценным предметом роскоши, внешность которого он поэтому и старался сделать как можно более великолепной и рафинированной.

Глава 4

ЛЮБОВЬ

Нет никакого сомнения, что с той поры, как пробудилась индивидуальная половая любовь, она на почве европейской культуры с каждым столетием все более одухотворялась.

И, однако, если уже в XVII столетии она была животным исполнением законов природы только в самых отсталых слоях населения, то даже и в среде дворянства и городской буржуазии она лишь в отдельных случаях поднималась до высшего идеала единобрачия, и только в исключительных случаях она спаивала мужчину и женщину в такую тесно связанную пару, что каждый из них достигал в браке человеческого совершенства. Любовь одухотворилась только в сфере рассудка, тогда как сердце оставалось нетронутым.

Для господствующих классов, интересы которых накладывают прежде всего известную печать на облик эпохи, жизнь никогда не была борьбой или же походом в сферу более высоких возможностей развития, а только более или менее удобной программой эксплуатации наличных культурных благ. Или, во всяком случае, в этом преимущественно выражались их господские привычки. А так как право господствующих классов распоряжаться имевшимися налицо культурными благами никогда не было так беспредельно, как в эпоху абсолютизма, то отсюда для них вытекала столь же приятная, сколь и удобная жизненная философия.

Она гласила: так как жизнь – только коротенькое путешествие, то следует совершить его как можно комфортабельнее и веселее. Для этой цели необходимо игнорировать, как будто они не существуют, все осложнения, которые могут помешать этому удовольствию. А из такой программы жизни вытекал в области философии любви нами уже во многих местах обрисован-

ный, как в его сущности, так и в его особенностях, тот специфический взгляд, который в его практическом применении можно лучше всего охарактеризовать словами «культ техники любви».

Формы любовного наслаждения являются в эту эпоху не только арабесками, красиво и изящно переплетающимися чудеса любви, нет, они теперь сами стали этим чудом, его единственной целью и единственным содержанием.

Любовь только случай испытать то наслаждение, которое в особенности ценилось эпохой. И это вовсе не думали скрывать, напротив, все в этом открыто признавались. Бюффон, живший в первой половине XVIII в., заявлял: «В любви хороша только физическая сторона». А полстолетия спустя Шамфор издевался: «Любовь не более как соприкосновение двух эпидерм». Это, в сухих словах, не более как провозглашение мимолетной страсти, страсти без последствий. В этой мимолетной страсти физическая сторона, однако, занимает гораздо меньше места по сравнению с прежними эпохами. Клокочущие вулканы стали уютно греющими очагами. Уже не было желания совершенно слиться с другим. Люди стали умеренными или, выражаясь в духе эпохи, «разумными», и притом во всех ситуациях.

Там, где господствует истинная страсть, любовь есть желание подарить себя, отдать себя всецело и навсегда. Теперь она стала похожей на отдачу себя взаймы. Любовная связь становится в эту эпоху договором, не предполагающим постоянных обязательств: его можно разорвать в любой момент. А потом делали вид, будто ничего и не было. Всю остальную жизнь мужчина и женщина могут собой распоряжаться как угодно. Снисходя до ухаживающего за ней кавалера, женщина отдавала себя не всецело, а только на несколько мгновений наслаждения или же продавала себя за положение в свете.

Этот везде распространенный поверхностный

взгляд на чувство любви привел в своем развитии с логической неизбежностью к сознательному упразднению высшей логики любви – деторождения. Мужчина уже не хотел больше производить, женщина не хотела быть больше матерью, все хотели лишь наслаждаться. Дети – высшая санкция половой жизни – были провозглашены несчастьем. Бездетность, еще в XVII в. считавшаяся карой неба, теперь многими воспринималась, напротив, как милость свыше. Во всяком случае, многодетность казалась в XVIII в. позором. И эта мораль господствовала не только в верхах общества, а проникала в значительную часть среднего бюргерства, и притом во всех странах. Значительную роль здесь играл, впрочем, и другой фактор: содержать многих детей становилось в эту эпоху экономического застоя для все большего числа семейств непосильной роскошью.

Это систематическое игнорирование физических законов любви должно было мстить людям, как мстит любое уклонение от законов природы. И в самом деле! Всеобщее физическое вырождение было характерным законом эпохи, и старый режим сделался в европейской культурной истории начиная со Средних веков классическим веком декаданса.

Всякая эпоха упадка характеризуется в половой области заметной склонностью к рафинированности наслаждения. Эта склонность обнаруживается в двух типических явлениях – в беззастенчивом разврате, часто доходящем до противоестественности, гонящемся за все новыми техническими ухищрениями в сфере физического наслаждения, и, во-вторых, в резиньяции, известной под названием сентиментальной любви. И то и другое служит теми возбуждающими средствами, в которых нуждаются в первом случае натуры сильные, во втором – натуры слабые, чтобы испытать те ощущения, которые они уже не могут испытать при нормальных условиях.

В литературе наиболее известные типы в этом отношении – преступный сладострастник Вальмон и разочарованный, слабый Вертер. В эпохи упадка люди вроде Вальмона и Вертера становятся явлениями массовыми, перестают быть индивидуальными типами.

Период чувствительной и слезливой любви, когда тратили больше чернил, чем спермы – ибо до объяснения леди исписывали по крайней мере несколько печатных листов бумаги, – продолжался в Германии даже еще в XIX столетии. Поэтому Вертер – не только гениальнейший анализ сущности немецкого сентиментализма как определенной философии любви, но и гениальная художественная формула политического и социального бессилия немецкого бюргерства покончить с феодализмом – формула, уловленная и созданная პროოком.

В XVIII в. любовь – ремесло. Поэтому каждый должен был ее сначала изучить, тем более что мужчина и женщина стремятся к тому, чтобы в этой области не оставаться простыми дилетантами, а достигнуть полного совершенства. Впервые поэтому в мировоззрении людей начинает играть значительную роль нечто вроде сексуального воспитания. Каждый воспитывает себя самого «для любви», «для любви» же все воспитывают друг друга.

Искусство соблазнить женщину – любимейшая тема мужских разговоров; вопрос, как суметь стать с ловкостью и грацией постоянно богато вознаграждаемой жертвой соблазна, составлял в продолжение полутора столетий наиболее животрепещущую проблему для женского остроумия.

Некая госпожа Морин говорит, например, своему сыну: «Могу тебе дать только один совет: влюбляйся во всех женщин». Некий английский лорд пишет своему сыну, вступающему в свет: «Изучай днем и ночью женщин – само собой понятно, только лучшие экземпляры: пусть они будут твоими книгами».

К заботливым советам родителей родственники и друзья присоединяют услужливую активную помощь. Стоящего на грани отрочества и юношества молодого человека знакомая дама, разыгрывающая добрую мать, разжигает указаниями на разнообразные блюда, которые изготавливает любовь. Она обращается с ним, как с ребенком, и вместе с тем требует от него поступков, которые рано или поздно должны пробудить в нем чувственность. Что для зрелого мужчины является доказательством высшего расположения, разрешается ему в первый же день знакомства, точно это пустяк. Дама раздевается в его присутствии, принимает его в постели, принимает услуги, предполагающие самую близкую интимность. И всегда при этом она ему показывает «кое-что», а иногда и очень много.

Благоразумные и предусмотрительные матери — такими, по крайней мере, провозглашала их эпоха, — которым важно, чтобы сын сумел занять в обществе видное место, нанимают, кроме того, камеристок и горничных во вкусе сына и умелыми маневрами устраивают так, что «взаимное соращение молодых людей становится самой простой и естественной вещью». «Таким путем они делали сыновей более смелыми в общении с женщинами, пробуждали в них вкус к любовным наслаждениям и спасали их вместе с тем от опасностей, грозящих молодым людям от схождения с проститутками».

Сексуальное воспитание девушек вращалось, естественно, в других плоскостях, хотя имело в виду ту же конечную цель. Усерднее всего занимались половым воспитанием девушек в среднем и мелком мещанстве. Так как в этих кругах наиболее честолюбивой мыслью каждой матери была «карьера» ее дочери, то стереотипная фраза в устах тысячи матерей, когда они говорили о своих дочерях, гласила: «Моя дочь слишком хороша для ремесленника, она может выйти и за человека почище». И то же самое говорится дочери:

она лакомый кусочек для гурманов и слишком красива, чтобы служить утехой для соседа Ивана и стоять за прилавком в его магазине. И потому не менее стереотипный совет гласил: «Пусть она не отдается первому встречному, а метит как можно выше».

Настоящее практическое воспитание женщины для любви начинается, впрочем, обыкновенно только в браке. Брак является для нее настоящей высшей школой. Теперь ей систематически внушается, как использовать все возможности наслаждения, как ей самой создать все новые интересные в этом смысле положения. Это воспитание начинается уже в первый день ее брачной жизни и практикуется при каждом удобном случае. Молодая жена слышит от всех своих подруг «вернейшие советы», как избежать «грубостей» мужа. Заставая молодую жену скучающей, подруга спешит ее просветить: «Только любовник посвящает нас в истинное блаженство любви. Муж обращается с нами как с женой или матерью его детей, тогда как любовник заботится только о нашем удовольствии и потому делает только то, что нам доставляет удовольствие».

Впрочем, в эту эпоху многие мужья также настолько благоразумны, что стараются доставить своим женам утонченные наслаждения. Такие браки считались в большинстве случаев «счастливыми». Таким путем жена медленно, но верно превращается в достойную удивления мастерицу в искусстве любви, способную заменить любовнику, будь то муж или возлюбленный, целый гарем. Маркиза де Мертей сообщает доверенному ее альковных походов: «В нашем распоряжении было шесть часов. Я решила устроить так, чтобы все это время было для него одинаково восхитительно, и потому обуздывала его нападения кокетством и любезностью. Кажется, никогда я так не старалась нравиться, и я была, признаюсь, очень довольна собой. После ужина я по очереди разыгрывала ребенка и разумную женщину, была то умницей, то чувствительной, то

даже развратной: мне доставляло удовольствие разыгрывать фавориток гарема, в котором он – султан. Перед ним была только одна женщина, хотя ему и должно было казаться, будто каждое удовольствие доставляется ему новой возлюбленной».

С ловкостью несравненного режиссера женщина умеет устраивать всякую ситуацию, как ей нравится, искусственно создавать их. Желая отучить от любви надоевшего любовника, не сумевшего уловить момент, когда ему пора подать в отставку, так, чтобы он и сам был рад своей отставке, дама положительно засыпает его нежностями и истощает преднамеренно его силы. В письме к доверенному ее тайн маркиза де Мертей следующим образом развивает подобную программу: «Уже две недели я пускаю в ход по очереди холодность, капризы, раздражительность и ссоры, и, однако, никак не удается отделаться от этого прилипчивого человека. Надо, следовательно, испробовать более радикальное средство, и вот я беру его с собой в имение. Послезавтра мы уезжаем. С нами будет только несколько незаинтересованных, не очень проникательных людей, и мы там будем так же свободны, как будто мы одни. И вот там я хочу его так засыпать ласками и любовью, мы там так будем жить только друг для друга, что я готова держать какое угодно пари – он горячее меня будет мечтать об окончании этого путешествия, на которое он так рассчитывает. И если после нашего возвращения он будет скучать в моем присутствии не более, чем я теперь скучаю с ним, то вы имеете право сказать, что я понимаю в таких делах не больше, чем вы».

И подобных методов придерживалось тогда множество женщин.

Однако так поступают только с такими любовниками, от которых хотят отделаться или которых берут лишь на незначительное время. Любовников, которых не желают терять, так как с ними можно

блистать в свете, щадят, берегут как благородных лошадей.

Так как любовь перестала быть страстью, дорожащей конечной целью, осуществление которой сопряжено с неожиданностями, так как она стала ремеслом, выполняемым с трезвой головой, то люди пользуются дорогой к цели, чтобы насладиться всеми доставляемыми ей лакомствами. Они преднамеренно растягивают

О. Фрагонар. Поцелуй

путь, так как таким образом можно увеличить число станций, где можно время провести с удовольствием. С ловкостью стараются вызвать женщину на все новое противодействие, обещающее все новые наслаждения. Подобное противодействие вызывают даже в тот момент, когда женщина уже готова пасть жертвой. В особенности охотно поступают так с дамами, закованными в броню добродетели и серьезно желающими сохранить верность мужу или любовнику. Какое торжество довести такую женщину один или даже несколько раз до такого состояния, что она готова отдаться!

Не забывают ни об одном оттенке, и всем им придается пикантный характер. Менее всего отказываются от наслаждения побежденной стыдливостью. Для большинства мужчин со вкусом это одно из самых излюбленных лакомств. Мало что в любви он ценит так, как возможность заставить смелыми словами или поступками женщину покраснеть, как минуту, когда женщина или девушка готова «умереть от стыда», потому что ему удалось обладать ею. Эффектное оскорбление чув-

ства стыдливости становится поэтому предметом в высшей степени развитого искусства. Здесь любовь в смысле разнузданности празднует поистине чудовищные оргии. Подобные ситуации являются и для многих женщин моментами высокого наслаждения.

В первую минуту дама, правда, пугается, ведь она «порядочная» женщина, но та же дама в тот же вечер пишет своей подруге: «Если бы ты знала, в какой я сегодня находилась опасности. Я не могла помешать этому чудовищу добиться своей цели и удовлетворить свое любопытство: это было восхитительно». Зрелище, которое молодая женщина представляет на другой день, считается также особым лакомством, как и чужие страдания. Слезы, проливаемые целыми потоками в XVIII в., были в большинстве случаев не более как средствами усилить наслаждение, как приправой. Наряду с воздействием на чувственность женщины, которую хотят соблазнить, чрезвычайно реальным средством было воздействие на ее тщеславие. Это, впрочем, приложимо к обоим полам. Высшее тщеславие людей этой эпохи состоит в том, чтобы играть роль в обществе. Лучший комплимент по адресу женщины поэтому — намек на то, что связь с ней позволит легче всего достигнуть этой цели. Быть в моде — таков девиз эпохи. Мужчина, который в данную минуту в моде, как в моде все то, что его касается, считается поэтому самым удачным соблазнителем. Перед модным человеком раскрываются все двери, и путь его всегда ведет прямехонько в спальню. Он — неотразимый, ему стоит только пожелать. Дамы сами ему навязываются. Каждая женщина хочет им завладеть, и нет такой добродетели, которая устояла бы перед ним и его желаниями.

Если же ни чувственность, ни ум, ни тщеславие не в силах победить женщину, то мужчина хладнокровно прибегает к последнему средству — насилию. Самолюбие мужчины требует, чтобы он при любых условиях остался победителем. Насилие над женщиной

считалось поэтому в порядке вещей. Однако нигде оно так часто не применялось, как в светском обществе, и притом везде: в будуаре, салоне, во время вечерней прогулки, в парке и чаще всего в почтовой карете. Для многих донжуанов это было настоящим спортом. Так поступали Казанова, граф Тилли и множество других виднейших героев общества. Из их мемуаров видно, что эти дерзкие насильники всегда почти достигали своей

цели и редко подвергались опасностям. Правда, здесь речь шла ведь не о настоящем преступлении, а просто об особой форме совращения, разрешенной обществом каждому эротически сильному мужчине.

Никто лучше профессионального соблазнителя и не отдавал себе в этом отчета. Он знал, во-первых, что лишь очень немногие женщины приходят от совершившегося в отчаяние, что большинство оправдывает себя старой поговоркой: «Если я подверглась насилию, я не совершила греха». Далее, он знает, что каждая женщина боится скандала, а дело кончалось бы в большинстве случаев скандалом, если бы женщина стала серьезно сопротивляться. Поэтому именно самая порядочная женщина будет сопротивляться только до известной степени. Наконец, каждый жуир знает, что множество женщин только о том и мечтают, чтобы быть взятыми силой. Мнимое насилие для многих неизмеримо повышает наслаждение, и потому они положительно провоцируют мужчину к насилию или ожидают его от него.

Охота на вдовца

По всем указанным причинам даже самые грубые нападения на честь женщины не только не преследуются, а часто прощаются. Вот почему нет ничего удивительного, что разбойник в маске, нападающий на пустынной дороге на карету путешествующих дам, насилующий их и довольствующийся этим как единственным выкупом, сделался в воображении эпохи идеальной фигурой.

Нам могут возразить: все эти приемы сексуального воспитания, правда, не подлежат сомнению, но ведь это не более как обычные приемы порока и разврата, которые пускались в ход во все времена. Можно согласиться с этим возражением, и, однако, оно совершенно теряет свою силу благодаря одному обстоятельству: в эпоху старого режима в отличие от предшествовавших периодов эти приемы – необходимо это подчеркнуть – становились сознательными и, кроме того, массовыми. Эти проблемы интересовали уже не отдельные только личности, а становились составной частью общей философии любви, распространенной с соответствующими оттенками во всех классах общества.

Так как любовь была в эту эпоху не чем иным, как умственным развратом, то сексуальное воспитание имело, очевидно, одну только цель: культ техники. Его сущность – в способности для всего находить слова и все облекать в слова. Сознательность и расчетливость становятся, таким образом, на место инстинктивного исполнения велений природы. Шаг за шагом упраздняется наивность, а там, где она еще встречается, она в большинстве случаев не более как комедия, которой предшествовали сотни репетиций. Конечным результатом этого процесса и вместе с тем высшим завоеванием старого режима было то, что акт любви, или, как тогда говорили *Fais le bien*, во всех его формах и фазах сделался в конце концов целым сложным произведением искусства.

Все формы общения полов получают соответству-

ющий характер. Относиться к женщине с уважением, смотреть на нее просто как на человека – значит в эту эпоху оскорбить ее красоту. Неуважение, напротив, становится выражением благоговения перед ее красотой, оно – поклонение перед «святая святых» эпохи. Мужчина *a la mode* совершает поэтому в обхождении с женщиной только непристойности – в словах или поступках, – и притом с каждой женщиной. Остроумная непристойность служит в глазах женщины лучшей рекомендацией. Кто поступает вразрез с этим кодексом, считается педантом или – что для него еще хуже – нестерпимо скучным человеком. Так же точно восхитительной и умной считается та женщина, которая сразу понимает непристойный смысл преподносимых ей острот и умеет дать быстрый и грациозный ответ. Так вело себя все светское общество. А каждая мещанка с завистью обращала свой взор именно к этим высотам. У нее тот же идеал.

Повышенная чувственность нашла свое наиболее артистическое воплощение в женской кокетливости и во взаимном флирте.

Кокетство не что иное, как выражение пассивности. Оно является поэтому специфически женским атрибутом и наиболее важным, использованным ею во все времена средством воздействовать на мужчину. Кокетство играет в жизни общества тем большую роль, чем ограниченнее становится для большинства женщин возможность выйти замуж. А это имело место в огромной степени в эпоху старого режима. Вот почему уже по одной этой причине поведение женщины этой эпохи должно было значительно отличаться от ее поведения в другие периоды.

Сущностью кокетства является демонстрация и поза, умение ловко подчеркнуть свои особенно ценные преимущества. По этой причине также ни одна эпоха так не благоприятствовала развитию кокетства, как именно эпоха абсолютизма, по духу родственная

ему, ибо, как мы знаем, высшее требование, предъявляемое ею к людям и вещам, состояло в том, чтобы все было демонстрацией и позой.

Женщина достигла такого мастерства, конечно, лишь путем непрерывного обучения и тщательнейшего самоконтроля. И в том и в другом усерднейшим образом упражнялись женщины всех стран. Искусство кокетства изучается большинством женщин с таким увлечением, которое станет понятным только в том случае, если допустить, что кокетство представляло тогда самый важный вопрос существования для женщин.

Мы ограничимся более подробным освещением лишь технических и, так сказать, постоянных средств женского кокетства, и притом только тех, которые наиболее существенны для характеристики эпохи. Сюда относятся: платок на шее, веер, маска, украшения и мушки. На первый взгляд все эти предметы могут показаться несущественными. Однако необходимо уделить особое внимание именно им. Дело в том, что если, невзирая на их официальное предназначение, которое легко может ввести в заблуждение, вскрыть их истинный смысл, то они позволяют нам лучше уяснить себе сущность эпохи, чем многие другие явления, более ярко бросающиеся в глаза.

Платок, который дама накидывала на шею и плечи, имел на первый взгляд целью скрывать модное декольте в такие моменты, когда оно считалось по общему убеждению неуместным, например дома во время работы, при посещении церкви и т. д. Так как, однако, все всегда складывается ко благу грешника, то и это средство поднять нравственность послужило лишь для вящей безнравственности. Другими словами, оно сделалось одним из утонченнейших средств женского кокетства. Так как платок накидывался на плечи только слегка, то он уничтожал ясные линии покроя, позволяя обладательнице красивой груди делать вырез еще глубже, чем требовала мода. А этот излишек вы-

реза женщина показывала лишь тогда, когда это соответствовало ее особым целям. В один миг она могла показать все или ничего. Она могла пройтись по улице или появиться в обществе в самой приличной позе, однако в надлежащий момент удовлетворить самый смелый каприз, свой или чужой, так как было достаточно простого движения или шутливой выходки ухаживателя, чтобы сбросить платок.

Кроме этой важной функции, в интересах кокетства платок исполнял, впрочем, еще и другую задачу в деле эротического воздействия женщины на мужчину. Он усиливал действие декольте приблизительно так, как и вуаль. Затуманенная временно ясные контуры груди, платок тем самым возбуждал воображение мужчины, разжигал его любопытство, доводил его до желаний, чем достигалась главная цель кокетства. Если у неимущих классов этой цели служил платок, то у имущих классов кружевное фишю или драгоценная шаль. Но фишю и шаль одинаково мало скрывали, по замечанию остряков, красивую грудь; в обоих случаях достаточно малейшего дуновения ветра, чтобы раскрыть грудь, ибо, как выражался Виланд, платок не что иное, как «сотканный воздух». Нет поэтому ничего удивительного в том, что фишю и шаль играли такую огромную роль во флирте.

Веер был в эпоху старого режима, как во все времена в южных странах, неизменным спутником женщины. Он относился к числу самых важных туалетных принадлежностей не только светских дам, но и жен и дочерей среднего и мелкого бюргерства. Вполне естественно, что он с самого начала сделался необходимым атрибутом кокетки, так как уже пользование им для естественной цели давало кокетству благодарнейший материал. Красивую руку, изящную кисть, грациозный жест, изящную линию — все это можно было при помощи веера выгоднее подчеркнуть или дольше продемонстрировать публике, чем иным ка-

ким-нибудь способом. Так же рано и так же естественно возник и знаменитый разговор при помощи веера, позволяющий женщине в любой момент вступить с мужчиной в интимную беседу, непонятную для непосвященных. Путем известных движений веера женщина могла пригласить мужчину подойти, сказать ему, что она готова пойти навстречу его намерениям, назначить время свидания, сообщить, придет ли она или нет. Нежным жестом опуская веер, дама признается побежденной, гордым движением развертывая его, она хочет сказать, что непобедима. Нежность, любовь, отчаяние – всю шкалу чувств может передать веер.

Другими словами, веер позволял в XVIII в. женщине быть активной и пассивной участницей грандиозной оргии непристойности, устраиваемой ежечасно светским обществом словами и поступками. Прячась за веером, дама могла выразить свое одобрение дерзкой смелости; развернув веер, она могла вызывать на флирт жестами, скрывать этот флирт от чужих взоров, отвечать на него и т. д.

По всем указанным причинам веер неминуемо должен был стать неизменным спутником женщины. Без веера она была беззащитной, была подобна воину, противостоящему в битве с голыми руками закованному в броню неприятелю. И потому она никогда и не расставалась с веером. В своих мемуарах одна молодая англичанка замечает: «Мне подарили также несколько вееров. Для девушки достаточно одного, но мы ходили с веерами, как японки; мне подарили один для улицы, один для утра, другой для вечера и, наконец, еще один для особо торжественных случаев».

Необходимо здесь упомянуть о практиковавшемся тогда обычае носить маску, так как маска служила почти тем же целям, что и веер. В некоторых странах и городах, в особенности в Венеции, аристократы – и только они одни – имели право ходить в маске по улицам или посещать театр не только в дни карнавала, но и в

течение всего года. Эта привилегия имущих и господствующих классов служила везде, где она существовала, если не исключительно, то во всяком случае преимущественно целям галантности. Из сообщений Казановы мы узнаем, что маска всегда употреблялась, когда нужно было набросить покров на галантное приключение. Так как в Венеции нельзя было никуда поехать иначе как на гондоле, то без маски люди легко становились к тому же предметом чужого контроля или же постоянных вымогательств. Употребление маски позволяло и порядочным дамам посещать пьесы и спектакли настолько непристойные, что, казалось бы, в театре не должно было быть места женщинам. Обычай посещать театр в маске господствовал поэтому не только в Венеции, но и во многих других городах эпохи старого режима, например в Париже и Лондоне.

Разнообразные драгоценные украшения относятся в особенности к области кокетства и потому играли во все времена в облике женщины несоизмеримо большую роль, чем в облике мужчины, носящего по крайней мере еще только перстни, иногда браслет, указывающий, впрочем, в большинстве случаев на мазохистские наклонности...

Так как пышная грудь всегда является гордостью женщины и так как женщина прежде всего хочет обратить внимание на нее, так как, далее, большинство мод запрещает украшать непосредственно ее, то всякое украшение, находящееся около груди, в особенности же вокруг шеи, предназначено сосредоточить взоры именно на ней, выделить ее особые преимущества. Ожерелье и приделанные к нему украшения должны оттенять не только гибкость шеи, но и цезуру, разделяющую грудь, а также обратить внимание на то, что грудь не отвисла. Аграф обязан указать на выпуклость груди, а брелок на корсаже – на ее ореолы. Поэтому женщина носит обыкновенно тем более рафинированные украшения или – так как нужного эффекта

можно достигнуть и при помощи одного украшения — рафинированное украшение, чем больше ее декольте.

Таковы законы и цели украшений, и потому они служат важным средством кокетства: они своего рода плакаты. Цель обыкновенно преследуется бессознательно, но зато она достигается только в том случае, когда эти украшения не стоят в противоречии с украшаемыми ими красотами тела, а выгодно оттеняют их линии.

Если дочери бюргерства были в большинстве случаев вынуждены ограничиться по бедности несколькими простыми колечками и такими же простыми бусами и брошками, то имущие классы и придворная знать тратили на украшения в течение всего старого режима баснословные суммы. В этих кругах не только женщины, а часто и мужчины положительно утопали под драгоценностями: драгоценные камни покрывали пальцы, руки, шею, из драгоценных камней состояли цветы, которые держали в руке; они окаймляли, подобно живому пламени, грудь и ниспадали, как огненный ручеек, вниз по пуговицам, вплоть до чулок и башмаков. Человек с головы до ног сам как бы становился предметом украшения, созданным рукой мастера. Только таким образом получался полный образ представителя класса, предназначенного для безделья: каждый член этого класса сам стал украшением мироздания.

Одним из важнейших средств кокетства, относящихся к тому же только к эпохе галантности, так как оно вместе с ней и исчезло, были так называемые мушки. Первоначально они должны были скрывать портившие красоту пятна на лице и других обнаженных частях тела. Очень скоро, однако, эти мушки вошли в моду, так как их чернота особенно хорошо оттеняла белизну кожи, ставшую высшим признаком красоты; отсюда другое их название — «пластырь красоты», так как они, кроме того, фас-

цинировали взоры, как всякая неправильность. А эта последняя особенность открывала рафинированности самые пикантные возможности. Стоило только наклеить мушку на таком месте, на которое в особенности хотели обратить внимание, и можно было быть уверенным, что взоры всех то и дело будут обращаться на это именно место. Так и поступали.

Кто хотел обратить внимание на красивую шею или на плечо, помещал мушку именно там; галантная дама наклеивала ее наверху груди, бесстыдница – как можно ниже между обоими полушариями. Такова была главная, но не единственная цель мушки. То, что первоначально предназначалось только для глаз, становилось постепенно также пикантной игрой для ума, становилось – хотя и не очень глубокомысленной – наукой, которой пользовались тогда все женщины.

Наиболее излюбленным местом помещения мушек были низ выреза груди или же верхняя часть груди. Таким путем к груди обращались постоянно не только взоры, но и руки мужчин. И хотя эти игры и шутки кокетства были весьма неуклюжи и грубы, это не мешало тому, что мода господствовала в продолжение десятилетий во всех странах.

Наиболее ясное представление о взаимных отношениях полов дает нам наряду с описаниями современных донжуанов живопись той поры, прославлявшая все проявления любовных ласк.

Искусство целовать стало настоящей, и притом очень популярной, наукой. Рафинированность великого знатока этого вопроса в XVI в. Иоганна Секундуса сделалась в XVIII столетии публичной тайной. Что такое поцелуй, какие существуют разнообразные виды поцелуя, как должно целовать в том или ином случае – все это описывается и обсуждается и в серьезных трактатах, например во «*Frauenzimmerlexicon*». По словам автора этого сочинения, более жгучим поцелуем является так называемый «флорентийский». Он состоял в

том, что «берут особу за оба уха и целуют». Влажный поцелуй говорил женщине, что мужчина хочет от нее большего, чем невинных шуток. Гофмансвальдау говорит: «Влажный поцелуй мой дал ей понять, что я обуеваем желаниями». А так как мужчины целовали женщин особенно часто именно таким образом, то они по опыту знали действие на их чувства такого поцелуя.

«Девичий» поцелуй состоит в том, что мужчина целует девушку в грудь и в ее бутоны. «Женщины особенно любят такой поцелуй, так как он позволял им показать красивую грудь». «Французский» поцелуй состоит в том, что целующиеся соприкасаются языками. Так целуются женатые люди, ибо подобный поцелуй доставляет обоим «нежнейшее удовольствие». Мужчина *à la mode* тоже иначе не целует, так как он таким образом особенно возбуждает женщину, и потому и «женщины, склонные к любви, предпочитают такого рода поцелуй».

И таких способов целовать существовало еще много, а каждый способ имел к тому же еще и свои оттенки. По тому, как мужчина целует женщину, последняя знает, что обещает ей его любовь. «Мужчина любит, как целует». И так как на это направлено «высшее любопытство женщины», то каждая в конце концов не прочь, чтобы ее целовали, даже в том случае, когда она хочет остаться верной любовнику или мужу. «Невинный поцелуй – не грех».

Поцелуй в уста в эту эпоху неотделим от желания пробудить в том, кого целуешь, чувственное желание. Поэтому мать даже в порыве бурной радости целует своего ребенка не в губы, а в щеку, глаза или лоб. Это поцелуй дружбы, поцелуй нежности, чуждый всего полового.

Права рук ни в чем не уступают правам губ в деле взаимного флирта. И что особенно характерно, эти права также дифференцируются и подробнейшим образом описываются. В особенности к действенному флирту воз-

буждает грудь женщин и девушек. «Грудь женщины – мыс блаженства, к которому простираются руки каждого мужчины». Кажется, нет ни одного поэта эпохи, который не облек бы это желание в ясные выражения.

Дать взорам мужчины соблазнительное зрелище – такова первая милость, даруемая женщиной мужчине. Это обыкновенно прелюдия флирта, так как одной из главных задач флиртованного женского

кокетства является именно такое выставление напоказ своих интимных прелестей. Для этой цели женщина принимает небрежную позу на кушетке или, еще лучше, пикантную позу перед камином, этой же цели служат игривые шутки и развлечения. Женщина не знает лучшего удовольствия, как похвастать своей красотой перед возлюбленным, к тому же она знает, что «раз в плену глаза, то и руки и уста недолго будут бездействовать», и потому она всегда находит массу серьезнейших причин показать ему кое-что. В особенности часто возлюбленный обязан удостовериться лично, что у нее болит та или другая часть тела, и на его обязанности лежит облегчить ее физические страдания. Оказывается, роза, которую она носила на груди, упала в разрез платья и шип больно уколол ее, и вот она вскрикивает и бежит в соседнюю комнату к возлюбленному и показывает ему больное место, как это описывается в одном стихотворении Гагедорна.

*Г-жа Фонтанж, любовница
Людовика XIV*

Чаще же всего удобный случай показать возлюбленному свои интимнейшие прелести – укус блохи. Эта неприятность лучше всякой другой дает повод к пикантным ситуациям, так как тот, к которому обращаются за помощью, обязан поймать злого мучителя, а это, как известно, не так легко; поэтому, описывая такие сцены, поэты не ограничиваются несколькими строками, а исписывают целые страницы.

Тенденции, свойственные каждой эпохе, всегда стремятся вылиться в особо типическое выражение, в котором они находят свое относительно лучшее воплощение. Такое значение имел для флирта эпохи старого режима утренний туалет дамы, так называемое *lever*, когда она могла быть в неглиже. Женщина в неглиже – такое понятие, которое предыдущим эпохам было совершенно неизвестно или известно лишь в очень примитивном виде. Это явление относится лишь к эпохе абсолютизма.

Оно и понятно. В эпоху, когда женщина стала простым предметом роскоши, когда ее превращение в предмет роскоши достигло своих крайних нелепых границ, ей приходилось проводить целые часы за туалетом, ставшим благодаря требованиям моды чрезвычайно сложным. Не менее понятно и логично и то, что необходимость стала постепенно самоцелью и туалет дамы сделался одной из главных приманок для чувственного удовольствия, санкционированной обществом и соответствующим образом организованной.

Так, утренний туалет, или *lever*, дамы был провозглашен официальным часом приемов и визитов.

И в самом деле, трудно было найти другой более удобный и более благоприятный для флирта повод. Неглиже представляет ту ситуацию, в которой женщина может воздействовать на чувства мужчины самым пикантным образом, а эта ситуация тогда длилась не короткое время, а ввиду сложности туалета многие и многие часы. Какая, в самом деле, богатая для женщины

возможность инсценировать перед взорами друзей и ухаживателей очаровательную выставку отдельных ее прелестей! То словно случайно обнажится рука до самых подмышек, то приходится поднять юбки, чтобы привести в порядок подвязки, чулки и башмаки, то можно показать пышные плечи в их ослепительной красоте, то новым пикантным способом выставить напоказ грудь. Нет конца лакомым блюдам этого пиршества, границей здесь служит лишь большая или меньшая ловкость женщины. Впрочем, это только одна сторона дела.

Неглиже также удобно и для осуществления тех последствий, к которым приводит подобное зрелище, так как уступчивости женщины уже не мешают никакие технические препятствия. Стоит только женщине сказать «да», и мужчина так или иначе может добиться своей цели. Даже больше: пикантное неглиже есть уже само по себе указание на готовность женщины сказать «да», так как костюм становится той броней, которая делает ее хотя бы до известной степени неприступной для мужчины. Если же женщина предстанет перед мужчиной без этой брони, то это вообще не более и не менее как приглашение, брошенное ею мужчине, не оставить минуту неиспользованной.

Присутствовать во время lever дамы – такова первая честь, выпадавшая на долю близкого знакомого: последний обязан явиться в этот час с визитом. В своих мемуарах граф Тилли рассказывает о таком визите у дамы, за которой он ухаживал: «Я отправился к ней. В немногих словах она объяснила мне, какое ею дано поручение, затем заявила в нескольких общих выражениях, что интересуется мною, поставила далее несколько вопросов, в которых обнаруживался этот интерес; когда же она уловила несколько моих взглядов, брошенных мною на ее прелести (она была в самом деле красива и как раз занята своим туалетом), то она пришла на несколько мгновений в замешательство и тем

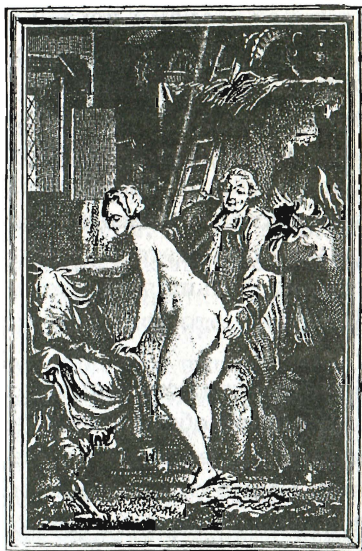

Иллюстрация к Лафонтену

сообщила мне все то волнение, которое я пробудил в ней и которое она с трудом могла скрыть».

Дама принимала своих друзей, однако, не только за туалетом, а даже в ванне и постели. Это была самая утонченная степень публичного флирта, так как женщина получала таким образом возможность идти в своей уступчивости особенно далеко и выставлять свои прелести напоказ особенно щедро, а мужчина особенно легко поддавался искушению перейти в наступление.

Когда дама принимала друга в ванне, обычно ради приличия покрывалась простыней, позволявшей видеть только ее голову, шею и грудь. Однако так нетрудно откинуть простыню!

Из мемуаров герцога Шуазеля видно, что некая мадам Гемене, известная при дворе Марии-Антуанетты красавица, принимала в ванне не только своих друзей, а и посторонних. Впрочем, этот факт сообщается вовсе не как исключение.

О приеме поклонников в постели сообщает ряд случаев Казанова. Для иллюстрации приведем описание утреннего визита, сделанного им дочери богатого антверпенского купца:

«Она приняла меня с очаровательнейшей улыбкой, сидя в постели. Девушка выглядела восхитительно. Хорошенький батистовый чепчик со светло-голубыми лентами и кружевами украшал ее хорошенькое личико, а легкая муслиновая шаль, которую она на

скорую руку накинула на белые, словно выточенные из слоновой кости плечи, скрывала только наполовину ее алебастровую грудь, формы которой пристыдили бы резец Праксителя. Она позволила мне сорвать с ее розовых губ сотню поцелуев, становившихся все более пламенными, так как зрелище стольких прелестей было не таковым, чтобы охладить меня. Однако ее прекрасные руки упорно защищали грудь, которой я пытался коснуться».

Если дама хотела доставить другу величайшую милость, не нарушая при этом этикета, то она принимала его спящей. Мировоззрение галантного века предоставляло мужчине все права во время сна дамы, так как последняя могла ведь проснуться именно тогда, когда это совпадало с ее целями.

Подведем итоги: каждый будуар в каждой стране был храмом Венеры, в котором целыми часами устраивался галантный культ. Понятно, что подобные рафинированные способы флирта господствовали исключительно в имущих и правящих классах. Ибо необходимой предпосылкой для подобного повышенного культа чувственности была возможность жить празднично, исключительно ради наслаждения. Только в тех классах и слоях, где такая возможность существовала, любовь могла стать таким утонченно-художественным произведением.

Мы уже знаем, люди тогда не хотели стариться. Женщина всегда моложе 20, а мужчина — 30 лет. Эта тенденция имела своим крайним полюсом систематическое форсирование половой зрелости. В самых ранних letech ребенок уже перестает быть ребенком. Мальчик становится мужчиной уже в 15 лет, а девочка становится женщиной даже уже с 12 лет. Начиная с этого возраста оба пола посвящают себя исключительно галантности. Эпоха не знает подростков ни мужского, ни женского пола. Этот период шалостей и буйства вычеркнут из жизни людей. Эта преждевременная половая

зрелость создавалась своеобразной духовной и психической атмосферой, окутывавшей все вещи возбуждающей дымкой, пробуждавшей чувственность еще задолго до того времени, когда этого требует природа. Все проповедуют любовь, все говорят о любви.

Это первое слово, которое слышит молодое существо. Оно кажется всем тем волшебным заклинанием, которое откроет двери жизни. Поэтому мальчики и девочки произносят это слово как можно раньше и как можно чаще. И первый опыт, являющийся также очень рано и как бы сам собой, наталкивает большинство на единственно верное определение: «Любовь – это сладострастие».

Такой культ ранней половой зрелости есть неизбежное последствие систематического повышения наслаждения до степени рафинированности. Сибарит как мужского, так и женского пола хочет иметь нечто такое, «чем можно насладиться только один раз и может насладиться только один». Ничто не прельщает его так, как никем еще не тронутый лакомый кусочек. Чем моложе человек, тем, разумеется, у него больше шансов быть таким кусочком. На первом плане здесь стоит девственность. Кажется, ничто тогда не ценилось так высоко. Девственность – «благороднейший жемчуг в короне земных радостей». В своей книге «О браке» Т. Гиппель говорит: «Девственность подобна маю среди времен года, цвету на дереве, утру дня. Впрочем, самая прекрасная и свежая вещь не сравнится с ней. Девственность настолько прекрасна, что не поддается никакому описанию».

Воспевая такими восторженными словами девственность, никогда не имели в виду защитить ее от грубых оскорблений и грозящих ей опасностей, а хотели только провозгласить ее вкуснейшим блюдом для жуиров. Таков всегда сокровенный смысл всех гимнов в честь девственности этой насыщенной цинизмом эпохи, а часто эта мысль высказывается прямо открыто,

подобно тому как в наше время знатоки восхищаются шампанским известной марки.

С этим восхвалением физической девственности женщины тесно связана та мания соращения невинных девушек, которая тогда также впервые обнаружилась в истории как массовое явление. В Англии эта мания приняла свою наиболее чудовищную форму и господствовала дольше всего, но и другие страны в этом отношении не отставали.

Систематическое форсирование периода половой зрелости – эта, быть может, наиболее бросающаяся в глаза черта половой жизни эпохи старого режима – приводило, естественно, к очень ранним половым сношениям и, само собой разумеется, к не менее частому добрачному половому общению. Одно явление неотделимо от другого. При этом важно констатировать, что это добрачное половое общение носило характер массовый, так как отдельные случаи этой категории встречаются, конечно, во все эпохи.

Наиболее интересные доказательства в пользу своеобразия половой жизни эпохи старого режима дает опять-таки неисчерпаемо богатая и в этом отношении литература мемуаров. Этот сомнительный в частности, но в своей совокупности все же достоверный источник говорит нам о том, что началом регулярных половых сношений был именно тот вышеуказанный возраст, когда мальчик становился «мужчиной», а девочка «дамой». Магистр Лаукхарт сообщает, что его практическое посвящение в мистерии любви последовало, когда ему было 13 лет, причем его посвятила в эти мистерии опытная в вопросах любви служанка. Ретиф де ла Бретонн рассказывает в своих мемуарах, что он впервые оказался «мужчиной», и к тому же соблазнителем, когда ему не было и 11 лет, а к 15 годам он прошел уже солидную карьеру донжуана.

Казанова начал свою победоносную эротическую карьеру в 11 лет, а в 15 лет он так же может говорить о

любви, «как опытный человек». Герцог Лозен 14-летним мальчиком влюблен уже в третий раз, и уже первая его связь – адюльтер. В 16 лет он считается очаровательнейшим кавалером, которому дамы охотно открывают двери спальни.

Мадемуазель Бранвилье, известная отравительница, потеряла невинность, когда ей было 10 лет, балерина Корчечелли становится десятилетней девочкой любовницей Казановы, вступавшего потом неоднократно в более или менее продолжительные связи с девочками от 10 до 12 лет. Такими примерами можно было бы пополнить целые страницы.

Само собой понятно, что мы и не думаем считать таких людей, как Ретиф де ла Бретонн, Казанова, маркиза Бранвилье и тому подобных мужских и женских донжуанов, типическими представителями мужского и женского пола. Однако, при более внимательном взгляде эти классические эротоманы отличаются от своих современников только большим числом успехов, которые они стяжали уже при первом своем вступлении в свет. А то обстоятельство, что они могли добиться таких успехов еще в ранней молодости, как нельзя лучше подтверждает правильность нашего утверждения. Их юность не только не служит им препятствием, а напротив, считается всегда их высшим преимуществом.

Другим доказательством, и притом очень важным, в пользу систематического форсирования половой зрелости в эпоху старого режима является частая повторяемость чрезвычайно ранних браков. Впрочем, это явление наблюдается только в дворянстве и денежной аристократии. Если не редкостью тогда была двенадцатилетняя любовница, то пятнадцатилетняя супруга была в дворянском классе явлением обычным. Герцог Лозен вступает в брак девятнадцати лет, тогда как его супруга не достигла и пятнадцатилетнего возраста и была «робким, застенчивым ребенком». Сесиль Воланж выходит пятнадцати лет из монастыря, чтобы

вступить в брак. Многие женщины становятся в этом возрасте матерями. Один современник пишет: «Нет ничего более пикантного, чем эти матери, которые сами еще дети». Принц Монбаре, которому двадцать один год, женится на тринадцатилетней девочке. Год спустя он уже отец. А герцогиня Бурбон-Конде, дочь Людовика XIV и Монтеспан, была выдана замуж даже одиннадцати лет. И не только формально. Брак был «совершен», как гласило официальное выражение, для совершившегося полового акта.

Хотя в среднем и мелком бюргерстве браки заключались и не так рано – о причинах мы будем говорить ниже, – все же и в этих кругах женщины созревали очень рано. Яснее всего это доказывает галантная литература. Каждая девушка из мещанства видела в муже освободителя из родительской неволи. По ее мнению, этот освободитель не мог явиться для нее слишком рано, и если он медлит, она безутешна. Под словом «медлит» та подразумевает, что ей приходится «влачить ношу девственности» до шестнадцати- или семнадцатилетнего возраста – по понятиям эпохи, нет более тяжелой ноши.

Не подлежит сомнению, что столичное население более остальных подверглось совращающему влиянию половой морали абсолютизма, но было бы страшной ошибкой предполагать, что провинциальная жизнь была образцом добродетели, целомудрия и чистоты. Здесь только больше соблюдали внешнее приличие. Зато тем разительнее был тайный разврат. Нигде число девушек, вступавших в брак ненетронутыми, не было так велико, как в полудеревенских провинциальных городках. Чаше, чем где бы то ни было, не только парень, но и девушка имели здесь до брака какую-нибудь связь. Именно в провинции сложилась поговорка: «С виду девушка, а на самом деле непотребная женщина».

Чтобы дать некоторое представление о размерах

добрачных половых сношений в провинциальной среде, сошлемся на главу «Оксерр» в автобиографии Ретифа де ла Бретонна. Наивный читатель, мечтающий о «добром старом времени» как о погибшем веке нравственной чистоты, придет в ужас от той грязи, которая наводнила большинство семейств и которую скрывали под маской добропорядочности и приличия. В те немногие годы, которые Ретиф провел в этом маленьком провинциальном городке – то соблазненный, то соблазнитель, – он обладал примерно сотней девушек и женщин, уроженок или иностранок, начиная с девочки и кончая зрелой женщиной. Правда, здесь мы имеем дело с победоносной карьерой эротомана, оказывавшего на женщин особо fasciniрующее влияние. Глава, посвященная Ретифом городу Оксерру, говорит, однако, не только о его личных успехах. Она показывает, что десятки его сверстников и товарищей совершали подобные же подвиги, что все эти Манон, Марианны, Нанетты и прочие красавицы эпохи считали себя созревшими для любви уже в тринадцать, четырнадцать или пятнадцать лет и что почти ни одна из них не думала о том, чтобы сохранить свою девственность до брака, пытаясь, напротив, сбросить ее, как надоевшую ношу.

Мы видим, как эти соблазнительные красавицы все без исключения становятся жертвами соблазна: одни – как только в них проснется природа, другие – несколько позже – и как ни одна из них не в силах устоять. Все служанки, все мещанки доступны мужской молодежи. И если мы редко слышим, что та или другая сумела избежать своей судьбы, то, напротив, очень часто узнаем, что девушки усматривали в этой своей судьбе очень интересное развлечение, своего рода спорт и потому вели себя так же вызывающе, как и охотившиеся за ними молодые люди. Очень немногие из них довольствуются одним любовником. За первым следует второй, третий, а многие имеют сразу двух. Большая часть почтенных мещанок, совершающих

свой жизненный путь так целомудренно рядом с не менее почтенным мужем, до брака практически упражнялись в любви не с одним кавалером, и многие из них, идя по улице, могут, обмениваясь рукопожатиями с полдюжиной знакомых и друзей, вспомнить о целом ряде любовных приключений. Но все это, как сказано, скрывается под личиной приличия. Каждый знает про себя все, чтобы официально не знать ничего, ибо к такому поведению принуждает узость условий, среди которых эти люди обречены жить.

Казанова и магистр Лаукхарт рисуют нам такие же нравы Италии и Германии, какие существовали, по описанию Ретифа де ла Бретонна, во Франции. В десятке городов, во всех слоях общества дочери мещан благосклонно выслушивают предложения Казановы и гостеприимно разделяют с ним ночью свое ложе. И чаще всего – как это видно из его мемуаров – случилось это с ним в провинциальных городках. А из описания студенческих кругов, сделанного магистром Лаукхартом, мы узнаем, что в немецких университетских городах не только горничные, но и многие дочери мещан, включая и дочек профессоров, охотно фигурировали в роли любовниц студентов. Мемуары его изобилуют подобными примерами. Сопоставляя Иену и Геттинген, он пишет: «В Иене студент имеет свою «милую», девушку низкого происхождения, с которой он живет, пока находится в городе, и которую передает другому, когда навсегда покидает город. Напротив, в Геттингене студент – если у него, разумеется, есть деньги – старается завести знакомство с женщиной более высокого положения, за которой и принимается ухаживать. Обыкновенно этим дело и кончается, не имея иных последствий, кроме опустошения кошелька. Иногда же дело заходит и дальше, так что появляются живые свидетели интимности, привлекающей не только услужливых полногрудых служанок, но и дочерей дворянства».

И никому в голову не приходило упрекать студента за такое поведение, скорее его бранили, если он стремился к серьезным целям, как одно время доставалось магистру Лаукхарту.

Бывали даже случаи, как видно из тех же мемуаров Лаукхарта, что дочери профессоров были любов-

Бесстыдство. Символическая гравюра

ницами сразу всех студентов, бывавших в продолжение года в доме их отцов. В одном месте Лаукхарт говорит: «Дочку канцлера гессенского университета Коха, Ганхен, я тогда, правда, не видал, но многое о ней слышал: в то время она уже отдавалась всем».

Не мешает здесь прибавить, что так называемые «студенческие мамы», то есть женщины, сдававшие студентам комнаты, дарили, как видно из других источников, почти всем без исключения жильцам и свою любовь. Многие имели из года в год «стольких любовников, сколько и жильцов». Однако и остальные обывательницы университетских городов охотно брали студентов в любовники. Сложилась даже поговорка: «Кто хочет сохранить чистым супружеское ложе, тот пусть не приглашает в дом слишком много студентов».

В гарнизонных городах таким же успехом у женского населения пользовались военные. Так как бог любви так благосклонен к солдату, то он постоянно готов менять возлюбленных. Об этом часто говорится в народных песнях.

Значительно реже были в эпоху абсолютизма случаи добрачных половых сношений в дворянстве и богатой буржуазии. Не потому, что половая мораль этих классов была строже, а потому, что здесь родители старались отделаться от детей, как от неприятной обузы. Во Франции дети аристократии отдавались уже вскоре после рождения деревенской кормилице, а потом в разные воспитательные учреждения. Эту последнюю роль исполняли в католических странах монастыри. Здесь мальчик остается до того возраста, когда может поступить в кадетский или пажеский корпус, где завершается его светское воспитание, а девушка — до брака с назначенным ей родителями мужем.

Девушки этих классов могли избежать опасности добрачного соращения и вступали в брак физически нетронутыми. И все же необходимо сказать, что, несмотря на такие благоприятные условия охраны девичьего це-

ломудрия, число девушек, вступавших в половые сношения еще до брака, было довольно значительно и в этих классах. Если девушку брали из монастыря накануне не свадьбы, а сговора, то ввиду особой атмосферы века было достаточно и этих немногих недель или месяцев между выходом из монастыря и свадьбой, чтобы соблазнитель предвосхитил права мужа.

До сих пор мы говорили преимущественно о добрачных половых сношениях девушек. О мужчинах можно и не говорить. В обществе, где о доброй половине женщин можно предположить, что они еще до брака вступали в половые сношения, в эпоху, когда ранняя половая зрелость является общей характерной чертой, добрачные половые сношения мужчин становятся правилом. Отличие состоит в данном случае разве в том, что ни один класс и ни один слой не были исключением из этого правила, а лишь отдельные индивидуумы, и что сыновья имущих и господствующих классов здесь шли впереди.

В обществе, построенном на моногамии, добрачные половые сношения всегда имеют свое дополнение в ряде неизбежных последствий. Таковы: употребление предохранительных мер во избежание нежелательных последствий полового общения, аборт, а в случае невозможности или неудачи последнего – детоубийство, тайное разрешение от бремени ввиду незаконности связи и, наконец, искусственное воссоздание физической девственности. Эти неизбежные дополнения позволяют в то же время проконтролировать господствующие в данную эпоху размеры добрачных половых сношений.

Что в эпоху Ренессанса было еще только простым домашним средством, развилось теперь в целую утонченнейшую образцовую практикувавшуюся науку; что было раньше случайным явлением, получило теперь характер настоящего крупного производства. Наукой стали способы предохранения от беременности, крупным же производством – организация тайных родильных приютов и детоубийства, наукой и заодно крупным

производством – аборт и искусственное воссоздание физической девственности.

Искусство предохранения от беременности, без сомнения, достойный всяческого одобрения прогресс культуры, если только применяемые меры не оскорбляют эстетического чувства любящих, не мешают физическому удовлетворению и – в особенности – не вредят здоровью. Когда удастся достигнуть этих целей, подобные предохранительные средства принесут огромную пользу, так как они разрешат ряд важнейших задач. Они дадут возможность сделать даже акт деторождения до известной степени произвольным и спасут уже одним этим человечество от многих ужасов. Они, кроме того, облагородят чувство сладострастия, которое станет нежнейшим и ароматнейшим цветком на древе жизни. Однако эпоха старого режима такими идеальными задачами никогда не задавалась. Она стремилась главным образом к тому, чтобы устранить по желанию беременность исключительно в интересах разврата и, кроме того, обезопасить женщину от возможности заразиться и тем самым позволить ей отдаться беззаботно первому мужчине, хотя бы она о нем знала лишь то, что он возбудил ее чувственность.

Люди просто хотели увеличить возможность наслаждения. Только к этому стремилась эпоха. И эта потребность была очень скоро удовлетворена сравнительно верным средством, изобретенным жившим при дворе Карла II врачом Кондомом в виде известных под его именем предохранителей. Как можно судить по разным современным сообщениям, эти предохранители от беременности и заразы очень скоро вошли в употребление в широких масштабах, и прежде всего, конечно, в среде профессиональной галантности и в высших классах общества. Какой популярностью пользовался этот тайный союзник любви, видно хотя бы уже из того, что тогда даже монашенки знали его чрезвычайные преимущества и охотно пользовались им. Об этом простран-

но рассказывает Казанова в главах, посвященных его связи с прекрасной монахиней из монастыря в Мурано. Первым условием, которое она ставила любовнику, было применение подобных предохранителей. Что они служили прежде всего целям разврата, доказывают, кроме того, расточаемые по их адресу эпитеты: их называли «могилой опасности», «броней приличия», «лучшим другом всех тайных любовников» и т. д.

Однако, несмотря на это предохранительное средство, женщины часто бывали беременны. В тех случаях, когда это было нежелательно – а это случалось чаще всего, – прибегали без зазрения совести к опасному средству – аборту. Аборт был тогда в полном смысле слова обычным явлением. В каждом более или менее крупном городе имелось немало врачей, специально занимавшихся этим промыслом: в их приемных всегда толпилась масса пациенток. Все акушерки торговали средствами делать аборт и часто сами прибегали к хирургическому вмешательству. Кроме того, и среди девушек и женщин знание таких средств было чрезвычайно распространено, по-видимому более, чем во все предыдущие времена. Воспитание девушки тогда считалось незаконченным, если она не была посвящена в эту тайну.

«Как глупо со стороны вашей матушки, что она ничего вам об этом не сказала!» – воскликнула однажды одна светская дама, когда подруга призналась ей в своем критическом положении, которое ее очень тяготило.

Множество женщин этой эпохи устраивали из года в год аборт. Так как, однако, здесь речь шла о науке весьма опасной – и тогда, несомненно, еще более опасной, чем теперь, – то немудрено, что эта «наука» имела массу жертв. Современники часто сообщают нам о смерти молодых девушек или женщин, погибших вследствие аборта.

Если это средство не приводило к желанной цели, то дамы старались по крайней мере рожать тайно. Слу-

чай к этому представлялся на каждом шагу. Более всего данных о тайных родильных приютах, о том, в каком крупном масштабе они велись и как они прекрасно функционировали, имеется у нас относительно Англии. В своей появившейся в 1801 г. в Готе «Картина лондонских нравов» Гюттнер говорит: «У нас имеется здесь очень много частных домов, где молодые дамы могут тайком разрешиться от бремени и оставить своих незаконных детей. В любой почти газете вы можете прочесть объявления об одном или нескольких таких заведениях, и говорят, что их содержатели много наживают на этом почтенном ремесле».

Известный французский обычай, доступный, впрочем, только имущим, состоял в том, что ребенка тотчас же после рождения отсылали в деревню, к «кормилице», очень часто даже не знавшей имени матери. Так как такая «кормилица» получала лишь единовременное пособие, а большинство матерей совершенно не заботились о своем нежеланном потомстве, то этот выход представлял, собственно, только более «гуманную» форму детоубийства – явления, тогда, впрочем, весьма распространенного. Эти честные женщины занимались всю профессию делать ангелов. Вероятно, три четверти всех отданных таким «нянькам» детей погибло, что, впрочем, и совпадало в большинстве случаев с желанием самих родителей.

В качестве последнего и важнейшего корректива всегда оставалось еще одно средство – искусственное воссоздание физической девственности.

Именно потому, что девственность «стала дешева», ее ценили так высоко. И потому каждая хотела быть всеми искомым и всеми желаемым исключением, то есть каждая хотела быть и остаться девушкой, несмотря на все бури галантной жизни. Один врач сообщает: «Желание прослыть целомудренной девушкой так велико, что не боятся испытать самую сильную боль, так как есть очень много влюбленных

женщин, подвергшихся болезненной операции, лишь бы сойти за девушек и вступить в законный брак».

И в самом деле, большинство девушек считалось в эту эпоху «девственницами» вопреки пословице: «Все можно купить за деньги, только не девственность». Ибо как раз ничто так легко нельзя было купить за деньги, как именно девственность. Если большинство женщин знало, как предохранить себя от беременности и как освободиться от ее последствий, то не меньшее их число имело также понятие о том средстве, которое, по словам одного сатирика, «может превратить последнюю падшую женщину в ангела». К домашним средствам, известным уже Средним векам и Ренессансу, передававшимся из поколения в поколение, опыт и рафинированность прибавили еще бесчисленное множество других: капли и втирания. Современные врачи перечисляют целый ряд подобных стягивающих средств: отвар желудей, мирры, кипарисовых орехов и т. д.

Были в ходу, однако, и гораздо более утонченные средства симулировать девственность. Если доверчивого кандидата в супруги и нетрудно было обмануть, то это было не так легко сделать с Дон Жуаном... Поэтому пускались в ход сшивания. Подобные операции делали отчасти врачи, еще чаще опытные в своем ремесле сводни. Что этот возмутительный обычай, существовавший, впрочем, издавна, был чрезвычайно распространен, видно хотя бы из того, что эти приемы даже нашли отражение в драматургии. Укажем на комедию Сервантеса «Мнимая тетка», подтверждающую все нами сказанное.

Однако опытных жуиров и это средство не могло ввести в заблуждение. Так как они знали все обманные приемы, то требовали от своих поставщиков вместе с товаром и удостоверения в том, что он соответствует предъявленным к нему требованиям. Немаловажным доказательством огромных размеров практиковавшихся тогда добрых половых сношений служит поэтому

обстоятельство, что только те девушки считались «на рынке» девственницами, девственность которых была удостоверена врачебным свидетельством. Врачи, выдававшие подобные свидетельства, были или доверенными лицами жуиров, или же присяжными ассистентами профессиональных своден: в последнем случае они, правда, очень часто находились на службе у сводни и были обязаны замаскировать инсценированный ею обман.

В среде мелкого мещанства также ни один мужчина не хотел «купить кошку в мешке», однако здесь пользовались обыкновенно старинными «верными» симпатическими средствами. Наиболее распространенным таким средством был опыт: «Дуть, пока снова не зажжется только что погашенная свеча». Если этот опыт удавался девушке, ее жених заключал отсюда, что у его милой безупречная репутация. У нас есть сведения, говорящие, что большинство девушек подвергалось – иногда в шутку, иногда всерьез – такому испытанию своими кавалерами. Подобные фокусы, однако, едва ли служили к успокоению сомневающихся, так как они, вероятно, часто не удавались, хотя все молодые девицы и упражнялись усердно тайком в этом и тому подобных искусствах. Благоразумные люди называли поэтому такие приемы «вредным суеверием, без нужды подтачивающим доверие,» и предостерегали от него.

Женское лоно в пластических искусствах символизировалось в виде розы. Символом девственности служил нераспустившийся розовый бутон. Девушка или гордо держит его в руке, или защищается им против дерзкого похитителя. В Голландии невеста, сохранившая до свадьбы свою физическую невинность, надевала фартучек с затканым в определенном месте бутоне розы. Утерянная невинность символизировалась разным образом. Самыми обычными символами были разбитый кувшин и разбитое зеркало. Девушка, плачущая над разбитым кувшином или зеркалом, оплакивает на самом деле потерянную невинность.

Было бы непростительно игнорировать движущие причины раннего полового общения. На заре абсолютизма вся Германия представляла страну не только бедную, но и безлюдную, так как здесь победа абсолютизма покоилась на последствиях Тридцатилетней войны. В XVII столетии поэтому не существовало здесь более важной проблемы, чем интенсивное увеличение народонаселения. Производить на свет как можно больше детей было теперь высшей обязанностью мужчин, быть беременной и рожать потомство – постоянной обязанностью женщины. Само собой понятно, что это должно происходить в рамках брака, но не менее понятно и то, что такая эпоха относится более снисходительно и к внебрачным половым сношениям, тем более что тогда, под гнетом необходимости, подвергались пересмотру даже законы единобрачия. Лучше всего подтверждается это указом, изданным франконским окружным съездом в Нюрнберге 14 февраля 1650 г.: им разрешалось «в продолжение следующих десяти лет каждому мужчине иметь двух жен». Чтобы создать должное количество человеческого материала, была, таким образом, временно упразднена основа брака, моногамный его характер, и санкционирована полигамия. А политика народонаселения, которую был вынужден вести в своей безлюдной стране Фридрих II, чтобы иметь солдат и налогоплательщиков, приводила его еще сто лет спустя к подобным же последствиям в области уголовного права.

Все это, однако, не мешало тому, что и в Германии имущие классы стали придерживаться вышеописанной морали, в силу которой дети сделались величайшей обузой и семейным несчастьем. Поддерживать государство обильным производством потомства – эту обязанность правящие классы всегда предоставляли черни и требовали от черни; на себя они брали в лучшем случае только приятную сторону этой задачи.

Если в других странах и не было налицо такой бед-

ности людьми, если там ввиду продолжительности мира в XVIII столетии унаследованный от прошлого избыток женского населения несколько и сократился, то, как мы знаем, в средних классах бедность во всех без исключения странах значительно возросла. Господствовавшая в этих слоях материальная необеспе-

Крышка табакерки

ченность крайне пагубно отражалась на сексуальной жизни обоих полов. Большинство мужчин могло вступить в брак лишь очень поздно, так как они не были в состоянии содержать семью, а многим так никогда и не удавалось основать свой домашний очаг. Что подобное положение вещей господствовало преимущественно в среднем бюргерстве, объясняется очень просто тем, что по установившейся традиции заботиться о содержании семьи был обязан один только мужчина, тогда как жена уже и здесь находилась почти на положении предмета роскоши или, во всяком случае, сама не зарабатывала, как в пролетариате.

Значительная часть мужчин и женщин среднего мещанства могла поэтому удовлетворить свои половые потребности только внебрачным путем.

Экономические факторы объясняют нам также, почему в крестьянстве XVII и XVIII вв. обычаи и нравы остались теми же, какими были в эпоху Ренессанса. Производственный механизм сохранился таким же или почти таким же, и потому и общественное бытие этого класса не изменилось — в общем и в частности. Главные формы добрачных половых сношений, «пробные ночи» и «ночные посещения», сохранились здесь

и в эту эпоху во всем своем специфическом своеобразии и, разумеется, также в прежних своих грубо-примитивных проявлениях.

Абсолютизм «содействовал», впрочем, половой жизни крестьянства тем, что разорял деревенскую массу еще беззастенчивее, чем горожан, задерживая таким образом всякую возможность культурного прогресса и доводя мужика до такого скотского состояния, которому уже не ведомы никакие нравственные сдерживающие мотивы. Искусственное форсирование половой зрелости было и здесь наиболее бросавшимся в глаза последствием. Так как большинство детей спят в деревне вместе с родителями, в одном тесном помещении, то они рано получают наглядные уроки механики любви. Что удивительного, что многие из них подражают игре, которой забавлялись отец и мать, еще раньше, чем могут иметь представление о ее цели. Это тоже своего рода форсирование половой зрелости, к тому же такое, которое приводило к самым печальным результатам. Ибо глубочайшая нравственная испорченность всегда царила не в городах, а в деревнях.

Другая главная черта старого режима, о которой свидетельствует бесчисленное множество разнообразнейших документов, — будто бы беспредельное увлечение каждой женщины «культом галантности», как тогда выражались. Судя по этим данным, никогда женщины до такой степени не были помешаны на мужчинах, как тогда.

В эпоху старого режима женщины всегда «галантны», а прослыть «архигалантной» было честолюбивейшей мечтой большинства. Застать женщину все равно какого сословия и возраста, все равно какой национальности иначе как в галантной ситуации, невозможно. Хотя мы об этом уже говорили, все же должны здесь коснуться этой темы подробнее, так как это позволит нам сделать несколько важных выводов.

Документы настолько изобилуют примерами и до-

Берлинский придворный костюм

казательствами, что не остается сомнения в этой помешанности женщин на мужском поле. Столь же естественным автор считает превращение любовного томления в случае «длительного» неудовлетворения в настоящее помешательство («бешенство матки»). Моралисты трактуют эту тему менее сухо. Автор вышедшей в 1720 г. книги «Адам и Ева, лишенные фигового листа» посвящает целую главу поведению «помешанных на мужчинах незамужних женщин»... Об этом говорит также немало пословиц.

Раз мужчина пользуется славой победителя женских сердец, то он спокойно может рассчитывать на равнодушие всех женщин, ему доставляется всегда удобный случай и каждая только ждет его приглашения. В своей книге «Женщины и галантность в XVII веке» Жан Эрве приводит в пример министра Фуке: «Фуке был, очевидно, слишком поглощен дру-

гими заботами и потому не старался ухаживать. Он довольствовался тем, что заявлял о своих желаниях, и в означенный час женщина, которую он желал, являлась к нему». И подобное счастье выпадало ежедневно множеству мужчин.

Приезд в 1772 г. в Париж турецкого посланника Заида Эффенди поверг массу женщин в состояние возбуждения. Так как паша имел в своем гареме нескольких жен, то он казался воплощением мужественности. Девушки и дамы прямо бросались ему на шею, несмотря на циничные насмешки над женской похотливостью, вскоре появившиеся в карикатурах и шуточных стихах. Наездники и шарлатаны имели, впрочем, те же благоприятные шансы, как и знатный аристократ. Злой насмешник издевался над парижанками настолько же цинично, насколько и недвусмысленно. «В таком вопросе дамы не признают сословных различий, а преклоняются только перед истинными врожденными добродетелями. Если у них есть основание предполагать их наличие в мужчине, они обращаются с ним как с равным».

Достоверно известно, что в эпоху Карла II целый ряд знаменитых акробатов, наездников и танцовщиков праздновали на ложе английских знатных дам те же победы, что на сцене или арене.

В высшей степени характерна и распространенность разных суеверных обычаев. В XVII и XVIII вв. все женщины усерднейшим образом прибегали к помощи любовного оракула. Незамужние хотели узнать, выйдут ли они замуж, замужние – явится ли и когда желанный любовник. Незамужние гадали преимущественно в ночь накануне св. Андрея, патрона женщин, жаждущих иметь мужа. Само гадание было обставлено всевозможными обрядами. Девушка должна прежде всего совершенно раздеться, потому что только в таком виде она может удостоиться ответа этого, по видимому, не очень целомудренного святого.

В одних местностях господствовал обычай, в силу которого любопытные девушки засовывали в таком виде голову в печку, чтобы как можно выше поднять заднюю часть тела. В других местностях девушка, стоя спиной к дверям спальни, бросала в них башмаком или же, отвернув лицо, вытаскивала из сажени дров полено. В первом случае число скачков, сделанных башмаком, указывало на число лет, которое еще придется прождать девушке, во-втором прямое полено указывало на молодого, кривое – на старого мужа. Во время этих обрядов произносилась обращенная к св. Андрею молитва, иногда более длинная, иногда короткая: «Св. Андреюшка, даритель мужей, учитель девиц, вот я стою голая, когда же пробьет час и я получу мужа...» Вероятно, ни одна молитва не произносилась тогда с таким жаром, как эта.

Большинство девиц, однако, не ограничивалась обращением к св. Андрею, а молилась сразу десятку других святых, и каждому ставился определенный вопрос. К тому же каждой девице хотелось заинтересовать небеса этим важным для нее делом не на один день в году, а ежедневно. Когда девушка покидает школу в Бельгии, то и поныне ее заставляют вызубрить следующую свадебную молитву, сложившуюся еще в XVIII в.: «Св. Мария, сделай так, чтобы я вышла замуж, – и как можно скорее! Св. Антоний, – и чтобы у него было хорошее наследство, св. Иосиф, – и чтобы он был богат, св. Клара, – и любил меня, св. Анатолий, – чтобы он не был легкомыслен, св. Луп, – и не ревновал меня, св. Шарлотта, – чтобы я в доме господствовала, св. Маргарита, сделай так, чтобы он явился скорее, св. Александра, – и мне не пришлось бы долго ждать, св. Елевтерий, – пусть он будет хорошим отцом, св. Анелик, – и добрым католиком, св. Николай, не забудь меня».

Наиболее наглядное и яркое изображение якобы всеобщей помешанности женщин на мужском поле

дают нам искусства – литература и живопись. Эта тема воспроизводится ими в бесчисленных вариациях, со все новыми преувеличениями, так что в конце концов каждая женщина превращается в минотавра похотливости.

В четверостишии «Клятва» Евлогий Шнейдер восклицает: «Красавица Дорида поклялась отдаться лишь тому, кто ей понравится, а так как ей нравятся все, то она и отдается всем и каждому». В браке женщину интересует только «сладкая любовная игра». И дело не меняется от того, что женщина уже находится в почтенном возрасте.

Пластические искусства говорят, пользуясь своими средствами, то же самое, говорят это языком, быть может, еще более страстным. Если верить им, то каждая женщина в эту эпоху – вулкан сладострастия, сжигающий любого мужчину, который подойдет. Изобразительные искусства знают вообще только «любящую» женщину, женщину, или жаждущую любви, или же дарящую любовь, все равно, в какой бы ситуации она ни находилась. Плачет ли она или молится, занята ли она разговором или предается задумчивости, спит ли она или работает. Если же она непосредственно отдается любви, то, как уже сказано, она пышет страстью, как вулкан огнем.

Каждая влюбленная женщина постоянно находится в сладострастном экстазе, и этот экстаз достигает своих последних границ, когда она одна. Портрет мужа, жениха, любовника вызывает в ее воображении картины сладострастия, или уже испытанного, или предвкушаемого ею. Любимейшее занятие женщины – отдаваться во власть влюбленным мыслям, то есть эротическим представлениям. Читая галантный роман – а она читает только такие романы, – она переживает все события, сливается со всеми героями, находящимися в галантной ситуации. Все направляет ее мысли на любовь, и ничто так не занимает ее ум, как то, что имеет отношение к любви.

Хотя такой взгляд и вытекает логически из всего

галантного мировоззрения, все же позволительно спросить: так ли обстояло дело в действительности? Другими словами: является ли чрезмерная жажда наслаждения типической чертой тогдашней живой женщины, или же это только ее неверное отражение в зеркале преувеличивающей мужской психики? Ответ гласит: да, именно такова была тогдашняя женщина. И надо еще прибавить, что мы в настоящее время даже не

*Леклерк. Продавщица
галантерейного товара*

можем себе представить надлежащим образом, до какой степени все поведение женщины было тогда насыщено эротикой, так что последняя ни на минуту не исчезала, а все собой пропитывала. Братья Гонкуры совершенно справедливо заметили: «Женщина этой эпохи вся соткана из одного сладострастия».

Гораздо важнее, однако, другой вопрос: какие причины, помимо галантного мировоззрения, создали это явление? Вопрос несколько сложнее. Здесь необходимо считаться с тремя переплетававшимися причинами. На первую, и важнейшую, мы уже указали выше. То была трудность для большинства мещанства вступить в брак и обусловленные этим осложнения в сексуальной области. Конечно, мужчины также страдали от этой неурядицы, но женщины больше, так как мужчина все же мог найти до некоторой степени суррогат в проституции. Для женщины же эта трудность вступить в брак обостряла борьбу за мужчину. А ничто так легко не приводит к систематическому выявлению женской похотливости, как трудность борьбы за обла-

дание мужчиной. Это объясняется тем простым фактом, что мужчина легче всего поддается женщине, охваченной желанием. Так как тогда число женщин, имевших возможность рассчитывать на замужество, становилось все меньше, то в конце концов сами женщины стали пускать в ход все возможные средства и прежде всего – сознательно или бессознательно – старались приковать к себе мужчину, действуя на его чувственность.

Вторая причина форсированной сладострастности женщины этой эпохи – влияние эротически возбуждающей моды... Разложение женского тела на его главные половые признаки, покупавшееся ценой страшно преувеличенного стягивания талии, имело свою цену. Создавалось постоянное давление на органы нижней части женского живота. Это неудобство – часто дамы и ночью не снимали корсета – приводило к неизбежному раздражению половой сферы, превращавшемуся, естественно, в болезненную неудовлетворенность.

Наконец, третья причина, подчеркивавшая в женской физиономии специфические линии сладострастности, коренилась в принципиальном упразднении деторождения и в передаче кормления и воспитания все же родившихся детей в чужие руки. Этим устранялось во всех браках естественное и важнейшее связующее звено между обоими полами – дети, исполняющие именно эту роль. Где нет этого звена, его необходимо чем-нибудь возместить. А это возмещение сведенная к простому флирту любовь с особенным предпочтением находит в повышенной галантности женщины. Так как мужчина и женщина не связаны друг с другом чувством, то женщина, обычно более мужчины дорожающая прочностью брака, вынуждена все время действовать на чувственность мужчины, чтобы теснее приковать его к себе.

В дворянстве и в денежной буржуазии заключались ненормально ранние браки, в неимущих классах,

главным образом, в среднем мещанстве, — поразительно поздние. Мы знаем, кроме того, что в господствующим и имущих классах вступающие в брак молодые люди до свадьбы часто даже не виделись и, конечно, не знали, какой у кого характер. Обычными в этих кругах в XVIII в. стали такие браки, когда молодые встречаются в первый раз в жизни за несколько дней до свадьбы, а то и лишь накануне свадьбы.

Все эти признаки ясно говорят о том, что единственным брачным законом была безраздельно господствовавшая условность. Брак — не более как простая юридическая формула для торговой сделки. Дворянство соединяет два имени, чтобы увеличить фамильное могущество или же — для той же, разумеется, цели — имя и состояние. Имущая буржуазия таким же точно образом соединяет два состояния или присоединяет к состоянию — ради наиболее эффективной его реализации — титул. Среднее и мелкое мещанство соединяет два дохода или рабочую силу мужчины с женским индивидуумом, на долю которого выпадает обязанность наиболее рационально использовать скромный жизненный достаток. Наконец, в пролетариате вступают в брак в большинстве случаев потому, что «вдвоем жить дешевле», то есть потому, что каждый порознь не зарабатывает столько, чтобы можно было существовать.

В единобрачии главная проблема брака всегда взаимная верность. Исторически правильная оценка брака в рамках известной эпохи зависит, однако, не столько от чис-

Ф. Буше. Кокетка

ла уклонений от закона верности, сколько от отношения эпохи к адюльтеру. Важно знать, привилегия ли он только мужа, обнаруживается ли в учащающихся случаях неверности женщины ее стремление к самостоятельности, допускается ли обоюдная неверность тайком и осуждается только формально, представляет ли она собой, наконец, даже официальный обычай, признак хорошего тона.

Если все эти различные оценки вытекают прежде всего из разных потребностей классов, если все они поэтому обыкновенно существуют бок о бок в каждую эпоху, то все же – как мы не раз уже подчеркивали – каждая эпоха имеет свою особо характерную черту, так как она выстраивается на одном каком-нибудь главном экономическом законе.

Тем не менее и здесь отправной точкой должны быть цифры. Необходимо поэтому прежде всего констатировать, что в эпоху старого режима адюльтер процветал в господствующих классах, что, подобно добрачным половым сношениям, он стал поистине массовым явлением и совершался женщиной так же часто, как и мужчиной. Если эпоха старого режима значительно отличается от эпохи Ренессанса только в этом последнем пункте, то необходимо, с другой стороны, подчеркнуть, что обе эпохи тем более отличаются друг от друга по форме, то есть по мотивам. В век старого режима адюльтер вытекает не из пробуждавшейся индивидуальной половой любви, не был он и разнузданным исполнением закона природы, часто бессознательно опрокидывавшего им же созданные границы, он был просто проблемой развлечения, развратом как самоцелью. Адюльтер так же относится к программе рафинированного наслаждения, как уже описанное количественное усиление сладострастия: он только одно из многих удовольствий.

Так как разнообразие – высший закон наслаждения, то прежде всего разнообразят предмет любви. «Как скучно каждую ночь спать с той же женщиной!» – го-

ворит мужчина, и так же философствует женщина. В любви обаятельна только новизна. «В любви интересно только начало, и потому так приятно начинать все сызнова», — пишет одна знатная дама, мотивируя частую смену любовников. Подобная философия логически завершается следующими тезисами: «Только любовник позволяет мириться с браком» и «Наиболее счастливыми бывают те женщины, в списке которых значится наибольшее количество мужчин». И эти тезисы провозглашаются совершенно открыто.

Некий господин де Бусс заявляет: «Верность делает женщин глупыми». Такие взгляды возводят адюльтер в правило для всех, чье существование он не слишком задевает. И знатоки подтверждают это: «Каждая жена хоть раз изменила мужу с другим». Если же жена не изменила, то «не потому, что хотела остаться верной, а потому, что не было удобного случая совершить неверность». Принц де Линь писал: «Самая целомудренная женщина найдет своего покровителя, она целомудренна только потому, что он еще не явился». А так как в эту эпоху все — поза, то существует и поза неверной жены: «Пока жена еще не нашла своего победителя, она позирует в роли соблазненной жены, подобно тому как во все времена мужчина позировал в роли удачника-совратителя». Такова логика вещей, находящая свое завершение в положении: не муж, а любовник — высшая слава дамы.

Супружеская верность поэтому смешна. Любить мужа или жену считается нарушением хорошего тона. Такая любовь разрешается только в первые месяцы брачной жизни, ибо потом обе стороны уже не в состоянии «дать друг другу что-нибудь новое».

Первый совет, который преподносится молодой женщине со всех решительно сторон, гласит: «Милочка, вы должны завести себе любовника». Неопровержимыми доводами стараются доказать необходимость такого шага, и среди них наиболее убедителен тот, о

котором мы уже выше говорили: «Любовник – лучший и потому необходимый путеводитель в царство истинных радостей любви». Порой даже сам муж дает жене этот превосходный совет. Ибо муж, в объятия которого родители бросали молодую девушку, был далеко не всегда, как метко заметили братья Гонкуры, противным супругом, неуклюжим финансистом, старичком, а обыкновенно «очаровательным молодым человеком в духе эпохи, отшлифованным и изящным, не обнаруживавшим ни характера, ни способностей, легкомысленным, ветреным, словно насыщенным легким воздухом века, существом фривольным, посвящавшим свою жизнь праздности и рассеянности».

Между мужем и благожелательной подругой в этом отношении только одна разница. Если последняя являлась со своим советом уже в первые недели брачной жизни, то муж давал его лишь после того, как «покончил» с женой, как «заканчивал» он по очереди со всеми женщинами, бывшими его временными любовницами, и когда у него вновь возникало желание заглянуть в чужой сад. В этой фазе он находил те слова, с которыми один знакомый госпожи д'Эпине обратился к своей жене: «Вы должны развлечься. Посещайте общество, заведите себе любовников, живите, как живут все женщины нашей эпохи». И эпоха находит, что именно эти мужья обращаются со своими женами, как истинные товарищи.

И подобно тому как муж *a la mode* ничего не имеет против любовника жены, так она ничего не имеет против любовниц мужа. Никто не вмешивается в чужую жизнь, и все живут в дружбе. Муж – друг любовника жены и поверенный ее бывших симпатий; жена – подруга любовниц мужа и утешительница тех, которым он дал отставку. Муж не ревнует, жена освобождена от супружеского долга, беспечность – добродетель мужчин. Только одного требует общественная мораль от него и от нее, главным образом, конечно, от нее, –

соблюдения внешнего декорума. Последнее заключается отнюдь не в том, чтобы на глазах у всех симулировать верность, а только в том, чтобы не давать свету никаких явных доказательств противного.

Все имеют право все знать, но никто не должен быть свидетелем. Влюбленные обязаны довольствоваться косвенным объявлением о своих обоюдных успехах. Желая объявить свету о том, что он добился роли ошастливленного любовника, фаворит заставляет по целым часам или дням свою карету ждать перед ее домом. А дама в тот день, когда она впервые готова официально оказать свою благосклонность новому любовнику, приказывает покрыть на ночь мостовую соломой и поднимает жалюзи спальни не раньше двенадцати часов. И чтобы подчеркнуть свой успех и влюбленность официального поклонника, она в продолжение нескольких дней подрисовывает под глазами черные круги, придает лицу переутомленный вид и устраивает lever не иначе как лежа в постели. Все ее друзья и подруги приветствуют ее в эти дни восклицанием: «Боже! Как вы переутомлены!»

Разумеется, никогда не забывают при этом, чем каждый обязан своему положению. Когда некий лорд Аберкон узнал, что его жена убежала с любовником, он немедленно же послал им свою коляску, находя неприличным, чтобы жена путешествовала в простой наемной карете. Первой обязанностью мужа в таких случаях была, по мнению света, выдержка. Ее он должен сохранять и в самые критические моменты. И мужья порой достигали в этом отношении мастерства. Некая госпожа де Мереваль готова отдаться своему любовнику, молодому офицеру, в тот самый момент, когда в комнату входит муж. И спокойным тоном, совершенно не волнуясь, господин де Мереваль говорит жене: «Как вы неосторожны, сударыня. Представьте, что вошел бы кто-нибудь другой». И он покидает комнату. Но и госпожа Мереваль отличалась по-своему вы-

держкой. «Не успел ее муж покинуть комнату, как она, несмотря на помеху, беспокойство и малую опытность партнера, принудила его окончить то, чему помешал приход ее вежливого мужа». Кто умеет таким образом сохранять выдержку даже в самые критические моменты, тому все «обладающие хорошим вкусом» восторженно аплодируют.

Если неверность жены не бесчестит мужа, то к чести или бесчестью жены служит лишь, как уже упомянуто, выбор любовника. Так, например, несомненная слава для женщины, если она «находится в списке героев дня или имеет их в своем списке». В первой половине XVIII в. «честолюбивой мечтой многих знаменитых красавиц нашего двора, – пишет один придворный Людовика XV, – было желание числиться в рядах любовниц герцога Ришелье, хотя бы на одну ночь». Напротив, связь с лакеем или принцем бесчестит даму, так как бесчестит только скандал. Один маркиз заявляет поэтому жене: «Разрешаю тебе всякую связь, только не с принцем и не с лакеем».

В дискуссии с госпожой Гемене герцог Шуазель однажды наметил все то, что, по мнению церемониймейстеров эпохи, может обесчестить женщину: «Немного терпения, сударыня! Давайте обсудим вообще, что может опозорить женщину? Если у нее есть любовник, это еще не бесчестье для нее, не правда ли? Но если у нее несколько, так что можно предполагать, что она не любит ни одного, то это уже есть бесчестье. Для нее бывает позором, если она делает свой выбор открыто, если она сначала публично объявит, что у нее есть любовник, а потом беспощадно отступится от него, если она не заслуживает, чтобы прежние любовники становились ее друзьями или хорошими знакомыми. Все это, видите ли, сударыня, несомненно накладывает пятно на ее честь!»

Однако самым остроумным последствием, вытекавшим из этой житейской философии, было то об-

стоятельство, что эпоха, провозгласившая законом неверность мужу, требовала верности любовнику. И в самом деле: если тогда можно было встретить верность, то только вне брака. Но и по отношению к любовнику верность никогда не должна была простирается так далеко, чтобы он был авансирован, так сказать, до чина мужа: только в таком случае другие мужчины имеют право ревновать к нему.

В Англии совершенно в порядке вещей, если муж имеет любовницу прямо в своем доме рядом с законной супругой. Госпожа Гилль говорит в своей книге «Женщины в английской жизни»:

«Большинство мужей содержало в той или другой форме любовниц. Многие помещали их даже в своем доме и заставляли сидеть за одним столом с женой, что почти никогда не приводило к недоразумениям. Часто они даже выходили гулять вместе с женами, причем единственная разница между ними состояла в том, что обыкновенно метрессы были красивее, лучше одеты и менее чопорны».

Взаимная снисходительность супругов переходила в этих слоях очень часто в циничное соглашение по части взаимной неверности. И не менее часто один становится в этом отношении союзником другого. Муж доставляет жене возможность беспрепятственно вращаться в кругу его друзей и, кроме того, вводит в свой дом тех, которые нравятся жене. Как видно из переписки госпожи д'Эпине, «единственное средство по-

*Ватто (сын).
Парижские моды. 1784*

нравиться» друзьям мужа состоит в том, чтобы сделать их своими любовниками. И так же действует жена по отношению к мужу. Она вступает в дружбу с теми дамами, которых муж хотел бы иметь любовницами, и нарочно создает такие ситуации, которые позволили бы ему как можно скорее добиться цели.

«Одна дама застигнута врасплох ее подругой в нежной сцене с ее мужем. Она извиняется и уверяет, что вовсе не хотела злоупотребить ее доверием... Тогда подруга бросается ей на шею и поздравляет ее с ее счастьем». По мнению современников, такие факты относятся к числу самых обычных. И одни шутливо, другие серьезно прибавляют: «Можно ли представить себе более приятные гарантии обоюдного счастья?» Так как каждому мужчине жена друга нравится более своей собственной, так как жене муж подруги нравится более собственного, то все готовы – хотя бы на время – поменяться ролями...

Очень часто говорит и Казанова о таком обмене женами и любовниками. Из целого ряда описаний современных нравов мы узнаем, наконец, что подобный обмен был во многих городах даже самым обычным явлением.

Подобные явления тем обычнее, чем больше город носит характер простой столицы, где все обыватели до последнего ремесленника всецело зависят от двора и придворных кругов.

Сущность развратника как мужского, так и женского пола – полное отсутствие сердечности и признание за явно гнусными поступками значения вопроса чести. Развратник гордился, если о нем говорили: «У него никогда не было намерения, которое не было бы неприличным и преступным». У развратника все построено на расчете. Наслаждение – для него самоцель, и, отдаваясь ему, он не считается с совестью. Слабость, рождающуюся из человечности, он квалифицирует как позор для себя. Осуществляя свои замыслы, он не

останавливается и перед самым чудовищным. Петиметр галантности превращается в великого мастера извращенности. При этом, однако, развратник отличается чрезвычайной любезностью. Все, что он делает, самые гнусные поступки облачаются у него в благородные и безупречные формы. Женщина этого типа отличается тем, что она подражает аллюрам мужского разврата. Она желает «сознательно насладиться потерей порядочности», как говорится в вышедших в 1727 г. «Размышлениях придворной дамы о женщинах».

Этот тип встречается в эпоху старого режима во всех странах. Наиболее отвратительным он был, по всей вероятности, в Англии. Тэн так описывает этот тип: «Он производит впечатление веселого и блестящего болтуна, но этот юмор чисто внешний. На самом деле он груб и невоспитан и шутит, как палач, с холодной жестокостью по поводу того зла, которое он уже совершил или еще думает совершить. Надо признаться, что в Англии жуиры этой эпохи бросали человеческое мясо на живодерню. Какой-нибудь знатный приятель ловеласа похищает молодую невинную девушку, спаивает ее, проводит с ней ночь в доме терпимости, оставляет ее там в качестве залога и спокойно потирает руки, когда две недели спустя узнает, что ее бросили в тюрьму, где она сошла с ума и умерла. Во Франции развратники были не более как легкомысленными пройдохами, здесь они были низкими негодьями».

Впрочем, если Тэн говорит, что французские развратники были в отличие от своих английских сотоварищей только легкомысленными плутами, то это лишь условно верно. Такие фигуры, как герцог Ришелье, маркиз Шуазель, граф Лувуа и в особенности граф Артуа, будущий король Карл X, ничем не уступают по своей отвратительности подобным же гнусным субъектам других стран. Зато о немецких типах этого рода можно вполне сказать, что они были, несомненно, самыми неуклюжими, хотя от этого и не становились более симпатичными.

Из того факта, что тип распутника-сладострастника сделался тогда массовым явлением и почитался светским обществом как герой, можно сделать заключение, что в господствующих классах не только индивидуальный адюльтер считался признаком хорошего тона; модным было всякое крайнее выражение разврата.

При дворе Людовика XIII во Франции пример всеобщего разврата подавал не сам король, отличавшийся гомосексуальными наклонностями, а первый сановник государства кардинал Ришелье и королева Мария Анна Австрийская. Если знаменитый Ришелье имел бесконечный ряд самых грязных связей, то королева до преклонных лет была весьма доступна ухаживаниям преданных ей придворных. Не Людовик XIII, а именно один из этих придворных, граф Ривьер, и был настоящим отцом Людовика XIV. Эра господства метресс, характеризующаяся тем, что капризы удостоенной всемилостивейшего внимания женщины становятся законом для страны, относится к царствованию Людовика XV и, в сущности, им и ограничивается. При Людовике XIV женщина лишь наиболее пышная декорация королевской власти божьей милостью и высший объект наслаждения, именно только объект. Имена фавориток Людовика XIV всем известны: кто не слышал о Лавальер, Монтеспан, Фонтанж и особенно о Ментенон, ставшей даже тайной женой короля.

Однако такая ссылка на полдюжину официальных метресс Людовика XIV равно ничего не говорит, ибо если за шестьдесят лет любовных приключений у Людовика XIV было бы только шесть метресс, то он заслуживал бы скорее эпитета «добродетельный». Что в данном случае характерно, так это те безымянные и безвестные, число которых невозможно установить. Или выражаясь точнее, решающее значение для оценки нравов, господствовавших при дворе Людовика XIV, имеет то обстоятельство, что всякая появлявшаяся при его дворе дама становилась предметом султан-

ских вожделений короля, что все его родственники, кузены и сановники должны были делиться с ним своими женами, разумеется, если последние представляли для него интерес. Впрочем, для этого не требовалось многого, так как Людовик XIV был явным эротоманом, который видел в женщине только пол и которому поэтому нравилась каждая женщина. «Королю, – сообщает герцогиня Елизавета Шарлотта, – нравилась всякая, лишь бы на ней была надета юбка».

Разумеется, в большинстве случаев он был весьма желанным любовником. Насколько это было в порядке вещей, доказывает тот факт, что жена принца Субиза прославилась при дворе только потому, что серьезно противилась ухаживаниям короля, даже еще в тот момент, когда он хитростью очутился в ее постели. Отправиться вместе с женой в Версаль для придворного было равносильно передаче жены в руки короля. И таким общепризнанным совладельцем чужих жен Людовик оставался до преклонных лет, когда он уже давно ударился в благочестие. Герцогиня Елизавета Шарлотта пишет о семидесятилетнем Людовике XIV: «Он благочестив; если бы он не был таким, он предавался бы разврату, так как он не может жить без женщин, потому-то он так и любит своих жен. Добрый король не очень-то разборчив, и если только кто у него в постели, то он доволен».

Такова вообще схема любовной жизни всего этого общества. Мужчины обыкновенно имели любовницами нескольких дам света, а большинство дам были в течение нескольких лет любовницами очень многих мужчин. Обе четы – герцог и герцогиня Люксембургские и господин и госпожа де Буффле – жили мирно и тихо в четырехгранной связи. В моду входили, однако, и пяти- и шестигранные связи. Обычным явлением была связь одновременно с матерью и дочерью, с отцом и сыном. Современники считают наиболее характерной чертой эпохи, что не только мужчины все-

цело отдавались служению дамам, но и никогда им так не везло в этом отношении, так как женщины прямо бежали за ними. В письмах герцогини Орлеанской можно найти десятки убедительных примеров. Так, она пишет о маркизе Ришелье: «Маркиза однажды легла в постель к дофину, хотя он вовсе и не просил ее об этом». Другой такой случай она сообщает о даме, которая так поступила с ее сыном.

Когда вместе со страстью короля и упрочившимся влиянием ханжи Ментенон воцарилась несколько большая чопорность, то это имело значение только для ближайшего антуража Людовика XIV, зато разврат достиг высшего развития в другом кружке, а именно в том, который группировался вокруг герцога Орлеанского Филиппа, племянника короля и будущего регента. Этот новый представитель придворного разврата получил должную оценку в эпитафии, предназначавшейся общественным мнением для могилы его матери: «Здесь покоится мать всех пороков». Под эгидой герцога Филиппа Орлеанского недавняя вакханалия все более превращалась во всеобщую оргию.

Начало этой оргии имеет свою официальную дату. Она началась, когда правительство стало настоящей разбойничьей компанией, а именно с назначением регентства. С этого дня оргия стала обычным состоянием господствующих классов, а участие в ней доставляло славу и удовлетворяло честолюбие. Отныне любили в полном смысле слова публично. Разнузданность достигала небывалых границ. А в центре этого невообразимого канкана стоял регент Франции. Единственный изданный им закон гласил: «Будем развлекаться». Под этим развлечением подразумевались самые вульгарные способы. В этот период разврат лишен всякой грации и носит чисто скотский характер. Все идет ускоренным темпом: утром люди видятся первый раз, вечером уже начинается беспорядочное половое смешение. Мать герцога Орлеанского однажды заме-

тила сыну, что он относится к женщинам так, как будто хочет сходить на горшок.

Для дамы этих кругов нет высшего комплимента, чем обращенные прямо к ней слова: «Я хочу с вами спать», и она в восхищении передает этот комплимент, если он сделан устами принца. Предлагая однажды вечером, в присутствии многих свидетелей, свою карету одной даме, некий виконт Полиньяк обращается к ней: «Я хотел бы, чтобы моя карета была постелью и я мог бы лечь в нее вместе с вами». А дама отвечает: «Я приняла бы ваше предложение только в том случае, если бы вы мне обещали не засыпать ни на одну минуту, пока я с вами в постели».

В данном случае жизнь придворного общества также дает схему обычаев господствующих классов. Ибо солидарность в деле разбойничьей эксплуатации государственных доходов, которой так усердно занимались все без исключения и без стыда, должна была привести к такой же солидарности в существеннейших последствиях подобной политической морали. Целый класс, отдающийся во власть своих разбойничьих инстинктов, не может в то же время отличаться солидной половой нравственностью. На это лишь способны отдельные индивидуумы этого класса, и поэтому уклонение от участия в разыгравшейся на вершине общества оргии было лишь исключительным явлением...

В конце эпохи Регентства и в начале царствования Людовика XV светское общество еще не было пресыщено, а лишь утомлено. Чтобы иметь возможность не только продолжать ранее преследуемую программу, но и по мере возможности повысить способность наслаждения, необходимо было утончить его формы. Это было достигнуто тем, что из физического наслаждения было устранено все грубое, все, что слишком скоро может истощить силы, и тем, что научились, кроме того, как выразился один современник, «выражать прилично самые неприличные вещи». Как иллюстрацию этого

приличного тона, воцарившегося теперь кругом, приведем следующий разговор, имевший место однажды в присутствии придворных между Людовиком XV и госпожой д'Эспарбе по поводу ее жажды разнообразия в делах любви: «Вы спали со всеми моими подданными». — «Что вы, сир!» — «Вы имели герцога Шуазеля». — «Он так могуществен». — «И маршала Ришелье!» — «Он так остроумен». — «И Монвилля!» — «У него такие красивые ноги». — «Но — черт возьми — разве герцог Омон обладает хоть каким-нибудь из этих достоинств?» — «О сир! Он так предан вам!»

А что касается устранения всего грубого, то достаточно упомянуть, что любимым блюдом Людовика XV были девочки, соблазнить которых не стоило особенного труда уже по одному тому, что большинство подготовлялось для этого великого исторического момента целыми месяцами или даже годами.

В моду вошли так называемые *petites maisons*, домики для остановок, имевшиеся в распоряжении каждого знатного барина и даже очень многих знатных дам. Здесь, в этих спрятанных в лесу или в парке виллах, все помогало любви и все было воплощением удобства. Сладострастие диктовало здесь все: положение, форму и прежде всего пышное убранство, имевшее целью повысить наслаждение. Соблазнительные будуары, великолепные столовые, элегантные ванны — все здесь было налицо. Величайшие мастера украсили стены эротическими картинами и скульптурами, на книжных полках была собрана вся галантная литература века, снабженная иллюстрациями, которые должны были воспламенять и постоянно разжигать чувственность. Даже мебель была в своем роде галантной и каждое кресло, каждый стул — алтарем сладострастия. В письме от 24 ноября 1770 г., в котором один аристократ сообщает своему другу в провинции о текущих событиях дня, говорится: «Вчера господин Ришелье устроил большой ужин в своем *petite maison* вблизи таможни Вожи-

пар. В его *petite maison* все украшено в циническом духе. На стенах посредине каждого поля изображены полувыпуклые, чрезвычайно скабрзные фигуры. Но самое интересное – во время ужина была старая герцогиня Бранкас. Чтобы разглядеть все эти фигуры, она приложила к глазам лорнетку и, сжав губы, хладнокровно рассматривала их, а господин Ришелье держал лампу и объяснял их смысл».

Теперь не было такой мысли, которую нельзя было бы высказать, не было каприза, которого нельзя было бы выполнить, и к тому же было устранено все, что могло бы помешать: неприятные сюрпризы, как и назойливое любопытство. Каждая настоящая *petite maison* походила на крепость сладострастия, куда кроме хозяина мог войти только тот, кто знал тайный пароль, открывавший ворота. Здесь можно было спокойно устроить своих метресс, можно было принять временно жену друга, сюда сводник, которого содержали наряду с кучером, приводил товар, которым завладевали добровольно или насильно. Здесь, наконец, можно было совершить все те отвратительные преступления, к которым каждый день побуждала царившая половая извращенность. И ни один предательский звук не доходил до слуха публики.

В этих бесчисленных приютах сладострастия праздновались изо дня в день в продолжение целых десятилетий не поддающиеся исчислению оргии безумнейшего разврата. Самые изысканные вымыслы эротической фантазии находили здесь каждое еще более

Парижские прически. 1776

Парижские прически. 1776

многочисленных распутников эпохи и потому, вероятно, также осуществлялось на практике.

Очень многие развратники находили уже наслаждение только в оргиях, соединенных с преступлениями. Изнасилование девочек, инцест, содомия, педерастия, вероятно, были обычнейшими явлениями. Среди половых извращений одним из наиболее невинных был активный и пассивный флагеллантизм во всех его чудовищных проявлениях. К числу наиболее распространенных и наиболее пикантных удовольствий относилось удовольствие быть тайным свидетелем того, как любовница, а иногда и жена, исполняет самые дикие прихоти друга. Прочтите подробное описание связи Казановы с монашенкой из Мурано, сделанное им в его мемуарах. Она была вместе с тем любовницей французского посланника в Венеции Верни. Сговорившись с Казановой, она устроила посланнику это им столь желанное зрелище.

В таких часто кончавшихся преступлениями оргиях участвовали также знатнейшие дамы Франции: маркизы, графини и герцогини. Человек, недостаточно бо-

рафинированное воплощение. Единственным средством изобразить точнее эти формы разврата было бы привести ряд описаний из наиболее порнографических романов эпохи. Ибо за исключением патологических вымыслов де Сада действительность, вероятно, никогда не отставала от воображения порнографических писателей того времени. Но и многое из того, что вышло из больного мозга маркиза де Сада, было во вкусе

гатый или недостаточно независимый, устраивал не *petite maison*, а снимал спокойную квартиру и там праздновал свои незаконные любовные оргии. Многие придворные дамы имели такие тайные гнездышки наслаждения, куда они на время уединялись со своими любовниками или куда они ловкими средствами заманивали мужчин, воздействовавших на их чувственность. В мемуарах графа Тилли встречается детальное описание такого приключения с придворной дамой, представляющее своего рода классический пример. Многие другие дамы пользовались *petite maison*, которые крупные сводни и содержательницы домов терпимости приберегали для богатых клиентов. Достовернейшим доказательством могут служить неисчерпаемые во всех отношениях полицейские протоколы XVIII в.

По сообщению полицейского инспектора Море, некая маркиза де Пьеркур была постоянной посетительницей дома сводни Бриссо, а баронессы Ваксем и Бурман, по словам того же свидетеля, пользовались для устройства оргий домами многих содержательниц притонов. Наиболее знаменитые театральные звездочки устраивали порой в своих *petite maison* такие оргии даже систематически. В одном полицейском протоколе говорится о балерине Гимар: «Она каждую неделю дает три ужина, на первом бывают придворные и знать; на другом – писатели, художники и ученые, и наконец, третий носит характер настоящей оргии, на которую она приглашает самых соблазнительных, разнузданных девиц и во время которой разврат достигает последней возможности».

Таково «меню», делающее имена таких женщин, как Шатору, Помпадур и Дюбарри, интересными в глазах историка нравов. При этом здесь не допущено ни малейшего преувеличения, а, напротив, указано лишь самое необходимое.

В программе Людовика XV все эти оттенки повторяются и находят свое рафинированнейшее решение.

Наиболее известное создание Людовика XV, знаменитый парк оленей, не что иное, как целый ряд *petites maisons*, в которых был устроен обширный детский дом терпимости, откуда черпали материал для забав короля. Так как любимым блюдом короля были «невинные дети», то обитательницами парка становились в большинстве случаев девочки, которые специально откармливались для любовных пиршеств Людовика XV, подобно тому как сгоняют и откармливают для охоты дичь.

Если какое-нибудь блюдо удостоивалось похвалы короля, то его сервировали несколько раз, в противном же случае оно немедленно снималось с очереди — та же судьба ожидала и всех девушек, почувствовавших себя в интересном положении. На благоразумных попечениях о процветании этого института, в которых особенно усердствовала маркиза Помпадур, покоилось влияние различных метресс на этого извращенного государя, о котором современники говорили, что вся его жизнь была «беспрерывной безнравственностью».

Выше мы заметили, что двор всегда подавал пример безнравственности для господствующих классов. Необходимо правильно понять это положение. Так как абсолютный государь сосредоточивал в своих руках больше всего материальных средств, то при его дворе жажда наслаждения могла облечься в самые смелые формы. Но было бы неправильно делать вывод: так как абсолютный государь подавал такой недостойный пример, то и господствующие классы отличались испорченностью.

Переходя к характеристике немецких дворов, очень трудно решить, кому из них отдать пальму первенства. Обычно самым пышным царством порока изображается саксонский двор Августа Сильного. Но это было бы несправедливостью по отношению к другим дворам. В Дрездене и Варшаве (Август был одновременно и польским королем) пышность и расточительность продолжавшихся целыми годами оргий

только облечены в более художественную форму. Однако в смысле порочности ему нисколько не уступали десятки других немецких дворов.

Быть может, наиболее назидательным примером служит Кобленц в те годы, когда он сделался центром французской эмиграции. Среди многочисленных документов о нравственном разложении населения Кобленца мы остановимся на автобиографии магистра Лаукхарта. В ней встречается следующее место: «Сделался я и свидетелем той ужасающей порчи нравов, причиной которой были эмигранты. «Здесь в Кобленце, – заметил мне один честный старый триестский унтер-офицер, – вы не найдете невинной девушки старше двенадцати лет. Проклятые французы хозяйничали здесь так, что просто позор». И это было именно так: все девушки и женщины, не исключая и многих старых ханжей, так и набрасывались на мужчин. Как раз напротив монастыря, где я жил, был винный погребок, и три хозяйские дочки привлекали французов массажи. Однажды я также вошел с одним эмигрантом. Три нимфы сидели у французов на коленях и с величайшим удовольствием выслушивали их скабрёзности. Вскоре явилось еще несколько девиц и началось нечто такое, что превосходит даже нравы знаменитых берлинских домов терпимости. Парочки уходили и вновь возвращались, как будто ни в чем не бывало».

Другой показатель всеобщего разврата, особенно царившего в больших городах, – бульварные нравы. Бульвары тогда служили проституции. В своих «Британских анналах» Архенхольц сообщает о лондонском Сент-Джеймском парке: «Семнадцать входов парка на ночь запирались, однако ключи к тем или другим воротам продавались за гинею, так что можно было провести там всю ночь. И этой возможностью пользовались изрядно – в большинстве случаев в не очень-то чистых целях. Так, в 1780 г. таких ключей было продано около 6500».

О берлинском Тиргартене говорится: «Это роща

любви, где свет и мрак (как на Пафосе) сочетаются странным и приятным образом, где мыслитель и сладострастник находят богатый материал для беседы. Сюда, как к гробу Магомета, из всех концов города паломничают, охваченные желанием, целые караваны женщин и рыцарей».

Аналогичные описания имеются у нас и относительно большинства больших бульваров и скверов других крупных европейских городов.

При поверхностном взгляде легко можно прийти к заключению, что и большая часть клира откровенно цинично участвовала в господствующей кругом безнравственности, что представители церкви не только не задерживали развитие разврата, а прямо содействовали этому. Но как только мы станем вглядываться в положение вещей, нам придется установить такие же значительные и столь же принципиальные различия, как при оценке половой нравственности в разных классах населения.

Только вполне определенные слои духовенства открыто участвовали во всеобщей оргии непристойности. А именно все высшее духовенство и в значительной степени определенные монастыри. Что же касается остальной части духовенства, большой массы священства, то можно говорить лишь об индивидуальных случаях, число которых, впрочем, относительно велико, так как безбрачие то и дело побуждало к использованию удобных шансов, а этих последних ни у кого не было в таком количестве, как у католического священника.

Несколько более сложны причины разврата, царившего в целом ряде монастырей, в особенности женских, хотя и их вскрыть не так уж трудно. Позволим себе сначала просто констатировать факты. Во всех католических странах появляется тогда значительное количество женских монастырей, бывших, без преувеличения, настоящими домами разврата. В них царили беззаботность и непринужденность.

Суровые орденские уставы в этих монастырях часто были только маской, так что в них можно было всячески развлекаться. Монашенки могли почти беспрепятственно предаваться галантным похождениям, и начальство охотно закрывало глаза, если поставленные им символические преграды открыто игнорировались. Монашенки увековеченного Казановой монастыря в Мурано имели друзей и любовников, обладали ключами, позволявшими им каждый вечер тайком покидать обитель и заходить в Венеции не только в театры или иные зрелища, но и посещать *petites maisons* своих любовников. В будничной жизни этих монахинь любовь и галантные похождения даже главное занятие: опытные совращают вновь постриженных, а услужливые среди них сводят последних с друзьями и знакомыми, подобно тому как сводня снабжает своих клиентов новым товаром.

Монашенки этой обители – наиболее утонченные жрицы любви, они не только участвуют во всевозможных оргиях, но и сами устраивают оргии, и притом с такой изысканностью, которая может родиться лишь в голове отъявленного развратника. Даже в приемной они идут навстречу своим поклонникам, хотя здесь дело не заходило, разумеется, дальше флирта жемствами. Не только Казанова рисует нам господство таких нравов в монастыре в Мурано. Уже полстолетием раньше саксонский кронпринц Август нашел в этой обители такой же рафинированный культ Приапа.

Можно было бы привести такие же данные относительно целого ряда других итальянских, а также и французских женских монастырей. Пфальцграфиня Луиза Олландина, игуменья монастыря в Монбюйссоне, производит на свет в монастыре не менее четырнадцати детей, как говорили, от разных отцов. И это не только не заставляло краснеть даму, напротив, она открыто гордилась своей плодовитостью.

Как видно, подобные учреждения имели общим с монастырями только имя, так как были на самом деле

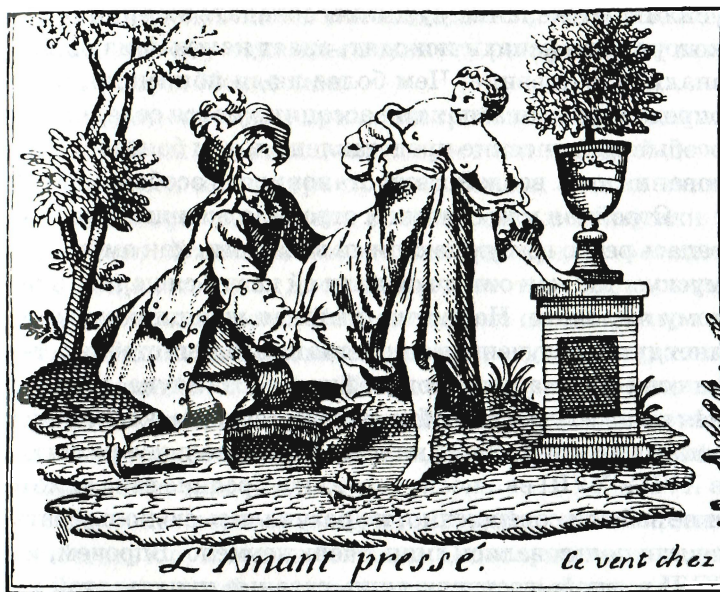
официальными храмами безнравственности. И это вполне совпадает с теми изменившимися, то есть новыми, целями, которым начинали с XVI столетия все более служить женские монастыри. Монастыри постепенно превращались из приютов для бедноты в пансионы, куда дворянство отправляло на содержание не вышедших замуж дочерей и вторых сыновей. Именно такие монастыри, в которых находились дочери знати, обыкновенно и славились царившей в них или терпимой в них свободой нравов.

Так как подобные монастыри служили исключительно интересам дворянства, то они были не только своего рода богадельнями для не вышедших замуж дворянок, но и служили целому ряду других потребностей господствующих классов. Нервирующая обстановка постоянных праздников вызывала потребность во временном покое и отдыхе, а где их лучше обрести, как не в монастыре. Некоторые обитатели становятся, таким образом, своего рода санаториями, куда уединялись на время отдохнуть от утомления, вызванного слишком рассеянной жизнью.

Природа неизменно ставит как индивидуальной жажде наслаждения, так и индивидуальной способности наслаждаться определенные границы.

Если же личность требует или отдает больше, чем позволено этими, так сказать, естественными границами, то она может достигнуть этого лишь при помощи искусственных возбудителей. В такие эпохи, когда культ чувственности господствует над всеми остальными жизненными интересами, эти искусственные возбуждающие средства всегда играют большую роль в жизни как индивидуумов, так и всего общества, и потому они никогда не были в таком ходу, как в век старого режима. Эти возбудители имели целью «сделать всех богатых людей машинами сладострастия».

Эта цель была достигнута тем, что наука все более победоносно вторгалась в эту область. Фантастические

Н. Ланкре. Бурный любовник

любовные напитки и симпатические средства, бывшие в ходу в Средние века, дополнялись действительными эротическими и косметическими средствами. В особенности последние скоро сделались столь необходимыми, что ни одна женщина не хотела от них отказаться, так как их возбуждающее влияние позволяло им теснее приковать к себе мужчин... Румяна и духи употреблялись не только всеми слоями мещанства, но и крестьянками, которые пользовались ими даже усерднее других. Крестьянка так же белила и румянила лицо в духе времени и обрызгивала платье духами. Кто не имел средств на покупку дорогих румян и эссенций, довольствовался более дешевыми суррогатами, а кто был совсем без средств, тот употреблял по крайней мере кирпичный порошок и примитивным образом собственноручно состряпанные духи.

Что известные растительные и животные запахи

усиливают желание мужчины обладать женщиной, от которой эти запахи исходят, знает каждый из опыта, знали еще древние. Чем более люди понимали, что с определенными запахами ассоциируются совершенно особые эротические представления, тем более использование этих воздействий становилось особой наукой.

Стройная или слишком стройная женщина пользовалась резко возбуждающими запахами, как амбра или мускус, так как они позволяли ей казаться полнее и потому желаннее. Напротив, пышная женщина употребляет духи, полученные из цветов на нежных стеблях, так как она сама кажется тогда эфирнее. Эта наука, доведенная ныне до утонченнейшего совершенства женщиной в союзе с химией, снова получает значительное развитие в XVII и XVIII вв., после того как в Средние века ее хотя и не забыли совершенно, но разучились ею пользоваться или пользовались лишь очень неумело. Впрочем, и в XVII в. вновь постигли лишь главные пункты этой науки. Зато пользовались ими тем более расточительно. К надушенным подушечкам, которые носили вокруг шеи на груди, присоединились сильно надушенные перчатки и чулки. В конце концов духами пропитывались все части костюма, так что женщина была положительно окутана целым облаком запахов.

Чрезмерное употребление духов и румян в XVIII столетии имело и другие побудительные причины. Главная и важнейшая состояла в желании заглушить неприятные испарения, исходившие тогда решительно от всех и каждого. В настоящее время мы едва ли можем иметь верное представление об этом. Век элегантности был в то же время и веком отвратительной нечистоплотности. Внешний блеск и чарующий аромат были во всех отношениях не более как замазкой. Люди совершенно разучились рационально умыться. Людовик XIV довольствовался тем, что по утрам слегка обрызгивал руки и лицо одеколоном – этим ограничивался весь процесс умывания. Зато от него и

воняло на десять шагов так нестерпимо, что могло стошнить, как ему однажды в минуту раздражения заявила госпожа Монтеспан.

Так как огромные прически требовали нескольких часов работы, то женщины перестали каждый день подвергаться процедуре причесывания, и даже знатные дамы причесывались только раз в неделю или в две недели. Большинство же женщин среднего и мелкого мещанства, как достоверно известно, причесывались даже раз в месяц. Неудивительно поэтому, что волосы женщин кишели насекомыми и отдавали запахом испортившейся помады. Ко всему этому присоединялся еще нехороший запах изо рта, так как уход за зубами был тогда совсем неизвестен, и у большинства зубы были плохие или гнилые.

Не менее серьезные причины побуждали многих прибегать к румянам и белилам. Они служили не только для того, чтобы создать определенный цвет лица, но и для того, чтобы скрыть следы оспы, безобразившие в XVIII столетии большинство лиц, а также симптомы и следы венерических болезней. На фоне всех этих причин возбуждающее воздействие маскирующих средств почти не идет в счет. Наряду с этими косметическими средствами, возбуждающими, между прочим, и эротическое чувство, существовал еще целый ряд средств, исключительно служивших цели усилить это последнее... К числу наиболее невинных средств относится целый ряд специй и деликатесов, эротическое воздействие которых постепенно было постигнуто. Встречается немало списков подобных яств, нередко и дискуссии на тему о том, какое из них более, какое менее действенно. Заметим, кстати: подобное стимулирующее воздействие приписывалось тогда и кофе, и потому советовали воздерживаться от него всем, кто не желал стать жертвой своих чувств.

Менее невинны были эротические яды, наиболее известные среди которых — кантариды, или шпанские

мушки. Их примешивали в каплях к кушаньям или — еще чаще — принимали в виде конфет. Несмотря на огромную опасность, это средство было весьма в ходу. Любовник прибегал к нему, желая особенно отличиться, а робкий и застенчивый — желая превозмочь свое пониженное настроение, в особенности же им пользовались легионы тех мужчин, которые чрезмерными наслаждениями преждевременно ослабили свой организм. Большую роль играл этот яд и в деле взаимного соращения. Так как он действовал очень скоро, то было достаточно ловким движением опустить его в бокал с вином или предложить в виде конфеты, чтобы довести партнера до желательного состояния: женщину — до такой влюбленности, что она шла навстречу мужчине, а мужчину — в такое чувственное безумие, что он сломит всякое сопротивление, как бы мастерски оно ни было разыграно.

Женщины прибегали, и тайком, к такому возбуждающему средству, как «любовные пилюли», как тогда выражались, или для того, чтобы придать себе в известные минуты «нежное выражение», или чтобы заранее прийти в надлежащее настроение и не разочаровать ожиданий и надежд мужчины. Госпожа Помпадур прибегала к таким «любовным пилюлям», когда она, по собственному выражению, стала «холодной, как утка», и этим скорее отталкивала, чем привлекала короля-любовника. Многие дамы принимали их даже непрестанно, чтобы постоянно и явно обнаруживать свою готовность к галантным похождениям, столь ценным эпохой.

Наиболее распространенным и, по-видимому, надежным возбуждающим средством была, однако, феллация. Она встречается во все времена и была известна как Средним векам, так и эпохе Ренессанса. Однако здесь важно установить, является ли известная аномалия лишь мимолетной и случайной или же, напротив, массовой. Ибо в первом случае речь идет о патологичес-

кой проблеме и место ей в учебниках медицины, и только во втором случае она – составная часть истории нравов. В эпоху абсолютизма флагелляция была, несомненно, социальным явлением, так как являлась неизменной составной частью общей половой жизни.

Везде пускали в ход розгу и совершенно открыто об этом говорили. Она – лакомство в области наслаждения, и люди гордятся тем, что сумели оценить это средство.

Многие мужчины регулярно посещали известные учреждения, чтобы или самим подвергнуться «розге», или насладиться возможностью подвергнуть этой процедуре молодых девушек и детей. Во всех домах терпимости существовали мастерицы этого дела, а в любом таком мало-мальски благоустроенном доме имелись, кроме того, так называемые комнаты пыток, где были собраны все инструменты, которые могли служить этой цели.

Флагелляция как важная составная часть общей половой жизни – прямо своего рода завоевание абсолютизма именно в том смысле, что абсолютизм возвел патологический случай в степень социального порока. Если иметь в виду логику развития и историческую ситуацию, то нетрудно понять это явление. Первый корень его лежит в развивавшейся после крушения Ренессанса тенденции упразднения творческого элемента в области чувственности, второй – в доведении чувственности до никогда не удовлетворенного и никогда не удовлетворимого желания под знаком галантности. Так как чрезмерно возбужденное желание требует большей силы, чем отпущено природой, то кнут должен ей помочь, так как удары по известным частям тела возбуждают половые центры.

Наконец, третья и важнейшая причина – возведение на престол женщины в качестве владычицы, предполагающее как естественное дополнение унижение мужчины. Глубочайшее унижение мужчины в обществе, построенном, по существу, на господстве мужчи-

ны, состоит, естественно, в том, что порядок выворачивается наизнанку и женщина получает право унижительным образом обращаться с мужчиной. А обращается она так унижительно с ним тогда, когда «наносит мужчинам удары розгой, как это делают с непослушными детьми».

Эти условия объясняют нам также, почему к флеллации как к возбуждающему средству прибегали все возрасты и все слои населения.

До сих пор мы рассматривали «любовь» как самоцель. Однако в эту эпоху, как и во всякую другую, такая ее роль становится особенно важной только после выяснения вопроса: в какой степени любовь – средство для достижения цели, то есть простое средство расплаты?

В эпоху абсолютизма любовь не только ходячее средство расплаты, а такое, курс которого стоит выше всех остальных,

«Любовью» достигают состояния, влияния, прав, положения, могущества – словом, всего. Получить место, должность, почести можно легче всего путем «любви».

Кокетство и флирт служат в этой торговой сделке необходимой мелкой монетой, без которой никто не может обойтись. Этот факт вовсе не противоречит той большой роли, которую любовь играла в эту эпоху в смысле самоцели, а является лишь неизбежным коррелятом. Там, где любовь всеми ценится как высший объект наслаждения, она должна в такой же степени стать предметом торга, и притом главным предметом торга.

Сказанное имеет совершенно реальное, а не символическое значение, так как товарный характер любви выступает довольно открыто. Вместе с курсом, по которому оценивается «любовь» женщины или мужчины, падает и вообще значение их в глазах людей. Женщина, за благосклонность которой платят больше всего, пользуется и наивысшим почетом.

Это положение вещей находит свое характерное

выражение в распространенном институте метресс. Мужчина содержит любовниц, даже когда женат. Жена в бесконечном количестве случаев не только жена, но вместе с тем и любовница другого, подчас третьего и четвертого мужчины, которые, в свою очередь, могут быть тоже женатыми. Любовь метрессы так же мало подарок, как и любовь мужа или жены, это заем, обыкновенно уплачиваемый звонкой монетой или в виде жалованья, или в виде тем более драгоценных подарков. И подобно тому как не секрет, что женщина — чья-нибудь метресса или что у мужчины есть любовницы, так не секрет и факт оплаты любви. Так как любовь перестала быть подарком, то, напротив, горделиво выставляют напоказ «сколько человек стоит или сколько он может платить».

Если в эту эпоху каждый обладающий средствами содержит любовницу, то это неизбежное следствие того, что брак носит чисто условный характер. Тем не менее было бы грубой ошибкой думать, что институт любовниц преследовал, хотя бы между прочим, цель соединить мужчину и женщину узами любви, совершенно отсутствовавшей в браке, носившем условный характер. Институт метресс служил только удовольствию, которого не было в освященных браком половых сношениях. А так как в эту эпоху половые отношения построены исключительно на чувственном наслаждении, то метресса незаметно превратилась в главную фигуру, стоявшую в центре всеобщего внимания. Не женщина вообще была возведена эпохой на престол, а женщина в качестве метрессы: с ней на престол взошла проститутка.

Если метресса была возлюбленной лишь в исключительных случаях, то, с другой стороны, как тип, она была формой, в которой только и можно было решить стоявшую тогда на очереди проблему галантности.

Галантность покоится на многообразии и разнообразии. Институт метресс позволял решить обе эти за-

дачи. Любовниц можно менять, если угодно, каждый месяц и еще чаще, чего нельзя делать с женой, подобно тому как можно быть любовницей многих мужчин. Так как институт метресс столь удачно разрешал проблему галантности, то общество и санкционировало его: никакое позорное пятно на метрессу не ложилось. Это так же логично, как и то, что господствующие классы видели в этом институте исключительно им принадлежавшую привилегию. Конкубина-мещанка была в их глазах существом в высшей степени презренным. И так как в эту эпоху все сосредоточивалось вокруг абсолютного государя, то он имел специальное право содержать любовниц, и в княжеской метрессе кульминировали все тенденции этого учреждения. Государь без любовницы был понятием диким в глазах общества. Государи, индифферентные в половом отношении, содержали поэтому фиктивную метрессу, любовницу напоказ, как Фридрих I Прусский в лице графини Кольбе-Вартенберг.

Так как в культе метрессы кульминировал и весь культ женщины, то понятно, что он достигал своих чудовищных форм лицом к лицу с королевской любовницей. Обыкновенно она стояла выше даже законной супруги, часто не более как машины для производства наследников. Госпожа Монтеспан, знаменитая метресса Людовика XIV, имела в Версале двадцать комнат в первом этаже, тогда как королева занимала лишь одиннадцать во втором. Фридрих II, король Прусский, представитель так называемого Просвещения, покрыл стены замка Сан-Суси откровенными портретами своей любовницы, балерины Барберини, великолепный зал этого дворца был посвящен ее прославлению, а королева была изгнана со двора и не имела права даже издали смотреть на Сан-Суси. Это возведение любовницы государя в сан высшего божества выражалось теми почестями, которые обязательно ей оказывались.

Официальная метресса являлась, как равная, рядом с легитимными государынями в обществе. Перед ее дворцом стоял почетный караул, и часто она имела к своим услугам почетных фрейлин.

Подобным же образом чествовали официальных фавориток и при других дворах. Когда Август Сильный был избран королем польским, коронационная церемония превратилась в чествование тогдашней официальной фаворитки, графини Эстерле. Барон Пелльниц сообщает: «Получив диплом на избрание, король поехал в Краков, где короновался с большой пышностью. Графиня Эстерле сопровождала его. Коронация возлюбленного превратилась в своего рода триумф для нее. Она смотрела на всю церемонию из ложи, устроенной для нее в церкви, и было замечено, что, когда король направился к алтарю, он оглянулся на свою любовницу, точно желая сказать, что ей он будет курить фимиам и ей принесет в жертву свое сердце».

Даже государи и государыни других стран обменивались любезностями с официальной фавориткой. Ни Екатерина II, ни Фридрих II, ни Мария-Терезия не считали ниже своего достоинства посылать любезные письма идолу Людовика XV госпоже Помпадур.

Институт метрессы представляет собой поистине перевод на светский язык католического культа Марии. Мария выше Христа. Так выше и могущественнее монарха его метресса, ибо она властвует над ним, она его рок.

Тот, за кого Мария заступает перед Всевышним Судьей, может спокойно рассчитывать на милость неба. Кому сияет благосклонность фаворитки, тому сияют звезды жизни. Последствием этой исторической ситуации был так называемый режим метресс, придающий эпохе старого режима зловещую окраску.

Если мы можем вполне игнорировать огромные злоупотребления, к которым всюду приводило господ-

ство метресс, то для истории нравов тем важнее последствия, которые оно имело отчасти для всего населения, отчасти для значительных его слоев.

Так как подчинение воле женщины в эту эпоху находило свое высшее выражение в подчинении воле метрессы, то стать фавориткой было тогда для женщины наиболее выгодной, а потому и весьма желанной профессией.

Высшим же идеалом, достижимым для женщины, было, естественно, стать метрессой государя. Ежедневное зрелище безграничного могущества, которым располагала любовница государя, тот факт, что на всю ее родню и на всех ее знакомых сыпались, как из рога изобилия, богатства и почести, — все это соблазняло множество родителей серьезно считаться с такой возможностью и воспитывать своих дочерей так, чтобы они стали — как тогда выражались — «королевским лакомством».

В нашем распоряжении целый ряд данных. Так, например, Казанова говорит в одном месте своих мемуаров: «В гостинице, где я остановился, я встретил актрису по имени Тоскани, возвращавшуюся со своей молодой, очень красивой дочерью в Штутгарт. Она ехала из Парижа, где пробыла год, так как ее дочь обучалась характерным танцам у знаменитого Вестриса. Я познакомился с ней в Париже и, хотя и не обратил на нее особенного внимания, все же подарил ей маленькую болонку, ставшую любимицей ее дочери. Молодая девушка была настоящим сокровищем, и ей не стоило особого труда убедить меня сопровождать им до Штутгарта, где я к тому же рассчитывал найти всевозможные развлечения. Мать горела нетерпением узнать, как найдет герцог ее дочь, которую она с детства предназначала для этого развратного государя».

Наиболее фанатично занималась подобными спекуляциями придворная знать. Вместе со своими феодаль-

ными занятиями дворянство лишилось и прежней энергии, и чувства собственного достоинства. Исполняя при дворе функции высших лакеев, оно незаметно переняло психику и нравы лакеев. Все родственники неизменно горды, если красота дочери, жены или сестры оказалась способной возбудить желания государя. Каждая женщина только и думает о том, чтобы привлечь к себе взоры властителя. Все стараются очутиться в таком положении, чтобы сблизиться с королем, и каждую минуту готовы последовать его приглашению. О нравах, царивших при дворе Фридриха Вильгельма II, мы слышим из уст известного директора академии Шадова: «Весь Потсдам был не чем иным, как одним большим домом терпимости. Все семейства мечтали только об одном: иметь дело с королем, с двором. Все наперебой предлагали жен и дочерей. И усерднее всех предлагали представители высшего дворянства».

Ни одно преступление не казалось слишком страшным тем, кто хотел добиться и сохранить за собой выгоду «разделять королевское ложе». Для этого вступали в союз с небом и адом, заказывали мессы и продавали душу дьяволу. К последнему прибегали чаще, так как из лаборатории дьявола брались «медленно действующие» яды и «надежные» любовные напитки, играющие такую видную роль во всех придворных интригах. К репертуару дьявола относилась и отвратительная черная месса, во время которой приносили в жертву князю тьмы маленьких детей в расчете подчинить себе его волю. На подобные эксперименты тратили огромные деньги, зная, что в случае удачи они принесут хороший процент.

Госпожа Монтеспан предложила отравительнице Вуазен не более и не менее как миллион ливров, если она доставит ей порошок, способный устранить всех любовниц Людовика XIV – прежних и будущих – и навсегда привязать к ней короля. Если г-жа Монтеспан

действовала такими средствами против соперниц Лавальер и Фонтанж, то такие же средства пускали против нее в оборот герцогиня Ангулемская, госпожа Витри и ее невестка, которые мечтали занять ее место.

Однако и здесь необходимо учитывать более глубоко лежащие мотивы, а именно мотивы классового господства. Было бы ошибкой считать эту борьбу за место королевской наложницы простым личным делом. Так как метресса пользовалась могуществом, то за каждой из этих дам всегда стояли известные политические группы. Фракция, стремившаяся захватить власть, хотела иметь на месте фаворитки своего человека. Другими словами, за гаремными ссорами часто скрываются политические распри эпохи. Более серьезные политические интересы и придают всем этим придворным интригам их страстность и их историческое значение. За вечными спорами между господствовавшими в данную минуту фаворитками и отдельными министрами или между дамами, боровшимися за место фаворитки, столь обычными и нескончаемыми при французском дворе начиная с середины XVII в., стояла в конечном счете борьба все более крепнувшего парламента против королевского самодержавия. Министр Людовика XV герцог Шуазель был сторонником госпожи Помпадур и противником госпожи Дюбарри, но не потому, что последняя совращала короля к безнравственной жизни, тогда как при Помпадур царили «благородство и пристойность», а потому, что Помпадур служила партии парламента, олицетворенной в герцоге, тогда как Дюбарри была доверенным лицом и ставленницей иезуитов.

Здесь отражается, стало быть, важнейший политический поединок эпохи. Что политическая борьба облеклась именно в такой идеологический покров, коренится в самом существе абсолютизма. Эта его сущность обуславливала то, что великие исторические проблемы должны были облекаться в довольно грязные одежды.

В эпоху, когда продажно большинство женщин, не менее продажен, естественно, и мужчина. И потому в эпоху абсолютизма рядом с институтом метресс встречается другое характерное и чрезвычайно обычное явление – муж, соглашающийся из материальных соображений на такую роль жены.

Множество мужчин относились снисходительно к внебрачным любовным связям жен не только из удобства или равнодушия, не только из рафинированности, так как запах проститутки, исходивший от жены, действовал возбуждающе на их переутомленную чувственность, а потому, что тело жены было для них товаром, ее любовь – капиталом, приносившим больший процент, чем всякий другой капитал.

На продажности жены и матери строилось немало домашних хозяйств, чаще же она служила подсобным средством, позволявшим семье тратить больше, чем она могла, занять таким образом положение в обществе, которое труд рук или ума мужа никогда не мог бы для нее создать. Любовник одевал свою метрессу, подносил ей украшения, дававшие возможность блистать в обществе, и под видом займа, о возврате которого не думала ни одна из сторон, он, кроме того, оплачивал наличными оказанные ему любовные услуги. Это тем менее удивительно, что в ту эпоху обычной фигурой был профессиональный авантюрист, игрок и мошенник во всех возможных видах, торговавший женой, а когда она становилась для этого слишком старой, то и красотой дочери.

Узаконение метрессы как общественного института узаконивало и рогоносца. Последний все более переставал быть комическим лицом. Напротив, его прославляли как единственный прочный фундамент крепкого семейного счастья и как лучший фундамент, который только можно выбрать. Комическим лицом был лишь тот муж, который сделался рогоносцем против желания. А отсюда следует, что звание рогоносца становилось в эту эпоху своего рода профессией.

Этот тип также встречается во всех классах. «Придворный женится на любовнице государя, чиновник — на любовнице начальника, слуга — на любовнице господина». В эту эпоху подобный тип был даже неизбежной фигурой. В нем нуждались в тысяче случаев: чтобы восстановить честь дамы и поднять ее в глазах общества, чтобы узаконить незаконных детей, чтобы удобнее вдвоем наслаждаться. В качестве жены обер-амтмана или пастора какой-нибудь граф всегда мог иметь возле себя хорошенькую особу, доставленную ловким сводником, и притом так, чтобы она не стесняла его, а мужа можно было, в крайнем случае, обязать воздержаться от своих супружеских прав. Ибо и на это нередко соглашался интересующий нас тип, если только он умел соблюдать свои интересы. Упомянем как о наиболее известном историческом примере о сообщаемом Пелльницем договоре, по которому барон Эстерле уступал свою жену курфюрсту Саксонскому Августу. В этом трактате говорится: господин фон Эстерле «обязан совершенно отказаться от своих супружеских прав и никогда не находиться в супружеских сношениях с женой», если же у жены будут дети, сыновья и дочери, то «он обязан их усыновить, и они должны носить имя и герб графа Эстерле».

Первым условием повышения в чине чиновника была часто обязанность жениться на отставной метресе начальника, от которого зависело это назначение. А если принять во внимание массовое использование некоторыми господами любовниц, то неудивительно, что существовали целые феодальные округа, где вообще какое бы то ни было место можно было получить, только женившись на гаремной даме властителя округа. Кто на это был неспособен или не имел денег купить себе место, тот всю жизнь тщетно ждал декрета. Однако нужда делала большинство благоразумными, а в некоторых пробуждала и прямо желание очутиться в таком положении.

Один швабский пастор писал своему коллеге: «Жениться на беременной метрессе патрона кажется многим высшим счастьем, которое только может выпасть на их долю». Особенно часто слышим мы, что именно таким путем добивались места священники. «Попадья брала уроки конфирмации на ложе господина графа» — эта фраза была долгое время на юге Германии очень популярной поговоркой.

Если профессия фиктивного мужа чрезвычайно прибыльна, то в эту эпоху она не считается и бесчестной, особенно если муж не скрывал своей роли. Менее же всего она бесчестила человека, если он был когда-то или все еще оставался товарищем по ложу государя. Когда руку госпожи Лавальер вместе с миллионным приданым предложили некоему барону Варда, то он отклонил предложение не из чувства собственного достоинства, а только потому, что находил сумму слишком незначительной, так как в письме к своей собственной метрессе, графине Суассон, он выражал принципиальное согласие следующими словами: «Мой отец, покойный граф Море, один из наиболее достойных уважения французов, женился на метрессе Генриха IV, от брака с которой я и произошел. Судите сами, мне ли противиться! А так как я совершенно равнодушен к госпоже Лавальер, то король доставил бы мне большое удовольствие, если бы продолжал с ней свою связь».

Необходимо остановиться еще на одной типической мужской фигуре эпохи — на мужчине в роли метрессы. Женщина, особенно в зрелые годы, когда одна ее красота уже не могла соблазнить мужчину, также покупала любовь. Для многих мужчин эксплуатация этого источника существования была наиболее выгодной профессией, какую они только могли придумать. Из сотни исторических примеров возьмем лишь несколько. Госпожа Бове, за девственность которой Людовик XIV заплатил целое состояние, содержала некоего барона Фроменто; жена канцлера Сегье содержала

много лет графа Аркура; госпожа Роган заплатила за любовь господина Миоссена маленькую сумму в 200 тысяч талеров; госпожа Беринген предложила господину Монлуе д'Анженн, отличавшемуся большой красотой, за его нежность ежемесячную пенсию в 1 200 талеров – в последнем случае предложение было отклонено, несмотря на высокую цифру, отчасти потому, что этот господин уже был связан, отчасти потому, что дама «была уже не первой молодости».

Как видно, женщины платили любовникам не хуже, чем мужчины любовницам. Поэтому они также ставили свои условия. Жан Эрве приводит следующий случай: «Одна придворная дама, и далеко не из последних, узнала, что ее любовник намерен жениться, и добилась того, что он после бракосочетания зашел к ней. Едва он пришел к ней, как она упростила его днем спать с ней, чтобы ночью племянница – он женился на племяннице своей метрессы – получала только остатки. Так как она платила хорошо, а молодой супруг нуждался в деньгах, то он и согласился на ее предложение».

Женщины, располагавшие политическим влиянием, платили, кроме того, должностями и синекурами. Иногда, правда, условно, на тот случай, если кавалер плохо исполнит поставленные условия или пойдет вразрез с ними, обращаясь сердцем к другой женщине.

Мужская метресса была и в Вене обычной фигурой. Так как таких людей было немало, то их обозначали буквами N. N.

«N. N. живет шикарно, прекрасно одевается, следует моде, а говорят, у него нет ни единого крейцера состояния и он простой практикант. – Каким же образом это случается? – Госпожа (такая-то) содержит его и платит ему жалованье как берейтору. Он всегда при ней, во время туалета заменяет служанку, за обедом – друга, на прогулке – спутника, в театре – толмача ее настроений, а в постели – супруга».

В Берлине функции мужской метрессы особенно часто исполняли офицеры. Ничтожное жалованье, получаемое прусскими офицерами, заставляло их стремиться к такому положению.

Глава 5

ПРОСТИТУЦИЯ

«В наше время так легко и удобно найти любовь у порядочных женщин, что никто не нуждается в услугах нимф» – такое суждение мы то и дело слышим в эпоху старого режима. Казанова пишет: «В наше счастливое время проститутки совсем не нужны, так как порядочные женщины охотно идут навстречу вашим желаниям». Однако эти слова характеризуют лишь всеобщую склонность к разврату и его размеры, а не второстепенную роль проституции в общественной жизни.

В эпоху, когда, как в дни старого режима, любовью торговали оптом, естественно, процветала и торговля в розницу, так как ежеминутно удовлетворяемое половое наслаждение относится к числу важнейших потребностей эпохи. Велико должно было быть число женщин, торговавших собой открыто на улицах и площадях. Не столько, впрочем, потому, что эта якобы наиболее легкая для женщин форма заработка находила свою опору во всеобщей нравственной распущенности, но по другой существенной причине, а именно потому, что тогда вне семьи не было у женщины никакого дела, семья же была для многих недоступной роскошью. Проституция поэтому стала для десятка тысяч женщин просто неизбежностью. Ведь надо же было, да и хотелось, жить!

Огромное количество женщин, торговавших из года в год любовью в розницу, лучше всего характеризуется той видной ролью, которую проститутка играла в общественной жизни.

В маленьких местечках, где тон задавала ремесленная мелкая буржуазия, и в особенности в деревнях положение дел, несомненно, изменилось со времен Ренессанса. Официальные дома терпимости, везде существовавшие в XV и XVI вв., сделались с течением времени здесь редкостью. Это, конечно, не значит, что вместе с домом терпимости исчезла из общей картины этих городков и проститутка. Она существовала лишь тайком и всячески маскировала свое поведение. Если раньше она носила позорящие знаки своей профессии – в виде особой формы шпильки или желтой каймы на вуали – и должна была их надевать, как только выходила на улицу, чтобы всякий мог ее отличить, то теперь в маленьких городках она, напротив, была обязана одеваться скромно и целомудренно и «честно» зарабатывать свой хлеб как швея, вышивальщица, прачка и т. д. Разумеется, внешняя порядочность нисколько не мешала тому, что эти женщины были очень хорошо известны мужской половине населения, знавшей не только, где они живут, но и когда их можно застать дома.

Подобно тому как проститутки вели тайное существование, так и общение с ними было окутано покровом величайшей тайны. Большинство приходило и уходило окольными путями. Зато именно здесь, в маленьких провинциальных городах, их услуги особенно ценились, и, быть может, нигде проститутки не были в такой мере простым половым аппаратом, как именно здесь. Некоторые проститутки должны были принимать каждый вечер десяток или дюжину мужчин. Такое массовое посещение отдельных проституток объясняет в достаточной степени тот факт, что здесь совершенно отсутствовал тип бродячей проститутки. Характерная для мелких городов чопорность – а в Германии еще господство пиетизма – мешали возникновению этого типа, как и возникновению дома терпимости. По улицам шла только воплощенная порядочность.

Совершенно иной характер носила роль проститутки в жизни больших городов, и потому совершенно иной становилась здесь и ее профессия. Чем более скромной и тайной была профессия проститутки в провинциальных местечках, тем откровеннее выступала она в крупных городах. Если проститутка и перестала быть украшением праздников и жизни, каким она служила в эпоху Ренессанса, то все же без нее не обходилось ни одно развлечение взрослых.

Вольнопромышляющая проститутка наводняла улицы и площади, являясь одной из главных фигур в жизни города. В большинстве городов – в Лондоне, Париже, Риме, Берлине и Вене, в центрах тогдашней общественной жизни, – существовали особые корсо проституток, улицы и площади, где в определенные часы, а порой и целый день можно было видеть только их одних. Обыкновенно то были оживленнейшие и красивейшие места города.

Международная известность в XVII и XVIII вв. этих мест зависела даже исключительно от их роли официальных корсо, где проститутки устраивали биржу любви. Всякий иностранец первым делом посещал эти места. Сюда приводили его прежде всего потому, что и сами жители города считали эти излюбленные биржи любви наиболее интересной достопримечательностью. Иностранец не мог гордиться тем, что знает город, если не побывал на этих улицах и площадях и не присмотрелся к их жизни.

В Лондоне бродячие проститутки гуляли по вечерам первоначально только на Сити, так как только здесь улицы были настолько освещены, как того требовала торговля собой. Вместе с введением газового освещения они распространились по всему городу, так как теперь везде имели возможность предлагать себя, выяснить финансовое состояние покупателя и – главное – позволить последнему убедиться в доброкачественности предлагаемого товара.

Число этих бродячих проституток было, судя по всем сведениям, так велико, что хронисты, по-видимому, не преувеличивают, говоря о том, что можно было лишь с трудом протискиваться сквозь отдельные группы и что мужчина постоянно находился под перекрестным огнем предложений и более или менее грубого свойства галантных нападений. Архенхольц пишет о Лондоне: «Эти несчастные заговаривают с прохожими, предлагая свою компанию для дома или таверны. Они стоят целыми группами. Высшая категория этих охотниц, живущая самостоятельно, предпочитает ходить по улице и ждать, пока к ним обратятся. Даже многие и многие замужние женщины, живущие в отдаленных кварталах, приходят на Вестминстерскую улицу, где их не знают, и занимаются здесь тем же промыслом или из безнравственности, или от нужды. С удивлением видел я восьми- или девятилетних девочек, предлагавших свои услуги».

Разумеется, проститутки не довольствуются обычными фразами вроде: «Добрый вечер, красавец!», «Угости стаканом вина», «Могу я разделить твою компанию?». Таково было только начало торга. Огромная конкуренция вынуждала их делать самые смелые авансы. Циничные слова сопровождались циничными жестами. Каждому заинтересованному разрешалось на соседней скамейке удостовериться насчет самых интимных подробностей, его желания разжигались непристойными ласками и поцелуями, на которые ни одна из них не скупилась. Проститутки к тому же доводили до крайности господствовавшие в моде тенденции. Они всегда декольтировались, а в годы, когда даже и порядочные дамы любили глубокое декольте, проститутка, раз она была мало-мальски недурна, совершенно оголяла грудь. Или же она набрасывала на декольте легкую шаль, которую при встрече с мужчиной отдергивала с вызывающим замечанием: «Нравлюсь ли я тебе?» Не скупилась и на *retrousse*.

Крупные сводни, работавшие на богатых клиентов и особенно на иностранцев, прогуливали своих «питомиц» или «воспитанниц» — Так называли девиц легкого поведения, если они показывались в сопровождении сводни, — часто и в экипажах по публичным местам. Эти экипажи были всегда так же крикливо убраны, как и сидевшие в них жрицы Венеры, старавшиеся обратить на себя внимание мужчин не возгласами, а изысканностью поведения и недвусмысленным разговором при помощи веера.

Порой свобода нравов доходила до последних пределов возможности. Если превращенное в биржу любви место прогулки представляло собой тенистую аллею или находилось недалеко от такой аллеи, то было нередкостью, что состоявшаяся между проституткой и мужчиной сделка осуществлялась тут же на месте.

Существовал, кроме того, целый ряд других случаев и ситуаций, получавших свой особый отпечаток от массового участия проституток. Так, почти каждое значительное паломничество было связано с рынком любви. На входящих снова в XVIII в. в моду курортах проститутки также составляли немалый контингент женского населения. Наиболее значительными рынками любви были, однако, театры и другие места зрелищ в больших городах. Необходимо здесь указать еще на солдатских девок.

В век Возрождения проститутка была составной частью организации войска, так как исполняла те или другие лагерные обязанности и помогала ландскнехту добывать добычу. Вместе с возникновением постоянной армии главная ее роль приходилась уже на мирное время. Так как в мирное время солдат получал слишком ничтожное жалованье, которого не хватало на жизнь, то он часто сходилась с проституткой и был ее покровителем-защитником во время ее ежедневных походов: в награду за это она содержала его или вносила свою долю в общее хозяйство. Впрочем, этот сорт

девок считался самым низким. Поскольку проститутка в эпоху абсолютизма сопровождала войско в поход, она служила преимущественно потребностям офицерства. И в самом деле, тогда не было ни одного войска, в котором не находились бы многие сотни таких офицерских девок. Так как проститутки уже не были больше работницами, а исключительно продавщицами любви, то они часто задерживали движение войск... Вызываемые их присутствием галантные развлечения заставляли увеличивать обоз до чудовищных размеров. И это тем более имело место, что каждый высший офицер брал на войну если не жену, то во всяком случае официальную метрессу, со вкусами и потребностями которой необходимо было, по понятиям времени, считаться самым серьезным образом.

Так же открыто, как функционировали в XVII и XVIII вв. в больших городах бродячие проститутки, действовали и дома терпимости. Подобно корсо проституток, и дома терпимости – по крайней мере, более богатые – относились к числу достопримечательностей города, которые каждый иностранец обязан был осмотреть, если желал похвастаться, что видел все интересное в городе. В таких городах, как Лондон, Париж и Берлин, некоторые дома терпимости пользовались прямо мировой славой.

Впрочем, даже при войске мы встречаем дома терпимости. Магистр Лаукхарт упоминает в своем описании осады пруссаками Майнца в 1753 г.: «В нашей полку существовал настоящий дом терпимости – палатка, где жили четыре девицы, для вида торговавшие кофе. Самая красивая из них, Лизхен, стоила 45 крейцеров, Ганнхен – 24, Бербхен – 12, а старуха Катарина – 8».

В эпоху старого режима проституция сосредоточивалась в официальном доме терпимости, и поэтому здесь лучше всего обнаруживается крупное ведение дела, его методы и тонкости.

Так как проститутка дома терпимости не могла,

подобно вольнопромышлявшей, бегать за мужчинами или навещать их у них в доме, а должна была ждать их появления, то она делала все, чтобы привлечь к себе внимание проходящих мимо. В каждую свободную минуту она сидела у окна. Естественным последствием было то, что «сидение у окна» стало первой характерной чертой профессии проститутки и что такое поведение считалось неприличным для порядочной женщины. Архенхольц сообщает об Англии: «Показываться у окна здесь считается неприличным».

Проститутка не ограничивалась, однако, в большинстве случаев тем, что привлекала к себе ободряющими взглядами внимание проходивших мужчин, а подкрепляла обыкновенно – в особенности в населенных ими кварталах – свои ухаживания возможно непристойным костюмом. Хорошенькие проститутки обычно сидели у окна в бросавшемся в глаза неглиже.

К крикливому и бесстыдному костюму добавлялись недвусмысленные жесты. Там, где конкуренция была очень велика, девицы вели себя особенно цинично. Здесь для проходящих устраивались настоящие эротические спектакли. М. Райан сообщает в своей книге о проституции в Лондоне: «В пользовавшемся дурной славой доме терпимости проститутки стояли у окна голые, делая разные непристойные жесты, принимая разные циничные позы. И то же бывало во многих других лондонских домах терпимости. Такому безобразию пытались помешать постановлением, в силу которого окна должны были быть защищены занавесками разных видов. Но эти последние обыкновенно откидывались».

Бесстыдство иногда доходило до того, что вообще уже ничего не скрывали от взоров проходящих.

Кварталы, где находились дома терпимости, притягивали – особенно по вечерам – массу мужской публики. Каждый день туда отправлялись в одиночку и целыми группами, чтобы насладиться подобными

зрелищами если не в качестве активных участников, то по крайней мере пассивных наблюдателей. Не отсутствовала и более чистая публика, хотя последняя отправлялась туда обыкновенно переодетая, то есть в не бросавшемся в глаза костюме, или не желая скомпрометировать себя, или желая обезопаситься от приставаний черни, обделявавшей здесь свои темные делишки.

Такие же грубые нравы царили и внутри этих домов. В тех случаях, когда любовная сделка не совершалась с быстротой простого торгового дела, она была соединена с вакханалией, кончавшейся всеобщим пьянством и часто огромным скандалом.

Посещения домов терпимости кое-где сделались столь обычными, что никто не видел в них ничего предосудительного, даже, говорят, жены, если туда отправлялись их мужья. О бесцеремонном посещении домов терпимости берлинцами магистр Лаукхарт сообщает: «В Берлине не считается постыдным или зазорным заходить в дом терпимости. Многие даже очень почтенные мужья ходят туда, и никто не порицает их за это, даже собственные их жены. Всем известно, что каждый десятый делает это просто из любопытства или для времяпрепровождения».

В домах терпимости, посещавшихся более состоятельным бюргерством, царили те же нравы, хотя жизнь текла и менее шумно. Такие дома находились обыкновенно в стороне от центральных улиц. Почтенные бюргеры, несомненно, бывали очень не прочь разнообразить супружескую жизнь, но должно было это совершаться без всякого скандала.

В каждом городе существовало несколько святилищ любви, обслуживавших исключительно богатую и требовательную клиентуру. Эти последние отличались, разумеется, во всех отношениях, извне и внутри, от домов второго, третьего или четвертого ранга. Здесь девицы никогда не показывались у окна

и, уж конечно, никогда не показывались в бесстыдном костюме. Да и вообще ничто не говорило непосвященному о характере дома. Очень часто, напротив, все имело целью произвести впечатление строжайшей солидности. Даже значительная посещаемость многих из таких домов тщательно маскировалась. Целый ряд дверей выходил в переулки или в соседний дом, так что никто не видел входивших или выходивших посетителей. Все это делалось отчасти в интересах богатых клиентов, желавших сохранить инкогнито, отчасти в интересах специальной категории посетителей, например священников, которым посещение таких учреждений было запрещено.

Внутри те же контрасты. Неопытный посетитель в первую минуту мог вообразить, что попал в порядочное общество.

Царившие в таких роскошных домах более утонченные формы, конечно, не мешали тому, что здесь были налицо все пороки и капризы, даже больше: более утонченные формы только и делали возможным удовлетворение подобных капризов. И действительно, в этих амбарах любви можно было все найти и все получить: красивейших женщин всех национальностей и возрастов – от невинного ребенка до перерезанной женщины, привлекавшей эксцентрической извращенностью. Здесь устраивались пикантные ужины, за которыми прислуживали нагие проститутки, имелись «комнаты пыток» с самыми изощренными возбуждающими орудиями для стариков и бесильных.

Здесь устраивались афинские вечера и массовые оргии, эротические спектакли, в которых можно было участвовать активным актером или пассивным зрителем. Кто хотел иметь женщину экзотической расы, находил ее здесь и т. д. Содержатели и содержательницы таких знаменитых заведений постоянно старались

перещеголять друг друга самыми изысканными новинками.

Наиболее роскошный, по мнению современников, дом терпимости «De Fountein» (Фонтан) в Амстердаме состоял из «ресторана, танцзала, кабинетов, кафе и (на крыше дома) бильярдной, где самые красивые девушки играли нагие на бильярде». Мистрисс Гейс, содержащая на Ring Place в Лондоне учреждение преимущественно для импотентных развратников, нуждающихся в самых острых возбуждающих средствах, разослала однажды своим постоянным посетителям приглашение такого содержания: «Мистрисс Гейс позволяет себе уведомить лорда... что завтра ровно в 7 часов вечера 12 прекрасных нимф, нетронутых девушек, исполнят один из тех знаменитых праздников любви, какие устраиваются на Таити, по указаниям и под руководством царицы Оберен (каковую роль взяла на себя сама мистрисс Гейс)».

И тот же свидетель сообщает нам об эффекте, которое произвело подобное приглашение: «Явилось двадцать три посетителя, все из высшей знати. среди них пять членов палаты общин. Ровно в семь началось празднество, к которому мистрисс Гейс пригласила 12 молодых атлетических парней, исполнивших вместе с нимфами на глазах восхищенной публики праздник Венеры, по окончании которого был устроен роскошный ужин».

Все завоевания техники, химии, физики, философии – достаточно вспомнить магнетизм – тогда едва ли кем так усердно эксплуатировались, как содержателями роскошных домов терпимости. Казалось, все эти завоевания не имели иной цели, как помочь последним, стремившимся ко все более изощренным формам промысла, придумывать все новые трюки. Классическим примером может служить пользовавшийся всемирной известностью храм здо-

ровья Грахема, не только приводивший многие годы в восхищение всех старых виверов Лондона, но и привлекавший в Лондон многих состоятельных иностранцев со всех концов света.

Наряду с официальным домом терпимости каждый класс, каждый город имели еще свои особые замаскированные дома терпимости. В Швейцарии такую роль играли лечебные грязи: бернские *Matten* были в этом отношении известны всей Европе. Сюда не только приезжали влюбленные парочки: женская прислуга состояла здесь из проституток, среди которых гости могли выбирать по желанию. Самое купание имело лишь второстепенное значение, главной целью была возможность развлекаться днем в костюме Адама с одной или несколькими проститутками.

Сюда относятся и вышеупомянутые лондонские *bagnio* — бани, где купание вообще не играло роли. Архенхольц пишет: «В Лондоне существуют особые дома, называемые *bagnio*, собственно бани. На самом деле их назначение состоит в том, чтобы доставить представителям обоих полов удовольствия. Эти дома меблированы роскошно, иногда даже по-царски. Все, что может возбудить чувства, или имеется налицо, или может быть доставлено. Девицы не обитают в них, а приносятся в портшезах. Этой чести удостоиваются только такие, которые отличаются хорошим тоном, одеждой и красотой. Если девица не понравится, то она не получает подарка, а уплачивается только за портшез. Так как англичане остаются серьезными и тогда, когда предаются удовольствиям, то дела обделываются здесь так сосредоточенно и прилично, что даже трудно себе представить. Всякий шум и суетня изгнаны. Не слышно даже шагов, так как все углы застланы коврами, а многочисленные лакеи говорят между собой шепотом. Старики и бесильные подвергаются здесь по желанию розгам».

Ту же роль играли еще в большей степени помещения для танцев, всюду открывавшиеся в XVIII в.

Залы для танцев существовали при большинстве домов терпимости, и публика посещала их или чтобы познакомиться с проституткой, или чтобы в качестве зрителей насладиться откровенным кокетством девиц. Аналогичный характер носили и возникавшие в начале XVIII в. кофейни. Многие хозяева сдавали в них комнаты проституткам, и те могли обслуживать гостей, или же знали адрес проституток, так что их можно было по желанию гостей сейчас же позвать.

В Англии существовали учреждения всех видов и рангов. В низкопробных заведениях хозяева привлекали девиц тем, что кормили и поили их даром. В более дорогих хозяин часто прямо давал им все содержание, и они были поэтому обязаны всегда быть к его услугам, чтобы он в надлежащий момент мог их представить гостям. В своей вышедшей в 1788 г. книге «The Adventures of a speculist» Стивенс говорит: «После того как компания молодых людей изрядно выпьет, является слуга и докладывает, что «четыре или пять красавиц остановились перед таверной и пожелали узнать, не понадобятся ли они, причем заявили, что зайдут еще раз». Слуга получает приказание пригласить дам, когда они снова появятся. В действительности эти женщины просто живут в гостинице и ждут в маленькой комнате, где они теснятся, как овцы в Смитфилде, пока их не пригласят. В этом заключается ночная работа этих несчастных. А так как им живется еще лучше других, то какова же должна быть жизнь остальных!»

Как ни разнились друг от друга все эти дома и учреждения, как ни разнообразна была маскировка, у них у всех одна общая черта – как можно больше эксплуатировать посетителя. Делалось это не только обычной платой за любовь, но и дороговизной напит-

ков и кушаний, потреблявшихся посетителями, бывали ли они одни или в компании проституток. Впрочем, это были лишь самые невинные формы. Гораздо выгоднее была для содержателей игра, которой предавались с фанатизмом во всех домах терпимости. Чувственно возбужденного мужчину, рядом с которым сидела проститутка с непристойными манерами, было так легко обмануть и ограбить до последней копейки, что и представляло обычное явление во всех святилищах любви.

В квартирах низкопробных проституток не ограничивались шулерством, а прибегали к грубым методам, в особенности к воровству или к ограблению заснувшего или пьяного посетителя, не говоря уже о прямом вымогательстве сутенеров, так что гость часто должен был считать себя вообще счастливым, если ему удавалось добраться домой невредимым и целым.

Не мешает здесь, кстати, заметить, что проституция вообще была тесно связана с преступлением. Большинство вольнопромышлявших девиц занимались вместе с тем воровством.

Огромному войску проституток и не менее огромному спросу потребителей проституции соответствовала в эпоху абсолютизма не менее многочисленная армия маклеров и агентов, снабжавших рынок все новым товаром, находивших для него покупателей и главным образом старавшихся о том, чтобы даже самый утонченный порок мог рассчитывать на удовлетворение.

Нигде, даже в маленьких городках, не было недостатка в профессиональных своднях и сводниках. В крупных городах, где любовь была предметом массового потребления, имя им было легион.

Войско своден исполняло свою профессию под всевозможными покровами, редко открыто и незамаскировано. И не столько потому, что эта профессия и в

эту эпоху сопрягалась с опасностями, а скорее потому, что это было выгоднее. Тысячи лиц к тому же становились случайными своднями, так как их профессия предоставляла удобный повод, а выгодность такой деятельности все более побуждала их к постоянному использованию удобных случаев.

Когда, например, в Париже в XVII в. появились извозчики, то даже люди, имевшие собственных лошадей, с особенной охотой нанимали извозчика, чтобы поехать на свидание или в места тайного и открытого разврата, или карета становилась сама местом галантных сцен. Тем более что ввиду полного отсутствия другого сообщения и небезопасности дорог карета была единственным средством более безопасного передвижения.

Казанова десятки раз удостоивался благосклонности дамы именно в карете. И то же известно нам из мемуаров всех других виверов. Так незаметно каждый кучер становился сводником. И уже в XVII в. они были именно на таком счету.

Другой такой фигурой был парикмахер. В эпоху, когда ни мужчина, ни женщина не могли обойтись без его помощи и он каждый день приходил в дом, трудно было найти лучшего посредника незаконных сношений для обоих полов. И парикмахер в самом деле исполнял в большинстве городов одновременно и обязанности сводника.

Продавщица галантерейных товаров могла исполнять такие же функции и потому также часто была и сводней. Прорицатели и гадалки, к услугам которых прибегали в эту столь богатую противоречиями эпоху все без исключения женщины и значительный процент мужчин, были вообще прежде всего своднями и сводниками. О Вене мы узнаем, что здесь очень многие квартирохозяева были сводниками, у которых среднее сословие поселяло своих нимф. Однако сводниками крупнейшего калибра были, без со-

мнения, агенты по отысканию мест. Чтобы покрыть огромный спрос на девушек, да и вообще на свежий товар для рынка проституции, трудно было найти более удобный случай, тем более что из провинции ежедневно прибывали в большие города толпы слуганок, нуждавшихся, естественно, в таких посредниках. Так рано напали на мысль соединить вместе обе профессии или, вернее, пользоваться одной для прикрытия другой. Профессия агента по отысканию мест была с самого начала связана с торговлей девушками. Около местечек, куда прибывали из провинции деревенские телеги, всегда толпились массы подобных человеколюбцев. Архенхольц сообщает о Лондоне: «Негодяйки-сводни обращают особое внимание на деревенские телеги, ежедневно прибывающие из провинции в Лондон и почти всегда привозящие с собой крестьянок, ищущих в столице место слуганок. Такое бедное существо радо, если по прибытии в столь шумный город, где она не знает ни кола ни дороги, встречает человека, делающего ей дружелюбные предложения и разыгрывающего по отношению к ней добрую мать».

Раз очутившись в руках хозяина дома терпимости, такая бедняжка становилась совершенно беспомощной, ибо никто о ней не заботился, а сама она была слишком невежественна, чтобы освободиться из ужасной темницы. Особенно в ходу были подобные методы в Париже и Лондоне.

Таковы, без сомнения, наиболее важные формы, в которые тогда облекалась профессия сводни. Но это еще не все. Мы уже выше упомянули, что многие богатые виверы имели своих собственных сводников, находившихся исключительно на службе у них. Обыкновенно они выступали в роли камердинера или гофмейстера.

Такую же роль часто играла камеристка или компаньонка при знатной даме.

Число лиц, открыто занимавшихся сводничеством, было ничтожно в сравнении с замаскированными агентами проституции. Однако и их число было настолько внушительно, что накладывало известный отпечаток на жизнь крупного города. А именно тем, что большинство содержательниц домов терпимости имели обыкновение выводить своих нимф на прогулку пешком или в колясках. Зрелище тем более бросалось в глаза, что некоторых из таких своден сопровождала полдюжина, а то и более «питомиц». Эти ежедневные парады служили исключительно целям рекламы и потому особенно демонстративно показывался, как правило, свежий товар, который сводня могла предложить клиентам. Во время таких парадов обычно пользовались случаем завязать новые знакомства с мужчинами, упрочить старые и сговориться если не насчет цены, то по крайней мере о часе свидания.

Иные еще способы рекламы были связаны с такими парадами. Если мужчина обнаруживал любопытство при виде шествия, любопытство, которое можно было претворить в деньги, то ему вручались записки и любовные письма, содержавшие, кроме адреса дома терпимости или частной квартиры проститутки, еще описание ее красоты и тех редкостей, которые ожидают посетителя. Такие записки часто раздавались в больших городах и мужчинами.

Все вышесказанное служит вместе с тем и ответом на важный вопрос: какой класс в особенности поддерживал проституцию? Ответ гласит: все классы без исключения. Однако не менее важен второй вопрос: в какой степени каждый класс участвовал в удовлетворении сексуальной потребности путем продажной любви? Ответ на этот вопрос обусловлен теми целями, которые проституция должна была выполнять в жизни отдельных классов. А эти цели были самые разнообразные.

Для имущих и господствующих классов проституция позволяла им прежде всего осуществлять минутные капризы, тогда как для мелкой буржуазии и пролетарских слоев она была прежде всего суррогатом брака, в который, как мы знаем, очень многие в силу стесненного материального положения или совсем не вступали, или вступали лишь поздно. Это обстоятельство объясняет нам в достаточной мере, почему значительно больший процент мелкой буржуазии и пролетариата, чем богачей, посещал проституток. Конечно, это не рисует последних в более выгодном свете.

Если характерная для эпохи абсолютизма всеобщая порча нравов и не нашла именно в проститутке своего высшего проявления, то в ней она, во всяком случае, нашла наиболее яркое выражение. Против проститутки была поэтому направлена в первую голову борьба против безнравственности, исходившая преимущественно от пробуждавшегося к классовому сознанию мелкого бюргерства. Однако борьба велась всегда негодными средствами. Теоретически она сводилась прежде всего к массовой подаче хороших советов, а затем – к яркой разрисовке опасностей, грозивших от общения с проститутками. Среди этих опасностей особенно подчеркивались, как и прежде, нападения на кошелек мужчины, покупавшего любовь.

Практически борьба против безнравственности ограничивалась устройством приютов кающихся Магдалин, насильственным заключением заболевших проституток в определенных больницах и главным образом выселением пришлых проституток.

Оба последних способа практиковались чаще всего, тогда как приюты спасения основывались только в некоторых крупных городах. Для более широкой деятельности так называемым комиссиям публичной нравственности не доставало не только более широкого умственного горизонта, но и необ-

ходимых денег. Наиболее энергично и систематически велась борьба против проституции в Австрии, при Марии-Терезии.

Мария-Терезия назначила постоянно функционирующую комиссию, известную под названием «комиссии целомудрия». Ее методы скоро достигли печальной известности во всей Европе. Драконовскими мерами, как-то: обрезанием волос, тюремным заключением, осуждением на роль уличных метельщиц — хотели перевоспитать проституток.

Мужчин старались отпугнуть от общения с проститутками постановлением, в силу которого каждый холостяк, застигнутый в квартире проститутки, обязан был на ней жениться. Женатого ожидало обвинение в прелюбодеянии, однако подобное насильственное «лечение» никаких результатов не достигло. Число проституток не уменьшалось, число посещений не сократилось. Проститутка превращалась официально в горничную или экономку. Значительно увеличилось число преступлений, в особенности аборт и детоубийство, и увеличилось до чудовищных размеров, так как каждая девушка-мать казалась безнравственной и каралась законом. Увеличение числа таких преступлений было на самом деле единственным положительным результатом охватившего правительство Марии-Терезии нравственного пыла. Да и не могло быть иных результатов, так как логику вещей нельзя по желанию изменять в ту или другую сторону.

Как ни мало логики было в таком и подобных ему методах борьбы с проституцией, само отношение полиции к проституткам и проституции было совершенно логично. Оно носило чисто абсолютистский характер. Другими словами: полиция обслуживала интересы начальства, а так как это были господствующие классы, то их интересы заключались в беспрепятственной эксплуатации всех возможностей наслаждения. К числу последних принадлежала и проститутка, и потому,

естественно, к ее деятельности необходимо было относиться осторожно. Эту задачу и исполняла как нельзя лучше повсюду и везде полиция. А подобное типичное поведение полиции может показаться странным только разве слепому идеологу, верящему в существование независимо от времени и пространства царящей над миром вечной морали и потому усматривающему в полиции облеченную в мундир защитницу этой вечной и возвышенной нравственности, не понимающему, что она не может быть не чем иным, как орудием власти господствующих классов.

Из того, что полиция относилась к проститутке по-абсолютистски и скорее содействовала, чем препятствовала пышному развитию проституции, разумеется, не следует, что эти женщины обладали какими-нибудь положительными правами. Если не считать Англии, они не имели решительно никаких прав. Они всецело были отданы во власть полиции. Если последняя часто закрывала на самые дикие оргии не только свои глаза, но и чужие, да еще и чужие рты, то иногда, напротив, по самому невинному поводу она грубо вмешивалась, если господа бывали охвачены капризом ввести в своих владениях строжайшую нравственность. Грубее и нахальнее всего она вмешивалась тогда, когда какая-нибудь продажная жрица любви становилась неудобной для могущественного покупателя и тот хотел от нее отделаться самым простым способом.

Она же беззастенчиво провозглашала невинную девушку проституткой, если та пробудила желание влиятельного человека и тот хотел наложить на нее свою властную руку. Иными словами, широчайшая терпимость, мирившаяся с долголетним нарушением полицейских постановлений относительно порядка в домах терпимости, была соединена с грубым игнорированием всех человеческих прав. Этот метод имел, однако, еще и более сокровенный смысл. Таким обра-

зом, сама проститутка становилась полицией, то есть она становилась союзницей полиции.

А первое, чего требовала полиция, была обязанность шпионить за клиентами и доносить о них. В конце концов полиция знала все частные тайны и держала в своих руках множество людей из всех классов. А это было для нее как органа абсолютизма гораздо важнее, чем всякая воображаемая высшая нравственность. Так же точно проститутка всегда была желанной союзницей милитаризма. Многие решались пойти в солдаты — тогда всюду существовали только наемные войска — лишь в том случае, если голова их была затуманена, а для этой цели вербовщики пользовались услугами девиц. Одним словом, каждая проститутка, а в еще большей степени каждая сводня, ибо к ней приложимо все сказанное о проститутке, была в конечном счете орудием и оплотом абсолютизма. Таков итог.

С этим итогом как нельзя более гармонировал другой факт: сифилис в XVIII в. снова наводнил гигантской волной Европу. Однако на этот раз он уже не был дерзкой случайной остротой, которую история могла бы и не позволить себе, как прежде, когда в век географических открытий сифилис был случайно завезен из Гаити, нет, на этот раз он был неизбежным роком абсолютизма. Провозглашение галантности высшей целью жизни должно было позволить пышно распуститься оставшимся зародышам сифилиса, так как трудно было найти более удобные условия для его развития и распространения, чем жизненная философия и политические методы абсолютизма.

«Шип на розе», — острили фаталисты, когда жестокая действительность вбила им в голову молотками мысль, что здесь не существует или-или! Однако то был страшный шип, который снова вонзился в кровь человечества, хотя симптомы заболевания и не были столь ужасны, как двумя столетиями раньше, когда болезнь впервые вторглась в Европу.

Главной рассадницей сифилиса – и, разумеется, других венерических болезней – была публичная проститутка. Каждое половое с ней сношение было тогда равносильно почти неизбежному венерическому заболеванию. Один берлинский врач расследовал с этой стороны жизнь Казановы и пришел к выводу, что «Казанова заболел каждый раз, когда имел дело с проститутками». Неизбежная тесная связь мелкой буржуазии, и в особенности люмпен-пролетариата, с проституцией вводила яд сифилиса по тысяче каналов в народные массы. Мюллер говорит в своем «*Gemalde von Berlin...*»: «Низшие классы совершенно заражены, две трети (сказал мне выдающийся врач) больны венерическими болезнями или обнаруживают симптомы венерических болезней». В Кобленце после вторжения эмигрантов, когда была «предложена бесплатная медицинская помощь, зараженных оказалось семьсот». Так как с начала XVII в. Лондон сделался центром мировой торговли и здесь всегда был огромный наплыв иностранцев, то половые болезни в нем достигли особенно чудовищных размеров, и потому ни один город не возбуждал в этом отношении таких опасений.

Однако и господствующие классы страдали не меньше от этого бича. Напротив, здесь целые семейства были заражены этой болезнью, так как при господстве вышеописанной свободы нравов «галантный подарок», полученный от проститутки или балерины, очень легко передавался светской даме, и прежде всего метрессе.

Многие развратники, любовь которых знатные дамы оспаривали друг у друга, положительно разносили эту болезнь по всем домам. Большая половина правящих фамилий была тогда заражена сифилисом. Почти все бурбоны и орлеанисты страдали или временно, или постоянно этой и другими венерическими болезнями: Людовик XIV, его брат, муж герцогини Елизаветы Шарлотты, Филипп Орлеанский, регент

Франции, Людовик XV и другие. И то же надо сказать о всей французской придворной знати.

В Париже, как доказали Капон, а вслед за ним Эрве, большинство балерин и актрис были сифилитичками. Так как именно из этих кругов французская знать преимущественно брала своих любовниц, то заболевание было для большинства неизбежностью. Знаменитая танцовщица Камарго и не менее знаменитая Гимар оставили почти всем своим поклонникам, среди них несколькими принцам и герцогами, такую память о своей благосклонности. Герцогиня Елизавета Шарлотта, которая, впрочем, и сама была заражена мужем, пишет: «Балерина Дешан поднесла принцу Фридриху Карлу Вюртембергскому подарок, от которого он умер».

А сверху зло просачивалось, естественно, также вниз. Милость, оказанная государем женам придворных, вскоре переходила в их кровь, а далее в кровь их детей. Герцог Вюртембергский Карл Александр, вероятно, зараженный балериной, потом заразил весь свой гарем, состоявший из танцовщиц придворного штутгартского театра и известный под названием «синих башмаков», ибо право носить синие башмаки отличало всех фавориток герцога.

Когда на верху общества увидели, что почти все стрелы Амура оставляли после себя отравленные раны и что никто не покидает поле битвы Венеры без того, чтобы рано или поздно не быть отмеченным подобным знаком, то к этой ужасной болезни присоединили жестокое самоиздевательство. Болезнь была идеализирована.

Ее последствия были провозглашены атрибутами истинного благородства. И этот последний итог не менее логичен, как и признание проститутки вернейшей союзницей абсолютизма, так как оба явления были поистине материей и духом, рожденными из его крови и из его души...

Глава 6

ГОСТИНИЦА И САЛОН

Общественные развлечения населения в эпоху абсолютизма отличались большой примитивностью, ибо всегда одной из главных забот всякого абсолютистского режима было стремление отучить людей «радоваться».

Радоваться – значит беспрепятственно двигаться, и прежде всего беспрепятственно отдаваться движениям и души и тела. А это противоречит как по своим предпосылкам, так и по последствиям интересам абсолютизма, ибо приводит к его уничтожению. Предпосылка истинной радости – самоопределение радующегося, важнейшее последствие – повышение энергии в том же направлении самоопределения. Абсолютизм поэтому стеснял свободное проявление жизни в массах и убивал еще в зародыше истинную радость.

В эпоху старого режима радость массы – не что иное, как вспышки дикого веселья. Они не противостоят интересам абсолютизма как господствующей силы, а, наоборот, упрочивают его, ибо если более высокие развлечения повышают энергию масс и индивидуумов, то такие вспышки дикого веселья ослабляют эту энергию, которая бесполезно разрешается. А это как нельзя более соответствует интересам абсолютизма, так как таким образом понижается вызываемое им в массах противодействие. Так как состояние опьянения – а оно связано всегда с такими дикими вспышками веселья – позволяет людям забывать о печальной действительности, то абсолютизм получает двойную выгоду. Забывая временно о муках ада, среди которых человек осужден жить, он некоторым образом вообще примиряется с ними и тем еще более ослабляется опасность свержения того, чьи интересы требуют сохранения этой печальной действительности.

Примитивность общественных удовольствий обнаруживалась по той же причине не столько в качественном, сколько в количественном отношении. Потребность забыть действительность была в эту эпоху стереотипна, и потому люди пользовались каждым представившимся случаем. Так как в таком поведении нуждались ежечасно, то его старались создать – таким поводом была гостиница.

С гостиницей связано в XVIII в. большинство развлечений. Даже больше: все виды их были не более как – в большинстве случаев – продолжением ресторанной жизни. Правда, на это имелась еще одна причина, а именно все разраставшийся спрос на общение, нуждавшееся в постоянном центре схождения. Таким центром и сделался ресторан, и притом как явление самостоятельное, рядом с прежним постоянным двором, исполнявшим совсем другие функции, и прежним цеховым кабачком, где общались только представители одного цеха. Нет, гостиница, ресторан сделались тогда тем, чем они являются и теперь, – нейтральным местом сборищ для различных групп того же класса: деление на классы именно здесь получило постоянный характер. Эта эволюция совершилась, естественно, скорее там, где климатические условия мешали более продолжительному пребыванию на улице, то есть главным образом в Средней и Северной Европе.

По мере того как ресторан становился в центр общественных увеселений, исчезали или отступали заметно назад прежние типичные формы общественных развлечений. И прежде всего баня и прядильня, когда-то пользовавшиеся одинаковой популярностью в деревне и городе. Жизнь в банях замерла из-за появления сифилиса и возраставшего обеднения масс. Там, где они уцелели или после кризиса снова расцвели, они в большинстве случаев превращались в ясно выраженные дома терпимости.

Иначе обстояло дело с так называемыми целебны-

ми источниками, которые официально посещались из соображений здоровья. Подобные курорты, напротив, снова вошли в моду в XVIII в., а во многих из них сохранились и прежние нравы, имевшие те же, как и прежде, последствия. «Ничто так не полезно для бесплодных женщин, как посещение курорта, и виновата тут не вода, а монахи», — говорится (точь-в-точь как в эпоху Возрождения) в сатирических описаниях жизни на модных курортах XVIII в. Кокетство, флирт — словом, все виды галантности были главным занятием посетителей курортов.

Главное внешнее отличие посещаемых средним буржуазством курортов от модных состояло в том, что здесь царило лицемерие вместо открытой галантности. Кто всю жизнь осужден высчитывать каждую копейку, тот лишен побудительных причин делать из любви хотя бы временно приятное времяпрепровождение.

Что верно для мелкого буржуа, то, естественно, еще в большей степени приложимо к зависимому мужику и к еще более несвободному наемному работнику. Оба эти класса не имели времени делать из любви занятие, — они были для этого слишком истощены работой. Когда человек ежедневно трудится 14–15 часов, то любовь падает для него до уровня простого животного инстинкта и единственное ее «облагораживание» проявляется в конце концов в диких эксцессах, к которым может повлечь опьянение.

Другой важный повод к развлечениям, когда-то существовавший в жизни мелкой буржуазии и мелкого крестьянства, а именно посещение прядильни, сохранился, правда, в деревнях, вымирая только в городах.

Вместе с учащавшимся посещением ресторанов мужчинами все более частым гостем там была и женщина. Это произошло, когда прежний кабачок превратился в официальный и всеобщий повод к пьянству, служа лишь временно арендой для экономической и политической борьбы разных организаций. Уже в XVII в. женщи-

Курен. Неравный брак

ны низших классов охотно посещали трактиры. Что не только женщина низших классов предавалась пьянству, доказывают, помимо многих других данных, те выводы, к которым приходит Толлук. На основании исследованных им актов Тюбингенского университета он доказывает, что университетское начальство видело себя часто вынужденным порицать дочерей и жен профессо-

ров за незаконную беременность, аборт, прелюбодеяние и особенно за грубое пьяное поведение и наказывать их за такие проступки. Здесь кстати будет упомянуто, что и придворные дамы были чрезвычайно преданы пьянству.

О дворе Людовика X герцогиня Елизавета Шарлотта замечает: «Пьянство весьма распространено среди французских женщин, а мадам Мазарен оставила после себя дочь, мастерски умеющую пить, маркизу Ришелье».

Половой элемент обнаруживался во время посещения ресторана как в действенном флирте, так и в беседе — в сообщении эротических эпизодов и эротических острот. Для многих то было единственной темой разговора и рядом с выпивкой и картами, несомненно, наиболее излюбленным развлечением. Особенной грубостью отличались подобные беседы, разумеется, когда мужчины были в своей компании. Но под влиянием вина и пива не стеснялись и перед порядочными женщинами, которые, в свою очередь, не протестовали, как не протестовали они и против грубой публичной ласки, расточаемой в такой стадии веселья.

Грубее всего были, без сомнения, развлечения тогдашнего люмпен-пролетариата, все существование которого было сплошным прозябанием и который черпал отдых только в диких оргиях чувственности.

В особенности разнузданно вели себя, как и прежде, во время разных семейных праздников, народных празднеств и всякого рода торжеств и, наконец, во время исполнения старинных обычаев. Среди семейных торжеств на первом плане, как и прежде, стояли свадьба и крестины. Однако и поминки справлялись не менее шумно.

Не успели зарыть покойника, как в его доме устраиваются поминки, на которых все пьют и едят сверх меры. При таких условиях неудивительно, если мы слышим, что порой уже в такой момент вдова задумывалась над вопросом, кто из ее друзей лучше всего мог бы заместить покойного. Во время свадебного пира господствовали чаще еще те же обычаи, как и в эпоху Ренессанса. Такие же грубые шутки и жесты, и они по-прежнему приводили в восторг. Что эти последние остались такими же умопомрачительно грубыми, доказывают хотя бы свадебные поговорки, бывшие в ходу в XVII и XVIII вв.; они или произносились вслух, или украшали так называемые «тарелки невесты», то есть тарелки, на которых невесте подносили подарки или в которые собирали среди гостей деньги для музыкантов.

Такой же грубостью, как эти поговорки, отличались и свадебные стихи, сочиняемые в честь новобрачных и произносившиеся под аккомпанемент соответствующих жестов. Распевавшиеся песенниками под музыку свадебные песни так же были часто не чем иным, как рафинированными скабрёзностями. Подобными эротическими шутками занимались обыкновенно во время так называемой *Nachhochzeit*, которая праздновалась на другой день после свадьбы. Гвариниус рассказывает о таком торжестве начала XVII в., в котором он сам участвовал: «Я присутствовал на тор-

жестве, последовавшем за свадьбой. Этот день здесь называется «золотым», или «сыром в масле». Песенники поют и играют самые непристойные песни. Этого еще мало. Был там и шут, он поставил посредине комнаты скамейку так, чтобы все его видели, а столов было четыре, и за ними сидели мужчины, женщины и девушки. Стоя на этой скамейке, он делал такие жесты, при одном воспоминании о которых мне становится стыдно. Даже язычники так не поступали».

Однако, как сообщает дальше Гвариниус, кроме него, никто из присутствующих не возмущался ни словесными, ни действительными скабрёзностями, а, напротив, все были в восхищении. Вероятно, эти скабрёзности состояли в юмористическом комментарии к первой ночи молодых и к тем переживаниям, которые они испытали. Если в течение XVIII в. грубость языка этих произведений и несколько смягчилась, то это касалось в большинстве случаев только формы. Место наивной грубости заняла риторическая скабрёзность, которой теперь все приправлялось. С этим явлением мы встречаемся главным образом в более образованных слоях.

Так как народ долго придерживается своих обычаев, даже еще тогда, когда последние уже не коренятся больше в реальной жизни, то и в XVIII в. сохранились почти нетронутыми разнообразные эротические обычаи, связанные в разных странах с Новым годом, Масленицей, Первым мая, Иваном Купалой и т. д.

В Англии еще в конце XVIII в. существовал обычай, в силу которого первого мая во всех приходах, городах и деревнях собирались молодежь и старики, чтобы пойти за майским деревом. Лишь очень немногие возвращались домой, большинство проводили ночь под открытым небом в лесу за танцами и залихватскими играми. Отсюда нетрудно понять то, что Тэн, описавший этот обычай, говорит о его последствиях: «Из ста девушек, проводящих эту ночь в лесу, нетронутой не возвращается и третья часть».

Другой, тоже английский, обычай, господствовавший преимущественно в Гертфордшире и праздновавшийся через каждые семь лет в день Михаила, то есть 10 октября, заключался, по словам Тэна, в следующем: «Толпа молодых парней, преимущественно крестьяне, собирается в этот день утром в поле и выбирает предводителя, за которым они обязаны следовать повсюду. Он отправляется в путь со своим отрядом. Путь лежит через болота и топи, изгороди, рвы и заборы. Всякий, кто им встретится, невзирая на возраст, пол и положение, обязан подвергнуться обряду качания. Девушки и женщины поэтому в эти дни не выходят из дома. Только легкомысленные девицы любят подвергаться этому обряду и остаются с веселой бандой до поздней ночи, когда, если только погода благоприятствует, устраивается в поле под открытым небом пирушка, переходящая в вакханалию».

Наиболее разнузданно вели себя, однако, во время народных праздников, связанных с ярмаркой или паломничествами. Приличия при этом было мало. В качестве характерного примера того, как веселились в таких случаях народные массы, приведем следующий обычай, бывший очень популярным во многих странах, в особенности в Бельгии, где он сохранился вплоть до XIX в. и нашел свое высшее выражение в знаменитом брюссельском кермессе. Накануне праздника, всегда во вторник, все собирались у крутого оврага в окрестностях города или села, ели, пили, пели и, наконец, разделившись на парочки, обнявшись, катились вниз по склону оврага. Хорошенькая женщина, красота которой при этом представляла глазам всех, могла этого не стыдиться, напротив, ей восторженно аплодировали, а ее партнеру завидовали.

Народные празднества, достигшие своего наивысшего развития в Англии – здесь были налицо самые благоприятные условия для этого: большие города и значительная гражданская свобода, – были почти все-

гда сатурналиями, в которых рядом с культом Вакха всегда играл большую роль и разнузданный культ Венеры. Что и тот и другой облакались в такие формы, которые покажутся несносными мало-мальски развитому вкусу, уже по одному тому неудивительно, что подобные праздники всегда были и наиболее выигрышными днями для проституток, которые присутствовали на всех таких праздниках, а к самым большим паломничали целыми толпами или даже приезжали издалека.

Но даже если и не было проституток, находясь в своем собственном кругу, люди с особенной охотой пускали в оборот скабрзные шутки. Шутка, например, состояла в том, что хорошенькая женщина выставляла из окна взорам публики заднюю часть тела, превращенную с помощью угля в лицо.

И чем грубее вели себя люди на словах и в поступках, тем выше было удовольствие. И наоборот: чем безудержнее становилось веселье, тем разнузданнее вели себя мужчины и женщины. Не пропускали ни одной женщины. О знаменитой лондонской ярмарке, так называемой ярмарке Варфоломея, даже говорили, что она «могила для всех лондонских девственниц», и все дети, родившиеся от неизвестных отцов, назывались «детьми Варфоломея».

Так как незаконные любовные радости были главной целью для многих участников официальных паломничеств, то создалась целая масса соответствующих поговорок. О девушке, заподозренной в беременности, говорили: «Она участвовала в паломничестве». Нечто подобное говорили и о женах, любительницах разнообразия в календаре супружеской жизни. Другая поговорка гласила: «Кто посылает жену на воды или на паломничество, у того колыбель ни один год не пустует» и т. д.

К числу народных праздников относились также во всех странах казни. В особенности это имело место в Англии.

В книге «Wanderungen durch London», появившейся еще в 1852 г., говорится: «Вы хотите знать, как совершаются наши народные торжества? Наши приходские праздники, наши праздники виноградного сбора, наши масленичные шутки, когда в вашей солнечной стране народ опьяняется вином, весельем и пляской? Они празднуются, сударь, в день казни перед Ньюгейтом, или в Хормонджерленде, или на каком-нибудь другом прекрасном местечке перед тюремой наших графств. Тут стоят такая толкотня и давка от зари до того момента, когда палач совершит свой ужасный долг, в сравнении с которыми суeta ваших ярмарок бледнеет. Окна окрестных домов сдаются за большие деньги, строятся эстрады, появляются вблизи лавочки со съестными припасами и напитками; пиво и водка покупаются на расхват; издалека люди прибегают, приезжают в колясках или верхом, чтобы насладиться зрелищем, позорящим человечество, а в передних рядах стоят женщины, и вовсе не только из низших классов, а также изящные, нежные, белокурые кудрявые головки. Это позорно, но это так. А на долю наших газет выпадает потом печальная обязанность, от которой их не освободит ни один истый англичанин, — зарегистрировать последние судороги несчастных с душевраздирающей точностью физиологии».

Ссорящиеся проститутки

И как раз эти казни, превращенные в публичные зрелища, играют выдающуюся роль в истории публичной нравственности, так как самые жестокие из них, те, во время которых жертву сначала пытали, а потом медленно убивали, были для значительной части зрителей, в особенности для женщин, не чем иным, как чудовищными разжигателями чувства сладострастия. Ими наслаждались, чтобы возбудить самым диким образом свою чувственность. И это действие иногда обнаруживалось в ужасающих формах.

В своей книге о бесполезности смертной казни Гольцендорф говорит: «Во время казни в маленьком городке население соседних деревень, вообще спокойное и порядочное, выказало себя с такой стороны, что можно утверждать, что смертная казнь не только обнаруживает уже определившееся вырождение испорченных элементов, но и портит элементы более здоровые. Даймонд сообщает по поводу казни, состоявшейся в городке Чельмсфорд, что среди собравшегося деревенского населения царил «настоящий карнавал разврата». В ночь накануне казни палача угощали ужином в трактире, и он должен был рассказывать о разных казнях. Крестьяне стекались из окрестностей, отстоявших на 20 английских миль. Молодые люди и девушки устраивали при этом пикники».

Во время сенсационных казней, когда предшествовавший им судебный процесс взбудоражил все население, обыкновенно происходили на самом деле массовые оргии, в непристойностях которых участвовало не только простонародье, но и высшие классы. Из целого ряда сообщений, которые нетрудно проверить, мы знаем, что в XVII и XVIII вв. в светском обществе считалось прямо хорошим тоном присутствовать при знаменитых казнях и что богатые люди платили баснословные цены за окна, выходящие на место казни. У этих окон в продолжение целых часов и возлежали знатнейшие дамы.

Дамы не ограничивались тем, что были простыми зрительницами: для них подобное зрелище было также изощренным возбуждающим средством. Если в таких случаях чернь иногда насилывала сотни женщин или врывается в дома терпимости и там устраивала ужасающие оргии, то знатные дамы, смотревшие на казнь с высокого балкона, праздновали у окна вакханалии с шампанским и вели себя самым бесстыдным образом. Один французский хронист пишет: «Никогда наши дамы не бывают уступчивее; вид страданий колесованной жертвы возбуждает их так, что они хотят тут же на месте вкусить наслаждение».

Чтобы убедиться в правильности этого замечания, достаточно прочесть описание отвратительных сцен, виденных Казановой во время казни безумца Дамьена и очень подробно им рассказанных. В Англии обыкновенно комнаты, выходящие на место казни, обставлялись несколькими постелями и сдавались знатным парочкам не только на весь день, но и на следующую ночь.

Народные праздники в собственном смысле слова были связаны с определенными днями и случаями, как-то: ярмарками, церковными праздниками и т. д. Однако по мере роста больших городов, каковыми в XVII в. были, правда, только Лондон, Париж, Вена и — гораздо позднее — Берлин, по мере того как сюда стекалась целая армия более или менее знатных бездельников, авантюристов и мошенников всех видов, возникла здесь постоянная потребность иметь возможность справлять каждый день, так сказать, народный праздник, то есть иметь каждый день возможность предаваться разнузданному веселью. Из этой потребности выросли увеселительные учреждения, тогда носившие название «садов веселья», ныне составляющие главную приманку для иностранцев, посещающих город. Не высокая входная плата, а баснословно дорогие цены на напитки и кушанья удерживали от посещения этих садов чернь — этим именем тогда, впрочем, обознача-

лись не отбросы большого города, а неимущие слои народа.

Кто имел эротические намерения, тот находил в этих садах самый удобный случай для их удовлетворения, так как сюда устремлялось не только огромное войско проституток, но и женщины и девушки, искавшие лишь мимолетных авантюр. Последнее обстоятельство приводило к тому, что все женщины, посещавшие эти учреждения одни, без кавалеров, рассматривались мужчинами как доступные и с ними обращались соответствующим образом. Один современник, англичанин Пепис, занес в 1668 г. в свой дневник следующие слова:

«Был один в вокзале, гулял там и видел, как молодой Ньюпорт и двое других негодяев насиловали двух девушек из города, гулявших с ними около часа под маской». И еще одно его же наблюдение.

«Поехал по Темзе с женой и Деб и Мерсер в Спринг-Гарден; ели и гуляли; наблюдал, до какой грубости доходят некоторые молодые франты города. Они уединяются в беседках, где нет мужчин, и там насилуют женщин. Меня возмущает такая дерзость порока. По реке вернулся, и притом с большим удовольствием, домой».

Лицом к лицу с обычностью подобных инцидентов другие современники не без основания замечают, что женщины из высших классов, шатающиеся в этих садах под маской, просто жаждут таких непристойных нападений и потому весьма рады, если понравившийся им любовник игнорирует их жеманство и хочет насильно взять их. Многие даже всеми силами старались спровоцировать подобные инциденты, гуляя всегда в самых укромных местечках, где смелый любовник мог не бояться, что ему помешают в его галантных похождениях.

Все эти учреждения служили, таким образом, как открытой, так и тайной проституции. Все эти сады

были основаны для ее вящего процветания. Один из современников пишет: «В этих садах во многих местах насажены кусты, благоприятствующие влюбленным. Это, быть может, более всего привлекает английских женщин. У них есть свои слабости, но нет еще смелости не краснеть по поводу их, еще менее, конечно, хвастать ими. Публичные девушки не только не устранились от этих учреждений, напротив, они там могут показать свои таланты, если только это не связано со скандалом, и упомянутые кусты как нельзя лучше обнаруживают этого рода проституцию».

Так как эта заметка относится к 1769 г., то уже из одного этого видно, что приведенные выше из дневника С. Пеписа сцены были обычным явлением на протяжении целого столетия. На самом деле они были обычным явлением гораздо дольше, ибо наряду с многочисленными литературными данными более позднего времени гравюры Роулэндсона, относящиеся к первому десятилетию XIX в., рисуют такие же сцены разврата, царившего в этих местах, показывают, как проститутки целыми сотнями устраивали здесь свой циничный рынок любви и как дамы общества умели перещеголять бесстыдством продажных женщин.

Формы, в которые облакаются публичные увеселения и специально народные праздники, всегда служат надежным мерилom для оценки как общей культурности, так и господствующей в данную эпоху свободы половых нравов, так как здесь эти последние находят свое наиболее бросающееся в глаза выражение. При этом, однако, не следует упускать из виду, что это верно главным образом только для больших городов или для деревень, лежащих в ближайшем с ними соседстве.

Для большой массы крестьянства, напротив, народные праздники играли все менее видную роль. Экономическое положение крестьян было в большинстве случаев столь печально, а их зависимость от барина столь

велика, что в их жизни уже не было места праздникам. Исключению подлежит и мелкий буржуа, поскольку его дни протекали вдали от центров общественной жизни – а тогда даже десяток миль был большим расстоянием. Все его существование было настолько опутано государственной опекой и было так близко к рабству, каждое его движение так усердно регулировалось «отеческим попечением» монарха, что он не имел ни возможности, ни – за немногими исключениями – мужества отдаваться разнузданной радости. Ему, которому начальство предписывало час, когда он должен был вернуться домой, которому под страхом тяжких наказаний вменялось в обязанность посещение церкви, которому по воскресеньям даже возбранялось выходить за городские ворота – этому по ногам и рукам опутанному мешанину казалось геройским поступком, уже если он выпивал лишний стакан пива.

А остальное довершал, как уже упомянуто, пие-тизм, ничему так не мешавший, как жизнерадостности, рвавшейся наружу бурно и смело.

Изменившаяся в эпоху старого режима историческая ситуация значительно повлияла и на танцы. Целый ряд танцев исчез – и их место заняли другие. Главной их ноткой сделались теперь игривость и кокетливость, а также ясно выраженная сладострастность.

Характерными примерами могут служить менуэт, аллеманда и вальс – танцы, которые именно тогда вошли в моду. Благодаря такой эволюции танец сделался еще в большей, чем прежде, степени великим со-вратителем, неутомимым сводником, сводившим оба пола. Прежняя его главная цель, состоявшая в том, что партнершу вращали в воздухе так, что юбки вздувались и глазам публики представало интересное зрелище, никогда, правда, вполне не исчезала, однако постепенно были придуманы более интимные и изысканные эффек-ты. Во время так называемых «поцелуйных танцев», бывших особенно в ходу в Англии, поцелуй, которым

должны были обмениваться парочки, становился все более длительным. Аддисон, возмущавшийся этим обычаем, писал: «Хуже всего танцы с поцелуями, когда кавалер должен целовать свою даму по крайней мере в продолжение минуты, если не желает обогнать музыку и сбиться с такта».

Танец аллеманда, вошедший в моду в середине XVIII в. и начавший, подобно позднее возникшему вальсу, свое победное шествие из Германии, описывается следующим образом танцмейстером Гилльомом: «Сладострастный, полный страсти, медленный, шаловливый, этот танец позволяет женскому полу проявить всю присущую ему кокетливость и придает физиономии женщины самые разнообразные выражения».

Все эти танцы, в особенности же входивший в моду вальс, были самым смелым образом использованы в интересах галантности, темп был ускорен, а самые позы становились сладострастнее. Г. Фит, описывавший настоящий апофеоз красиво исполненного вальса, замечает: «Дикое подбрасывание и подпрыгивание, бесспорно, не вытекает из самого характера вальса, а зависит, напротив, от характера наших легкомысленных кавалеров и дам». Так как, однако, все находили высшее удовольствие в этих преувеличениях и каждый вальс превращался в настоящий акт сладострастия, то неудивительно, что даже такой не очень чопорный человек, как поэт Бюргер, разразился целой филиппикой против вальса.

Однако самым характерным танцем абсолютизма, тем танцем, который один только и коренился в его сущности, который был им порожден и взращен, чтобы вместе с ним исчезнуть или же в лучшем случае продолжать после него чисто карикатурное существование, был менуэт. Мменуэт считается – и вполне основательно – величайшим произведением искусства, когда-либо созданным в области танца. В менуэте все – элегантность и грация, все – высшая артисти-

ческая логика и вместе с тем все – церемонность, не допускающая малейшего нарушения предписанных линий. В менуэте торжествует закон абсолютизма: поза и демонстрация.

Менуэт достиг поэтому своего совершенства только на придворном паркете, ибо там величественность и размеренность были все равно законом, предписанным для каждого движения. Только здесь вся жизнь была без остатка сведена к игре и изяществу. Что менуэт был доведен до такого совершенства, что над ним работали на протяжении ста лет, было, правда, результатом неумолимой необходимости, против которой спорить не приходится. Высокие каблуки и криолин вынуждали создать особый танец, так как в таком костюме танцевать вальс невозможно. Таким танцем и стал менуэт.

Разумеется, сокровеннейшей тайной этого несравненного шедевра ритмики, уничтожавшего даже безобразие высоких каблуков и превращавшего их на время танца прямо в элемент красоты, была, как и тайной всякого танца, все та же галантность, то есть ухаживание, домогание и достижение.

Что верно относительно танцев, приложимо и к играм. Игры также становились значительно изысканнее. Уже не устраивались больше состязания в силе между мужчиной и женщиной, чтобы таким образом добиться обнажения женщины, как это делалось в эпоху Ренессанса. Нет, теперь сама женщина должна была это делать, и притом как можно пикантнее. Эта возможность была создана тем, что модной игрой стали качели; от женщины самой зависит сделать так, чтобы ее юбки развевались пикантным образом. И все женщины, естественно, увлекались этой игрой. Никогда не видно на качелях мужчины, ибо ему нечего показывать. Мужчина всегда выступает в роли наблюдателя, что обуславливало – со стороны женщины –

систематическое выставление напоказ тех ее прелестей, которые обычно скрыты от любопытствующих взоров.

Всем известны, далее, также вошедшие в XVIII в. в моду пастушеские игры. Обычно в них видят одно из проявлений постепенного возвращения к природе. И разумеется, это так. Но подобное истолкование вскрывает только их корень, а не их сущность. А сущностью была организация публичного флирта. Пастушок и пастушка – представители не испорченной моралью природы, и потому пастушок целует свою пастушку совершенно бесцеремонно на виду у всех, а она так же бесцеремонно возвращает ему поцелуй. Эта публичность приводит в восторг, хотят насладиться новым удовольствием. Бесцеремонный флирт – в нем здесь главная суть. Флирт в таком маскараде возбуждал к тому же обе стороны симуляцией силы, ибо пастушок и пастушка только идеализированные мужики, а крепкий мужик – синоним неистощенной сексуальной силы. Облекая эти тенденции в форму культа естественности, общество нашло лучшее средство отдаваться, не стесняясь и публично, ни перед чем не оставившимся флирту.

Тот же самый секрет скрывается, впрочем, и за художественным изображением любви крестьян. Тайком крестьянский парень крадется ночью в комнату возлюбленной, а она поднимает одеяло с жалкого ложа, чтобы согреть и осчастливить его. Молодой парень и полногрудая крестьянка флиртуют в хате, и каждая сторона старается вызвать другую на более смелые поступки и т. д. Все это, разумеется, не имело никакого отношения к жизни настоящих крестьян. Это тоже было не более как новой пикантной формой, в которую облекали собственные желания и представляли публике. Не любовь крестьян представляли себе так, нет, так мечтали оформить собственную любовь,

когда выяснилось, что никакие ухищрения не дают уже новых неизведанных чувств. То была лишь новая вариация наслаждения, одно представление о котором опьяняло, а отнюдь не отказ от прежних ухищрений.

Создавать новые эротические возможности – тако-
ва была сокровенная тенденция и всех остальных мод-
ных игр, рождавшихся тогда целыми десятками.

К числу главных развлечений эпохи абсолютизма принадлежит и театр. Его посещали прежде всего ради удовольствия. Даже там, где театр был вместе с тем ареной борьбы новых гражданских идей, где буржуазная оппозиция сосредоточила все свои силы, выставленные против абсолютизма, пантомима и фарс должны были удовлетворять потребностям в грубых зрелищах, так как более серьезные пьесы всегда почти завершались ими.

Теперь это прежде всего публичное выставление напоказ известных чувств. Уже одно это объясняет нам то фанатическое увлечение, с которым в XVIII в. относились к театру почти все круги. Ибо если наиболее страстным стремлением этой враждебной всему интимному эпохи было желание выставять напоказ свои чувства, то театр, то есть такая форма, которая особенно ярко выставляет напоказ чувства, как нельзя лучше отвечает этой потребности. А чувства, выставлявшиеся со сцены напоказ перед публикой и возбуждавшие особенный интерес, вертелись, естественно, исключительно вокруг галантности. Люди хотели наслаждаться эротикой не только активно, но и пассивно, быть свидетелями чужой эротики, зрителями эротики вообще.

Этим целям и служили комедия и фарс, содержание которых было часто не чем иным, как драматизированной порнографией, и притом часто порнографией грубейшего сорта, о которой мы в настоящее время едва можем себе составить представление. Стилль большинства комедий и фарсов, даже более приличных, лучше всего можно охарактеризовать тем, что в них

обыкновенно речь идет лишь о мимической перифразе флирта, начинавшегося дерзкими жестами и грубыми ласками и заходившего даже дальше полового акта...

Что эти мимические жесты стояли в центре внимания, видно хотя бы уже из того, что главным действующим лицом всегда была одна и та же фигура — арлекин, преимущественно отличавшийся такими сальностями. Чтобы иллюстрировать характер мимики одним классическим примером, упомянем, что один из излюбленных трюков арлекина долгое время состоял в том, что в момент любовного объяснения или других пикантных положений он неизменно терял на сцене штаны. Родиной этих мимических и словесных скабрёзностей была Англия, откуда они зашли и в Германию. Развитие в сторону открытого цинизма совпало здесь, как и во Франции и Италии, с развитием абсолютизма.

Первоначально единственными актерами были мужчины, исполнявшие также женские роли. Это вполне отвечало стилю и гротескным намерениям фарса. Мужчина в женской роли мог гораздо сильнее отвечать на дерзкие авансы партнера или же ограждать себя от них. Однако в один прекрасный день выяснилось, что без женщины-актрисы не обойтись. Произошло это не потому, что постепенно утончавшийся вкус уже не переносил скабрёзности, нуждаясь в более изысканной пище, а потому, что абсолютизм пристрастил услышать самые грубые сальности из уст пикантной хорошенькой актрисы, а не из уст мужчины, которому сальность все равно нипочем. В этот момент и явилась на сцене женщина. Это произошло во второй половине XVII в., сначала в Англии, в 1660 г., потом во Франции и около того же времени и в Германии.

Серьезный поворот от этого господства на сцене скабрёзности произошел только тогда, когда буржуазные идеи победили и в жизни. Там, где это случилось раньше, и театр раньше был очищен от грязи и сальностей.

Наряду с комедиями и фарсами особенно привлекали публику танцы и балет. Одно время они даже возбуждали в ней еще больший восторг, чем драматизированные в комедии сальности, так что в каждой даже небольшой труппе комедиантов имелась пара танцоров, а в более значительных – и целый балет. В появившихся в 1769 г. «*Briefe über die Tanzkunst und Ballette*», составленных знаменитым танцором Новерром, говорится: «Танцы и балет в наше время – настоящая модная болезнь. Публика увлекается ими до умопомешательства, и никогда никакое искусство не пользовалось таким успехом, как наше. Увлечение балетом замечается повсеместно и заходит очень далеко».

Одновременно с совершавшимися на сцене вакханалиями очень часто такие же вакханалии шли в зрительной зале, которая в главной части была устроена именно для подобных целей (ложи). Все ложи были снабжены мягкой мебелью, «удобными алтарями сладострастия», а в некоторых театрах в глубине лож имелись даже уютные диванчики.

В своей монографии о парижских театрах XVIII в. Капон говорит: «В ложах часто имелись постели, на которых можно было тут же удовлетворить желания, возбужденные смелыми сценами и соответствующим диалогом».

О том, чтобы дать возможность и порядочной даме посещать театр, заботилась, с одной стороны, маска, которую, как мы уже заметили выше, надевала зная, отправляясь в театр, а с другой – темные ложи, встречающиеся во всех странах и бывшие в большом ходу. Ибо нигде и никогда скабрёзная комедия не посещалась одними только низшими классами, а напротив, также и высшими. Таким путем ловко сочетали приличие с фривольностью. Сущность этих темных лож состояла в том, что из них все было видно, тогда как благодаря решеткам и украшениям они сами не были видны ни «со сцены, ни из партера, или же они были

Вилле. Дамский портной

снабжены занавесками, которые в любой момент можно было спустить и изолировать себя таким образом от остальной публики».

История театра всех стран рассказывает о настоящих оргиях, устраивавшихся в ложах во многих театрах. В романе «L’Espion anglais» говорится, что однажды, когда в одном из парижских театров произошла паника, вызванная пожаром, и публика темных лож была извещена о грозящей опасности, то в некоторых

из них все дамы оказались голыми, «если только галантность не требует назвать даму одетой, раз она в чулках и башмаках».

Однако и в обычных ложах часто вели себя крайне разнузданно, отнюдь не удаляясь в их глубину. Другими словами, многие обнаруживали свое бесстыдство совершенно открыто. Некоторые немецкие князья и французские герцоги славились именно своим безнравственным поведением в театре, своими циничными шутками. Такие примеры были, разумеется, заразительны. Мерсье сообщает о поведении «райка»: «Некий мясник здесь иначе не аплодировал, как ударяя геркулесовскими ладонями по задней части тела своей возлюбленной так, что звуки разносились по всему театру».

Возбуждение к разврату предполагает возможность его выполнения. И потому все тогдашние театры кишели проститутками.

Не только одни проститутки являлись в театрах жрицами Венеры, но и многочисленные другие их разновидности, например продавщицы цветов и афиш, продавщицы апельсин — характерная фигура в тогдашних театрах — и в особенности статистки и танцовщицы, постоянно в свободные минуты толкавшиеся в театре, всегда готовые на нежное *tete-a-tete*. Балерина и жрица Венеры были вообще первоначально синонимами. Чтобы состоять в балетной труппе, вовсе не нужно уметь танцевать. Большинство и не знало этого искусства и исполняло легкие роли статисток. В гораздо большей степени требовалась пикантная внешность и характер, склонный к галантности. Юбки должны были походять на занавес театра, они должны были грациозно опускаться и подниматься при малейшем приглашении. При наличии этих данных можно было поступить на сцену, и таков был в самом деле верный путь к счастью, своему и чужому.

Путь из дома терпимости на сцену в эпоху старого режима был поэтому часто во всех странах чрез-

вычайно прост. И это был путь, особенно ценимый проституткой.

Не только потому, что танцы и игра почти никогда не были самоцелью, а главным образом потому, что с первого дня, когда женщина появлялась на сцене, она усматривала в этом средство обратить на себя внимание платежеспособных знатных любовников. Что подобные соображения были правильны, доказал пример целого ряда метресс государей. Достаточно назвать Нелли Гвин. Во Франции внесение проститутки в списки балетной труппы было к тому же единственным средством освободиться от контроля полиции, так как актеры и актрисы были здесь подчинены только министру двора.

Балет был в сущности не чем иным, как специальным учреждением для состоятельных жуиров. Казанова сообщает о штутгартском придворном театре: «Все танцовщицы были хорошенькие, и все они гордились, что хоть раз осчастливили герцога». В таких случаях балет существовал, с одной стороны, для того, чтобы удовлетворить жажду новизны, которая могла обуять государя, а с другой – принятие в балет было одной из форм вознаграждения за небольшие мимолетные услуги.

Так как для абсолютного государя содержание театра было в большинстве случаев равносильно устройству гарема, то директор театра обыкновенно также часто был непосредственным сводником монарха, пополнявшим ряды балета под этим одним углом зрения и приглашавшим только таких девушек, которые, по его мнению, могли возбудить чувственный интерес государя. По той же причине иногда управителем театра назначался какой-нибудь камердинер, не обнаруживавший, правда, особенно ярких художественных талантов, зато тем ярче блиставший в роли сводника.

Что было верно для незначительной танцовщицы, то имело тем больше значения для театральных звезд – все равно мужчин или женщин: все они, за немноги-

ми исключениями, были тесно связаны с проституцией. Стимулирующее влияние театра действовало еще в одном направлении. Свет ramпы делает всех актеров более обаятельными в глазах публики. И потому он всегда превращал актрису в желаннейшую метрессу, а актера – в идеальнейшего любовника.

В своем «*Neueste Gemalde von Berlin*» Мерсье говорит о пикниках, устраиваемых с театральным персоналом: «Считается хорошим тоном хвастать, по крайней мере в своем кругу, тем, что удалось угостить ту или другую красавицу». Сотни слепо разорялись им в угоду, и каждый день в честь них глупость совершала свои безумнейшие прыжки. Из-за любви знаменитого певца или танцора даже знатнейшие дамы буквально срывали друг с друга платье, и притом совершенно открыто, на виду у всех. Об успехах французского певца Желмотти, бывшего с первого своего выступления «кумиром публики и восхищением двора», Мармонтель сообщает: «Все дрожали от радости, как только он появлялся на сцене, и его слушали в каком-то опьянении. Молодые женщины вели себя как безумные. Они наполовину высовывались из лож, выставляя напоказ свое сумасшедшее возбуждение, и многие отнюдь не наименее красивые хотели обратить на себя его внимание».

Как видно, в эпоху старого режима театр был великим сводником, все и всех сводившим: зрителей – друг с другом, а сцену – с аудиторией.

Театр был успешнейшим осуществлением тенденций эпохи, ибо идеалом всех было – быть с кем-нибудь сведенным и кому-нибудь проданным.

Сущность сибаритства – в стремлении до крайности повышать все возможности наслаждения. Если же сибаритство выступает в форме абсолютизма, то это повышение имеет целью не только увеличить и усилить количество и качество наслаждения для себя, а также этим именно путем продемонстрировать черни свое безграничное могущество. Свое богоподобие яснее все-

го можно обнаружить, показывая, что нет границ для собственных желаний и что питаешься пищей богов. Из глубины этих тенденций как ее наиболее утонченное осуществление и родилась опера.

Опера есть не что иное, как соединение в одно гармоническое единство всего объективно-чувственного в его наиболее повышенных формах: пения, музыки, танца и красочного великолепия. И потому она и могла возникнуть только в эту эпоху. Опера – самое исконное и истинное создание абсолютизма. И она вместе с тем – тот документ, который более других соответствует ему.

Опера – сконцентрированная чувственность. Каждое слово, каждый звук, каждый ритм, каждая линия, каждое красочное пятно – все в ней насыщено чувственностью, эротикой. Ее содержанием является исключительно чувственность, эротика, любовь, сведенная на сладострастие. Вокруг сладострастной любви вертится основная мысль сюжета, ею наполнена любая ария, которая поется, и ничего, кроме сладострастной любви, не символизируют тысяча изворотов и арабесок балета. Другими словами: все в ней сконцентрированная обнаженность, физически – в костюме и движениях, духовно – в диалоге. Она не второстепенная в ней черта, а единственная сознательная цель. Не простая случайность поэтому, что во всех классических операх балет играет такую большую роль. Балет просто неотделим от оперы, так как в нем чувственность линий и движений находит свое утонченнейшее выражение.

А в первых операх балет должен был даже быть главной частью, так как в нем можно было довести до сказочных размеров главные черты абсолютизма: великолепие и позу. В мифологии абсолютизма балет сделался, так сказать, стилизованным воплощением всемогущества монарха.

Роль, которую в жизни низших классов играл трактир, в XVIII в. в жизни господствующих и имущих классов исполнял салон.

Салон представлял собой специфическую форму их общественности. Однако интеллектуальная культура, воплощенная в салоне, переоценивалась большинством исследователей. Нет никакого сомнения, что существовал ряд салонов, где остроумие вспыхивало каждый день новым фейерверком, где рождались все те смелые идеи, которые должны были привести к преобразованию общества, где происходили аванпостные стычки новой эпохи. Таковы были знаменитые парижские салоны, где царили энциклопедисты.

Однако богатство царившей здесь культуры было ничем в сравнении с культурой, имевшейся вообще, даже имевшейся в одной только Франции. Тем более значительную роль играл салон в истории половой нравственности эпохи. Он был главной ареной словесного флирта в противоположность будуару, где преобладала практика. Изо дня в день разговаривали о любви, не о ее высших проблемах, а только о ней как наслаждении.

Что подразумевалось тогда под словом «хороший тон» или лучше: что допускал этот «хороший тон», наглядно иллюстрируют игры, бывшие в ходу как в салонах, так и в мещанской квартире. Характерным образчиком может служить игра-гадание.

Игра состояла в том, что ставился какой-нибудь вопрос, ответ на который получался из числа очков на трех брошенных костяшках. В наставлении перечисляются около двадцати вопросов для обоих полов, и каждый вопрос сопровождается шестнадцатью возможными ответами. На вопрос мужчины: «Довольна ли тобой жена?» – ответ гласил, например, при шести очках: «Ах, старина, как можешь ты спрашивать, довольна ли тобой твоя молодая жена, когда ты даже аппетитного поцелуя ей дать не в состоянии, не говоря уже о чем-нибудь ином!»; при семи очках: «Ты здоровенный детина, и жена может быть тобой довольна»;

при восьми: «Если бы ты занимался с женой так же усердно, как с книгами, то она могла бы быть тобой довольна» и т. д. Вот что понимало хорошее общество под «галантными шутками», ибо среди шестнадцати возможных ответов добрая дюжина в том же роде.

Если случайно беседа вертелась не вокруг любви, ее заменяли сплетни, споры об этикете и подобные глупости. Многие салоны прямо славились как гнезда сплетен. В Германии сплетничество было вообще обычным явлением в салонах, и здесь столь важные вопросы, как альковные тайны друзей и соседей, даже не прерывались зарницами неумолимо подготавливавшейся революции.

Подобные же оговорки необходимо сделать и относительно прославленных манер XVIII в. В высших классах они сводились к культу умственной и физической напыщенности, в бюргерстве царило граничившее с комизмом подражание своим или чужим придворным нравам. Нелепее всего вели себя в этом отношении в провинции, но и английская буржуазия славилась в этом смысле.

В высших классах общества слишком уважали практику галантности, чтобы ограничиваться в салонах одной только теорией, особенно после того, как за ужином вино и шампанское произвели надлежащее действие. И как бы низко ни стояли, как мы видим, нравы низших классов, наиболее дикая разнузданность царила все же в салонах знати.

Конечно, было бы неправильно считать разврат обычным правилом. Это так же неверно, как то, что насыщенное грязью поведение низших классов во время народных праздников не было их обычным способом использовать отдых. Однако разврат был здесь постоянно возможен, так как историческая ситуация, в которой тогда находились господствующие классы, не только позволяла им делать из любви своего рода занятие, но и заставляла их, как мы видели, сделать из нее высшее свое занятие.

Некая госпожа де ла Веррю следующими классическими словами определила жизнь своего круга: «Ради большей верности, необходимо уже здесь на земле создать рай». Эти слова, быть может, лучше всяких других характеризуют жизненную философию господствующих и живущих в эпоху старого режима классов.

Превратить жизнь в рай — такова была в самом деле, как мы, надеемся, достаточно убедительно показали на предыдущих страницах, тенденция, господствовавшая в светском обществе всех стран, и господствовавшая при этом более властно, чем какая бы то ни было другая идея.

Книга III

БУРЖУАЗНЫЙ ВЕК

Глава 1

БУРЖУАЗНЫЙ ВЕК

Развитие торговли вывело европейское человечество из мрака Средних веков на высоту Ренессанса. Переход от мануфактуры к машинно-фабричному производству в XVIII в. упразднил, в свою очередь, абсолютизм и поставил на его место современное буржуазное общество.

Абсолютистское государство не могло больше существовать. Буржуазия, носительница нового способа производства, должна была добиться того, чтобы государство служило исключительно ее интересам, то есть интересам капитала. В форме представительного государства буржуазия завоевала и создала для себя такой политический строй, который более всякого другого соответствовал ее политическому и социальному господству.

Победа буржуазного общественного порядка над абсолютизмом была значительным прогрессом. Не без основания замечено, что лишь вместе с абсолютизмом завершились Средние века, что они умерли вместе с ним и в тот же день.

Буржуазия, собственница средств производства и потому представительница капиталистического способа производства, достигла, благодаря все возраставшей прибыли, доставляемой капиталу массовым производством, очень скоро и повсеместно огромных богатств.

Посмотрим, что сделало богатство из отдельных его представителей? Отвратительные денежные машины, лишенные всякого чувства, всякой чуткости, – вот что сделал прежде всего капитал из тех, кто им владел и кто им командовал. Раньше всего и ярче всего обнаружили эти черты у английской буржуазии. Томас Карлейль пишет: «У нас нет больше Бога. Божьими законами является один только принцип – принцип наивозможно большего счастья...»

Противоположность, в которую очень быстро превратилась первоначальная идеология буржуазии в области половых отношений, может быть сжато определена так: нет такой формы разврата, нет такой половой извращенности, с которыми мы не встретились бы в период господства буржуазии. Как бы черным по черному вы ни изображали специфические формы разврата, никогда вы не изобразите их достаточно черными. И это одинаково приложимо к обоим полюсам общества, к верху и к низу.

Необходимо, правда, признаться, что все эти ужасные пороки и преступления в области половой жизни не порождены самим капитализмом. Едва ли найдется в век господства буржуазии хоть одна форма разврата, которая не нашла бы своего рафинированного культа уже в эпоху старого режима. Зато капитализм повинен в другом: он придал всему характер массового явления – как беззастенчивому разврату, облеченному богатством, так и нравственному вырождению, к которому приводит нищета.

Развитие капитализма – начнем с первого явления – дало многочисленному и все богатеющему классу капиталистов возможность позволять себе все те до-

рогостоящие удовольствия, которые раньше были доступны только верхушке финансовой аристократии и богатому придворному дворянству, а кроме них еще только могущественным деспотам. Это значит, другими словами: в настоящее время десятки тысяч могут пользоваться тем, чем в эпоху абсолютизма пользовалось лишь несколько десятков или, в лучшем случае, лишь несколько сотен людей. И ныне, в самом деле, десятки тысяч наслаждаются подобными изысканными эротическими удовольствиями. Вместе с возможностью всем наслаждаться родилась, естественно, и все сызнова зарождается у многих тысяч людей во всех странах и потребность отдаваться самому рафинированному эротическому разврату.

Она и служит решающим мотивом. С другой стороны, страшная нервная напряженность, в которую повергает большинство бешеная погоня за миллионами, вызывает потребность в сильнодействующих наркотиках. Безмятежная пастушеская идиллия уже не способна ни успокоить взвинченные нервы, ни отвлечь их, ни вновь возбудить. Это в состоянии сделать лишь очень изысканное наслаждение. Массовый спрос на рафинированные эротические наслаждения, естественно, привел и в этой области к организации предложения на крупнокапиталистических основах, способной удовлетворить самые далеко идущие требования. Достижение этих особых эротических удовольствий не должно было быть более сопряжено ни с какими трудностями для потребителя – это также было чрезвычайно важным требованием. Люди хотят иметь возможность в любой момент требовать, выразить желание, получить то или другое удовольствие: через неделю, через два дня, в случае надобности – через два часа и в самом изысканном виде.

Любовью поэтому уже давно торгуют, точь-в-точь как хлопком, и доставляют ее так же аккуратно, как хлопок. Только стихийная сила, а отнюдь не люди мо-

гут помешать правильному функционированию этого механизма. Необходимой предпосылкой для решения и этой проблемы было то обстоятельство, что капитализм лишил взаимные отношения людей всякого идеального оттенка и свел их к их денежной стоимости. Каждая женщина, равно как и всякий каприз, хотя бы самый гнусный, могут быть переведены на язык денежных знаков. Все имеет свою «цену». Правда, цена порой очень высока, но все же это «цена». Осуществление известного желания отныне вполне зависит лишь от платежеспособности человека. А так как ныне тысячи имеют в своем распоряжении какие угодно суммы для удовлетворения своих капризов, то любой каприз в настоящее время осуществим. Вот несколько примеров.

Некий Крез видит в одном из парижских бульваров элегантную даму, возбуждающую его любопытство, и желает ею обладать. Не жениться, конечно, хочет он на ней, а просто приятно провести несколько часов. И он будет обладать этой дамой, хотя она, вероятнее всего, замужняя и во всяком случае из хорошей семьи. Все, что заинтересованному предстоит сделать, это послать депешу по адресу одного из крупных домов свиданий, коих ныне в Париже имеется от 90 до 100, и заявить заведующей как о своем желании, так и о том, сколько он намерен заплатить. Агентша устроит все прочее в баснословно короткое время.

Что это не плод фантазии, доказывают имеющие у нас документы. Пространный этюд, написанный по мысли и с помощью умершего несколько лет тому назад начальника парижского сыскного отделения Побаро французским писателем Морисом Тальмейром и недавно опубликованный им, дает нам наглядную характеристику как методов, так и успешной деятельности этих посредниц. В сопровождении высшего полицейского чина, в обязанности которого входило следить за тем, чтобы заведующие этими учреждени-

ями давали интервьюеру достоверные сведения, Морис Тальмейр посетил ряд наиболее видных из этих фирм. Вот два примера в доказательство того, что за известную сумму «любой заказ может быть исполнен». Заведующая одним из наиболее шикарных домов свиданий сообщает следующие данные: «Недавно явился ко мне господин, желавший познакомиться с одной дамой, и заявил, что в случае надобности готов заплатить 14 тысяч франков. Я разыскиваю даму и передаю свою карточку. Она появляется очень не в духе. «Кто вы, мадам?» — «Вы же прочли мое имя?» — «Да, мадам, но это имя ничего мне не говорит». — «Так вот, мадам, у меня есть приятель, который очень хочет познакомиться с вами — и который очень щедр». — «Не понимаю, что вы хотите сказать этим и что вам вообще нужно от меня». — «В таком случае простите за беспокойство, мадам... Вы знаете мой адрес?» — «Да, мадам». — «Вы позволите мне оставить вам мою карточку?.. Вы можете мне написать, когда вам будет угодно... До свидания, мадам!» — «До свидания!».

Неделю спустя я получаю письмо, приглашающее меня в читальню магазина, находящегося вон там, напротив, и я прихожу. Как только дама увидела меня, она подходит и довольно грубо спрашивает: «Вы были у меня несколько дней тому назад и рассказали мне о чьей-то небывалой щедрости. Я не понимаю, что вы хотите этим сказать. Прошу вас, объясните обстоятельнее!» — «С удовольствием. У меня есть приятель, располагающий 14 тысячами франков.» — «Хорошо, я подумаю!» — «До свидания!» — «До свидания, мадам».

Неделю спустя — новое письмо, назначающее мне свидание в том же месте. Прихожу и спрашиваю: «Ну что? Обдумали?» Она довольно равнодушно отвечает: «Да, но, по-моему, этого мало!» — «Прекрасно, мадам, я переговорю со своим приятелем». И дело уладилось за 20 тысяч франков». С этим сообщением вполне совпадает следующий рассказ заведующей другим таким

Бердслей О.

*Таинственный розовый
сад. 1894*

домом. Интервьюер начал с вопроса: всегда ли знает мужской клиент, с какой дамой он имеет дело? Ответ гласил: «Смотря по тому... Обычно имена не произносятся. Когда же речь идет о крупных делах, имя всегда фигурирует, так как им в значительной степени обусловлена цена. Иногда дело вообще зависит исключительно от имени, именно в тех случаях, когда клиент хочет через нас познакомиться с вполне определенной дамой. Иногда нас посылают и к дамам света, то есть к таким, к которым приходится явиться самим. В таких случаях мы действуем двояким образом: или посылаем к ним «ищейку», или идем сами. Я обычно предоставляю работать моей «ищейке» (агентше), которую посылаю утром к даме. Такая женщина не вызывает подозрения, она одета, как прислуга, которой дали поручение, и обязана говорить только с мадам. Единственно, чем она рискует, это или ее не примут, или, если примут, то, может быть, спустят с лестницы. Обычно ее принимают, но даже если и прогонят, то и тогда еще не все потеряно.

Все зависит, в сущности, от цены. Конечно, к добродетельным дамам мы подходим иначе, к остальным же вы можете спокойно подойти, раз у вас туго набитый кошелек. Когда дама слышит низкую цену, она иногда краснеет, при высокой, однако, это бывает

чрезвычайно редко... В следующий раз я отправляюсь сама. У меня есть манеры. Или я узнаю, у какой портнихи она шьет свои платья, портниху эту я случайно знаю. Я являюсь к ней в тот же час, когда там и дама, вступаю с ней в разговор, восхищаюсь ее туалетом, поддерживаю разговор и присматриваюсь, что можно сделать. Есть и портнихи, которых можно посвятить в тайну. А если портниху нельзя втянуть, то всегда можно найти манекенщицу, которая и скажет, что сами мы сказать не можем. «О чем же надо говорить?» – «О деньгах, и только о деньгах». Барышня обращает внимание дамы на тот или другой туалет, убеждает ее заказать себе такой же. Когда дама спрашивает о цене, то барышня замечает, что этот вопрос можно так или иначе уладить. Если дама не понимает, то барышня бросает тему разговора, хотя бы временно. Если же понимает – это сразу видно, – то дело обычно тут же и улаживается.

У дамы может быть автомобиль, и это дает прекрасную возможность вступить с ней в отношения. Я являюсь к ней с тысячью извинений: «Простите, ради бога, мадам, но мне столько наговорили о вашем автомобиле. Я тоже хочу заказать себе такой же, и мне хотелось бы посмотреть, какие вы ввели усовершенствования». – «С удовольствием, мадам, я в восторге, идем вниз, я покажу вам...» Знакомство завязывается, становится интимным, и в большинстве случаев дело бывает сделано.

Вообще автомобилизм в настоящее время – одно из лучших средств завязать с кем-нибудь сношения.

Словом, предложите деньги – и вас выслушают. Раз вы можете предложить хорошую цену, то и все средства хороши, чтобы вступить с кем-нибудь в сношения, а если цена низкая, то и лучшие средства бесполезны. Попробуйте предложить 20 тысяч франков – и вы можете быть спокойны: вас не выгонят. А раз беседа завязалась, надо действовать ловко. Говоришь,

например: «У меня есть приятель, готовый пожертвовать 20 тысяч франков, но не раньше месяца. Я взяла на себя предупредить вас заранее. Но если вы не прочь. Мои клиенты – очень порядочные люди... Зачем отказываться от жирного кусочка...»

Третий пример показывает, что магнаты капитала готовы тратить на такие маленькие развлечения и еще гораздо более крупные суммы. Заведующая другим учреждением рассказала интервьюеру о красивой американке из хорошей семьи, которую она доставила одному из своих клиентов. На вопрос о подробностях она заметила: «Это была жена английского фабриканта. Муж не живет с ней, но дает ей ежегодно 100 тысяч франков. Меня прислал к ней богатый американец с поручением просто спросить ее о цене. Она потребовала 100 тысяч, он дал ей 100 тысяч».

Так как большинству мужчин приятнее развлекаться с замужней женщиной, чем с проституткой, то они охотно платят за это удовольствие дороже. Они предпочитают заплатить замужней женщине пятьсот и больше, чем профессиональной проститутке – сто. Поэтому сотни замужних женщин и готовы заниматься систематически такими «делами». Одна устраивает такие дела раз в неделю, другая всего несколько раз в год, третья – как можно чаще. Замужняя женщина, стремящаяся систематически делать подобные «дела», – обратная сторона, или, лучше, дополнение к вышеприведенным примерам. На свои вопросы относительно этого пункта Тальмейр получил следующие сведения: «Вы можете быть уверены, что дома свиданий посещаются замужними женщинами гораздо больше и чаще, чем принято думать. О, если бы вы только знали! Каждый раз, когда они находятся в некотором денежном затруднении, они приходят ко мне. Я их банкир. Я знаю даму, имеющую 50 тысяч ренты и всегда нуждающуюся в тысяче франков. Два раза в неделю я остаюсь дома, и тогда они навещают меня. Они рассказывают мне, что им нужно, какое

«дело» им особенно по сердцу. О, если бы вы только их послушали! Когда они приходят в первый раз, они говорят: «Мне хочется устроить в месяц одно только «дело»... Мне очень нужны деньги, но одного довольно... больше не нужно». По прошествии некоторого времени они приходят к чаю и как ни в чем не бывало говорят: «Боже! Вы же знаете, как я нуждаюсь... я охотно сделала бы в месяц два «дела». Проходит еще некоторое время: «Просто не верится, но я не могу свести концы с концами, мне нужно больше денег... сделайте так, чтобы у меня было два «дела» каждую неделю».

В конце концов она готова ежедневно иметь два «дела». Все они единодушно требуют одного – высоких цен. Как только деньги на столе, они тут как тут...

Таким образом увеличивают свой бюджет или достают себе средства содержать любовника женщины самых разнообразных общественных слоев – от почтенной мещанки и жены чиновника вплоть до дамы высшего света. Наведенные Тальмейром справки обнаружили прежде всего тот факт, что в настоящее время существует немало замужних женщин, делающих, как гласит техническое выражение, подобные «дела». Как классическое доказательство приведем разговор автора с упомянутым выше начальником парижского сыскного отделения, во время которого этот последний навел его на мысль об исследовании, продемонстрировав ему несколько ярких случаев, занесенных в полицейские протоколы.

«Вы бываете часто в обществе?» – спросил меня Побаро. «Никогда». – «Вы, стало быть, не знаете тех, кого там обычно можно встретить?» – «Никого!» – «Так... Обождите минутку». Он позвонил и велел вошедшему человеку принести связку протоколов. Связка была внушительных размеров. Он раскрыл ее и вынул большую фотографическую карточку. «Знаете вы эту даму?» – «Нет». – «Вглядитесь как следует». Карточка изображала молодую женщину в бальном туа-

лете. Она была очень недурна, походила на аристократку, шатеновые волосы были украшены пером цапли, а шея — алмазным ожерельем. Держа в красивой руке раскрытый веер, она стояла, прислонившись к балюстраде на фоне парка.

«Вы видите, это светская дама. Это не деклассированная женщина. Никогда она не фигурировала ни в одном скандале. У нее бывает лучшее общество. Она очень интеллигентна, с интеллектуальными запросами и не без художественного дарования. У нее нет страстей, нет порочных наклонностей, нет никакой морали, хотя она и считает своей обязанностью казаться нравственной.

Она, видите ли, аморалистка и делает, как ныне принято выражаться, «дела» с крупнейшими своднями, а такое дело обходится в 10 тысяч франков. Такова ее цена. Ежегодно она делает три-четыре таких дела... Две тысячи получает сводня, восемь тысяч — она. Ежегодно она зарабатывает от 25 до 30 тысяч франков... Такой суммы как раз недостает ей. Она пополняет ее бюджет и освобождает от необходимости жить на свой капитал».

Те же методы увеличения бюджета встречаются, по словам начальника парижской сыскной полиции, также и в средних чиновничьих кругах.

«Трудно поверить, какие опустошения производит и к какой деморализации приводит в известных кругах это выражение: «делать дела». Если бы вы доставили себе удовольствие и провели время от времени часок в бюро швейцаров известных отелей, то вы увидели бы, как там появляется хорошенькая, весьма соблазнительная женщина. С виду она олицетворение добродетели. Это жена служащего в N, мать семейства, образованная, воспитанная и интеллигентная. Словом, обладает всеми преимуществами и выглядит воплощением порядочности. Знаете, что она делает? Она отправляется в дома свиданий, притом иногда в самые

грязные, устраивает иногда в день от трех до четырех «дел» — о чем, между прочим, знает муж, образцовый чиновник. Может быть, вы когда-нибудь ее встретите, вы вступите с ней в беседу и невольно подумаете: «Какая порядочная дама». А если вы посмотрели бы на мужа в его бюро, как он обходится с публикой, как он исполняет свою работу, которая словно вся его поглотила, вы бы сказали: «Что за славный человек, какой образцовый чиновник». А когда вы заглянули бы в их квартиру и увидели бы их вместе, вы все еще держались бы того мнения, что это необыкновенно счастливый брак. И в самом деле! Вы не услышите здесь шума, не бывает здесь скандалов, ничто не могло бы навести на мысль о дурных привычках или низком образе мысли. Все прилично! Постарайтесь глубже заглянуть в эту жизнь, и вы увидите, что я прав. И эта маленькая женщина находит еще время являться к нам и оказывать нам исподтишка услуги».

Остается еще ответить на вопрос: что обязаны исполнять дамы света и почтенные мещанки за те суммы, которые им платят? Ответ гласит: все, что мужская извращенность требует и получает от любой профессиональной проститутки. Эти дамы и мещанки удовлетворяют и исполняют самые извращенные капризы и желания. Иначе ведь и быть не может. На вопрос, какая разница существует между поведением замужней дамы и поведением проститутки, одна из сводней ответила: «Вы не уловили бы никакого различия между ними. Откуда бы ко мне ни являлись женщины, из общества или же с улицы, с того момента, как они приходят ко мне, они все равны и одинаковы. Есть, впрочем, быть может, и разница, но я затрудняюсь сказать, будет ли она в пользу замужних. Если дама из общества порядочна, то я ее не знаю и это тем лучше для нее. Если же она непорядочна, то в наше время уже нет границ ее непорядочности. Профессиональная проститутка иногда чувствует угрызе-

ния совести, она раскаивается в той жизни, которую вынуждена вести. Ничего подобного не происходит в душе замужней. Когда я пишу своим кокоткам или актрисам, я часто получаю отказ. Они отвечают: «Нет, это глупая история... Я не в духе...» Или: «В этот час у меня репетиция... Я играла вчера... Должна выступать сегодня... Завтра – утренник... Нет, благодарствую». Замужние женщины, и в особенности светские дамы, – те, напротив, готовы примчаться с экстренным поездом и устроить в один вечер два или три дела».

Сам Побаро замечает: «Никто так не готов на все, как светская дама, охотно делающая дела. Вы можете от нее потребовать даже того, что требуется обыкновенно только от самых отъявленных проституток. К ней и идут обыкновенно ради отвратительнейшего удовлетворения половой потребности». Это так же логично, как и готовность замужних женщин. Ибо наивысшая пикантность связи с так называемой порядочной женщиной и состоит для развратного мужчины именно в том, чтобы вести себя с ней, с «порядочной женщиной», как можно неприличнее...»

Англия иллюстрирует другую характерную сторону современного разврата, а именно манию лишать девушек невинности. Это удовольствие считается в Англии особым лакомством. Соблазнить девушку, в незрелом к тому же возрасте, – мало ли охотников до «неспелых плодов»! – для большинства платежеспособных мужчин, однако, дело слишком затруднительное. Не говоря уже о том, что они слишком дорожат своим удобством, нет у них для этого ни достаточно свободного времени, ни связей с соответствующими слоями населения. Кроме того, многие желают насладиться этим удовольствием не только раз в жизни и не только раз в год, а, если возможно, – каждые две недели, если не каждую неделю.

Ввиду такого спроса в Англии возникли настоящие предприятия, взявшие на себя заботы о соблазне-

нии девушек, доставляющие в любой момент по определенному тарифу заведомых девственниц, девушек, согласных, чтобы их лишил невинности мужчина, которого она раньше никогда не видала и имя которого так никогда и не узнает. Доставляются девушки и специально для изнасилования, если таково желание клиента. В таких случаях девушка отдается беззащитная в его руки. Так как и в этой области замечается массовый спрос, то торговля девушками получила в Англии характер торговли оптом – со всей безопасностью и со всей выгодой для покупателя. Последний получает какую угодно «марку»: возраст, фигура, цвет лица – все по его желанию. А сверх всего он получает еще медицинское свидетельство о физической нетроутости девушки!

Разврат мог в среде пролетариата облечься, естественно, только в грубую форму, так как здесь он всегда связан с нищетой и грязью, тогда как у так называемого «общества», тратящего на свои удовольствия огромные суммы, он по этой причине обыкновенно отличался и отличается элегантностью.

Между тем как капитализм позволяет имущим наслаждаться множеством самых разнообразных удовольствий, он предоставил пролетаризированной им большой массе только два развлечения, которыми она могла себя вознаградить за возложенную на нее огромную тяжесть труда: алкоголизм и низшие виды разврата. Естественным последствием этого сужения для пролетариата сферы наслаждения было то, что рабочие «сосредоточили все свои душевные силы на этих двух удовольствиях и стали им отдаваться систематически и до крайности, чтобы хоть что-нибудь взять от жизни. Когда человека ставишь в положение, приемлемое лишь для животного, то ему остается только или возмутиться, или погрузиться в животное состояние».

Первый толчок к неизбежному половому разврату занятых в индустрии масс дала совместная работа обо-

их полов и всех возрастов в тесных, чрезмерно жарких помещениях, а это явление имело почти везде место в первый период промышленного развития. Отчасти вследствие жары, отчасти чтобы свободнее двигаться... женщины почти во всех отраслях промышленности одеты лишь в самое необходимое, а в других, например в угольных шахтах, мужчины и женщины работают полуголые. Вся одежда углекопов состоит из одних только штанов и башмаков, а работниц – из рубашки и коротенькой юбки, не стесняющих их движений.

При таких условиях мужчины и женщины, естественно, соблазняют друг друга, тем более что речь идет о людях, не получивших ни интеллектуального, ни нравственного воспитания. Язык и манеры могут в такой атмосфере отличаться только грубостью и испорченностью. А там, где душевное и духовное целомудрие каждую минуту подвергается новым опасностям и насильственно искореняется, там не может уцелеть и целомудрие физическое. Оба пола теряют поэтому свою невинность, как только наступает период возмужалости. Половые сношения совершаются по той же причине на базисе не любви, а почти исключительно разврата. Не только все мужчины, но и бесчисленное количество девушек и женщин сходились в молодости не с одним только, а с целым рядом представителей другого пола; а многие поддерживают такие сношения в одно и то же время со многими.

Любовь здесь только дело случая. Ночная работа представляла поэтому в таких производствах, где работают оба пола, новую сильную опасность для нравственности, ибо во время ночной работы легко соблазнить женщину даже уже в пределах самой фабрики.

Целый ряд статистических данных доказывает, что с введением ночной работы везде поднялась, а в иных случаях и удвоилась цифра незаконных рождений. В первой трети XX в. на английских фабриках не было редкостью, если почти половина незамужних ра-

ботниц постоянно была беременна. Когда женщины не отдавались добровольно, мужчины то и дело бессовестно прибегали к грубой силе. В Лондоне в один 1850 г. насчитывалось ровно две тысячи судебных преследований за преступления против нравственности. Не меньшее число осталось, вероятно, без наказания, не считая случаев косвенного насилия, которому подвергала женщин зависимость от работодателя и мастера. Работница зависит от мастера, так как последний может ей дать выгодную работу, и от фабриканта, который может лишить ее места.

Там, где массы не жили, а только проводили ночь в квартире, их половая жизнь могла, естественно, вылиться только в самые отвратительные формы. Таков и был характерный признак половой жизни рабочего класса. Любовь была почти только непристойностью. Люди все время находились вместе, и поэтому не было места чувству стыда. У детей оно не могло развиваться, а взрослые, быть может, когда-нибудь и обладавшие им, очень скоро теряли его. Для нужды и в данном случае законы не писаны. Там, где дети и взрослые вынуждены спать вместе, постель к постели, в тесном помещении, дети бывают еще задолго до половой зрелости посвящены во все подробности половой жизни. Половое чувство пробуждается в таком возрасте, когда бы ему еще следовало дремать, а инстинкт подражания побуждает, в свою очередь, незрелых детей делать то же самое, что на их глазах делают родители или женатые и замужние братья и сестры, лежащие рядом с ними в постели.

Беременные двенадцатилетние девочки были тогда явлением обычным. А так как подобные опыты проводывались прежде всего братьями и сестрами, то кровосмешение никогда не было так распространено, как именно в те десятилетия. Матери становились беременными от собственных сыновей, дочери – от родных отцов.

Особенно отталкивающую картину представляли нравы там, где в единственной комнате спали кроме семьи еще и коечники. Усталая, измученная работница, бросившаяся на постель и, полусонная, позволяющая делать с ней что угодно, в большинстве случаев даже не знала, отдалась ли она мужу, брату или парню, снимавшему у них угол. «Не все ли равно?» — апатично ответила одна измученная трудом работница члену парламента на соответствующий вопрос... Совместная работа обоих полов на фабрике представляла, таким образом, благоприятную почву для деморализации, которая и не замедлила обнаружиться.

В Англии всегда особенно подчеркивают опасность быта кирпичников. В подробном докладе парламентской следственной комиссии 1866 г. говорится:

«Ребенку невозможно пройти чистилище кирпичного завода без величайшего ущерба для его нравственности. Циничная речь, которую он слышит с малых лет, грязные, бесстыдные и непристойные привычки, среди которых он вырастает, одичалый и невежественный, — все это делает его на всю жизнь негодным, испорченным и распущенным».

Величайшее зло системы, пользующейся трудом молодых девушек, в том, что она приковывает их обычно с ранних лет и на всю жизнь к самой отъявленной черни. Девушки становятся грубыми, злоязычными парнями, прежде чем природа сумеет научить их, что они женщины. Одетые в жалкие, грязные лохмотья, с обнаженными выше колен ногами, с волосами и лицом, испачканными грязью, они привыкают относиться с презрением к чувствам скромности и стыда. Во время обеденного отдыха они растягиваются в поле или смотрят, как мальчики купаются в соседнем канале. Окончив свой нелегкий дневной труд, они переодеваются и идут с мужчинами в пивную.

Среди английских сельских рабочих держалась

вплоть до 70-х гг. XIX в. поговорка: «Большинство девушек не помнит, были ли они когда-нибудь невинны».

Вышедший из деревни полицейский чиновник, много лет исполнявший обязанности сыщика в худших кварталах Лондона, так характеризует девушек родного села: «За всю свою жизнь полицейского в худших кварталах Лондона я нигде не видел такой грубой безнравственности в таком нежном возрасте, такую дерзость и такое бесстыдство. Они живут, как свиньи. Парни и девки, отцы и матери – все спят вместе вперемешку».

«Теневые стороны» системы – переутомление детей и молодежи, огромные перевалы, которые им приходится делать ежедневно на пути к поместьям, отстоящим на пять, шесть, а иногда и семь миль, наконец, деморализация.

Не нужно быть специалистом в этом вопросе, чтобы знать, что подобные деревенские нравы – не «дела давно минувших дней» и что они повторяются и в других странах. Среди польских и галицийских батраков, наводняющих ежегодно Германию во время жатвы, царят приблизительно такие же нравы. Незамужние женщины, стоящие в рядах этих рабочих колонн, возвращаются обыкновенно домой беременными, часто не зная в точности, кто отец будущего ребенка, так как они должны были отдаваться многим мужчинам отряда, если только не всем. Не лучше и положение туземных батрачек. Часто они становятся дичью, за которой свободно может охотиться любой батрак, свой и пришлый. Более низкого уровня нравов, чем только что освещенный, никогда не существовало в истории именно потому, что все, здесь приведенное, – не индивидуальное, а массовое явление в эпоху господства буржуазии. Так низко нигде и никогда не падала «любовь».

Так как большинство английской буржуазии состояло из выскочек, то наслаждения, которым она пре-

давалась, отличались все без исключения грубостью и необузданностью. Много ели, много пили и много «любили» – без всякой аристократичности и без всякой изысканности. Наслаждались, так сказать, «уплетая за обе щеки».

За деньги можно купить огромные куски баранины – люди подчеркивали этим, что у них деньги, – не зная удержу в еде. За деньги можно купить «любовь» – поэтому без проститутки не обходилось ни одно удовольствие. Безбрежным потоком наводняли проститутки все улицы. Люди раскошеливались и брали что нравилось. Здесь дочь, там мать, а то заодно и мать, и дочь. Похищения, особенно замужних женщин, и соращения были обычными явлениями.

Английская разнузданность стала типичной, вошла в поговорку. Ею и отличались повсюду англичане, где бы они ни появлялись. Ни в одной другой стране эти черты выскочки так ярко не выступали в физиономии буржуазии, потому что нигде не было таких благоприятных для их беспрепятственного развития условий, как именно в Англии. По существу, однако, эти люди нового века, которые были в то же время и его царями, были во всех странах одинаковы.

Перелом – или, если угодно, конец возраста шалостей буржуазного общества – обозначился прежде всего в Англии, а именно в период между 1820 и 1830 гг. Перелом был такой основательный, что на первый взгляд может показаться, будто опять наступил совершенно новый период, настолько изменилась по сравнению с только что закончившейся эпохой физиономия людей и вещей. На самом деле, однако, содержание изменилось лишь настолько, насколько того требовал новый костюм. Люди просто надели новый фрак – фрак солидного почтенного обывателя, и этот фрак отныне должен был носить каждый, кто хотел считаться членом порядочного общества.

Во Франции и Германии этот перелом не так бро-

сался в глаза, хотя и был не менее основательным, именно потому, что, как уже упомянуто, здесь буржуазия не отказалась вполне от своего прежнего мещанского, обывательского костюма. Здесь людям было достаточно лишь принять серьезное и «степенное» выражение лица, чтобы достойным образом приспособиться к новым условиям жизни...

Подобно тому как капитализм привел в своем развитии к удивительному многообразию жизни, так выдвинул он и сотни сложных проблем любви, большинство которых разрешимо в рамках частнокапиталистического хозяйства только путем компромисса. Вот почему лицемерие стало для каждого – хотя бы до известной степени – драконовским законом жизни. Можно бороться против господствующего общественного порядка, но нельзя его отрицать, так как «вне» его нет никакой реальности, а есть только идейные построения, которые, как бы логичны они ни были, никогда не могут заменить собой реальности.

«Соблюдайте внешние приличия» – так гласил, следовательно, закон буржуазного общества, которому все и каждый должны были подчиняться. И не только чтобы удостоиться всеобщего уважения, а просто чтобы вообще быть терпимыми в среде так называемого «хорошего общества». Черный сюртук, на руках черные перчатки, на почтенной голове еще более почтенный цилиндр – таковы были для мужчины внешние символы этой новой, истинно буржуазной морали. Они – мундир внешнего приличия. И этот мундир придуман очень целесообразно. Сюртук и цилиндр допускают только степенные движения, а перчатки изолируют чувства, делают равнодушным. Обязательным для женщины мундиром, который она носит публично, служит застегнутое до самой шеи платье. Нарушение законов внешнего приличия карается безжалостным изгнанием из общества, в особенности если виновница – женщина.

Главная сущность внешнего приличия – возможно более решительное исключение из публичного поведения всего полового. Любовь как будто перестала существовать. Люди стали бесполовыми. Они не ведут себя, как влюбленные, они не говорят о любви – то есть по крайней мере громко, – они не видят, когда другие ведут себя, как влюбленные. Любовь отрицается. Такое поведение принято называть корректным. Другая характерная черта приличного поведения – стремление избегать в разговоре таких выражений, которые не только содержат, но даже только могут содержать намек на половые отношения. Избегаются и серьезные разговоры о половых вопросах. Говорить об этом с женщиной считается прямо бестактным. Порядочная женщина о таких вещах ничего не знает.

Строго возбраняется точно обозначать те части женского тела и женского костюма, которые действуют эротически возбуждающе. Обо всем этом позволено говорить лишь с «деликатными» намеками. У женщины нет ни бедер, ни икр, есть только ноги! Груды именуются грудью, в крайнем случае допускается слово «бюст». Живот заменен желудком. Задняя часть тела совсем не существует. Корсет называется лифчиком. Нижняя юбка именуется благородно и прилично «жюпоном». Женщина не беременна, а «в таком положении».

Внешнее приличие требует строго избегать всех тех случаев, которые могли бы благоприятствовать соблазну. Неприлично, если молодой человек и молодая девушка остаются одни в комнате; одинокая женщина, раз она дорожит своей честью, никогда не будет принимать у себя мужчин; ни одна девушка, ни одна порядочная женщина не выйдет вечером одна на улицу. Общаться с мужчинами порядочной женщине вообще разрешается только в присутствии посторонних лиц. Даже жених и невеста имеют до свадьбы право разговаривать и встречаться только в обществе взрослых.

Дама, идущая по улице, не должна оборачиваться ни назад, ни в сторону, а идти лучше всего с опущенными вниз глазами, не слишком быстро, не слишком медленно, иначе можно подумать, что она приглашает мужчин познакомиться с ней. Порядочная женщина обязана избегать на улице поднимать юбки. Только проститутки показывают ноги. Запрещалось показывать даже ступню ног, и потому, когда в моду вошли короткие юбки, они считались неприличными в так называемом «обществе». Если мода и разрешает даме делать большой вырез в бальном платье, то дома показаться постороннему в неглиже, хотя бы и самом скромном, ей строжайшим образом воспрещено и т. д.

Можно было бы заполнить целые страницы подобными «требованиями приличия».

Искусство, театр, литература также должны сообразоваться с этой институтской моралью. Нагота находится в опале. Она — бесстыдство. Созерцание нагой статуи, картины с голыми или полуголыми фигурами доказывает, что у человека нечистые желания и помыслы. Приличные люди знают только одетого человека. В романах и драмах, которые читаются и смотрятся приличными людьми, герои любят только самым законным образом. Здесь нет речи об адюльтере, о незаконных детях, о продажной любви. Любовь непременно кончается браком или же в противном случае отчаянием, что брак не состоялся, и т. д.

Нарушающие эти правила приличия подвергаются безжалостному гонению: все, поступающие открыто и честно, все, отдающиеся горячей страсти, не обращающая внимания на внешние формы. Девушка или женщина, целующая неофициального жениха, незаконного мужа, тем самым уже потеряла свою честь. Молодая девушка, которую поцеловал мужчина, который тогда был ее женихом, уже не может потом выйти замуж за порядочного человека. Всякая добрачная

связь женщины считается безнравственной. Забеременевшая девушка на веки вечные лишается уважения всех порядочных людей. Все двери запираются перед нею. Она – отверженная, на которую все указывают пальцами. На девушку-мать же все смотрят как на развратницу, ее незаконное дитя опорочено на всю жизнь. А если женщина пойдет так далеко, что будет открыто исповедовать принцип «свободной любви», то ее сочтут за проститутку, к которой можно относиться только с отвращением и презрением.

Таковы важнейшие и известнейшие параграфы интернационального закона о внешнем приличии. Это, так сказать, его официальная часть. В этой своей форме он всеми признан и всегда на устах всех порядочных людей. Неофициальная часть этого закона, неизбежный выход из дилеммы, касается самого поведения и облечен в следующее категорическое требование: если вы не можете жить целомудренно, то развратничайте по крайней мере тайком. Так гласил когда-то и девиз монахов. Если это требование строго соблюдается, то общество готово при известных условиях закрыть глаза на поведение этих людей. Другими словами: раз соблюдается это требование, то общество разрешает мужчине все, а женщине – очень многое.

Большинство людей охотно сообразует свое поведение с этим правилом. Мужчина имущих классов часто имеет любовницу, но он никогда не пройдет с ней по улице и вообще будет показываться с ней как можно реже. Он чрезвычайно часто сходится с проститутками, но делает это тайно. На улице проститутка и для него – злокачественный и отвратительный нарыв на теле общественного организма. Часто и порядочная дама считает ласки одного или нескольких посторонних мужчин заманчивее наслаждения, даруемого ей мужем. Но она не скомпрометирует ни себя, ни мужа и будет всеми силами стараться, чтобы прислуга ничего не знала. Безусловно, корректная дама, дорожающая «чистотой

квартиры», требует обыкновенно, чтобы ее любовник содержал особую квартиру, где можно устраивать не бросающиеся никому в глаза свидания.

Заказывая себе бальное платье, дама будет строго считаться с тем, чего требует в данный момент приличие, принятое модой, и, однако, она устроит так, что любопытство и вожделения осчастливленного партнера будут удовлетворены. С удивительной ловкостью решает она задачу быть голой и в то же время одетой. К. Пельтан рисует в своем труде об обществе Второй империи следующую интимную сценку:

«Взгляните, например, на эту молодую мать, мечтающую у колыбели ребенка. За ширмой огонь в камине поет чудесную мелодию, в комнату ложатся благодаря матовому, заглушенному к тому же голубыми окнами освещению бледные лунные пятна. В этой очаровательной сумеречной тишине не слышно даже тикания часов. Желая увековечить час незабвенного визита, мадам испортила механизм часов. Окруженная волной воздушного кашемира, она прижимается к мягким подушкам кушетки и, подперев голову украшенной браслетами рукой, полузакрыв глаза, размышляет над моральной геометрией, над вопросом, как устроить так, чтобы ее новое бальное платье позволяло ей казаться голой, тогда как она на самом деле одета. И знаете почему? Какой-то смелый кавалерийский офицер сравнил ее с Венерой Милосской. И вот она хочет доказать, что она может победить и олимпийскую богиню».

Когда между дочерью и претендентом на ее руку завязываются серьезные отношения, почтенная мамаша сделает все, что в таких случаях считается вдвойне обязанностью женщины, дорожащей хорошей репутацией. Никогда не оставит она молодых людей вдвоем, дабы пресечь в корне возможность всяких сплетен. Однако, возвращаясь с бала или из общества домой, она нередко, если их сопровождает ухаживатель дочки,

будет в карете засыпать. Нет такого брака, в котором главную роль не играла бы любовь! Обе стороны воодушевлены самыми благородными намерениями! Девиз жениха всегда гласил: «Я женюсь только по любви, деньги меня не интересуют».

Девиз невесты звучит: «Я выйду только за человека, которого буду уважать, положение его не играет для меня никакой роли, в противном случае я лучше останусь в девушках».

Оба и руководствовались и в самом деле этими возвышенными принципами. Все знают, что они влюблены друг в друга до безумия. «Они точно созданы друг для друга», – сообщают сияющие от радости родители всякому, желающему слушать. И прибавляют, поясняя: «Он – или она – мог бы сделать гораздо более выгодную партию, если бы он – или она – только захотели. Но он – или она – вбили себе в голову, что свяжут свою жизнь только с нею – или с ним!» Если бы кто-нибудь дерзнул возразить: это просто союз двух имен, соединение двух состояний, все закричат: какая гнусная клевета!

Только изредка, находясь среди своих, когда поза приличия не стоит затрачиваемого на нее труда, случается, что покров цинично снимается и положение вещей обнаруживается в настоящем свете. В своей книге Пельтан воспроизводит с натуры и такую сцену: «Несколько дней тому назад зашел я в читальню, очень посещаемую сливками Сен-Жерменского предместья. Молодой человек, подобрав ногу до самого подбородка, дожидался кем-то взятого романа из жизни богемы, отстукивая на набалдашнике тросточки каватину Беллини. Вскоре появился другой молодой человек, его приятель по части развлечений, к которому он обратился прямо, без обиняков, с вопросом: «Сколько принесет тебе женитьба?» – «Сто тысяч», – ответил тот.

– Признайтесь, господа, – заметила хозяйка читальни, – что вы предпочли бы приданое без девушки» – «Несомненно!» – ответили оба, как один человек.

Оба были молоды и, судя по элегантному костюму и виду, вероятно, также и богаты. В Париже так рассуждают в годы иллюзий все герои польки.

«Сколько принесет мне женитьба?» — таков лозунг известной части молодежи, для которой брак только источник пополнить истощившийся кошелек, только последнее средство оплатить сапожника и портного.

Став собственником горячо ожидаемого приданого, муж снова принимается за прежний образ жизни со всем пылом счастливого игрока, с тем большим увлечением, чем дольше приходилось из экономии отказываться от удовольствий. Он посещает клуб, кофейни, вечером идет в театр. Рано покидая свой дом, он возвращается поздно, чтобы избежать скуки и жены, один вид которой возбуждает в нем угрызения совести».

Вот таков пример, характеризующий моральное лицемерие буржуазного общества в области половых отношений. Эта же самая мораль фигового листка охватывает все стороны жизни буржуазного века. Буржуазное общество ни за что не хочет обнаруживать истинной сущности вещей. Такими же безупречными, как индивидуальная половая мораль, провозглашаются и социальные отношения: «Кто беден и нуждается, тот в этом сам виноват», «Кто хочет найти работу, всегда найдет ее», «Кто делает сбережения, тот всегда выйдет в люди». К тому же разве «мы не заботимся по-человечески о бедных и

*Мосли. Неожиданное
возвращение. 1770*

несчастливых?», «Разве нет больниц для больных, приютов для бездомных, детских садов для детей, сиротских домов для сирот, богаделен для слепых, калек и стариков?», «Разве мы ежечасно не жертвуем собой для общего блага?», «Разве мы не члены всевозможных благотворительных обществ?», «Разве наши жены не устраивают необыкновенно доходные благотворительные базары, дни маргаритки и других цветов?», «Наши жены даже целуются и танцуют в пользу бедных!». Чего же, в самом деле, еще?

Все это носит, как уже сказано, международный характер, но любопытно то, что, за исключением Америки, это моральное лицемерие нигде так пышно не процветает, как в Англии. Если немецкая дама не произнесет слова «бедра», то благовоспитанная англичанка поступает неприлично, уже произнося слово «ноги». «Рубашка» и «корсет» совершенно не существуют в ее лексиконе. Не имеет права произносить подобные слова и писатель, в противном случае он подвергается опасности, что его книги и сочинения будут изгнаны из всех читален — а это равносильно его литературной смерти. Пьеса, в которой встречаются такие слова, никогда не будет поставлена. Даже науке воспрещено в Англии свободно обсуждать половые вопросы.

С духом этой институтской морали должно соотноситься все приличное общество в Англии. Распространенные в респектабельном обществе иллюстрированные издания не только избегают давать изображения наготы, хотя бы самого идеального свойства, но и лишают изображаемых людей всех половых признаков, воспроизводят их бесполыми. Только сюртуки и юбки отличают друг от друга представителей обоих полов.

Не менее характерен, впрочем, тот факт, что общество, подвергающее такому гонению слово и картину, относится тем более снисходительно к поведению людей.

Тайный разврат принимает такие большие размеры, что даже слово — простое слово — грозит изобли-

чить его. Чопорные люди – все без исключения развратники, по крайней мере в воображении. И потому против слов восстают особенно страстно. Так возник другой закон морального лицемерия: то, о чем не говорят, не существует.

Таково приблизительно положение вещей и в Америке. Никто не ведет себя так грубо-грязно, как американец, путешествующий по Европе. Тем чопорнее он зато на родине. Живущий в Нью-Йорке немецкий писатель Баумфельд писал о путешествующих американцах: «Кто часто разъезжал по океану, замечает с удивлением, как быстро улетучиваются под влиянием морского воздуха тот пуританский дух, та псевдомораль, которые делают жизнь в Америке такой несносной. Капитаны, являющиеся на палубе высшей полицейской инстанцией, могли бы из собственного опыта привести немало ценных сведений о том, какой грубой выглядит на самом деле даже самая очищенная *society moral*, раз она не сознает над собой никакого контроля. В высшей степени забавно видеть, как даже те янки, которые сначала находят подобное поведение *shocking*, сами потом становятся на сторону согрешивших.

В увеселительных центрах Европы ныне прекрасно знают, что американка требует еще более острых развлечений, чем даже американец. И их подносят ей с той же исправностью, с какой обслуживаются вообще хорошие клиенты. В последнее время я часто имел возможность разговаривать с одним господином из Каира, одним из лучших знатоков тамошней жизни, о невероятном нравственном падении арабов – одной из наиболее чистых в нравственном отношении рас. Он объясняет это явление просто заманчивыми предложениями обладателей долларов, не останавливающихся ни перед какой гнусностью, создавших целые промыслы противоестественных пороков, на которых они поистине помешаны.

Этот характерный факт понятен как реакция про-

тив жизни, опутанной неестественными и мнимыми добродетелями. Столь прославленная чопорность этой нации есть по существу что-то извращенное. Душевно порядочные люди не нуждаются в том, чтобы постоянно громко доказывать свое *alibi*. С естественной уверенностью избегают они всего того, что более всего привлекает путешествующего американца.

Из заграничного путешествия американец редко привозит что-нибудь, кроме таких вещей, ради которых он так охотно обманывает бдительную таможню. Только в исключительных случаях он будет говорить о незабываемых красотах природы, о неизгладимых впечатлениях искусства. Зато он знает адреса решительно всех шантанов, ресторанов и роскошных магазинов и любит их громко произносить. А тихо прибавит все те адреса, о которых уже нельзя говорить вслух, как только он вернулся домой».

Каждый, кто знаком с американской жизнью, согласится, что такая характеристика американцев правильна. В некоторых американских штатах поцелуй между мужем и женой считается предосудительным. Оба подлежат в таком случае судебному преследованию, ибо – как мотивировал несколько лет тому назад один судья в Нью-Джерси свой приговор – «приличные люди публично не целуются». Иметь у себя «непристойную литературу» – а под этот термин в Америке подводится добрая половина новейшей литературы, – правда, не возбраняется, зато пересылка по почте такой литературы считается во многих штатах преступлением.

Произведения вроде «Декамерона» Боккаччо относятся, естественно, к числу самых гнусных. В 1909 г. бывший судья Ричард Шегард был присужден к невероятному наказанию, к двум годам каторжных работ, за то, что «использовал почту для непозволительных целей», а именно за то, что переслал по почте, как выяснил почтовый сыщик, один экземпляр «Декамерона». На прошении о помиловании, поданном Рузвель-

ту писателями, сенаторами и другими видными людьми, президент написал: «В помиловании отказываю. Жаль, что не могу наказать этого господина пожизненным заключением».

Нет ни одной пропасти между идеей и действительностью, как бы она ни была глубока и широка, которую буржуазное общество не старалось бы и все снова старается тщательно затушевать. И притом весьма успешно. Вводящая в обман кулиса и ныне еще принимается миллионами за подлинную действительность, сделанная из папье-маше мораль – за каменный утес истинной и неизменной нравственности.

Глава 2

ИДЕАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ КРАСОТЫ В ВЕК ГОСПОДСТВА БУРЖУАЗИИ

Каждая новая историческая эпоха создает всегда свой идеал физической красоты современного человека. Хотя это положение было уже развито и подтверждено доказательствами, здесь необходимо прибавить еще некоторые дополнения к этому общему тезису.

Было бы, безусловно, неправильным предполагать, что этот идеал существует только в головах людей как идея. Во многих отношениях он осязаем телесно и существование его доказуемо именно потому, что люди стараются как можно больше приспособиться к этому идеалу красоты, порожденному, правда, идеей, но обусловленному всем комплексом жизненных потребностей, постоянно, как мы знаем, меняющихся. Это приспособление совершается при помощи жестов, движений, поведения, костюма – словом, всего жизненного обихода. Так как не подлежит сомнению, что люди отличаются такими особенностями гораздо отчетливее, чем ростом или телосложением, то отсюда

следует, что люди разных эпох должны резко отличаться друг от друга и в этом особом физическом отношении. Так оно и есть на самом деле. Человек эпохи Ренессанса имеет свою особую, только ему свойственную линию, как и человек галантного века и человек современного капиталистического периода. Каждый представляет совершенно непохожий на других тип.

В своем окончательном виде буржуазный идеал красоты диаметрально противоположен идеалу абсолютизма. Он должен был находиться в таком же резком противоречии с последним, в каком некогда идеал красоты Ренессанса находился со средневековым идеалом красоты. Ибо снова стояли перед человеком, этим живым орудием истории, иные цели, и снова он должен был сыграть в жизни иную роль, чем прежде.

Можно сказать не преувеличивая, что на первых порах некрасивым демонстративно считалось то, что идеализировала и чему поклонялась эпоха абсолютизма. И это касается не только человека, но и вообще всех сторон жизни. По той же причине была предана всеобщему презрению господствовавшая до той поры идеология красоты.

Особенно отрицательно относились к рококо с его воздушными и нежными линиями. Его прямо ненавидели. Насколько глубока была ненависть буржуазии к рококо, лучше всего доказывается тем, что пренебрежение, в которое перешла эта ненависть после того, как уже не приходилось бояться скрывавшегося за рококо политического принципа, длилось более трех четвертей столетия. В продолжение этого долгого периода появлялись во всех странах, и даже во Франции, только отдельные исследователи, пытавшиеся понять и освоиться с миром красоты этой эпохи. Во Франции к их числу относятся, как известно, братья Гонкуры. Этот факт служит доказательством вовсе не неспособности понимания и враждебного отношения к культуре бур-

жуазии разных стран, а огромного антагонизма между капитализмом и абсолютизмом.

Оба эти мира ни в чем не сходились, и потому буржуазия могла разве только удивляться искусству эпохи абсолютизма, но отнюдь не восхищаться им. Восхищаться им буржуазия стала лишь тогда, когда сумела ближе познакомиться с этим искусством. А распространенное ныне повсюду увлечение искусством рококо

Фрелих М. Невинность

доказывает, в свою очередь, не только, что утончилось понимание искусства и чувство стиля, а еще в гораздо большей степени то, что между культурой рококо и культурой новейшего капитализма существует немало точек соприкосновения.

Буржуазия, когда-то бывшая борцом, теперь все более становится сибаритом. И вот ее мечты и симпатии, естественно, обращаются к эпохе, когда сибарит был идеальным человеком.

Другим фактором, определившим первоначальный буржуазный идеал красоты, было то обстоятельство, что буржуазия стала господствующим классом только после продолжительной и героической борьбы. Эпоха нуждалась в героях. Каждый хотел быть героем и чувствовал себя в самом деле героем, победителем абсолютизма. Так зародился идеал героической красоты. Так как каждая эпоха стремится найти для своих новых потребностей уже готовые идеи и образы – или для того, чтобы легче популяризировать свои потребности, или потому, что новая идеология создается не сразу, – то она охотно

возвращается к таким эпохам и охотно заимствует у таких эпох, когда аналогичное историческое содержание уже выработало аналогичные идеологические формы.

Этим объясняется начавшееся в царствование Людовика XVI и достигшее своего апогея в дни французской революции увлечение античным миром. В Древнем Риме люди нашли то героическое поколение, которым хотели сами быть. Вот почему телесные формы Древнего Рима воспринимались как высшая красота и провозглашались как высшее мерило. Эпоха, нуждающаяся в героях, ежеминутно готовых пожертвовать не колеблясь жизнью во имя дела, естественно, относится к противоположному типу с величайшим презрением. Если перед героем преклоняются, то его антипода ненавидят. А именно героических черт был лишен прежде всего и более всего щеголь старого режима, бывший типическим мужчиной эпохи, так как он особенно ярко воплощал характерный для абсолютизма идеал мазохистского культа женщины.

Новая идеология выступила поэтому прежде всего против этого типа. Против этого женоподобного мужчины раньше всех повели атаку, естественно, в Англии, более других стран пропитанной буржуазным духом. А вместе с ним подверглись осмеянию и нападению и женщины, все еще увлекавшиеся этими «позолоченными игрушками».

В наш век капитализма царит купец, преимущественно фабрикант. А купец менее всего герой, во всяком случае не герой в античном смысле слова. Он отнюдь не чувствует потребности мужественно рисковать своей жизнью, еще менее, конечно, пожертвовать собой для других. Совсем напротив: он стремится жить как можно более за счет других. Он хочет нажить как можно больше денег. Его собственное «я» представляется ему важнейшим фактором в быстро бегущей смене явлений. Так же мало является он вершиной человеческого совершенства, ибо его способности, равно

как его успехи, всецело зависят от безусловно одностороннего развития его интересов.

Все односторонне сведено у него к расчету. Все неделовое, все, что не дает ему шансов материальной наживы, относит он в разряд удовольствий, на которые он тратит разве часть своего свободного времени. К той же категории он относит светскую жизнь, науку, искусство, политику, заботы о здоровье и красоте тела и т. д.

В истории на самом деле никогда более не повторялся столь односторонне развитый человеческий облик. Этот тип купца сделался в буржуазном обществе до известной степени идеалом мужчины вообще. Он вырисовывался все отчетливее и ярче, становился все более господствующим, пока не сделался в наше время единственным, оттеснив на задний план всякий другой мужской тип. В настоящее время, например, никому не придет в голову охарактеризовать Германию, если только он знаком со страной и ее населением, типами ее мыслителей и поэтов. Эти последние могли считаться идеальными образами только в такую эпоху, когда буржуазное государство существовало лишь как идея. Когда оно из идеи превратилось в реальность, его идеальным воплощением должен был стать его представитель, то есть купец.

Чрезвычайно характерная черта этого идеального образа в том, что половая и животная сторона жизни не дали никакого материала для его образования. Купец на вид не более чем чистое соединение логики, цепкой энергии и неутомимейшей деятельности. В машинный век он сам не более чем машина, и, само собой понятно, машина, всегда находящаяся в процессе производства, иначе она ведь не «капитализировалась» бы. А это было бы недочетом, совершенно неприемлемым с экономическими основами жизни. При всей своей односторонности это все же очень богатый тип, в высшей степени дифференцированный и сложный. Хорошо функционирующая счетная машина при

Добродетельная служанка.
Французская гравюра. 1805

всей своей простоте, как известно, также одна из наиболее сложных машин, какие только существуют. И потому она как-никак идеал машины. Как уже говорилось, противоположность действительности первоначальному идеалу красоты ярче сказалась в той метаморфозе, которую пережил в течение XIX в. идеал женщины, созданный мечтой мужчины этой эпохи. Идеал женской красоты изменился в направлении, противоположном тому, в каком изменился идеал мужской красоты, что, однако, не мешало тому, что и это изменение как нельзя более отвечало потребностям развивавшегося капитализма.

В женском идеале снова на первый план выступает, чтобы остаться господствующей, эротическая линия в отношении как физическом, так и духовном. Развитие капитализма снова сделало женщину предметом роскоши для мужчины господствующего класса, и притом, что вполне естественно, наиболее драгоценным предметом роскоши. А как известно, предметы роскоши существовали во все времена только для того, чтобы ими наслаждались, и притом наслаждались в материальном смысле этого слова. Воображение поэтому воспринимает как красивые те линии, которые способствуют такому наслаждению, а ими являются, само собой понятно, только эротические особенности женщины! Их и подчеркивают особенно резко.

Потребность имущих классов видеть в женщине

снова не более как эротически-лакомый кусочек находила себе опору в фактически не изменившемся общественном положении женщины. Победа буржуазного порядка над идеями абсолютизма сделала женщину только в теории равноправным человеком. На самом же деле она находилась в такой же зависимости от мужчины, как и прежде. Только в законном браке имела она и теперь право удовлетворять так называемую потребность природы. Ей приходилось и теперь добиваться любви мужчины теми же способами, что и прежде. Другими словами: если только сам мужчина не домогался ее руки из денежных соображений, она должна была заманить мужчину в свою сеть теми своими качествами, которые его соблазняли как самца, то есть теми эротическими наслаждениями, которые мог рассчитывать найти у нее человек, готовый связать с ней свою жизнь.

Искусство и в данном случае разоблачает эту сокровенную мечту мужчины. Все изображения женщины проникнуты этими тенденциями. Классическим литературным примером может служить гениально-остроумная «Песня песен» Гейне, этот гимн в честь женского тела. Женщина только лакомый кусочек для чувственности, олицетворение наслаждения. Она только красивое тело. Ум и душа ее не играют никакой роли для мужчины, который ищет и находит у нее нечто совсем другое.

Впервые появилась и восторжествовала эта эротическая нотка в новом идеале женской красоты в эпоху Директории, стало быть, в конце XVIII в. В этот период античные богини получили явно выраженный пикантный оттенок древних жриц любви. Такие женщины считались и в жизни наиболее прекрасными.

После падения наполеоновской империи наступила реакция в том смысле, что теперь совершенно исчезают величественные фигуры. Место их заняла мещаночка. После мучительных родов, производших на

свет новое буржуазное общество, люди жаждали покоя. Последующая эпоха провозгласила поэтому идеалом женщину, рядом с которой надеялись найти уют, тихое семейное счастье, рядом с которой мужчина не испытывал ни вечного беспокойства, ни великой страсти. Необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что благоразумное и степенное мещанство стало тогда надолго – по крайней мере во Франции и Германии – задававшим тон классом. Но то был лишь переходный момент, да кроме того, эпоха подготовительная, эпоха, подготавливавшая почву для собственно современной жизни, когда капитализм достиг своего полного развития и когда соответственно с этим был рожден новый идеал женской красоты.

Отныне можно было наслаждаться полными глотками, ибо теперь были налицо средства, позволявшие доставлять себе какие угодно изыски. И люди в самом деле наслаждались с жадностью и упоением изголодавшихся, а эти люди были вместе с тем, как мы знаем, пышущие силой *parvenus*. Пышность и роскошь – таков их вкус. Эта историческая ситуация породила пресловутый идеал женской красоты Второй империи во Франции. Женщина представляла собой тогда не только красивое тело, перед которым преклонялись и романтики, но и, кроме того, цветущее и пышное тело, в котором так приятно было потонуть. Эпоха, любящая внешнюю помпу, всегда отдает предпочтение пышному телу, так как последнее назойливо бросается в глаза. Новым идеалом красоты стала женщина с крупными формами, женщина с могучим туловищем, крепкой, скорее слишком большой, чем слишком маленькой грудью, грудью, грозящей разорвать корсет, с ослепительными, величественными плечами, с выступающими бедрами и выпуклыми ляжками. То женщина, всюду распространяющая аромат своего тела, приводящая мужчину в возбужденное состояние, женщина, которой он подчиняется, которой он приносит в дар огром-

ные состояния, — словом, женщина-кокетка. В образе Нана Золя нарисовал наиболее верный и точный портрет этого женского типа. В эту эпоху у женщины ищут и от нее требуют тех же наслаждений, как в публичном доме, и потому со всех картин на нас смотрят красавицы из публичного дома. Идеал салонной кокетки господствовал в продолжение многих десятилетий во всех странах — в Англии и

В мечтах. Венская гравюра

Германии, во Франции и Австрии. Его родиной был Париж, и отсюда он покорил весь мир. И это очень характерно для истинных причин, определяющих идеал красоты всех эпох. Это не расовые признаки. Ибо если пышное женское тело с полными соблазнительными формами и отвечает вполне расовому венскому типу, то с парижским оно не имеет ничего общего. Парижанка, как известный расовый тип, хотя и отличается чувственными округлыми формами, но все же стройна. Никогда величественная или помпезная пышность не была ее специфической расовой чертой. И несмотря на это, именно в Париже возник этот идеал, и здесь особенно громко раздавалась хвала ему в красках и словах.

И это вполне логично. То был естественно родившийся идеал внезапно разбогатевшей буржуазии, для которой любовь была равносильна наслаждению, которая хотела наслаждаться, не боясь никаких эксцессов.

А Париж эпохи Второй империи представлял для этих тенденций не только очень благоприятную, но до

известной степени даже единственную в своем роде историческую почву. Начавшийся во Франции при короле-мещанине экономический расцвет доставил французской буржуазии огромные состояния. В эпоху Второй империи этот процесс достиг еще более грандиозных размеров. Так возникли не только необходимые экономические предпосылки, но и самый стимул к роскошной жизни буржуазии. А что эти предпосылки осуществились здесь в таком смелом масштабе, как ни в одной другой стране, объясняется, в свою очередь, особыми условиями наполеоновского владычества.

Наполеоновский режим был правительством незаконным. Пусть он выстраивался на коалиции рья и сабли, против него была вся роялистская аристократия. Наполеону III приходилось поэтому опираться на разбогатевшую, лишенную всяких политических идеалов буржуазию. При таких условиях он должен был стать покровителем роскоши. Ибо это была единственная форма, в которой он мог подействовать на сердца буржуазных делателей денег, равнодушных ко всему прочему. Характерная для эпохи роскошь должна была достигать своих крайних пределов при дворе Наполеона и отсюда сиять над Парижем, а также и оплодотворять его. Париж должен был стать для всего мира магнитной горой наслаждения и удовольствий. Так оно и случилось, и притом в самом широком масштабе.

Париж Второй империи сделался для всех, кто хотел до дна испытать чашу наслаждения, своего рода Меккой. Этой жажде наслаждения и роскоши вполне соответствует вышеописанный по существу грубый и вульгарный идеал красоты. Разврат был для женщины этой эпохи физической потребностью и вместе средством доставлять себе роскошь, без которой она не могла обойтись. Так как в других странах и городах имущие классы не находили тех же благоприятных для удовольствий

условий, то там, например в Германии, тип женщины-кокотки и не получил такого же развития.

Этот идеал не исчез вместе со Второй империей, так как аналогичные условия вскоре определились и установились и в других странах. Он продолжал господствовать в слегка смягченном виде до 80-х гг. Только эпоха так называемого *fin de siècle*'а внесла в этот идеал новый и яркий корректив. Чувственные удовольствия все более утончались, и потому место крепкого и здорового заняло все рафинированное, так как только в нем находили новое возбуждение люди сытые и пресытившиеся. Формы женщины должны были, естественно, стать менее полными и крупными. Тип женщины, обнаруживающей здоровый любовный аппетит, производил теперь отталкивающее впечатление. Предпочтение и премия даются теперь артистке любви, умеющей, как волшебница, из ничего создавать целое меню изысканных блюд.

Истинная артистка любви должна иметь очень тонкие нервы. Она поэтому состоит из одних только нервов. Линии тела становились в силу этого не только все деликатнее и капризнее, но и все стройнее. Высшей точкой этого развития становится декадентский вкус, считающий красивой женщину с мало развитыми бедрами и грудью. В настоящее время мы находимся как раз под знаком этого вкуса. Светская дама, отличающаяся не только «вкусом», но и «полными формами», отдается ежедневно в руки массажистки, умеющей смягчить естественную полноту ее бедер, талии и т. д. Или она систематически морит себя голодом, или принимает пилюли, будто бы освобождающие женщину от излишней с точки зрения господствующего вкуса телесной полноты.

Здесь необходимо упомянуть, что в недрах нашей эпохи заложены, однако, и другие тенденции. Уже несколько десятилетий как человечество инстинктивно стремится к новому возрождению. Грядущие поколе-

ния должны быть здоровыми, сильными, способными к творчеству, так как их ожидают новые, великие задачи. Если нужно указать на художественное воплощение этого стремления ввысь, то достаточно вспомнить типы великого Курбе и бессмертного Родена. Так называемая светскость в них уже совершенно отсутствует. Женщины Курбе похожи на здоровую, жизнь творящую и жизнь поддерживающую природу. А «Мыслитель» Родена уже не только воплощение духа, не только счетная машина, но и великолепнейшее соединение тела, духа и энергии.

Если современный идеал женской красоты состоит в чрезмерной стройности и, следовательно, в отсутствии не только развитых бедер и задней части, но и развитой груди, если последняя ныне считается многими женщинами некрасивой, то это, однако, нисколько не мешает им видеть именно в этом отсутствии развитого бюста величайшее несчастье, которое только может их постигнуть. Если женщина еще мирится с отсутствием развитых бедер, то отказаться от хотя бы немного развитого бюста она ни за что не хочет. Таким же великим несчастьем считает женщина дряблые груди. Ничто не характеризует стремление устранить эти недочеты фигуры лучше того факта, что на этой почве возникла целая отрасль индустрии, вот уже десятилетия как питающая в каждом городе сотни и больше лиц и помещающая десятками свои рекламные объявления в каждой газете. В некоторых газетах объявления о том, как достигнуть «идеального бюста», «великолепного бюста», «пышного бюста», «красивых полных форм» или как вернуть груди утерянную упругость, заполняют целые страницы.

Искусство доказывает особенно наглядно, до какой степени и теперь еще большинство мужчин выше всего ценят в женщине красоту, и в особенности полноту бюста. Во все эпохи столь богатой истории искус-

ства XIX в. вы найдете бесчисленное множество художников и произведений, усматривающих если не главную, то во всяком случае одну из важнейших задач в изображении или подчеркивании красоты женской груди.

Необходимо рассмотреть еще вопрос: в каком отношении находится к этим идеалам – не только в частностях, но и в совокупности – действительность? Другими словами: существует ли еще в жизни тот идеально прекрасный, физически совершенный человек, которого так великолепно изображало древнегреческое искусство? Вопрос этот часто ставится, и так же часто на него отвечают решительным «нет». В доказательство ссылаются обыкновенно на современных художников, в произведениях которых мы тщетно будем искать совершенные тела, подобные изображенным античным искусством.

Однако, с другой стороны, как раз художники утверждают, что все грехи цивилизации не смогли разрушить и уничтожить человеческой красоты. Каждый день она рождается сызнова. По их мнению, среди нас есть бесчисленное множество Аполлонов и Венер. Венера и Аполлон не вымерли. Они существуют еще во множестве экземпляров. Однако в какой мере современная цивилизация способствует или же мешает естественной способности выживания красоты? Ответ на этот вопрос малоутешителен, даже больше – в высшей степени подавляющ. Цивилизация не только не помогает успешно развиваться вверх тому, что из рук природы выходит все снова и снова в сияющей красе, а преследует его тысячами опасностей, от которых рано или поздно – обыкновенно же рано – погибает все, что поначалу отличалось красотой.

Глава 3

БУРЖУАЗНЫЙ КОСТЮМ

После победы Великой французской революции неизменной рамкой жизни всех европейских культурных стран сделалась демократия в смысле всеобщей жизненной формы европейских культурных народов. Устроенный впоследствии буржуазией компромисс с силами прошлого только стер и внешне затушевал этот факт, изменить же его он не мог. Демократия в смысле всеобщей жизненной формы – неизбежное социальное последствие современного крупнокапиталистического производства и служит, как уже было сказано в начале вступления, необходимым его базисом.

Буржуазный костюм возник в Англии, как некогда придворный в Испании, так как в Англии впервые определилось господство буржуазии, как некогда в Испании – господство абсолютизма. Ярко обнаружились формы, главные линии которых остались до сих пор принципиально преобладающими в мужском и женском костюме, однако лишь в эпоху, последовавшую за падением Первой империи во Франции.

Основной элемент буржуазного костюма – его единообразие. Отныне существуют только равноправные граждане. Отныне поэтому костюм уже не отличает, как прежде, людей друг от друга определенными признаками, дозволенными одному, а другому возбраняемыми под страхом наказания. Что нравится одному, тем и другой имеет право украсить. Это единообразие представляет вместе с тем прямую противоположность режиму. Величественность предполагает превосходство одного над другим. Теперь каждый и по своему костюму – часть единого целого. Он принадлежит к этому целому. Эта особенность буржуазного костюма обнаруживает, в свою очередь, социальный характер нового времени, солидарность отдельной личности с общественным организмом.

Это принципиальное единообразие костюма – черта не национальная, а интернациональная. Люди одеваются принципиально одинаково в Англии и Франции, в Германии и Америке и т. д.

Если наиболее бросающейся в глаза чертой буржуазного костюма является интернациональное единообразие, то черта, отличающая его от эпохи абсолютизма, состоит прежде всего в том, что мужчина уже не играет прежней роли чичисбея – в характеристичных линиях своего костюма он уже не подчеркивает культ галантности, культ женщины. Его костюм сделался более мужественным. Это вполне отвечает сущности буржуазной культуры. Эта последняя – культура безусловно мужественная, продуктивная и творческая. По этой причине ее истинным представителем выступает именно мужчина. Тон задает мужчина. Он – царь. Вызванная современным капиталистическим производством – пока, правда, только намеченная – эмансипация женщины знаменует лишь диалектическое противоречие внутри капиталистического способа производства.

Мужской костюм должен был, следовательно, получить специфически мужской характер, подобно тому как женский костюм отличается женственностью. Начался и этот процесс в Англии. Так как, кроме того, в Англии буржуазные идеи получили свою наивысшую разработку и более яркое выражение, чем где бы то ни было, то Англия не только была родиной буржуазных идей, но и Лондон остался до известной степени навсегда метрополией буржуазного мира. Вот почему до сих пор Лондон играет такую же роль в мужской моде, как Париж в женской.

Третья характерная черта, отличающая, быть может, особенно наглядно буржуазный костюм от моды старого режима, состоит в том, что он есть костюм трудящегося, неутомимо деятельного человека. В эпоху старого режима торжествовал бездельник, тунеядец.

Костюм ярко подчеркивал, что человек предназначен к бездействию, осужден на тунеядство. Костюм был только средством позировать и представлять. Он не допускал свободных, произвольных и в особенности быстрых и внезапных движений. Человек мог двигаться в таком костюме только размеренным шагом. Костюм был приспособлен только к паркету и салону. Светский человек разучился бодро шагать. Он не ходил, а приплясывал. Он вечно нуждался в коляске, и если приходилось сделать какую-нибудь сотню шагов, то каждый мало-мальски обеспеченный человек прибегал к носилкам. Если же он ходил по улице пешком, то двигался, как по паркету.

Необходимо принять в расчет еще одно принципиальное отличие от прошлого, а именно все более частую отныне смену моды.

Частая смена моды в области костюма в буржуазный век, несомненно, одна из наиболее характерных особенностей. Никогда раньше мода не менялась так часто и так быстро. Типические линии костюма теперь постоянно изменяются. Работающий в этом направлении изобретательный гений поражает и ошеломляет если не всегда красотой форм, то всегда беспредельным богатством все новых комбинаций. Этой частой смене моды подлежит главным образом, конечно, женский костюм, но и мужская мода меняется в XIX в. чаще, чем раньше.

Эта характерная для буржуазного века частая смена моды объясняется, без сомнения, главным образом никогда не исчезающей тенденцией внешне выражаемого классового обособления. Именно потому, что сословные разграничения официально упразднены и все люди стали гражданами, наделенными будто бы одинаковыми правами и одинаковыми обязанностями, именно потому, что — за исключением военного мундира — не существует больше законов и установлений, запрещающих носить рабочему тот или иной покров

платья, а горничной или мещанке – платье из той или иной материи или пользоваться теми или иными украшениями на том основании, что они будто составляют «привилегию» одних только женщин из верхних десяти тысяч и т. д., – именно поэтому последние чувствуют потребность выделяться как можно явственнее из общей массы. Другими словами: при всем видимом равенстве они хотят быть чем-то лучшим, вышшим, более благородным.

Ньютон. Неглиже. 1796

В разные эпохи, а именно когда та или другая часть костюма или особый покрой платья были внешним символом принадлежности к какой-нибудь партии, было сравнительно нетрудно выявить в костюме классовую противоположность. Это замечание в особенности приложимо к эпохам, когда временно господствовала реакция. В такие периоды известная мода служила выражением консервативных убеждений и политической благонадежности, тогда как демонстративное уклонение от нее было не менее откровенным протестом против господства реакции и заявлением о своей солидарности с оппозицией.

В области мужской моды наиболее характерными доказательствами в пользу этого положения служит прежде всего фасон шляпы, галстука и сюртука. В эпоху Первой империи все изъявляли свое восхищение Наполеоном тем, что носили характерную для Наполеона треуголку или же – имея в виду его военные успехи – шляпу, походившую на медвежьи шапки его

знаменитой гвардии, «уланки» уланов и т. д. Этот головной убор так же охотно носили женщины, и притом во всех странах. Когда Наполеон пал, то победители возненавидели когда-то столь популярную треуголку, символ его могущества, и аристократы, дипломаты и все войско чиновников стали носить цилиндр. Цилиндром украшали свои почтенные головы также все те, кто хотел продемонстрировать свои консервативные и легитимистские убеждения. Кто оставался верен знамени Наполеона, по-прежнему носил наполеоновскую треуголку.

Та же самая участь постигла другие символы наполеонизма – лавры и орлов, бывших типическим модным мотивом украшения в тогдашнем женском костюме.

Так как цилиндр остался и потом символом консервативных убеждений и политической благонадежности, то каждый раз, когда хотели выразить иные настроения, демонстративно противопоставляли ему иного вида шляпы. Начиная с 40-х гг. эту роль исполняла демократическая шляпа, шляпа с отвислыми полями, от которой, по мнению даже современных строго аристократических кругов, исходит все еще «запах революционной сволочи». Подобно чопорному цилиндру долгое время признаком консервативных убеждений служил белый завязываемый галстук, ставший начиная с Венского конгресса модой дипломатов, стремящихся таким путем усилить впечатление неприступности, принципиальной замкнутости и величия. Впоследствии к этим частям костюма присоединился еще застегнутый на все пуговицы сюртук. Такой костюм – в самом деле адекватное выражение любви к порядку, субординации, цепкой приверженности ко всему установленному и т. д. и ненависти ко всему прогрессивному, так как последнее вносит в жизнь беспокойство и неуверенность. Если кто в этих буржуазных кругах хотел подчеркнуть свои монархические убеждения, то он надевал цилиндр, туго завя-

занный белый галстук и длинный, на все пуговицы застегнутый сюртук, а кто стоял за прогресс, тот завязывал галстук так, что концы его свободно развевались по ветру, и предпочитал короткий и открытый сюртук.

Так как мужчина играет во взаимных отношениях полов активную роль, то подчеркивание половых признаков, эротически стимулирующих женщину, всегда играло в мужском костюме менее видную роль, чем в женских нарядах. Некоторую роль эта тенденция играет, конечно, и в мужском костюме, ибо костюм для обоих полов – союзник в борьбе за взаимное расположение и симпатию. Эпоха Ренессанса выразила эту черту очень смелым, на наш современный взгляд, образом и в мужском костюме... И эпоха старого режима путем костюма сделала из мужчины фигуру, воздействовавшую на чувства женщин в эротическом духе, а именно подчеркивая его молодость, его роль галантного рыцаря на службе у женщин и т. д.

Однако так как мужчине в деле ухаживания природа предоставила активную роль, ибо он может и даже должен действовать, требовать, нападать словами, недвусмысленными жестами и столь же недвусмысленными действиями, тогда как женщина обязана пассивно ждать и иметь право лишь косвенно обращать на себя внимание, то мужчина не нуждается в такой же степени, как женщина, в костюме, чтобы подчеркнуть свою половую индивидуальность.

Вот причина, почему смена мод сказывается в мужском костюме не в таких разительных и противоположных друг другу формах, как в женском, где каждая новая мода – почти пощечина только что сошедшей со сцены. Эволюция мужского костюма по той же самой причине, видимо, логичнее эволюции женской моды, так как он приспособляется к главным потребностям жизни без ошеломляющих скачков. Наконец, по той же самой причине торжествующее в буржуазную эпоху во всех областях жизни нравственное ли-

Гаварни П. Первоначальная форма кринолина

цемерие и его законы не бросаются так в глаза в мужских модах. Здесь пришлось устранить и упразднить лишь очень немного. Совсем исчезли только цвета, всегда воздействующие на чувственность: светло-голубой, сияющий желтый, темно-красный и т. д. Теперь преобладают нейтральные цвета. К тому же линии, выражающие в мужском костюме половую энергию, еще и потому не бросаются в глаза как специфически половые качества, что они вы-

ражают вообще энергию и могут быть без всякой натяжки истолкованы как признаки его профессиональной деятельности. Таким именно образом эти линии обыкновенно и истолковываются. Поэтому нужны совершенно определенные индивидуальные признаки, чтобы мужчина воздействовал своим костюмом на женщину именно как мужчина.

Исключение составляют только моды эпохи Великой революции и империи. Эти моды подчеркивают, как мы увидим ниже, очень рельефно и в мужском костюме мужской половой характер.

Сравнительно большее в эротическом отношении безразличие мужского костюма, конечно, не мешает тому, что мужская мода всегда следует и соответствует настроениям эпохи. Когда эпоха проникнута жаждой свободы и стремлением к прогрессу, то мужская мода становится заметно мужественнее и уже в костюме отражается эта тяга к индивидуальной независимости и самостоятельности, к общественной свобо-

де. В моде явственно сказывается жажда активности и способность к деятельности. Чопорный сюртук уступает место, как уже было упомянуто, платью с удобными свободными формами, которое можно носить по желанию открытым и закрытым, тогда как сюртук должен быть непременно застегнут на все пуговицы.

В периоды упадка и реакции, когда политическая опека суживает умственный горизонт, когда отказ от высших идеалов располагает господствующие классы сначала к чувственным наслаждениям, а потом ко всеобщей пресыщенности, линии мужской моды получают оттенок женственности, декадентства.

Неизменная задача всякой женской моды – все равно, при абсолютизме или в буржуазном обществе, как уже говорилось, – это наиболее эффектное и постоянное подчеркивание красот женского тела, эротически возбуждающих мужчину. Все различие состоит только в том, что в одну эпоху возможно более естественное решение этой задачи, в другую – только странное. Это подчеркивание при помощи костюма половых признаков женского тела, эротически воздействующих на мужчину, состоит в том, что эти признаки, как-то: грудь, талия, ляжки, бедра, икры – должны бросаться в глаза по возможности каждый отдельно. На улице или в салоне вы встретите не гармонически развитую красивую женскую фигуру, а молодую даму с полным пикантным бюстом, другую – с великолепно выступающими ляжками, третью – с упругими бедрами и т. д.

Между тем об общей сущности явления вы не получаете никакого представления, зато та или другая мода прекрасно осведомляет относительно груди. Вы узнаете, что она упруга, мала или велика, иногда даже – что она имеет форму груши или яблока. Все это рельефно выделено модой, и вы узнаете именно только эту одну часть тела, все же остальное лишь фон, на котором эта особенность выступает тем более ярко. Нет

никакого сомнения, что в более простых случаях соответствующие методы пускаются в ход бессознательно самими же женщинами, так как каждая женщина таким именно путем совершенно инстинктивно исполняет один из законов своей пассивности. Бессознательно такое решение, однако, только в более простых случаях, тогда как во всех остальных женщина ставит себе эту цель сознательно и со все большей изысканностью. С каждым платьем и каждой блузой она проделывает перед зеркалом бесконечное множество репетиций.

Побочное, очищенное от всякой грубой и грязной примеси решение вопроса об эротическом воздействии на мужчину женского костюма интересовало XIX столетие так же мало, как и все предыдущие эпохи. На один случай победы эстетизированной чувственности приходились всегда сотни случаев, когда прибегали к самым скабрезным средствам, даже если эти последние разрушали гармонию красоты.

Факт этот, впрочем, выглядит вполне естественным, если принять во внимание, что в течение всего буржуазного века, как и в предыдущие эпохи, главными законодательницами мод выступают наиболее яркие представительницы галантности, а именно верхний слой дам полусвета. Такое распределение ролей также вполне понятно. Галантная дама всегда, естественно, найдет наилучшее решение любой эротической проблемы. Уже одного этого обстоятельства было бы поэтому достаточно, чтобы провозгласить даму полусвета наследственной законодательницей мод. Есть еще другая причина, вполне объясняющая нам, почему мода подчиняется исключительно ее желаниям и потребностям. Богатые и известные дамы полусвета всегда были – в чем открыто признаются крупные парижские портные и портнихи – лучшими заказчицами.

По этим двум причинам вкус верхнего слоя проституток и получил такое решающее значение, и вот почему он является, по выражению одного парижско-

го портного, чем-то вроде «божьего закона, к которому прислушиваются женщины трех частей света». Вечная проблема – не кокетства, а кокотства – сразу воздействовать на эротику мужчины решалась, естественно, с течением времени тем более рафинированно, чем большие суммы тратились на эту цель. Ныне эти суммы превосходят все ранее нам известные и растут к тому же изо дня в день. В наше время сотни миллиардеров могут выдавать своим любовницам на одни только платья двадцать, пятьдесят, сто тысяч и даже вдвое более, и сотни таких богачей так в самом деле и поступают.

Если тон в женской моде в XIX в. – как и в XVIII столетии – задает Париж, то это объясняется не только романским характером, в котором преобладает чувственная сторона, но и общей культурой этого города. Париж обладает древнейшей и богатейшей цивилизацией из всех европейских городов, а она кульминирует, как мы знаем, в единственном в своем роде культе женщины. Все, что так или иначе связано с женщиной, как с художественным произведением эротики, имеет здесь свою традицию и получает свое логическое оправдание. В этой области Париж ушел так далеко вперед, что другие города и страны никогда его не догонят.

Две особенности характеризуют женскую моду XIX в.: с одной стороны, стремление, «несмотря на платье, быть раздетой», а с другой – тенденция пря-

Треска.

Франт эпохи революции

мо противоположная – кринолин, вуалирующий нижнюю часть женского тела так же смешно, как в XVI, XVII и XVIII вв. юбки, фижмы и т. д. Если кринолин знаменовал собою – еще и по другим причинам – возврат к абсолютистскому прошлому, то «одетая нагота» стала специфически новым завоеванием буржуазного века. Эта последняя тенденция была поэтому главной, и именно ее все более рафинированным решением эпоха и была более всего озабочена.

Мода – публичный акт. Она – выставлемый на показ плакат, указывающий на то, как люди намерены официально отнестись к вопросу об общественной нравственности. В моде общая историческая ситуация всегда находит свою наиболее точную формулировку. Такая наиболее точная формулировка – принцип «одетой наготы». Ибо он представляет не что иное, как под сказанное нравственным лицемерием решение вопроса о женской моде, вопроса, как одеваться так, чтобы быть одетой от шеи до пяток и в то же время представлять в воображении мужчин в эротической наготе.

Впрочем, первое решение этой проблемы, а именно так часто описанные моды эпохи Великой революции, доводившие эротическую наготу женского тела до последней крайности, было продиктовано не нравственным лицемерием, а его прямой противоположностью, так как официальное нравственное лицемерие восторжествовало как господствующая мораль буржуазии лишь тридцать лет спустя. Пусть между этой основной формой буржуазного костюма – а это, несомненно, мода эпохи революции – и более поздними буржуазными модами, в особенности модами наших дней и недавнего прошлого, существуют точки соприкосновения, и все же она представляет нечто принципиально отличное.

Вот почему ее и следует рассмотреть особо. Подобно новому идеалу физической красоты, мода эпохи революции коренится в Англии. Правда, только «коренится». Только первые ее линии, представлявшие

принципиальную противоположность костюму эпохи рококо, возникли в Англии. Ее наиболее характерные формы развились в Париже, в эпоху революции. Но и в Париже революционный костюм, костюм, подражавший греческому, появился не сразу готовым, как Минерва из головы Юпитера, а существовал уже задолго до революции – в продолжение всего того времени, когда буржуазные идеи революции подтачивали старый общественный строй. Даже настоящий революционный костюм, греческая одежда, встречается уже задолго до революции, правда, не как всеобщая мода, а только у некоторых лиц, предвосхитивших ее.

Главной тенденцией, проникавшей и толкавшей вперед буржуазную моду, было стремление к освобождению. Люди хотели двигаться свободно и непринужденно. И вот они сбрасывают чопорный костюм рококо, ощущавшийся физически как каторжная куртка, надетая на них абсолютизмом, и облакаются в костюм столь же свободных форм.

Так как эти люди объявили к тому же войну целому миру, то они хотели показать при помощи одежды, что у них имеются нужные для этого мускулы, крепкие икры и массивные ляжки, что они народ здоровый, а не поколение фарфоровых фигур и кукол-манекенов. Эти тенденции обнаружились в мужском костюме в виде удобного открытого фрака, свободно положенного вокруг шеи шарфа, плотно облегающих ноги панталон, сапог с отворотами и мягкой фетровой шляпы, которой можно было придавать какую угодно форму.

В женском костюме это стремление обнаружить свою физическую способность перестроить весь мир могло, естественно, выразиться лишь в систематическом оголении. Женщины отказывались от похожего на панцирь корсажа, от нижних юбок и оттопыривающихся фижм, а ноги обували не в гротескный башмачок на высоком-высоком каблуке, не позволявший как следует ходить, а в сандалии.

*Дютайли. Последствия
слишком легкого костюма*

Если эта главная тенденция нового буржуазного костюма облекалась в античные формы, то это было вполне логично. Здесь действовали причины, которые сделали идеалом нового человека, именно человека античной древности. Так как люди нашли в Древнем Риме то героическое поколение, которым сами хотели стать, то они и переняли его костюм.

Когда речь заходит о модах революции, то обычно вспоминается пресловутый «костюм наготы», в который в конце концов превратилась — под названием «*Costume a la grec*» — женская мода этой эпохи. Сомнительная слава или, вернее, осуждение, которое эта мода нашла и находит одинаково как у более тонко чувствующих натур, так и у чопорных духом лиц, не особенно удивительно. Ибо стремление женской моды эпохи революции показываться публично в возможно более оголенном виде было всецело осуществлено. Женщины были не только голы, несмотря на костюм, а просто голы. При этом речь шла о преднамеренно бесстыдной наготе.

Если бы напоказ выставлялось все тело, и, разумеется, только красивое тело в его гармонии, в художественном ритме его движений, то это было бы чистой и благородной формой наготы. Кроме того, оба пола должны были бы стремиться к этой наготы в одинаковой мере. Ни того ни другого мы, однако, не видим. Мужчина оставался одетым, раздевалась одна только женщина. И раздевалась именно для него. Эта черта имеет решающее значение. Модницы выставля-

ли свою половую наготу: груди, лоно, чары Венеры Каллипиги, бедра и икры. К тому же они украшались так, чтобы привлекать внимание мужчин именно к этим их прелестям. И притом так же смело на улице, как и в салоне. И не только летом, но и зимой.

Впрочем, следует указать на то, что, если мужчина и был одет, он в известном смысле также был, в сущности, раздет. Такое по крайней мере значение приписывали современники мужским панталонам, плотно облегающим тело.

Стоявшая перед женской модой проблема была разрешена самым простым образом: отказом от всего, кроме рубашки, причем эта последняя получила форму муслиновой накидки. Первоначально женщины носили под рубашкой трико телесного цвета, так что пластика форм выступала во всей своей отчетливости. Когда же нравственная распущенность уничтожила одну за другой все грани, то часто отказывались и от трико, а для уцелевшей муслиновой рубашки употребляли возможно более прозрачную ткань, позволявшую любопытствующим взорам видеть самые интимные прелести. Особые украшения подчеркивали эротическое воздействие этих прелестей. Золотые кольца и браслеты должны были еще ярче выявить красоту рук и икр, даже бедер. Чтобы любопытствующие глаза могли все это и еще многое другое видеть как можно яснее, муслиновая накидка была с обеих сторон раскрыта и частью подобрана, так что во всяком случае всегда видны были украшенные золотыми лентами и кольцами икры. Золотые, украшенные алмазами кольца носили даже на пальцах ног.

В эпоху Директории эта мода дошла до своего апогея, и именно об этой эпохе у нас и имеется больше всего сведений. Писатель Лакур замечает: «Нет больше корсетов! Нет больше нижних юбок! Весь костюм состоит из рубашки — было время, когда даже отпадала и эта часть костюма, считающаяся существенной, — по-

верх нее надевалась или сшитая по античным образцам туника, или, еще лучше, длинная накидка из муслина или *linon*, газообразной материи, плотно облегавшей тело и заставлявшей явственно выступать формы – вот и все! На шее и груди, в волосах и ушах, на руках несколько камней и медальонов из разного камня и разной формы, в руке сумочка, *ballantine* или *ridicule*, привязанная к кушаку. Дамы любили казаться в интересном положении».

В таком виде дамы, как уже упомянуто, показывались даже на улице, целыми часами гуляя к удовольствию мужчин на публичных променадах. «Какое наслаждение, – писал один уроженец Франкфурта домой из Парижа, – видеть перед собой такую грацию, на которой даже нет рубашки. Можно вполне беспрепятственно наслаждаться прелестями этих красавиц, так как они гордятся жадными взглядами, бросаемыми на них со всех сторон, и вслушиваются с удовольствием в циничный разговор мужчин об их красоте». Другой современник пишет: «Так как красавицы носят ныне обыкновенно лишь рубашку, то достаточно легкого порыва ветра, чтобы рассеять всякое сомнение относительно неподдельности их прелестей». Такие случаи были для гуляющих нередки. Если мало-мальски красивая дама обнажалась таким образом на улице, то она отнюдь не стеснялась этого.

Если, таким образом, дамы эпохи Директории одевались вообще более чем откровенно, то на балах нагота праздновала свой наиболее пышный триумф, здесь она имела своим союзником сияющий свет люстр, так что прозрачная муслиновая накидка часто походила скорее на одежду из сверкающего света.

Было бы, однако, совершенно неправильно видеть в этих крайностях женской моды эпохи революции только результат вызванной революцией в Париже нравственной разнузданности. В последнем случае эта мода никогда не сделалась бы интернациональной в тогдaш-

нем смысле этого слова. А она сделалась таковой, и притом в высшей степени. Англичанки увлекались ею так же, как и почтенные немки. Даже больше. Инициаторшами этой моды были именно англичанки. В Лондоне эта мода встречается уже в 1794 г.

В одном сообщении из Лондона, относящемся к 1799 г., говорится: «В конце минувшего года среди дам вошло в моду появляться полуголыми и выставять напоказ скрытые прелести тела, так что значительная часть здешнего женского бомонда, которой природа не дала пышного бюста, прибегала к искусственному, сделанному из воска, дабы мода не выдала этого их недостатка».

Искусственная, возможно точно воспроизведенная, грудь служила, естественно, для многих женщин необходимым реквизитом при такой моде.

Она и была изобретена в эту эпоху и всюду скоро вошла в употребление. Сначала ее делали из воска, потом из кожи телесного цвета с нарисованными прожилками. Особая пружина позволяла ей ритмически вздыматься и опускаться. Подобные шедевры, воспроизводившие иллюзию настоящего бюста, пользовались большим спросом и оплачивались очень дорого.

В Англии не только красавицы культивировали этот костюм наготы, но и безобразные старухи щеголяли в нем... Аналогичные данные имеются у нас и относительно Германии.

Интернациональное единообразие лучше всего доказывает, что интересующая нас мода была вовсе не экстравагантностью, порожденной Великой революцией, а коренилась в общих условиях тогдашней культуры. И потому бесплодно было и всякое моральное негодование, хотя не преминуло, конечно, сказаться. При помощи разнообразнейших аргументов и с самых противоположных сторон подвергалась эта мода критике как сторонниками старого режима, так и буржуазными моралистами. Моралисты заявляли, что женщина, в такой степени обнажающаяся перед

Бердслей О. За туалетом

мужчинами, тем самым предлагает себя каждому встречному. Это, стало быть, не что иное, как костюм публичной женщины. Врачи и филантропы указывали в свою очередь на то, что эта мода убийственно действует на здоровье. Последнее утверждение можно было в самом деле подкрепить многими случаями внезапного заболевания и скорой смерти, без всякого сомнения вызванными такой чрезмерно легкой одеждой. Но ни моральное негодование, ни голос благоразумия не могли отучить женщин от их фанатического увлечения даже крайностями этой моды.

Новая мода раскрывала женщине самые благоприятные условия для эротического воздействия на мужчину в эпоху, которая сознательно возвращалась от неестественности старого режима к природе. Правда, то, что эпоха выставляла как природу, было на самом деле только похотливой карикатурой на нее. Это объясняется, однако, интересами классового обособления господствующих групп. «Голый костюм» был всюду костюмом господствующих классов. «Чем более знатной была дама, тем более по-гречески, тем более обнаженной одевалась она». Это так же понятно, как и то, что мелкая буржуазия не переняла эту моду или ограничивалась лишь ее наиболее приличными формами. Мелкая буржуазия и на практике составляла наиболее резкую оппозицию этой моде, осыпая насмешками и издевательствами дам, появлявшихся на улице в особо «греческом» костюме.

Только проститутки конкурировали с дамами в наготe. Превзойти смелостью знаменитых модниц они все же были не в состоянии.

Если мода имущих классов отличалась от моды средних таким безобразным образом, если стремление к освобождению, лежащее в основе моды эпохи революции, сказалось именно в стремлении к бесстыдно-эротической наготe, то это, впрочем, вполне логично. Способы решения вопроса о костюме стремящимися к обособлению классами и слоями всегда подсказываются им специфическими условиями их существования.

Мы знаем: первыми эксплуататорами нового времени были как в Англии, так и во Франции разбогатевшие парвеню, класс, для которого женщина могла иметь значение только как предмет наслаждения. Эти люди уже не нуждались в женщине как в союзнице в борьбе за свои политические права, ибо последние были ими уже завоеваны и обеспечены.

Так как, с другой стороны, не было никакой принудительной причины разыгрывать по отношению к низшим классам людей высоко нравственных, то общая тенденция моды, естественно, и развивалась в том же грубом направлении, как и чувственные удовольствия и развлечения этого класса. Так же логично и то, что мелкая буржуазия по этому пути пойти не могла, да и в самом деле не пошла, потому что здесь условия жизни и классовые интересы носили прямо противоположный характер: здесь женщина была прежде всего матерью, хозяйкой и товарищем.

В эпоху империи эта разнузданная оргия во всех областях, а следовательно, и в области моды, проявлялась уже не так решительно. Однако самый принцип моды революционной эпохи уцелел. И это понятно. Базис общественного здания не изменился. По-прежнему буржуазия оставалась новым властителем мира. Несмотря на Наполеона, во всех странах настоящим императором была она. По-прежнему нуждалась она также в силе и в

мускулах, чтобы продолжать свое завоевание мира. Все это должно было символизироваться в моде, как и прежде. Так как, с другой стороны, Наполеон был не кем иным, как представителем формы нового времени, то опять-таки не только во Франции, но и во всем мире люди охотно восприняли моду, внесшую в костюм элемент некоего величия как символ победы Наполеона во Франции.

Одна из главных задач буржуазной женской моды состояла в том, чтобы устранить характерную черту моды всего старого порядка, а именно разъединение женского тела на грудь, лоно и бедра, и снова вернуть ему также и в костюме гармоническое единство. Эта задача и была разрешена, как видно, модой революционной эпохи.

В конце ампира мода снова вернулась назад, к прежним своим тенденциям: она должна была отражать теперь то же, что и идеал физической красоты, а именно то, что женщина была свободным человеком только в идее. В качестве же предмета наслаждения, ценимая лишь в зависимости от ее эротических качеств, женщина всегда, во все времена, была лишь соединением груди, лона и бедер. Поэтому и была вновь провозглашена эта формула.

Если костюм эпохи революции позволял выставить напоказ только грудь, что и делала эта мода в самых преувеличенных размерах, то подчеркивать при помощи костюма и другие части тела стало возможно только путем затягивания талии. Если в эпоху революции талия затягивалась под грудью, то теперь спустилась снова ниже, и в 1820 г. цель была достигнута.

При помощи корсета, процветание которого относится как раз к этой эпохе, можно было не только придать груди какую угодно форму, но и продемонстрировать взорам талию и бедра. Таким путем снова дошли до так называемой осиной талии, разделяющей фигуру на две половины. Затаенная похотливость эпохи бидермейер впервые праздновала настоящие оргии.

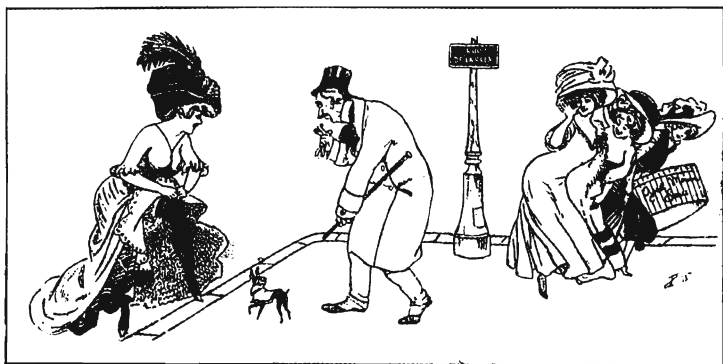
Наряду с корсетом той же цели должна была служить юбка. Приблизительно в это же время стали увеличивать число юбок, чтобы сделать талию еще более тонкой. Стремление как можно откровеннее воздействовать на чувственность становилось всеобщим. Так называемая осиная талия придавала фигуре стройность, которой она на самом деле не обладала. На этом пути пришлось, однако, остановиться раньше, чем хотели, так как число юбок нельзя увеличивать до бесконечности, иначе тяжесть костюма стала бы слишком ощутимой, да и фигура женщины производила в таком случае скорее неуклюжее, чем чувственное впечатление.

Необходимо было отыскать новое решение задачи, и его нашли, как и раньше, в фижмах, вошедших в 1840-х гг. в употребление, а в 1850-х гг. превратившихся в знаменитый кринолин.

При помощи кринолина можно было придавать бедрам уже какую угодно пышную форму. Как видно, кринолин вовсе не произвольная выдумка Второй империи во Франции, и еще менее он – изобретение императрицы Евгении, а итог всех тенденций моды, действовавших после исчезновения идей Великой революции.

И только поэтому кринолин и совершил свое триумфальное шествие по всем странам.

Как ни органичен и логичен кринолин как результат долголетней эволюции, ни одна мода XIX в. не отличалась такими смешными формами. И потому наряду с модами революционной эпохи он нашел наиболее яркий отголосок в литературе и в искусстве. Он вызвал не только огромное число газетных статей во всех странах, но и специальные исследования, всецело посвященные ему. Большинство этих статей и сочинений объявляли войну кринолину как вершине безвкусицы, как моде ординарной, как заблуждению и т. д. Для карикатуристов кринолин был, так сказать, «даровым кормом», на который они и набросились во всех странах с величайшей жадностью.

Саж. Парижская уличная сцена

Если для большинства критиков кринолина остались тайной как причина его распространенности, так и его конечные тенденции, то все же некоторые из них высказали немало ценных замечаний об этой моде. Так, Фр. Фишер метко замечает, что начавшаяся после 1848 г. политическая реакция, превратившая мужчин в баб, в особенности благоприятствовала господству кринолина.

Пельтан в своей книге о Второй империи «Современный Вавилон» пишет: «Неопровержимой исторической истиной является тот факт, что костюм становится тем объемистее, чем скуднее умственная жизнь эпохи. В наше время размеры его почти превзошли границы возможного, и требуется немало искусства, чтобы дама в таком колоссальном облачении не потеряла равновесия».

Однако самое злое замечание Фр. Фишера о кринолине – и в этом усматривает он исконную цель – следующие его слова: «Говорят, враги утверждают, будто столь прославленная прохладность этого костюма часто приводила к простудам, имевшим своим последствием преждевременный конец состояния, скрыть которое и стремился первоначально кринолин».

Выражаясь яснее: кринолин часто приводил к болез-

ни нижней части живота, имевшей своим следствием желанный для большинства беременных дам выкидыш. Не говоря уже о том, что здесь может идти речь только об отдельных случаях, не в этом заключалось истинное назначение кринолина. Как мы показали, развитие моды следует совершенно иным законам. Модой становится лишь то, что обслуживает интересы всех. Гораздо правильнее поэтому предположить, что быстрота, с которой воцарялся криолин, и продолжительность его господства объясняются в значительной степени теми преимуществами, которые он дает женскому кокетству, принуждая то и дело прибегать к нему даже порядочную даму. Оттопыривающийся криолин заставлял постоянно делать *retroussé*. Садясь, гуляя, проходя в дверь, поднимаясь по лестнице, танцуя и т.д. — всегда приходилось придавливать криолин. Вследствие этого он, естественно, вздувался в каком-нибудь другом месте, обнаруживая самые интимные части тела.

Криолин был в своем роде последним этапом, так как идти дальше здесь было уже невозможно. Когда пробил его час, необходимо было задаться прямо противоположными задачами. Не следует при этом забывать, что криолин решил только проблему выявления талии. Подчеркнуть при помощи кринолина бедра было просто невозможно, да и то, что в этом отношении было сделано предыдущей модой, криолин свел на нет. При имеющей форму круга юбке задняя часть ничем не отличается от передней. А хотелось подчеркнуть и эту заднюю часть, которая как-никак есть и остается самой чувственной прелестью женщины. И хотели не только подчеркнуть, но и по возможности воспользоваться этой интимной частью тела, а в криолине это было невозможно.

Ко всему этому необходимо прибавить, что все более торжествовавшее нравственное лицемерие буржуазии должно было стремиться создать другие, более приличные, чем криолин, формы костюма.

Принципиальный поворот был в этой области, стало быть, вполне логичен. Новая цель, к которой теперь устремилась мода, заключалась в том, чтобы найти такой костюм, в котором женщина казалась бы раздетой.

Поворот осуществился, когда стала шататься социально-политическая система, то есть Вторая империя, если и не создававшая моду на кринолин, то во всяком случае обеспечившая ему довольно долгое существование.

Так как постепенный поворот от кринолина исходил из стремления снова и в большей степени, чем прежде, ввести в арсенал женских средств соблазна эротическое воздействие бедер, то последующие моды должны были привести к гротескному подчеркиванию красот Венеры Каллипиги. Женщины хотели теперь не только показать, но и возвестить всему миру, что они обладают именно этой прелестью. Для этой цели сначала изобрели украшение из лент, материи, пестрых бантов, розеток и т. д., прикрепляемое на соответствующем месте, а потом турнюр.

Этот искусственный горб, которым отныне украшала себя каждая дама, который становился с каждым сезоном все огромное, который составлял гордость всех женщин, был, разумеется, очень далек от красоты. Он был, быть может, грубее даже кринолина, и все-таки путь к цели, хотя в большинстве случаев бессознательно, был намечен. Эту возвышенную цель – казаться, несмотря на полный костюм, почти совершенно раздетой, – эту «непроизвольную наготу», как выразился Золя о Нана, женская мода осуществила в начале 90-х гг. XIX в. Начиная с этого момента все изменения в моде не имели долгое время иной задачи, как все более усовершенствовать и сделать все более пикантным впечатление наготы женского тела. «О Боже! Все, решительно все видно, и притом более чем отчетливо!» – таково было отныне высшее блаженство множества восторженных модниц. Самые порядочные дамы, с уст ко-

торых никогда не срывалось слово, способное хотя бы отдаленнейшим образом оскорбить чувство приличия, дамы, боящиеся на улице поднять юбку, предпочитающие их лучше волочить по грязи, позволяют, нисколько не смущаясь, портному выявлять с пикантной отчетливостью интимнейшие части их тела.

Здесь прежде всего идет речь о наготе груди и поясницы, но и ног и в особенности бедер. Чего не могли добиться благоразумные наставления гигиены, достигло кокетство. Из одного только желания воздействовать на мужчину пикантностью завуалированных и все же явственно видимых интимных прелестей сотни тысяч женщин отказывались в расцвете лет от корсета и довольствовались скудным суррогатом. В имущих классах увлекались, кроме того, всеми видами спорта, так как кокетливый спортивный костюм позволяет видеть каждому, у кого есть глаза, что «под ним никакого другого одеяния нет». Ловко сшитый спортивный костюм позволяет различать не только форму груди, но и все ее движения. В фешенебельных зимних курортах множество женщин, обладающих твердой, упругой грудью, носят плотно облегающий тело свитер. У этого костюма то преимущество, что он позволяет видеть даже цезуру, разделяющую обе груди, так как он облегает тело плотно, как кожа. А разве не шик, если таким образом бутоны грудей вырисовываются вызывающе, как два острия стрелы.

Так как красивая грудь, к сожалению, не самая долговечная из всех женских прелестей, то щеголять такими и подобными рафинированными трюками может, собственно, только молодость и невинность. Кокетство обратилось поэтому, кроме того, и еще в большей степени к выявлению тех прелестей, которые в противоположность груди наиболее прочны, пышность которых становится особенно эффектной как раз в зрелые годы, а именно к выявлению прелестей Венеры Каллипиги.

Филистерская мораль требовала, чтобы тело женщины было подобно крепости окружено целым валом юбок. Так женщина оказывалась не только защищенной от всякого нападения, но и герметически закупоренной книзу. Ибо даже самый сильный порыв ветра не позволял ни одному кусочку тела проглянуть сквозь этот ворох материй. Теперь надлежало эмансипироваться прежде всего от этой массы юбок, чтобы восстановить не только частично, но и всецело в своих правах тело. И эта эмансипация из-под власти юбок, мешавших эффективному выявлению достоинств, зашла так далеко, что в конце концов и совсем упразднили юбку.

Можно утверждать, что этим способом хотели до известной степени вознаградить себя за необходимость отказаться в будничном костюме от декольте, о котором нам еще придется говорить. Роль, которую раньше исполняла декольтированная грудь, должна была теперь исполнять задняя часть тела. Таков был выход, найденный нравственным лицемерием. И это нравственное лицемерие обнаруживало таким путем, естественно, больше бесстыдства, чем эпоха Ренессанса или эпоха рококо, позволявшие женщине открыто щеголять красотой бюста. Конечно, нет таких телесных прелестей, которые были бы сами по себе бесстыдны или достойны презрения. Женщина, отличающаяся красотой Венеры Каллипиги, понятно, не обязана вовсе стыдиться этого своего достоинства.

И однако кто будет спорить, что впечатление, производимое грудью, все же гораздо целомудреннее. Грудь не только производит эротическое впечатление, она служит вместе с тем символом женственности вообще. Красота же поясницы имеет специфический и исключительно эротический характер. Она, как уже упомянуто, наиболее провоцирующая из всех прелестей женского тела. Нет другого более прямого и более ясного указания на половой акт. Стремясь декольтировать заднюю часть женского тела путем упраздне-

ния нижней юбки и при помощи – связанной с этим упразднением – узкой верхней юбки, мода ставила себе задачей воздействовать самым чудовищным образом на эротическую возбудимость мужчины.

Необходимо отдать себе ясный отчет в том фанатизме, который здесь царит, иначе мы правильно не представим себе последствий этой моды. В продолжение целых десятилетий снова и снова возрождается тенденция подчеркивать не только эти прелести, но прежде всего именно эти интимные половые признаки и тем самым насильно привлекать к ним и останавливать на них взоры мужчин. Сотни тысяч портных и портних заняты исключительно решением одной задачи: найти все новые упрощения, достигнуть все новых неслыханных эффектов. Платью придается такой покрой, чтобы оно как можно отчетливее отражало сокровеннейшие изгибы и линии и, следовательно, как можно более подчеркивало их эротический характер. Не только упраздняется нижняя юбка, для верхней выбирается плотно облегающая тело материя.

И делается это совершенно сознательно. Было бы нелепо предположить, будто портные так наивны, что ровно ни о чем не думают, или видеть здесь случайное явление либо произвольное толкование. Также нелепо предполагать, будто женщины – невинные жертвы покушений портных, будто они тоже не подозревают, ка-

*Фрелих М. Карикатура
на современную моду
«в платье, но
обнаженная»*

кие изощренные цели преследует подобная мода. Женщины прекрасно знают, в чем дело. Знают они не хуже и то, что должно произойти в мужчине под влиянием подобных трюков моды. Ведь они же главные вдохновительницы портных. Они же, кроме того, ловкие в большинстве случаев исполнительницы этих замыслов, делая во время ходьбы или стоя на месте соответствующие движения. Они умеют так носить платье, чтобы оно облегало тело плотно, как кожа. Различными способами оживляют они эти выступающие части тела, на которых, как они знают, покоится взор мужчин. Они точно придают этому назад обращенному лицу свою особую мимику. Чего не достигло искусство портного, то достигается ими. Множество женщин исполняют таким образом свою роль на всех улицах города. Осанка, походка, жесты женщины – все единое, демонстративно обращенное к мужскому полу предложение: оцени эти совершенства и насладись в воображении этим пиршеством. Смотри, какая упругость, смотри, как элегантно! как индивидуально! И каждая спрашивает всех: «Ты знаешь теперь все, надеюсь?»

Последнюю попытку решить вопрос о том, как одеваться так, чтобы казаться раздетой, попытку, оставшуюся на улице лишь смелым опытом, в бальной же зале нашедшую немало подражательниц, представляет кажущийся возврат к модам эпохи революции. Корреспондент газеты «Berliner Tageblatt» сообщал в свое время следующее: «Возрождается прошлое. Современная фантазия отличается больше стремлением к декоративности, чем творческими способностями. Вот почему неудивительно, что красивые женщины вспомнили те времена, когда они имели возможность показывать как можно больше свою красоту. Для греческой наготы наш климат не подходит. И вот дамы прибегли к помощи сбоку разрезанного платья эпохи Директории. Во время последних скачек в Лоншане появились четыре дамы. Одна была

одета в белое, другая в голубое, третья в светло-коричневое платье, а четвертая – впрочем, ради эффекта четвертую мы прибережем к концу.

Они носили поверх плотно облегавшего тело трико (из кожи, как мне сообщила одна из них) еще более узкие платья, обрисовывавшие каждый контур их тела. Когда они проходили на некотором расстоянии, приплясывая на цыпочках, они казались тремя обнаженными грациями: одна в голубом, другая в белом, третья в светло-коричневом. А четвертая!

На ней было платье, сбоку разрезанное от талии до ноги, а сквозь разрез просвечивало розовое трико. Так как погода была дождливая и прохладная, то подобный костюм предполагал не только большую бесцеремонность, но и много мужества. Ибо что сделаете вы с вашей красотой, когда схватите насморк?»

Это уже не последствие нравственного лицемерия, а, напротив, торжество рафинированности, которой нет дела до морали. В таком направлении явно идет дальнейшее развитие моды.

Ничто не обнаруживает так наглядно огромное различие между настоящим и прошлым в чувственной жизни, как нижнее белье, употребляемое женщиной. Оно лучше всего показывает, как примитивны в этом отношении были прежние эпохи и как далеко ушло от них наше время.

Верхнее платье всегда имело своей целью соблазнить вообще всех мужчин, тогда как цель нижнего белья – эротическое возбуждение одного, того, кому отдается предпочтение. Чем глубже проникаете вы в низины женского костюма, тем сложнее и вместе эротичнее становится этот костюм: кружева, вышивки, ленты, банты, благоухающий батист, рафинированные красочные контрасты и т.д. – во всем этом, конечно, заложен глубокий смысл. Ибо такая чудовищная трата воображения, какую обнаруживает гардероб светской дамы, или выставка корсетного магазина, или магази-

на дамского белья, не может быть вызвана в конечном счете одним только пустым капризом или какой-нибудь второстепенной тенденцией. На самом деле здесь и называется нечто другое, а именно одно из важнейших решений задачи, отведенной женщине природой, — быть пассивным предметом ухаживания мужчины и все-таки соблазнять его изысканнейшим образом и все снова и снова подчинять его своим чарам.

Если же у женщины ныне ни одна часть нижнего белья не служит исключительно гигиеническим целям, а по меньшей мере, если не исключительно, целям эротического возбуждения; если современная элегантная дама носит зимою такое же воздушное белье, как и летом, несмотря на то что она подвергает свое здоровье опасности, — то это должно иметь свои особые причины.

Важнейшая из них — вечная борьба за мужчину. Более чем когда-либо прежде вынуждена теперь женщина ловить на удочку мужчину, который «клюнул», иначе могут пропасть даром все потраченные ею усилия и все достигнутые ею успехи. Мы уже показали, что этой цели служит уже и верхнее платье. Однако верхнее платье может при всей своей рафинированности выразить ее намерения только в завуалированном виде. Совсем иначе женщина поступает, когда речь идет о нижнем белье. Здесь она может устраивать настоящие оргии соращения, так как нижнее белье не подвержено контролю публичной нравственности. Поэтому здесь и были пущены в ход все силы воображения. Здесь к тому же можно вознаграждать себя за все то, чего не допускает в публичном поведении нравственное лицемерие.

Стоит только «умной» женщине немножечко раскрыть свое платице, чтобы выяснилось, что она «вовсе не такая», что ее истинное существо вовсе не скучная обыденщина или чопорная неприступность. Если же о большинстве женщин ввиду сладострастной пышности их белья можно сказать, что они «всегда вооружены на великую битву», то это опять-таки вполне ло-

гическое дополнение к царящему кругом моральному лицемерию.

Вторая важная причина небывалой роскоши женского белья заключается во все более растущей повсюду жажде наслаждения жизнью. Мужчина становится все требовательнее в эротическом наслаждении, и потому женщина обязана быть в соответствующей ситуации от шеи и до колен единой триумфальной дорогой для его желаний. Что женщины в большинстве случаев становятся восторженными исполнительницами его желаний, неудивительно уже потому, что они сами таким образом повышают свое собственное наслаждение жизнью.

Наконец, необходимо упомянуть, что в этих чудесах нижнего костюма скрывается, между прочим, и вполне благородная тенденция, а именно стремление утончить и эстетизировать формы эротического наслаждения. Пусть лицемеры и люди чопорные ужаснутся, факт тем не менее отрадный: настоящая возвышенная любовь цветет не только в безобразных чулках, бесформенных фланелевых кальсонах и практичных нормальных рубашках, но и в воздушных батистовых рубашечках, пикантных панталонах и плотно облегающих ноги чулках.

Высшая цель любви – деторождение, но видеть в деторождении единственную цель любви – значит унизить ее до последней степени. Эротика всегда самоцель. Во имя этой самоцели создавать друг для друга настоящий рай чудных и продолжительных физических наслаждений – таково бесспорное право двух любящих.

А необходимой предпосылкой для достижения этой цели служит в большинстве случаев эстетическая одежда, облегающая тело.

Итак, все, что относится к области женских dessous: чулки, подвязки, нижние юбки, корсет, рубашка, – все получило свою форму и свою окраску от эротики.

Каждая опытная женщина знает, как при помощи чулка можно, так сказать, изваять ногу.

Бертайль. Мода 1874 г.

Наибольшую роль играли чулки в эпоху революции, служа наряду с рубашкой — если только не отсутствовала и эта последняя — единственной нижней одеждой женщин; к тому же они были видны до самых колен. Дабы чулки производили иллюзию нагого тела, их носили исключительно телесного цвета.

Так как только плотно сидящие чулки действуют на мужчину возбуждающе, то были придуманы подвязки. Кокетство при помощи элегантной подвязки было в продолжение многих десятилетий одним из главных козырей в руках женщин. Путем ловкого *retroussé* дамы часто умели показать ее на несколько мгновений. Современная подвязка, позволяющая чулку облегать ногу особенно плотно, вероятно, навсегда упразднила прежнюю, которую надевали или выше или ниже колена, — как ни велика была ее соблазнительная прелесть.

Еще значительнее, чем роль чулка, роль нижней юбки, или, как гласит ее элегантное название, жюпона. Нижняя юбка — это, так сказать, тяжелая артиллерия среди женских средств соблазнять мужчину. Ее подчас великолепные красочные контрасты должны воздействовать на чувства как опьяняющее пламя, ее пикантное шуршание должно вызывать любопытство, ее волнующиеся кружева и складки, из которых неожиданно выглянет кусочек чулка, должны возбудить неясные предчувствия, ее легкое *retroussé* должно воспламенять надежду и т. д. Красотою жюпона можно кокетничать и агитировать самым бесцеремонным образом.

Нижняя юбка – это первая станция на пути к раю, до которой позволено, однако, ехать до известной степени всем. Будучи типической главной формой женского костюма, нижняя юбка, естественно, всегда занимала видное место среди других частей нижнего платья женщины, за исключением эпохи революции и Империи, когда она была упразднена.

Потом она сейчас же снова была восстановлена в своих правах, и чем больше входило в моду *retroussé*, тем пикантнее становилась она. Та огромная роль, которую она играла в женском одеянии в продолжение всего XIX в., тот факт, что в настоящее время самая простая работница старается обзавестись красивой нижней юбкой, а богатые дамы носят настоящие чудеса роскоши и постоянно меняют их, – все это ясно указывает на ее характер эротического возбудителя, то есть все это доказывает, какое большое значение приписывают женщины *retroussé*, этому надежнейшему из средств ловить мужчин.

Башмаки, чулки и нижняя юбка – это те части нижнего костюма женщины, при помощи которых она старается воздействовать на всех мужчин. Корсет, панталоны и рубашка, в свою очередь, предназначены для индивидуального совращения. Они служат оружием женщины в борьбе на близком расстоянии и с одним только противником. Здесь поэтому все – единый гимн грации, доходящий до вакханалии; все растворяется в благоухании и очаровании. Похожими на чудо кружевами обвеяны грудь и колени, оба полюса одетого ими женского тела. Сквозь прозрачный батист просвечивает нагота, воздушная мягкость материи оттеняет даже самые деликатные линии и контуры женского стана. Все это выдержано, как уже упомянуто, в одних только белых тонах. И этот единый красочный аккорд отнюдь не однообразен, так как обнаруживает множество изысканных оттенков, а особое действие каждого из них усили-

вается пикантными бантиками и рюшами других цветов.

Так каждая женщина превращается в эротическую поэму, дышащую огнем и пылом. Предстает ли эта поэма перед мужчиной пышно или скромно, гордо или смиренно, она говорит всегда об одном и том же: погрузиться в эти волны есть высшее блаженство, которое может найти на земле мужчина.

Каждая эпоха создает целый культ той или другой интимной части нижнего женского белья. Затаенно похотливая мораль эпохи бидермейер открыла пикантность чулка и нижней юбки. Если красавица бывает неожиданно застигнута врасплох во время туалета, то она всегда в нижней юбке. Эпоха Второй империи, любившая все помпезное, открыла, кроме того, еще особую прелесть корсета и упивалась им. Конец XIX в., в свою очередь, открыл очарование панталон и не знает в этом отношении ни конца, ни границ.

Когда галантные рисовальщики изображают женщину на улице, то они придумывают сотни счастливо-несчастных случаев, дающих возможность показать ее белье, и притом самым пикантным образом. То вечно старые и вечно новые поводы: порыв ветра поднимает верхнее платье дамы, или дама должна пройти по грязной дороге и поэтому вынуждена высоко поднять юбки, не обращая внимания на законы приличия, или хорошенькая женщина падает с лошади, с коляски или с велосипеда, и всегда весь мир получает возможность насладиться, не стесняясь, зрелищем пикантных кружев и красочных чудес.

Очень красноречивым доказательством в пользу всеобщего спроса на созерцание красивого белья служит театр. И прежде всего вошедшие года три тому назад в моду и с тех пор постоянно вновь встречающиеся сцены раздевания. Многочисленные театральные пьесы и обозрения не имеют иной цели, как служить эффектной рамкой для элегантной и красивой дамы, которая при

всех раздевается, чтобы лечь спать или совершить пикантный интимный туалет. Таким образом, зритель может насладиться по очереди созерцанием всех женских dessous вплоть до последнего. В продолжение многих лет в этом отношении царил настоящий фанатизм. В особенности в цирке и в варьете измышлялись самые смелые возможности. Например, салонная дама садится на неоседланную лошадь и начинает постепенно разоблачаться, в то время как лошадь галопом мчится по арене, в конце концов наездница предстает перед публикой в одном только трико. Такие же трюки пускают в ход акробатки на трапеции, на канате и т. д. А из года в год переполненные места и оглушительные аплодисменты доказывают, что такие представления как нельзя более отвечают вкусам публики.

Против каждой моды всегда, во все времена велась принципиальная война. Принципиальнее же всего боролись против женской моды в XIX в. Нападки мотивировались законами красоты, явно безнравственными тенденциями женской моды, и в особенности указанием на вред большинства этих мод для здоровья женщины.

Глава 4

ЛЮБОВЬ И БРАК

Высшей потребностью буржуазного века было новое упрочение половых отношений, санкционированных браком. Поэтому, как только буржуазия окончательно консолидировалась, она декретировала: не любовь ведет к браку, а, наоборот, брак ведет к любви. Исходной точкой должна быть поэтому оценка буржуазного брака.

В век господства буржуазии брак стал ярко выраженным браком по расчету. Исключение составляет

только брак в среде рабочих. Да и то только до известной степени. Десятки тысяч рабочих и работниц вступают в брак также только потому, что хозяйствование вдвоем обходится дешевле, чем два отдельных хозяйства. Само собою понятно: это обычное явление не мешает тому, что из года в год во всех классах бывают браки по любви, что природа то и дело опрокидывает самый заманчивый расчет. Для нас, однако, важны: правило, тенденция, основная и главная черта явления. А преобладает брак по расчету, игнорирующий все истинно человеческие узы, в противоположность выставленному буржуазной идеологией браку по любви, также категорически исключающему материальные соображения во имя союза двух душ.

Конечно, всегда, во все времена бывали браки по расчету, всегда господствующие и имущие классы принимали во внимание положение, связи и т. д., даже выдвигали эти соображения на первый план, когда вступали в брак, однако, товарный характер любви никогда раньше не проявлялся так наглядно, как в современном буржуазном обществе. И потому эта черта сообщает буржуазному браку его характерную особенность. Только люди, склонные к идеализации, будут отрицать это. Купец хочет открыть самостоятельное дело, следовательно, он женится на богатой. Другой хочет расширить свое дело и поэтому поступает так же. Третий весь в долгах: первый и единственный серьезно обсуждаемый им выход — женитьба на женщине с деньгами. Четвертый хочет сделать карьеру, не затрачивая при этом много умственного труда, и вот он берет жену со связями или с капиталом, а еще лучше с тем и другим вместе. *Woman is money*. «Женщина-деньги».

Женщина также руководствуется преимущественно расчетом. Она обменивает свои деньги, а также свою красоту на положение в обществе. Свою родню она капитализирует в виде прочного обеспеченного суще-

ствования. Если расчет оправдался, то все обстоит благополучно. В таком случае избранница – красавица, хорошая хозяйка, умеет представлять – словом, обладает всеми достоинствами, а муж – прекрасный человек, видный делец, красавец собой и т. д. Так моральное лицемерие укрывается под сенью им же созданной иллюзии.

Это уже не отдельные, индивидуальные случаи, а явления типические. Ходячая мораль находит, естественно, для всего этого десятки оправданий. Все выдвигаемые мотивы доказывают, однако, все то же самое, а именно что возрастание числа браков по расчету есть неизбежное последствие растущего процесса капитализации общественных отношений, подчиняющего своим законам уже не только отдельные слои, но постепенно всех индивидуумов. Все больше деньги и собственность становятся для всех синонимами могущества, влияния и успеха, а отсутствие собственности безжалостно превращается в отсутствие могущества, влияния и успеха.

Над жизнью царит одна только тенденция – как можно скорее разбогатеть. Самый же кратчайший путь к этой цели – брак в форме коалиции двух капиталов, или капитала и положения, или капитала и связей, легко претворимых в денежные знаки. В деловом денежном браке часто, конечно, заметную роль играет и личность вступающих в брак, но именно только с точки зрения ее возможно наибольшей материальной рентабельности. Подобное воззрение все больше входит в кровь и плоть все большего количества лиц, так что они считают такое положение вещей единственно естественным и нравственным. Мужчина и барышня начинают любить и уважать друг друга с того самого момента, когда придуманная ими или их родителями комбинация оказывается, по их мнению, самой выгодной, и потому ликвидируют другие более ранние связи, продиктованные влечением как юношеские заб-

луждения или шалости. Если мужчина – человек «нравственный», то он спешит «отделаться» от такой связи деньгами.

Это торжество брака по расчету, безжалостно сводящего на почве денежных соображений всех – молодых и старых, красивых и безобразных, равнодушных и страстных, – можно отчетливо проследить во всех капиталистических странах. И притом на основании многообразных им созданных учреждений. Раньше почти единственными публичными рынками любовного торга были балы и салоны. Но то формы мелкого производства. Конечно, и теперь еще часто завязываются связи на публичных и домашних балах, в насмешку называемых «мясными рынками». Однако все чаще эту роль берут на себя профессиональные посредники, которых извещают о своих особых желаниях и которые совершают самую важную и потому, естественно, самую щекотливую предварительную работу, а именно выяснение возможных шансов, указание определенных лиц и кругов, наведение надежных справок об имуществе, семье, характере, физических недостатках или достоинствах заинтересованных лиц и т. д. Таким образом, все дело получает с самого начала более прочную почву, чем при случайном личном знакомстве. Обе стороны менее подвержены ошибкам, обнаруживающимся при случайном личном знакомстве лишь позднее и часто приводящим к расторжению уже завязанных сношений, что бывает в большинстве случаев неприятно.

Число профессиональных брачных посредников ныне во всех странах чрезвычайно велико. Если раньше они действовали тайно, то теперь предлагают свои услуги открыто во всех газетах.

Как уже сказано, легче всего приобрести капитал для расширения дела при помощи брака. Поэтому купцы или фабриканты помещают такие объявления: «Владелец фабрики, офицер в отставке, с хорошим положением, 31 года, честный, видная, симпатичная вне

шность, слишком занятый, чтобы тратить время на знакомства, желает путем объявления вступить в счастливый брак в недалеком будущем с молодой особой приятной наружности. Желательно состояние в 150 или 200 000. Просят о присылке (не анонимно) данных о возрасте и состоянии, если возможно, с присоединением фотографической карточки, которая немедленно же будет возвращена. Посредников просят не являться. Знакомство с родственниками желательно. За строжайшую тайну ручаюсь честным словом, требуя взамен такой же строгой тайны». Со 150 или 200 000 в самом деле не так трудно устроить «счастливый брак»!

Современный интеллигент знает, что сделает карьеру гораздо быстрее, если будет с самого начала независим, и печатает поэтому следующее объявление: «Интеллигент с университетским образованием, брюнет с темпераментом, приятной наружности, честный и добропорядочный, хочет познакомиться с элегантной особой, независимой в семейном и финансовом отношениях, из хорошей семьи, вдовой или разведенной. Посредников просят не являться...» Современный человек чужд, разумеется, всяких предрассудков. Раз налицо деньги, — они его единственный предрассудок! — то все прочее для него безразлично: возраст, внешность, вероисповедание. Он готов примириться и со многим другим, например с прежней жизнью женщины, с которой хочет соединиться, с прежними ее связями, от которых остались последствия, — словом, со всем тем, что человек отсталый считает недостатком.

Молодая девушка, которую хотят выдать замуж, предлагается обыкновенно отцом, братом или другими родственниками. Можно ли представить себе более соблазнительное предложение от заботливого отца, чем следующее объявление: «Ввиду преклонного возраста отец, тайно от всех родных, ищет для дочери, евангелического вероисповедания, 28 лет, приятной наружности, с хорошим образованием, знающей му-

*Лонги. Изнасилованная
нимфа. Итальянская
гравюра. 1820*

зыку и языки, также рукоделия, домовитой и скромной, благородного поведения и характера, жениха, университетски образованного молодого человека симпатичной наружности, высокого роста, с крепким здоровьем, солидным характером, приблизительно 30 лет, предпочтительно врача, юриста, высшего чиновника, преподавателя, аптекаря. (Вдовцы исключаются.) При хорошем приданом ежегодно 5 000 марок процентов

с капитала в 100 000...»

И все-таки брак должен быть браком по любви. Да и в самом деле, предлагая за дочерью 50, 100 или более тысяч марок, как не иметь права требовать взамен глубокого чувства?! И вот заботливый родственник помещает в газетах объявление: «Для родственницы, 20 лет, красивой, интеллигентной еврейки, блондинки, с большими музыкальными способностями, единственной дочери, ищущей жениха, который будет ее любить, приданое 50 000 марок. Просят отвечать только господ с первоклассным воспитанием и образованием, значительным доходом, привлекательной наружности, из хорошей семьи, к тому же живущих в столице...»

Разведенная элегантная дама, жившая в первом браке в роскоши, естественно, желает продолжать и впредь такой образ жизни. Она поэтому предлагает себя в качестве предмета роскоши: «Элегантная, красивая дама, статная фигура, в лучшем возрасте, из знатной семьи, разведенная без всякой с ее стороны

вины, желает выйти замуж за состоятельного господина, готового вести элегантный образ жизни и быть для ее детей вторым отцом...» Прибавим: желая намеренно, что у нее есть незаконный ребенок или состоятельный друг, с которым она не желает расставаться и в браке, или что у нее есть сомнительная родня, женщина всегда ищет мужчину «без предрассудков» или со «зрелыми воззрениями на жизнь».

По мере того как в эпоху капитализма брак стал, в особенности в аристократическом классе, откровенной коммерческой сделкой, графский и княжеский титулы все больше превращались в предмет торга, предлагаемый тому, кто за него больше даст. В одном и том же номере «*Berliner Tageblatt*» были помещены два объявления: «Граф готов удочерить богатую особу. Предложения адресовать...»; и далее: «Князь готов передать имя и титул богатой особе путем удочерения, иначе имя угаснет...»

Логическим последствием такого положения вещей становится тот факт, что женщина в таких случаях интересуется вообще только именем.

Такие торговые сделки перед алтарем или в мэрии называются довольно звучно: «браками ради имени». Если выразаться яснее, то речь идет, в сущности, о более древнем и более отвратительном институте так называемых «укрывателей позора». Дело в следующем. Какой-нибудь граф или князь должен объявить свою готовность дать свое звонкое имя за соответствующий гонорар какой-нибудь богатой кокотке или содержанке богатого любовника, даме полусвета, на которой он, так сказать, женится. Требовать чего-нибудь, кроме денег, этот граф или князь не имеет права. Сейчас же после свадьбы он обязан стусеваться. Его имя должно служить только тому, чтобы доставить данной кокотке более выгодные дела или – что в сущности одно и то же – дать знатному любовнику дамы возможность ввести свою любовницу в изысканнейшее общество.

Это – старый и испытанный институт. Но никогда раньше он так не процветал, никогда не стоял он так на очереди дня, как в наше время.

То же самое по существу представляют собой пресловутые браки наследниц американских миллионеров с европейскими графами, князьями и герцогами, браки, ставшие столь обычным явлением, что в Америке даже уже обсуждался вопрос, как помешать этому переселению американских миллионерш и миллиардерш в объятия европейских аристократов, так как вместе с ними в Европу эмигрируют ведь и огромные состояния. Роль этих представителей старой европейской аристократии по существу ничем не отличается от роли «укрывателей позора», так как все эти без исключения благородные представители своего класса покупаются, и притом никогда ради их личности, а всегда ради их имени, ради княжеской или герцогской фирмы. Сами они в большинстве случаев становятся лишь тягостным придатком.

Прочтите, например, как иллюстрацию к сказанному следующие два объявления, представляющие также типичные примеры: «Воззвание к аристократам. Солидный посредник отправляется в скором времени в Америку, где он имеет хорошие связи в финансовом мире и где он думает найти для нескольких аристократов миллионных невест...»;

«Принца или джентльмена из старой аристократической семьи ищет в целях скорой женитьбы американка, лет 20 с лишним, круглая сирота, совершенно одинокая, с ежегодным доходом в 100 000 мар., видная, привлекательная внешность, любительница спорта и музыки».

Второе объявление производит такое впечатление, точно ищут родовитого жеребца для кобылы благородной породы. Вся разница лишь в том, что жеребец должен отличаться и физическими достоинствами. Последний случай, стало быть, более разумен и морален.

Если американские деньги стремятся таким сводническим путем соединиться с европейской аристократией, то это часто объясняют инстинктивным желанием американцев приобщиться к более высокой и менее грубой культуре, чем та, которая родится в дикой погоне за долларом и которую даже самые строгие светские правила и формы могут замаскировать лишь до известной степени. Это стремление к более утонченным и культурным нравам играет в данном случае, несомненно, известную роль, но не главную и не решающую. Желание американских миллионерш украсить свой денежный мешок с помощью брака большой или маленькой короной – в гораздо большей степени результат грубых инстинктов крупнокапиталистической морали денежного мешка: за деньги можно купить себе всякие ощущения, даже самые дорогостоящие, и потому покупают себе корону, так как она, естественно, стоит дороже всего.

Можно легко впасть в соблазн и усмотреть в цинизме, с которым обнаруживается товарный и денежный характер любви и брака, в особенности в институте брачных объявлений, факты, отрицающие господствующий вообще закон официального морального лицемерия. На самом деле это не так. На самом деле такого противоречия нет. Цинизм брачных объявлений объясняется всецело их анонимностью. Никогда никто не подписал бы своего имени под таким объявлением.

Кокетство служит важнейшим оружием женщины в борьбе за мужчину, оно играет ныне, как и прежде, в репертуаре женщины ту же значительную или, если угодно, преобладающую роль. Все поведение женщины сводится к тому, чтобы очаровать мужчину. В «Крейцеровой сонате» Толстой замечает:

«Женщина счастлива и достигает всего, чего она может желать, когда она обворожит мужчину. И потому главная задача женщины – уметь обвораживать его. Так это было и будет. Так это в девичьей жизни в нашем мире, так продолжается и в замужней. В дев-

чьей жизни это нужно для выбора, в замужней – для властвования над мужем».

Легче же всего очаровать и подчинить себе мужчину можно при помощи постоянного кокетства. Им женщина привлекает мужчину, им же она привязывает его к себе. Поэтому даже самые серьезные поступки женщины получают известный кокетливый оттенок, если только они не иная форма этого кокетства. Этот факт нисколько не мешает тому, что самые формы женского кокетства стали несравненно скромнее и пристойнее, чем они были, например, в эпоху старого режима. Кокетка уже не массовое явление, и не кокетство женщины прежде всего бросается в глаза. Женщина уже не кокетничает, как прежде, в одинаковой мере с каждым мужчиной, и кокетство ее перестало быть публичным зрелищем для всех. Эта перемена определялась по мере того, как женщина становилась независимее – в экономическом отношении – от мужчины.

Если формы кокетства стали пристойнее, то это не мешает тому, что некоторые из них стали рафинированнее. В доказательство достаточно привести хотя бы духи или неглиже. Духи относятся к области кокетства, так как должны обратить внимание мужчины на женщину и так как они имеют своим – очень обдуманно практикуемым – назначением влиять на психику мужчины. Умная дама – духи, конечно, прежде всего оружие женщин имущих классов – обнаруживает при помощи духов очень ловко и часто очень отчетливо свою индивидуальность, свои склонности и претензии и заставляет вместе с тем мужчину приспособляться к ней в своем поведении. В настоящее время большинство дам предпочитает сложные духи, чтобы самим казаться сложными, трудно определяемыми натурами. Не в моде поэтому простые цветочные духи: они легко могут набросить на женщину тень, что и она сама недалека, и потому их употребляют только подростки.

Что и неглиже стало более дифференцированным

оружием женского кокетства, видно уже из богатой отделки женского белья. В последнее время замечается, между прочим, стремление соединить пикантное неглиже с салонным костюмом. Это делается таким путем, что домашнее или уличное платье сближается целиком или в некоторых своих частях с неглиже. Весь костюм должен производить впечатление неглиже.

Совершенно новая форма неглиже – возникший вместе с вошедшими в моду курортами и курортной жизнью купальный костюм, несомненная разновидность неглиже. Это до известной степени настоящее, а не только искусственное неглиже, в котором можно к тому же появляться при всех, и потому в этой области придуманы с течением времени самые рафинированные формы. Современный купальный костюм должен казаться как бы второй кожей, и в нем женщине разрешено публично быть неодетой. В фешенебельных курортах жизнь служит вообще в значительной степени только этой цели, а купание для многих женщин лишь предлог.

Флирт – новейшее изобретение только как слово, тогда как его сущность и содержание очень стары и одинаковы во все времена. Все сказанное там применимо и к XIX в. Разница лишь в том, что ныне флиртуют уже не так открыто, как прежде. Более строгий контроль общественной морали привел и здесь, как в вопросе о кокетстве, к более скромным формам. Правда, границы флирта от этого не стали уже. И ныне во флирте идут так же далеко, как в эпоху старого режима, то есть почти до последней грани. А так как классы и группы, представители которых посвящают этому занятию свое время, ныне во сто раз многочисленнее по своему составу, то в наши дни и флиртуют во столько же раз больше, чем сто лет тому назад.

Весьма существенным фактором, обусловившим рост и распространение флирта, стала описанная выше эволюция брака в сторону условного. Если что-нибудь способствует развитию до огромных размеров есте-

ственной склонности к флирту, так это усиливающаяся тенденция свести брак к простой арифметической задаче. Флирт становится как бы предвосхищенным вознаграждением за отсутствие в условном браке эротических наслаждений.

Не менее важную роль играет и то, что в имущих классах мужчины в среднем теперь вступают в брак все позже. Общество признало за флиртом его право на существование. Оно идет самым предупредительным образом навстречу этой потребности. Не только мужчине, но и женщине, и в особенности молодой девушке, предоставлено право флирта. В светском обществе находят совершенно естественным, если каждая девушка флиртует.

Молодая дама начинает флиртовать как можно раньше. Многие знатоки и критики современного общества утверждают, что ныне даже множество флиртующих девушек доходят во флирте часто до последних границ, а что мужчина всегда охотно идет как можно дальше, это, кажется, не нуждается в особом доказательстве. Все позволено, решительно все, только «не то». Другими словами: проблема флирта состоит в том, чтобы, сохраняя девственность, испытать все утехы любви.

В романе Марселя Прево «*Demi-vierges*» говорится: «В глазах девушки он прочел ее согласие. Как добычу внес он ее в комнату. Прижавшись устами друг к другу, они опустили на ложе, на котором в продолжение четырех лет Мод покоилась уже дважды, не потеряв ни разу своей невинности».

А в другом месте настоящая *demi-vierge* характеризуется следующим образом: «Как все гордые люди, ведущую теоретическую борьбу против общественного строя, она предначертала себе сама известную границу, руководимая своего рода чувством справедливости. Для того, кто даст ей свое имя и свое состояние, приберегла она последнее высшее доказательство любви».

Это «последнее» доказательство, следовательно,

единственное, предназначенное умными девушками законному супругу. Этого одного достаточно, чтобы узаконить и освятить свое прошлое на брачном ложе.

Если же флирт тем не менее приводит против желания к последнему, к непредвиденному, если чувство перехитрит разум — а это бывает, разумеется, очень и очень часто, — то это не принимается особенно к сердцу. Ведь этого не хотели. И эта мысль служит достаточным оправданием — по крайней мере в собственных глазах. А будущего мужа можно и обмануть.

Если родители разрешают и помогают дочери флиртовать, то это имеет еще и другую причину, кроме желания дать ей возможность насладиться «невинными радостями» сношений с мужчинами. Подобное великодушие объясняется также стараниями родителей облегчить дочке ловлю мужа. Что девушка, умеющая флиртовать, легче всего выйдет замуж, такое мнение довольно распространено. Ибо, как известно, мужчину легче всего возбудить, идя ему навстречу, равно как таким путем легче всего и удержать его так, что он уже не уйдет.

У фабричного пролетариата флирт носит характер такой же безобидный, хотя и более грубый. Оно и понятно. Рабочий стоит целый день за станком или за машиной, не сводя глаз с работы. Где уж думать о том, как бы попоικантнее разнообразить эротические удовольствия, не говоря уже о том, что нет и времени для

Рохер А. Сладострастная красота. 1898

осуществления подобных проектов. А флирт требует прежде всего именно свободного времени.

Кто хочет дойти до более утонченных форм флирта, тот не должен быть вынужден насильно за волосы притягивать случай, а должен быть в состоянии выбирать его сам.

В среде пролетариата флирт для холостых часто не более как воскресное развлечение, следовательно, отдых, и притом отдых с нравственной точки зрения совершенно законный. На этом необходимо настоять особенно. Католический писатель Зиберт говорит совершенно правильно в своей «Половой морали»: «Девушка, всю неделю сидевшая с утра до вечера склонившись над шитьем, вечно окруженная заботами и нуждой, естественно, мечтает о воскресном дне, когда пойдет гулять со студентом. От великого счастья она научилась отказываться, но ей хочется испытать хоть немного таинственного блаженства. Для многих девушек связь – единственный случай в жизни, когда их ценят как человека, а не как рабочую силу».

Совершенно в ином положении находятся имущие классы. Здесь флирт встречает лишь ничтожные преграды, зато больше стимулов к своему развитию и процветанию, особенно среди женщин этих классов. Эти последние в большинстве случаев ничем серьезным не заняты. И потому у них часто нет иной потребности, как сделать себе жизнь возможно более приятной. А делают они это при помощи флирта. Флирт становится, таким образом, их важнейшей жизненной задачей, становится их «занятием» – с утра до вечера...

Все формы общественной жизни должны служить флирту, все без исключения, и нет такого места, где бы не флиртовали. Чувственность – имманентный закон бытия, и потому в ее проявлениях не может быть перерывов. А в тех классах, где к тому же чувственные наслаждения провозглашены высшим смыслом жизни, все, естественно, становится поводом к флирту.

Необходимо считаться с тем, что оба пола умеют ныне лучше, чем прежде, предотвращать нежеланную беременность. Последнее неопровержимо доказывается прямо поразительным сокращением числа многодетных семейств, составляющих особенно в имущих классах все более редкое исключение.

Если размеры добрачного полового общения невозможно установить даже приблизительно, все же из общих условий возможно вывести господствующий закон. А он гласит: число лиц, вступающих в брак невинными, становится с каждым днем все меньше. Среди мужчин вообще найдутся лишь очень немногие, не имевшие до брака никаких половых сношений, зато тем больше есть лиц, имевших до брака сношения со многими женщинами, некоторые с десятками, некоторые с сотнями, иногда мимолетные, иногда более продолжительные.

В своей «Крейцеровой сонате» Толстой замечает: «Из тысячи женившихся мужчин не только в нашем быту, но, к несчастью, и в народе, едва ли есть один, который бы не был женат уже раз десять, а то и сто и тысячу, как Дон-Жуан, прежде брака. (Есть теперь, правда, я слышу и наблюдаю, молодые люди чистые, чувствующие и знающие, что это не шутка, а великое дело. Помогите им Бог!..) И все знают это и притворяются, что не знают. Во всех романах до подробностей описаны чувства героев, пруды, кусты, около которых они ходят; но, описывая их великую любовь к какой-нибудь девице, ничего не пишется о том, что было с ним, с интересным героем, прежде: ни слова о его посещениях домов, о горничных, кухарках, чужих женах».

Женщина, конечно, находится в ином положении ввиду более серьезных естественных и искусственных преград. Но и половина женщин вступает в настоящее время в брак, потеряв свою физическую девственность. И притом большая часть этих женщин имели половые сношения до брака не только один раз, будучи против

воли совращены, а сознательно и преднамеренно, и потому если не регулярно, то во всяком случае часто. Значительно по сравнению с прежними эпохами также число женщин, добрачные половые сношения которых простирались не на одного человека – на будущего мужа, – а на многих мужчин.

Такое положение вещей есть неизбежное последствие капиталистического развития. Подобные случаи зависят поэтому в гораздо меньшей степени, чем в прежние эпохи, от большей или меньшей высоты личной морали. Капитализм систематически разлагает семейные узы и разрушает их охранительное влияние на отдельных достигших половой зрелости членов семьи. Достаточно уже одного этого обстоятельства, чтобы ежедневно сотни тысяч юных существ обоего пола подпали под власть инстинкта раньше и быстрее прежнего. Еще более роковую роль играет в этом отношении поздний возраст, в котором теперь люди вступают в брак. Причины и этого явления носят чисто экономический характер и не имеют никакого отношения к морали.

Положение в деревне изменилось лишь там, где возникла промышленность. Если же утверждают, что это изменение свелось к ухудшению специфических деревенских нравов, то это не более как тенденциозная клевета. Или иначе: неправильно, будто бесспорно существующая деревенская безнравственность была в ее резких формах лишь последствием перемещения в деревню фабричной индустрии. Под безнравственностью официальные стражи морали подразумевают прежде всего добрачное половое общение. Не боящиеся правды знатоки деревни держатся на этот счет иного мнения.

Что оказываемое стоящим в деревнях на постое солдатам гостеприимство во всех странах часто доходит до открытой с ними связи дочерей и жен – это знают тысячи отбывавших воинскую повинность солдат. А статистика подтверждает это указанием на многочисленные случаи незаконных рождений в тех окру-

гах, где девятью месяцами ранее происходили маневры или солдаты стояли на постое. Когда в 1907 г. в Вюртемберге предстояли маневры, то в одной местной католической газете появилось письмо католического священника, предостерегавшего деревенских баб и девок от заигрывания с солдатами. Люди, знающие жизнь деревни, усомнятся, конечно, принесло ли это письмо какую-нибудь пользу. Несмотря на все моральное лицемерие в угоду церкви, крестьянин считает половое наслаждение делом естественным. Его эротика не отличается сложностью и практически не исчерпывается одними объятиями: за ухаживанием почти непосредственно следует удовлетворение.

Здесь необходимо напомнить о продолжающем существовать во многих местах обычае совместного сна служанок и батрачек с работниками. Против этого закрепощения и ныне не существует защиты ни для одной служанки или работницы, и потому большинство примиряется с ним как с неотвратимым роком. Чувственные девушки – а их подавляющее большинство – находят даже удовольствие в том, чтобы сегодня отдаваться одному, а завтра – другому.

Бесчисленное множество сельских работниц вообще обязаны служить своим телом всем без исключения работникам, и потому иногда отдаваться в одну ночь даже нескольким.

Такова истинная сущность патриархальных деревенских нравов.

В среде буржуазии и дворянства добрачные половые сношения играют еще гораздо более видную роль, чем в средних и крестьянских слоях населения. Здесь если они и не бывают чаще, зато длятся дольше. Разница, и притом существенная, состоит в данном случае в том, что в этих классах речь идет главным образом о мужчинах, тогда как женская половина осуждена на безусловное воздержание. О мужчинах этих классов можно даже без преувеличения сказать, что у них важ-

нейший период любовной жизни протекает именно до брака. Горькая фраза, срывающаяся с уст не одной женщины высших классов: «На нашу долю приходится лишь скудные остатки любви наших мужей» – стала тысячекратно истиной.

Объясняется такое явление тем, что мужчина этих классов вступает в брак очень поздно. Это возможно только при значительном жалованье. Чиновник и офицер должны сначала дослужиться до известного чина; врач и адвокат – предварительно заручиться практикой; писатель и ученый – составить себе имя; купец должен иметь солидное и пользующееся известностью дело. Всего этого добиться можно не раньше тридцати или тридцати пяти лет. Молодые супруги, мужчины моложе тридцати лет, составляют поэтому исключение в этой среде. Необходимо напомнить здесь и о препятствиях, поставленных во многих странах браку офицеров. Офицер без средств не имеет права жениться на любой женщине, он должен представить «залог», другими словами, должен жениться на богатой, которая обеспечит ему жизнь, достойную занимаемого им положения. Ибо жить так, как того требует «принадлежность к сословию», – первый параграф офицерского кодекса.

Чем дороже жизнь, чем больше жажда роскоши, чем труднее жить сообразно занимаемому общественному положению, тем позднее, естественно, наступает момент, когда можно «содержать жену». Поскольку жизнь давно уже развивается именно в эту сторону, то не приходится констатировать оздоровления такого положения вещей, напротив, мужчины буржуазных классов вступают в брак все в более зрелом возрасте, и притом во всех странах. Положение становится все запутаннее ввиду того, что заработок мужчин в некоторых из указанных профессий вообще никогда не бывает достаточен для жизни сообразно общественному положению, так что приходится неизбежно брать жену с деньгами. За деньги, на которые женщина покупает себе мужа, она требу-

ет имени и чина, и притом хочет их иметь сейчас же и не желает ждать, пока муж добудет их.

Так, мужчинам этих слоев остается один только выход, а именно удовлетворять свои половые потребности в добрачном общении, преимущественно с проститутками, что, впрочем, у пролетариата редкость. Рабочий не имеет возможности покупать любовь, он должен ждать, когда получит ее в подарок.

Однако для мужчин имущих классов добрачные половые сношения лишь в исключительных случаях — неизбежное зло, обычно же, напротив, очень приятное состояние. Речь идет ведь о наслаждении, свободном от всяких обязательств. Ничто не мешает вступать в интимные отношения с несколькими женщинами подряд или даже одновременно, и эти отношения можно оборвать в тот самый день или час, когда они надоели или когда другая женщина покажется заманчивее. Отказаться от такого удобного положения раньше, чем того потребует настоятельная необходимость, или раньше, чем испита до дна чаша наслаждения, — противоречит логике мировоззрения, усматривающего в наслаждениях неприкосновенную классовую привилегию, тем более что брак по расчету, с которым приходится заранее считаться, не представляет в эротическом отношении ничего заманчивого.

Если добрачное половое общение в силу всего сказанного становится неотвратимым роком, то отношение к нему общественного мнения продолжает по-прежнему быть несправедливым. Правда, в среде пролетариата оно считается вполне естественным и не роняет человека в глазах его товарищей. Но это применимо только к этому классу. Конечно, это не значит, что верхние слои общества совсем не понимали принудительной логики такого положения вещей.

Добрачные половые сношения в большинстве случаев произвольны, продиктованы необходимостью удовлетворять половую потребность, не могущую рассчиты-

вать на удовлетворение в браке. Но они могут выражать собой также и стремление к освобождению от гнета брака. В таком случае в них может обнаруживаться и более высокое самосознание личности, желание основать свободный от всяких условностей и всяких денежных соображений союз двух душ, двух сердец, союз, при котором обе стороны отдают себе ясный отчет в том, что их связывает только искренняя любовь, что мужчина и женщина не прикованы друг к другу, когда любовь исчезнет или окажется ошибкой. Только такой союз и имеет право называться «свободной любовью».

О таких связях можно сказать, что они представляют собой, быть может, наиболее нравственный союз среди сексуального хаоса, порожденного капитализмом и вполне ему соответствующего. Так как хаос в области половых отношений – это адекватное отражение капиталистического общества, то немудрено, если нравственное лицемерие всегда клеймит именно свободную любовь как беспорядочное смешение, как про-

явление необузданных инстинктов, как стремление к половому общению, свободному от всяких обязательств, которое только прячется под идеализирующей маской, – словом, нет ничего удивительного, если «свободная любовь» осуждалась самым бесцеремонным образом, ибо ничто так не ненавистно лицемерию, как добродетель.

Как более частое явление «свободная любовь» встречается толь-

Любопытство.
Венская гравюра. 1880

ко в буржуазный век, поскольку предполагает индивидуальную независимость, характерную для культуры большого города, то есть возможность для отдельной личности освободиться как раз в своей половой жизни из-под безжалостной диктатуры своего класса, не подвергаясь неизбежному бойкоту этого класса, от которого она легко может погибнуть. Такая эмансипация невозможна в рамках маленького города. Только разве отдельные героини способны на такой подвиг, но им приходится неслыханно страдать от безжалостной диктатуры морального лицемерия: доказательством может служить свободный брак Гёте с Христиной Вульпиус. Как раз этот брак показывает, какое резкое противодействие вызывают подобные связи в рамках маленького города.

Все смотрели на Христину Вульпиус сверху вниз, ее считали просто наложницей поэта и мирились с ней лишь как с капризом Гёте. Даже Шиллер не сумел возвыситься до более независимого отношения к этой великолепной женщине. Перелистайте переписку обоих великих людей, и вы увидите, как старательно избегает Шиллер упоминаний о Христине Вульпиус. Почти никогда он не кланяется ей в своих письмах, хотя Гёте со своей стороны просит Шиллера в каждом письме передать привет его – ничем не выдающейся – жене.

Но и в более крупных городах подобные свободные браки долго оставались единичными исключениями, несмотря на восторженное их прославление такими людьми, как Гёте, Шелли, Шлегель, Рахель фон Варнгаген, Доротея Шлегель и т. д.

Просветить женщину по части всего, касающегося половой жизни, – а это в конце концов ведь неизбежно – господствующее нравственное лицемерие представляет мужу. Что муж в этом отношении «просвещен», это предполагается само собой, и никому не придет в голову порицать его за эту осведомленность или спросить, откуда она у него появилась. Да и ответить было бы для него делом довольно щекотливым, так

как в девяти из десяти случаев он почерпнул эти сведения из одного источника, а именно из своего общения с проститутками. И потому его сведения, как и его методы просвещения жены, совершенно в этом духе.

Эти его знания касаются почти исключительно чисто механической стороны полового акта и часто его наиболее извращенных и диких способов удовлетворения. О деликатных подготовительных приемах, о более тонком искусстве соблазнять, стремящихся к тому, чтобы каждое новое объятие было, с одной стороны, новым завоеванием, а с другой – новым принесением себя в дар, – приводим только самые внешние черты, являющиеся, впрочем, и самыми важными, – обо всем этом имеют представление лишь очень и очень немногие. Но именно благодаря законам господствующего нравственного лицемерия очень часто то, что мужчина может и ищет, совпадает как раз с тем, что женщина знает или о чем она догадывается.

Так как вопросы половой жизни в возрасте полового созревания наиболее важны для большинства людей, то едва ли хоть одна девушка доживает, несмотря на все попытки ее духовного ограждения, до известного возраста, не говоря уже до брачного, без того, чтобы не иметь об известных вещах хоть некоторое представление. А знает или предугадывает она только грубо механическую сторону акта.

В широкие слои проникло понимание трагизма такого положения, от которого из года в год страдают миллионы браков и людей. Широкие слои начинают сознавать, что как во всех сферах жизни, так и в области половых отношений нет худшего союзника порока, несчастья и тысячекратного отчаяния, как именно незнание. И потому вопрос о сексуальной педагогике стоит ныне почти во всех странах – менее всего в Англии – в центре всеобщего внимания. На эту тему уже написана масса статей и книг. Имя им – легион.

В своей книге «Пол и общество» Х. Эллис говорит

совершенно правильно: «В большинстве браков счастье или несчастье супругов зависит от того, насколько они сведущи в искусстве любви». Это искусство имеет своим назначением предотвратить столь опасное для брака пресыщение обоих супругов, равнодушное отношение их к половому общению, рано или поздно обычно наступающее. Другими словами: как избежать, чтобы в браке наступил момент, или как сделать так, чтобы возможно позже наступил момент, когда супруги уже не испытывают взаимной любознательности, так как им нечего сказать друг другу нового в половом отношении.

Предлагавшийся до сих пор рецепт во избежание такого печального финала не имеет, однако, ничего импонирующего. Он состоит в том, чтобы сделать жену кокоткой, правда, такой, которая только с мужем кокотка, сделать ее, если так можно выразиться, «кокоткой для себя». Женщинам также дается совет всячески идти навстречу такому воспитанию и вести себя по отношению к мужу, в особенности на брачном ложе, как проститутка, так как проститутки избаловали мужа и он легко может найти радости супружеской жизни пустыми и скучными. Подобные советы давались женщинам даже духовниками. В своем дневнике Гонкуры сообщают о следующем совете, данном священником женщине, которая жаловалась, что муж ее становится холоднее и в эротическом отношении равнодушнее: «Дорогое дитя, даже самая почтенная жена должна немного походить на женщину полусвета».

Нет, искусство любви должно принципиально отличаться от того, которому мужчина научился в обществе кокоток. Супруги должны постичь тонкое искусство все снова и снова подносить друг другу свою любовь как дар, как дивное чудо. Только при таких условиях не настанет пресыщение, тогда как перец вызывает потребность все в новых возбуждающих средствах и имеет своим итогом не только охлаждение, но и обоюдное отвращение.

Подобный рецепт, правда, предполагает величие и глубину чувства. А так как такие качества совместимы только с браком по любви, покоящимся на душевном общении, а не с браком условным, то для него остается в самом деле один только исход – прибегать к перцу. А это для него не спасение, а только наркоз.

И конец всего – в лучшем случае! – в том, что Толстой облек в «Крейцеровой сонате» в слова: «И живут себе дальше, как свиньи».

Имущие всегда, во все времена имели меньше детей, чем бедняки. Это безусловно достоверный факт. Отсюда следует, что искусственное сокращение потомства всюду сопутствует благосостоянию. Связь между этими двумя явлениями ясна до очевидности.

В первую голову здесь действуют заботы о сохранении состояния, стремление обеспечить за своей семьей блестящее положение. Этой цели можно с успехом достигнуть только возможно большим сокращением потомства. В прежние эпохи эта тенденция сохранить фамильное наследство в нетронутном виде приводила к тому, что наследником имущества часто становился только старший сын, тогда как остальные дети лишались наследства. В католических странах вторые сыновья делали духовную карьеру, а дочери, если не выходили замуж, отдавались в институты. Еще и ныне в католических странах второй сын часто надевает рясу, в особенности в деревенских округах, чтобы избежать раздела хутора, раздела земельной собственности.

Вторая причина систематически практикуемого в среде имущих классов сокращения потомства также бросается в глаза довольно отчетливо. То желание родителей возможно спокойно наслаждаться благами жизни. Раз имеются материальные средства пользоваться жизнью, почему не пользоваться ею? А частая беременность мешала бы женщине. Ибо если уход за детьми можно с первого же дня взвалить на плечи наемных лиц – что и делается в большинстве случаев, – то ношение их под

сердцем и роды уже нельзя поручить кому-то. Но и мужу многочисленное потомство мешало бы наслаждаться жизнью, он не мог бы уже предаваться в такой степени удовольствиям и развлечениям, так как жена исполняет обыкновенно роль хозяйки салона.

Сознательное сокращение потомства имеет, однако, еще большее значение: руководимое более глубоким пониманием желание искусственного предотвращения беременности обуславливает вместе с тем сознательную волю к производству потомства. Грядущие поколения перестают быть простыми продуктами случая.

Беременность женщины все чаще совпадает поэтому с возрастом, когда обе стороны достигли высоты физического и духовного развития. А это и есть единственная достойная человека форма производства на свет потомства, когда высший момент утверждения жизни совпадает с высшей ступенью чувства ответственности. Только при таких условиях производство на свет детей становится возвышеннейшим событием жизни.

Не менее искусственного предотвращения беременности важно для правильной оценки общего уровня нравственности искусственное уничтожение плода беременных женщин. Здесь перед нами явление, в котором может выражаться как повышенное, так и пониженное чувство индивидуальной ответственности. Само собою понятно, что критерий, в каждом отдельном случае определяющий, имеем ли мы дело с повышенным или же с пониженным чувством ответственности, тот же самый, что и при оценке искусственного предотвращения беременности.

Получить правильное представление о размерах искусственного уничтожения плода в разных классах и разных странах, конечно, невозможно, потому что большая часть подобных случаев остается тайной. Однако на основании целого ряда фактов, имеющих в распоряжении исследователя этого вопроса, можно утверждать, что аборт ныне не менее распространен,

Ронс Ф. Друг детства

чем предотвращение беременности. Другими словами: аборт практикуется ныне гораздо больше, чем в прежние эпохи, и его распространенность особенно возросла в последние десятилетия. Достаточно заглянуть в отдел объявлений наиболее читаемых газет, и сотни раз вы натолкнетесь на такие: «Даются советы и оказывается помощь в щекотливых случаях». Или: «Лучшее средство для урегулирования мен-

струации» и т. д. Подобные рекламы обычно не более как замаскированные формы объявления, что такое-то лицо или такое-то средство могут освободить от нежеланной беременности.

Далее можно констатировать, что о размерах практики акушеров и врачей, сделавших из подобных советов и подобной деятельности свою профессию, трудно составить себе правильное представление. Многие из них из года в год должны помогать огромному числу клиентов.

В низших слоях общества женщин толкает на этот путь обычно нужда. В своей книге «Преступная женщина» (1890 г.) Камилл Гранье упоминает о практиковавшей в пролетарском квартале акушерке, оказавшей за несколько франков подобного рода помощь тысяче бедных беременных женщин.

Новейшее гражданское уложение допускает прерывание беременности, если она, по мнению врачей, может быть опасной для жизни матери. Само по себе это, конечно, чрезвычайно важное и благодатное за-

воевание. Но этот закон стал вместе с тем удобным выходом для тысяч женщин имущих классов, которые могли бы без ущерба для своего здоровья произвести на свет и прокормить здорового ребенка, но не желают иметь детей из удобства и ради большей свободы. В имущих слоях с каждым днем все больше становится правилом каждую новую беременность, случившуюся после первого или второго ребенка, прерывать преждевременными родами. Во всех больших городах поэтому давно уже существуют богато обставленные специальные частные лечебницы.

Так как плата за оперативное вмешательство и за пребывание в лечебнице, продолжающееся от двух до трех недель, обычно очень высока, то вполне естественное право женщины не иметь детей, если она того не желает, есть в этом его безопасном виде в большинстве случаев привилегия лишь женщин имущих классов.

Подобно тому как поздний возраст и все увеличивающаяся трудность вступления в брак имеют своим последствием более частые добрачные половые сношения известных лиц и классов, так уже теоретически можно сказать, что ввиду преобладания браков по расчету должны расширяться внебрачные половые сношения также и лиц женатых и замужних.

Иначе как теоретически, правда, невозможно обследовать этот вопрос. Можно только выяснить внешние формы этого внебрачного полового общения, но они косвенно ставят вне сомнения и самый факт.

Нетрудно обосновать мысль, что большинство браков по расчету должны рано или поздно привести к обоюдной неверности. Не только душевная, но просто эротическая гармония двух людей разного пола — это одна из самых сложных проблем. В основной своей массе мужчины не реагируют в половом отношении на любую женщину и во всяком случае не реагируют на любую женщину продолжительное время. В молодости мужчина еще находится в таком состоянии, что

если его и не возбуждает каждая юбка, то, несомненно, очень многие. В известном же возрасте большинство из них уже относится к этому иначе. Но даже если мужчина и сохраняет свою физическую способность по отношению к каждой женщине, то одно это играет здесь все же лишь самую незначительную роль.

Все сказанное приложимо и к женщине, как это не покажется на первый взгляд странным. Она тоже до известной степени неодинаково реагирует в половом отношении на любого мужчину. Тысячи женщин, считающихся холодными и равнодушными в общении с мужем, становятся в объятиях другого мужчины настоящим вулканом.

Сюда необходимо присоединить еще целый ряд других моментов, корнящихся в недрах нашего времени, располагающих то одну, то другую сторону к неверности. Наиболее важные из них – это огромная трата нервной силы, постоянная гипертрофия нервной системы, неизбежные в эпоху крупнокапиталистической культуры. Гипертрофия нервов побуждает главным образом многих мужчин разряжать ее в половых сношениях, действующих на натянутые нервы отчасти как наркоз, отчасти как возбуждающее средство. В браке они находят только до известной степени удовлетворение этих потребностей и поэтому ищут его вне брака. Впрочем, многие мужчины стараются достигнуть этой цели и в браке, а именно тем, что превращают собственную жену в кокотку, как мы уже выяснили, говоря о сексуальном воспитании. Уже по одной этой причине жена-кочетка ныне во всех странах явление массовое.

Чаще всего встречается, естественно, «кочетка в костюме почтенной супруги» в имущих классах, так как здесь налицо условия, позволяющие жене войти в роль простого объекта наслаждения.

А это как нельзя более подготовляет почву для частой неверности этих женщин, так как жена-кочетка

очень скоро, как уже говорилось, становится интимной подругой и других мужчин; недаром же разнообразие — один из существенных пунктов в программе каждой кокотки. Начинается с разнообразия в наслаждении, а отсюда скоро родится сама собой и жажда разнообразить предметы наслаждения.

Внебрачному половому общению женщины способствует в еще большей степени то обстоятельство, что изнуряющее нервы стремление мужчины к приобретению делает его уже в среднем возрасте или совсем неспособным или же малоспособным к отправлению половой функции. Конечно, и раньше существовали мужчины импотентные или преждевременно состарившиеся. Массовым же это явление стало — а таково оно, безусловно, в наше время — только в век электричества, в век капитализма с его лихорадочным темпом жизни.

Ныне считается обычным явлением, если порядочная женщина подвергается самым грубо циничным приставаниям. Успех многих мужчин объясняет, правда, в достаточной степени, почему подобные дерзкие предложения так часты. Один знаток этого вопроса делает из своих собственных наблюдений следующий вывод: «Из десяти порядочных женщин, которым вы подмигнете на улице, в трамвае или в магазине или с которыми вы прямо вступите в разговор, только две будут искренно возмущены, три останутся равнодушными, так как привыкли к подобным предложениям, все же остальные будут польщены, вступят одни сейчас же, другие после некоторого колебания в разговор, позволяют вам пригласить их покататься или выпить кофе туда, «где можно уютно поболтать», и по крайней мере две согласятся последовать за вами в тихий уголок, где в самом деле можно поболтать на досуге... Этим уголком окажутся, конечно, меблированные комнаты. Чтобы постоянно или несколько раз получить отказ, мужчина должен быть уж очень неловким».

Жертвоприношение
Приану. Гравюра. 1800

Разнообразные причины объясняют нам, почему подобные предложения и в наше время делаются преимущественно замужним и порядочным женщинам. Многие мужчины стали в делах любви очень требовательными. Знакомство с проститутками уже не удовлетворяет их, так как носит слишком деловой характер. Ими довольствуется только человек нетребовательный или же изголодавшийся. Гораздо приятнее во всех отношениях общение с мещаночкой или вообще с

так называемыми порядочными женщинами. Уже само вступление здесь интереснее. С замужней женщиной из средней или высшей буржуазии можно — особенно в большом городе — всюду показаться, не компрометируя себя, не бросаясь даже в глаза, что невозможно, конечно, с профессиональной проституткой. С ней можно пойти в кафе, в театр или цирк, с ней можно гулять, путешествовать, заниматься спортом и т. д.

Интереснее и дальнейшее развитие связи с порядочной женщиной. Так как порядочная женщина отдается — по крайней мере, официально — всегда только по любви, то мужчина найдет у нее более интенсивные наслаждения, чем у проститутки. Важно и то, что половое общение с замужней женщиной не грозит болезнью. В «Крейцеровой сонате» Толстой влагает в уста героя следующие слова:

«Брат Трухачевского, я помню, раз на вопрос о том, посещает ли он публичные дома, сказал, что по-

рядочный человек не станет ходить туда, где можно заболеть, да и грязно и гадко, когда всегда можно найти порядочную женщину».

Подобная вера, впрочем, не более как иллюзия. И в особенности, если речь идет о дамах буржуазии. Директор большой и известной женской клиники в Берлине, где лечатся и принимаются только дамы из богатой буржуазии, сообщил нам, что, по его мнению, нигде так не велика опасность заразиться, как именно от так называемых порядочных дам богатого бюргерства. Поэтому, конечно, что множество этих дам заразилось от супругов, причем в большинстве случаев те ничего не подозревают. По словам этого врача, в рабочей среде гораздо меньше жен с половыми болезнями, так как здесь мужчины до брака реже имеют дело с проститутками. Все эти дамы заражают, конечно, и своих любовников, если флирт с ними доходит до последней границы.

Если замужняя женщина может, следовательно, поспорить с профессиональной проституткой, то ей должна уступить первенство и незамужняя женщина. Если девушка отдается мужчине, то она в огромном большинстве случаев думает выйти за него замуж. Для нее главное не любовь, а брак. По этой причине мужчина, которому важно только наслаждение, предпочтет девушке замужнюю. Эротическое удовольствие, получаемое им от замужней, для него заманчивее еще и потому, что он может не бояться беременности. Если замужняя женщина, с которой мужчина находится в тайной связи, становится беременной, то ее беременность относится за счет мужа. Наконец, последняя причина, почему мужчина предпочитает сходить с замужними, заключается в том, что связь с ней часто, хотя и не всегда – как мы уже знаем и скоро узнаем еще подробнее, – самая дешевая из всех.

Этим постоянно грозящим опасностям, окружающим со всех сторон мало-мальски хорошенькую женщину, многие и многие не в силах противостоять. И

опять-таки по самым разнообразным причинам. Наиболее распространенная из них, несомненно, неудовлетворенность женщины в браке. Здесь необходимо указать еще на одно обстоятельство, потому что оно также одно из наиболее важных, а именно что женщина в половом отношении если не требовательнее, то во всяком случае неутомимее мужчины. Это физиологическое отличие уже само по себе делает для множества замужних женщин, в особенности праздных, тайного любовника предметом по меньшей мере затаенной мечты.

Подобные затаенные мечты живут, однако, не только в сердце «испорченной столичной дамы», но и в сердце провинциалки. И в самом деле: каждую неделю приезжают провинциалки, являющиеся дома олицетворениями порядочности, в большой город со страстным желанием пережить галантное приключение.

Замужняя женщина, с которой муж обращается, как с кокеткой, поддается этому соблазну, естественно, быстрее всякой другой. Необходимо еще подчеркнуть тот факт, что в настоящее время многие женщины могут свободно сами искать такие случаи потому, что имеют на то разрешение самих мужей. Тысячи получают молчаливое, а многие и чаще, чем обычно думают, открыто выраженное согласие мужей. Друг дома, удовлетворяющий любовный голод супруги, ныне для многих мужей скорее желанный спаситель, освобождающий их от тягости всегда брюзжащей, сексуально неудовлетворенной жены, чем смертельно ненавидимый соперник. Если же он не желанный спаситель, то часто во всяком случае терпимый соперник.

Бывает, однако, и так, что друг дома официально признан как таковой мужем. Не только все больше мужей находят в себе мужество сказать своим неудовлетворенным женам: «Разрешаю тебе иметь любовника, без которого ты не можешь обойтись!» – или же предоставляют им то же право, которое они присвоили себе, – часто жена, находящаяся в половых сноше-

ниях с другими мужчинами, действует на мужа сильнее почтенной и целомудренной супруги. Многие мужья сами поэтому приводят к жене любовника и сами устраивают так, чтобы его и ее друзья достигли всеми одинаково желанной цели. Жене в таких случаях обычно ставится одно только условие – чтобы она не очутилась в «таком» положении.

Последняя существенно важная причина роста случаев мимолетной или регулярной неверности замужних женщин – все увеличивающаяся жажда роскоши.

Ныне жажда роскоши так велика, как никогда раньше. «Жить, как того требует положение», то есть одеваться и жить так же элегантно, как это принято в общественной среде, к которой принадлежишь, – эта задача становится для многих и многих семейств все более сложной. Если необходимость решить ее побуждает мужчин ныне к рискованным спекуляциям, то, быть может, в еще большей степени побуждает она женщин эксплуатировать свою любовь, на которую имеется такой спрос. Невозможность удовлетворять общественным требованиям ложится особенной тяжестью именно на жену, так как часто муж не только не может, но и не хочет идти навстречу ее повышенной потребности в роскоши. Отказываться же приходится ей, конечно, прежде всего от множества мелких желаний и потребностей, являющихся в глазах многих одной из главных предпосылок счастливой жизни: от драгоценного украшения, новой шляпы, шали, нового платья, билета в театр и т. д.

При таких условиях что может быть естественнее для мало-мальски хорошенькой и не страдающей особенной щепетильностью женщины, как не мысль получить все это в подарок от друга?

Дома свиданий расположены обыкновенно вблизи больших магазинов. Это дает дамам возможность незаметно войти. Дама официально идет в магазин и покидает его с противоположного выхода. С внешней

стороны дом ничем особенным не отличается. Можно приходить и уходить, никому не бросаясь в глаза. «На фасаде дома нет никаких признаков позорного ремесла. Ничем он не бросается в глаза. Дом как дом, куда (по мнению полиции) всяк, мужчина и женщина, могут войти, не компрометируя себя. Отличаясь элегантною внешностью, расположенный обычно в красивой части города, на одной из лучших улиц, такой дом похож на один из более богатых домов, где сдаются квартиры, или на барский дом».

Вы не проживете в плохой обстановке без того, чтобы этого не заметить. Но вы можете десять лет подряд жить бок о бок с домом свиданий и не будете об этом даже подозревать.

Таинственные карточки – впрочем, ныне они уже лишены своей таинственности – приглашают вас прислать для выставки «художественные предметы». Посылка таких карточек теперь считается, впрочем, уже избитым средством, и заведующая хорошим *maison de rendez-vous* уже не пользуется ныне такими грубыми двусмысленностями.

Вызывают полное доверие и заведующие этими домами свиданий, так что никому не придет в голову относиться к ним с предубеждением. Современная сводня этого типа всегда элегантная дама, знакомство с которой не скомпрометирует ни мужчин, ни дам, прибегающих к ее услугам.

Замужние дамы приходят в такие дома прежде всего ради заработка.

«Заведующая сообщила нам, что эти замужние дамы имеют одну только страсть, а именно деньги, и что они требуют от мужского «персонала» только хороших манер, пристойного поведения и некоторого умения вести беседу».

Для историка нравов большой интерес представляет также вопрос: как находят эти дамы подобные дома? И прежде всего, конечно, те многие женщины,

которые ежедневно предлагают свои услуги по части любви. Разумеется, не случайность наталкивает их. Многочисленные женщины сами ищут дорогу туда и находят немало лиц, помогающих им в этом. В большинстве случаев адрес дает близкая подруга. Но не только она указывает на этот исход и дает адрес, часто знают его и мужчины их круга, будучи сами клиентами этих учреждений. Иногда

Юпитер и Эгина.
Гравюра. 1800

это делает и способный на самопожертвование любовник, которому надоело тратить на свою связь так много денег или которому «хотелось бы помочь любимой женщине выйти навсегда из вечных денежных затруднений», что сам он сделать не в состоянии.

Всеми этими людьми еще не исчерпан, однако, список тех, кто помогает замужней женщине найти дорогу в дом свиданий. Не только подруга, не только расположенный друг, не только готовый к самопожертвованию любовник, но иногда и супруг посылает туда свою хорошенькую молодую жену или даже сам вводит ее в такой дом.

Что это не исключительные явления, видно из сообщения, сделанного заведующей на вопрос о мужских клиентах подобных домов.

“На вопрос, какие мужчины посещают ее дом, заведующая ответила: «Молодые люди из хорошей семьи и много иностранцев. В Англии недавно эти дома свиданий были закрыты, и с тех пор многие английские аристократы, лорды и члены парламента приезжают сюда. Самое путешествие они предпринимают

исключительно ради этой цели. Что же касается молодых людей, то они желают иметь любовниц, а некоторые также жену, так как их семья разорена!» — «Жену, чтобы жениться!» — «Да, конечно!» — «Ради чего же?» — «Чтобы иметь доходы!» — «Это правда?» — «Сущая правда!» — «И часто это бывает?» — «Не очень часто, но все же бывает!»»

Итак: в настоящее время есть и браки, построенные на таком «деловом» базисе!

Необходимо в заключение заметить, что было бы, безусловно, неправильно усматривать в этих домах свиданий исключительно современное учреждение. Современна лишь их организация в таком крупном масштабе.

Здесь, впрочем, не мешает указать и на бесчисленные случаи, когда замужние женщины оплачивают своей любовью повышение мужа на службе, обеспечение своего собственного или его положения или когда артистка отдается, чтобы получить эффектную роль или добиться благоприятной рецензии.

После всего сказанного как бы сам собою всплывает вопрос: какой вывод необходимо сделать относительно большей или меньшей склонности женщины по сравнению с мужчинами к адюльтеру в век господства буржуазии? Ответ должен был бы гласить: замужние женщины так же часто неверны, как и мужья, и во всяком случае в средних слоях неверность ныне более частое явление, чем в прежние эпохи.

И еще другой вопрос всплывает здесь: каковы размеры неверности замужних женщин отдельных наций? Существует распространенное мнение, будто именно француженка есть истое олицетворение супружеской неверности, классическая представительница незаконных любовных связей вообще.

Это столь распространенное мнение объясняется тем, что обычно смешивают Францию с Парижем.

Француженка в массе отличается в этом отношении

даже чрезвычайно выгодно от женщин других наций. Дело в том, что в таких вопросах решающую роль играет принадлежность не столько к той или другой расе, сколько к тому или другому классу, то есть большая или меньшая разнузданность зависит от экономического положения, воздвигающего или же устраняющего преграды для нравственности. Это не значит, конечно, что расовый темперамент не

играет в таких вопросах никакой роли. Подобное утверждение было бы нелепостью. Более холодная кровь, естественно, прежде всего мешает переступить искусственные общественные постановления, подобно тому как горячая кровь служит первым стимулом пренебрегать ими.

Тем не менее специфическое экономическое положение играет в данном случае гораздо более важную роль. Оно или мешает, или же содействует как естественным склонностям, так и внешним стимулам. Только оно и создает поэтому типическую картину. А это специфическое экономическое положение обуславливает сравнительно более прочную супружескую верность француженки. Она во всяком случае лучше своей репутации. Дело в том, что Франция до сих пор еще преимущественно страна мелкобуржуазная. Крупная индустрия была до последних десятилетий мало развита, за исключением северных департаментов. У массы населения должны поэтому преобладать свойственные мещанству добродетели. А в мелкой буржуазии

Роулэндсон Т. Карикатура

господствует больше, чем в других классах, супружеская верность, так как экономические предпосылки воздвигают здесь наивеличайшие преграды склонности к измене, и в особенности склонности к ней именно женщины.

Так как, с другой стороны, наименьшие сдерживающие неверность данные имеются в крупнобуржуазной среде, где к тому же постоянно действуют причины, побуждающие к неверности, то отсюда следует, что если уж необходимо рассматривать вопрос по национальностям, то англичанка должна, наоборот, отличаться большей склонностью к неверности, чем француженка. И по-видимому, так оно и есть на самом деле.

По крайней мере ни в одну эпоху буржуазного века ни в какой другой стране неверность жен не была таким распространенным и открыто выражавшимся явлением, как в Англии в эпоху возникновения крупной буржуазии, следовательно, в период между последней четвертью XVIII в. и 30-ми гг. XIX столетия. Не то чтобы потом положение вещей изменилось, оно стало только более завуалированным, так как моральное лицемерие буржуазии с течением времени сделалось для нее необходимым условием ее существования. В этот период соращение и похищение женщин были настолько обычными, что служили одним из главных мотивов сатиры.

Еще более убедительным доказательством в пользу всевозможных форм адюльтера в тогдашнем английском обществе можно считать частые разводы, имевшие место в те времена.

Как мало изменилось все в эпоху господства буржуазии, доказывает современная бракоразводная статистика Америки.

В Соединенных Штатах в последние двадцать лет насчитывалось ровно миллион разводов, а в двух с половиной миллионах случаев суд отклонил иск о разводе. Само собой понятно, что в этом не следует видеть

доказательство только частой супружеской неверности. Рост числа разводов, в особенности ныне, скорее положительное, чем отрицательное явление. В нем ясно обнаруживается рост самостоятельности женщины, все более сознающей себя равноправным человеком. А это относится в особенности к Америке и Англии. В учащающихся разводах сказывается в крайнем случае разве только легкомыслие, с которым заключаются браки. Ведь для многих брак с самого начала пустая формула, к которой они прибегают, так как она представляет наиболее удобную возможность физического схождения. А когда это становится скучным или когда появляется желание сойтись с кем-нибудь другим, супруги просто разводятся. Или не прибегают даже к этому. Ибо нет другой страны, в которой двоеженство и даже троеженство были бы так распространены, как в Америке.

Приблизительно так же, как в Англии, обстоит дело во Франции, когда там вместе с победой Директории в 1797 г. власть перешла в руки крупной буржуазии.

Если о Германии подобное суждение можно произнести только теперь, то потому, что крупная буржуазия развивалась здесь медленно, лишь постепенно вырастая из мещанства, и потому час ее рождения не сопровождался здесь таким же переворотом, заставлявшим колебаться и шататься все унаследованные от прошлого воззрения. В Германии такое положение вещей могло быть только конечным результатом развития.

Для характеристики нравственного бесстыдства, господствовавшего в Париже, в особенности в эпоху Директории, имеется теперь чрезвычайно богатый материал, собранный с течением времени и постепенно опубликованный. Так, например, мы слышим, что к числу светских развлечений в доме Барра, одного из трех правителей Франции, принадлежало и такое: Барра вдруг исчезал совершенно бесцеремонно с одной

из дам в соседней комнате и потом так же бесцеремонно появлялся в зале.

«Одна роялистка жаловалась, что Барра во время вечерних приемов иногда уходил с *madame Тайен* во внутренние покои, а потом снова появлялся с ней, обхватив рукой ее талию».

Мы слышим из достоверных источников, что устраиваемые тогда в светском обществе балы и празднества нередко кончались тем, что самые хорошенькие женщины соглашались танцевать совершенно обнаженными, что не составляло, впрочем, ни особенного труда, ни особенного различия, так как весь костюм исчерпывался, как мы знаем, часто одной только рубашкой. Мы слышим далее о таких балах, которые устраивались специально для этого, что все участницы появлялись голыми. Подобные балы не имели, разумеется, ничего общего с так называемыми «праздниками красоты», так как они всегда завершались всеобщей оргией.

Аналогичные сведения имеются у нас и относительно буржуазной Англии. Нет такой формы массового разврата, которая не встречалась бы тогда. Самые дикие капризы имели и здесь своих типических представителей.

В Лондоне часто основывались тогда богатыми жуирами так называемые «эротические клубы» для совместного разврата. Имеются у нас аналогичные сведения и относительно мелкобуржуазной Германии. Мы узнаем, например, о массовых оргиях в виде балов, на которых танцевали голыми. В особенности из Берлина и Вены идут подобные сведения. Еще характернее для внутренней шаткости мелкобуржуазного быта то обстоятельство, что такой разврат царил не только в больших, но даже в провинциальных городах, что об этом все прекрасно знали и сотни существовали за счет неизбежных при этом своднических

услуг. Один более чем классический пример может подтвердить это положение – бракоразводный процесс графини Софии Гацфельд с ее мужем графом Эдмундом Гацфельдом, разыгравшийся в 40-х и 50-х гг. в Дюссельдорфе.

Этот процесс получил мировую известность, так как он связан с именем Фердинанда Лассаля, ставшего защитником и спасителем этой угнетенной и гнусно оклеветанной мужем женщины.

Нет такой формы разврата, которой не предавался бы граф Гацфельд, ни одна форма адюльтера не была для него слишком низкой, ни одна женщина не была от него в безопасности – ни камеристки жены, ни жены его друзей.

К его услугам постоянно находился целый штат своден и сводников. Каждая проезжавшая через Дюссельдорф проститутка приводилась в графский замок, а иногда и две сразу, которые и устраивались там на более или менее продолжительное время. Несколько проституток всегда жили во дворце. Во всех домах терпимости в Дюссельдорфе и Кёльне не было, кажется, ни одной проститутки, с которой граф не имел бы сношений.

Женская прислуга нанималась в расчете, что она или пополнит графский гарем, или же будет исполнять своднические обязанности. Женатым людям давались места только в том случае, если жена изъявляла готовность в любой момент быть к услугам графа. Только на таких условиях отдавались в аренду и графские земли или возобновлялся договор с прежними арендаторами.

Самое характерное здесь то, что все это не было строго охраняемой тайной. Напротив, граф предавался такому разврату открыто, на глазах у всех, бесцеремоннее же всего на глазах собственной жены. В ее присутствии ласкал он гостивших в замке женщин

или наносил им ночные визиты, порой он даже насильно заставлял ее быть свидетельницей его свинских походов. Приведем со слов Лассалья по крайней мере самый бесстыдный из этих актов насилия: «Графу Гацфельду принадлежит и будет принадлежать честь изобретения столь жестокого и неестественного оскорбления, до которого не додумались и полуживотные-дикари. В 1823 г. графиня Гацфельд разрешилась первым ребенком. Роды были очень тяжелые, врачи опасались за жизнь графини, ребенок был извлечен хирургическим путем и родился мертвым. Еще восемнадцать дней спустя жизнь графини находилась в опасности, и врачи не верили в ее выздоровление. В ночь после родов, когда молодая графиня извивалась в страшных муках, граф – пять свидетелей подтвердят это своими показаниями – вступил в половые сношения с графиней Нессельроде при полуоткрытых дверях. Боровшаяся со смертью молодая женщина видела это и громко и горько заплакала. Так были зверским поступком опозорены имя и образ человека».

Несмотря на все это, графиня, однако, должна была подчиняться похотливым желаниям мужа всегда, когда это ему приходило в голову, причем он требовал от нее исполнения всех тех отвратительных приемов, которым он научился от последней проститутки, «наслаждений, говорится в прошении Лассалья, порожденных в своей неестественности духом дома терпимости». Нет ничего удивительного, конечно, что граф несколько раз заражал жену самыми отвратительными болезнями.

Могут возразить, что граф Эдмунд Гацфельд был патологическим чудовищем и потому его гнусность и развращенность нетипичны для его класса. Если такое возражение и основательно, то оно несколько не умаляет культурно-исторической ценности бракоразводного иска Лассалья. Ибо последний доказы-

вает еще многое другое, а именно что сотни жителей деревни и города должны были обслуживать развратные капризы графа, если хотели существовать, и то, что вся феодальная родня, включая и братьев графини, палец о палец не ударили, чтобы вырвать несчастную женщину из когтей развратника, хотя они и знали обо всех его гнусностях, так как им о них сообщали. Граф Гацфельд мог открыто позволять себе самые отъявленные дебоши, мог совратить целую провинцию, и никто серьезно не протестовал, все ему разрешалось, и власти ни разу не вмешались, хотя у них и было для того немало оснований. По этим причинам можно спокойно утверждать, что процесс Гацфельда освещает не только индивидуальные эксцессы одного чудовищного развратника, но и феодальные привилегии и феодальную извращенность домартовской Германии.

Что массовый разврат снова усилился в эпоху Второй империи, и в особенности во Франции, было тогда общеизвестным фактом. Каждый, кто занимается в настоящее время этой эпохой, хотя бы даже поверхностно, тот найдет все новые доказательства в области как литературы, так и искусства. Этот факт поэтому лишь изредка и оспаривается. Непредубежденные историки современных нравов находят, однако, нужным ввиду дурной

Сатира на священнослужителей, склоняющих к разврату детей. 1900

славы, которой пользуется эта эпоха господства кокетки, постоянно указывать на то, что было бы большой ошибкой предполагать, будто ныне уже нет следов подобных нравов.

Наше время в этом отношении не только не отличается большей невинностью, а совсем напротив: многое из того, что когда-то производило сенсацию, ныне считается пустяком, вызывает лишь снисходительную улыбку и очень скоро забывается. И то и другое не только не удивительно и не только, разумеется, не непостижимо, а неизбежно.

В эпоху, отличающуюся небывалым до сей поры накоплением капитала, в эпоху, когда этими богатствами распоряжаются значительные слои, половые отношения должны отличаться по необходимости разнузданностью. Столь же неизбежно, однако, по уже изложенным причинам и то обстоятельство, что крупные пороки могут ныне проявляться лишь за закрытыми дверями и занавешенными окнами. Вот почему большинство людей имеют такое превратное представление о чудовищности разврата, царящего в современном большом городе. Но уже по многочисленным сжатым заметкам, то и дело появляющимся в печати, можно судить о том, на каком грязном болоте выстраивается эта жизнь.

Вот для примера корреспонденция из Кракова, относящаяся к новейшему времени: «Здесьняя полиция накрыла общество, которое устраивало афинские вечера и развратные оргии. Общество состояло из 300 молодых людей и 50 девушек из лучших семейств. Оно сняло в городе целый дом, где предавалось всевозможным эксцессам. Скандал обнаружился лишь случайно. У одной из девушек полиция нашла гектографированное воззвание с приглашением вступить в кружок. К нему был приложен проспект, более подробно рисовавший его деятельность.

Полиция закрыла дом. Эмблемой членов кружка был серебряный паук. Дело произвело в здешних светских кругах угнетающее впечатление».

Подобные сообщения появляются каждую неделю то в одном, то в другом городе. Многие из таких случаев хоронятся полицией без шума, так что никто о них ничего не узнает. Еще больше случаев вообще не доходит даже до сведения властей, так как способы затушевать порок организованы ныне, в век всеобщей планомерной организации, так же хорошо, как и самый порок.

Репертуар сексуальной извращенности почти одинаков во все времена. Первую роль играют здесь флеллация и гомосексуализм. Далее следуют: изнасилование детей, мания лишать девушек невинности, некоторые формы колониальных ужасов, эксгибиционизм, содомия и т. д. Однако сама распространенность этих пороков различна в различные эпохи. Отсюда следует, что если большинство из этих пороков носит патологический характер, то общее состояние нравов содействует большему или меньшему их развитию. Болезненный случай становится, таким образом, пороком, интересным уже не только для врача, но и для историка нравов.

Наиболее важно здесь то обстоятельство, что все эти аномалии получили в последнее время особенно сильное распространение. Они снова всюду становятся явлением массовым. Поэтому и средства их удовлетворения практикуются и организуются, так сказать, в размерах крупного производства.

Этот рост противоестественного полового удовлетворения вызван теми же причинами, что и в эпоху абсолютизма, а именно тем, что в широких кругах пресыщенные нервы уже не реагируют на естественное возбуждение. А эти широкие круги — главным образом жуирующие слои имущих классов.

Наибольшую сенсацию произвела в последнее время огромная распространенность – в особенности среди мужчин – гомосексуализма. Ныне уже не подлежит сомнению, что в каждой стране десятки тысяч мужчин склоняются к этому культу противоестественных сексуальных отношений. Правда, в данном случае главную роль играет болезненное предрасположение, тогда как благоприобретенная склонность имеет лишь второстепенное значение.

Еще более возмутительный признак вырождения, также обычное последствие половой пресыщенности, – разврат, чинимый с детьми, причем сюда следует отнести и манию лишать невинности девушек. Едва ли можно преувеличить опасность, грозящую в этом отношении детям в большом городе. В каждом крупном городе найдется немало сладострастников, гнусные вожеления которых направлены исключительно на незрелых детей. На каждом шагу ныне заманивают их ради безнравственных целей. Один из высших чиновников парижской сыскной полиции замечает по этому поводу: «Если что получило теперь всеобщее распространение, так это дикая страсть мужчин гоняться за несовершеннолетними детьми. Вы можете встретить на улице мужчин с прекрасной внешностью, в которых никто не открыл бы ничего подозрительного, за которыми ни одному полицейскому не вздумается следить. Однако вы могли бы видеть, как эти господа пристают к нянькам и матерям, гуляющим с детьми, делая им чудовищные предложения. Нечто подобное случилось недавно с женой одного чиновника. Она гуляла с дочкой, и вот к ней подошел какой-то господин, так же нахально и с теми же невероятными предложениями».

В особенности эта опасность грозит пролетарским детям, и бесчисленное их множество становятся в самом деле жертвами подобной гнусности.

Достаточно известны случаи, когда учителя или священники пользуются своей властью над вверенными им детьми для той же гнусной цели, хотя мы и не можем судить о распространенности подобных фактов. К сожалению, в таких случаях дело лишь изредка доходит до судебного преследования. Многие родители боятся на всю жизнь скомпрометировать своих детей. Если же речь идет только о попытке, то родители, естественно, страшатся, что судебное преследование раскроет ребенку то, чего он по своей неопытности не понимал.

В вышеописанных парижских домах свиданий клиенты часто требуют не только замужних женщин, но и незрелых детей. Подобные требования выставляются, по-видимому, преимущественно англичанами, приезжающими специально для этого из Лондона в Париж. Это общеизвестно, и потому сводням не только предлагают свои услуги замужние женщины, но то и дело к ним приводят и несовершеннолетних девочек. На вопрос: бывают ли среди клиентов иностранцы? — заведующая таким учреждением заявила: «Много, преимущественно англичане. В Лондоне дома свиданий были закрыты, и потому они приезжают в Париж. Путешествие длится ведь недолго, да и все остальное можно устроить быстро. Только они обыкновенно требуют несовершеннолетних, а их я не могу им достать». — «Вы не принимаете их?» — «Нет». — «Но разве не являются к вам и несовершеннолетние, предлагая свои услуги?» — «Теперь нет! Они знают, что я им откажу, и потому они и не приходят. Но не так давно они являлись ко мне, приходили даже и матери, предлагая своих маленьких дочек!» — «И много приходило?» — «Порядочно!» — «Из какой среды?» — «Обычно из среды галантных женщин... Но не только кокетки приводили мне своих детей, а также жены рабочих и даже

женщины из сравнительно хорошей среды!» – «Как! Женщины из хорошей семьи предлагали вам своих дочерей!» – «Ну да! Матери, находившиеся в нужде... разоренные вдовы. Это бывало не очень часто, но все же бывало».

Этот ответ, разумеется, менее всего доказывает, что подобные гнусные требования в самом деле встречаются отказ в домах свиданий. Понятно, что полиции не скажут правды.

В Англии соращение или, вернее, изнасилование незрелых девушек практикуется в самых широких размерах.

К довольно частым аномалиям половой жизни относятся также содомия, в которой повинны оба пола, но преимущественно женщины, что объясняется, как и при гомосексуализме, отсутствием часто возможности естественного удовлетворения половой потребности...

До каких пределов может порою дойти гипертрофия женской похотливости, как часты к тому же подобные случаи именно в наше время, доказывает скандальное поведение дам высшего общества во время сенсационных процессов. Кровожадный преступник становится для эротического воображения чрезмерно чувствительных дам весьма желанным лакомством. В особенности возбуждающе на дам этих кругов действуют убийцы-эротоманы. Многие из убийц получают массу любовных писем, им присылают в темницу лакомства и деньги. А во время процесса происходят настоящие битвы между элегантными дамами, желающими попасть в залу и получить хорошее место. Достаточно привести один только пример, а именно недавно имевший место процесс парижского убийцы-эротомана Соллейльлана, сначала изнасиловавшего, а потом убившего маленькую девочку. Многие дамы из «общества» открыто становились во время процесса на сторону этого чудовища.

Глава 5

ПРОСТИТУЦИЯ

Есть одно явление, которое нравственное лицемерие при всем своем старании не в силах скрыть от взоров людей, – проституция. А если это ему порой и удастся с виду, то лишь на весьма непродолжительное время. Одна какая-нибудь запрещенная или искорененная форма розничной торговли любовью сейчас же порождает сотни новых. В буржуазный век проститутка – всюду и везде. Все так или иначе связаны с ней, все так или иначе существуют ею, многочисленные отрасли индустрии работают только на нее, делают свои лучшие дела с нею, вдохновляются ею к наиболее выгодным комбинациям. Ни в одной отрасли розничной торговли не занято столько людей, как в той, во главе которой стоит Венера.

Подобное положение вещей вызвано огромным спросом на любовь, которую можно купить в любой момент. Что покупаемая в розницу, за сдельную плату любовь женщины стала в настоящее время еще в большей, чем прежде, степени всеобщей потребностью, этот факт не нуждается после всего сказанного в предыдущих главах в более детальном обосновании. Все ранее изложенное в достаточной степени объясняет эту потребность, хотя бы один тот факт, что в значительных слоях браки заключаются ныне в позднем возрасте. Еще на две другие причины, усилившие в последнее время возможность покупать себе любовь, следует указать.

Это, во-первых, тот факт, что многие промыслы потеряли свой прежний характер прикрепления к определенному месту. По мере того как главным законом производства становилась интернациональность обмена, основой существования всех народов сделалось постоянное передвижение из города в город, из страны в страну. Так миллионы людей самых разно-

Гиллрей Д. Английская карикатура на пикантную
дворцовую интригу. 1792

образных профессий превратились в кочевников, для которых уже не существует понятия «родина», которые сегодня здесь, а завтра там, которые каждый день должны быть в каком-нибудь другом месте, которые поэтому лишены возможности основать свою семью или вынуждены большую часть года отсутствовать дома. Подобные кочевники наводняют ежедневно целыми ордами каждый современный большой город. Так как эти толпы состоят главным образом из мужчин, и притом находящихся в расцвете сил, то для них единственной возможностью удовлетворить половую потребность становится всегда готовая к услугам проститутка.

Второй фактор, с которым приходится считаться, — это перемена, происшедшая в области развлечений. Они уже не ограничиваются семейным очагом, они стали массовыми удовольствиями: здесь также приходится удовлетворять уже массовые потребности. Необходимое

возбуждение при таких условиях, индивидуальное или массовое, может, естественно, исходить только от проститутки, так как она одна является как бы безличным понятием, личностью, обязанной быть к услугам каждого, кто нуждается в возбуждении. Так как ныне наслаждаются массы, так как в возбуждении нуждаются массы, то в каждом более или менее крупном городе должны находиться целые полчища проституток, чтобы удовлетворить эту потребность в возбуждении.

Предложение, однако, значительно превышает спрос. Так оно было, правда, всегда, но для XIX в. это справедливо в еще большей степени. Это приводит нас к самому важному явлению. Дело в том, что в настоящее время состав армии проституток значительно изменился в сравнении с прошлым. Раньше если и не все проститутки, то большинство жили в домах терпимости, теперь число живущих в этих заведениях все сокращается и его значительно превосходит число вольнопромышляющих. Кроме этого перемещения, необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство. Общее число женщин, открыто промышляющих любовью, значительно сократилось если не абсолютно, то, во всяком случае, относительно прежних эпох. В этом нетрудно убедиться. Поэтому если огромному спросу на розничную продажу любви противостоит еще более значительное предложение, то отсюда надо сделать вывод, что замаскированная проституция, проституция под маской порядочности, приобрела в буржуазный век такие размеры, каких она не имела ни в одну из предыдущих эпох.

Так оно и есть на самом деле. Этим обходным путем мы подойдем к решению вопроса о причинах, порождающих проституцию, ближе, чем если бы рассмотрели одну только профессиональную проституцию. Дело в том, что при исследовании замаскированной проституции особенно бросается в глаза ее экономическая подоплека. Достаточно вспомнить хотя бы

причины, толкающие стольких женщин в дома свиданий! Характерная для эпохи господства крупного капитала экономическая нужда, экономические осложнения, опутывающие жизнь как отдельной личности, так и большой массы, – таковы причины, содействующие огромному, все увеличивающемуся, подобно лавине, росту числа женщин, готовых проституировать себя.

Людам, толкующим слово «голод» так примитивно, что говорят о нем, только когда у человека нечего есть, людям, отрицающим гнет экономических условий, если горничная пойдет на улицу, тогда как она могла бы снова найти место горничной, все нами только что сказанное покажется китайской грамотой. Эти наивные люди упускают из виду, что «нужда» всегда понятие относительное, что масштабом для оценки материального положения служит не то, в котором мы сами находимся, что он диктуется положением тех, с кем мы связаны процессом труда. Работница, обязанная создавать роскошные туалеты, тогда как сама вынуждена ходить в простеньком платьице, ощущает свое положение как нужду даже в том случае, когда может наесться досыта. А подобная «нужда» особенно легко порождает мысль, что при известных условиях легче заработать шелковый жупон, чем шерстяную нижнюю юбку. А такие и тому подобные мотивы – причины экономические.

Что в XVII и XVIII вв. касалось только маленьких и средних городов – а именно обязанность промышляющей на улице проститутки одеваться в не бросающийся в глаза костюм порядочной женщины, носить который ей строго запрещалось в эпоху Ренессанса, – стало в буржуазный XIX в. категорическим условием ее существования также и в крупных городах. Так как нравственное лицемерие клеймит официальное сходжение с проституткой как акт безнравственности, то проститутка должна, естественно, одеваться, как порядочная дама.

Во всяком случае ее профессия должна быть внешне завуалирована.

Из всех внешних признаков, отличающих проститутку от добродетельной женщины, остались разве некоторые подробности моды, вызывающий способ поднимать юбку, ободряющие взгляды и более или менее откровенные в удобный момент приглашения или требования сопровождать ее.

Как все подобные перемены, и эта совершалась медленно, притом лишь с того момента, когда официально началась эра нравственного лицемерия. В продолжение всей Великой революции, в дни юности французской буржуазии, проститутка занимала еще в картине парижской уличной жизни такое же чудовищно видное место, как в эпоху старого режима, даже больше, в эти бурные годы цинизм ее публичных выступлений доходил, быть может, до своего апогея. Не успели наступить дни Директории, как главные улицы Парижа превратились в единое наводненное проститутками корсо, где только они и задавали тон.

Трудно представить себе, что это был за дерзкий и бесстыдный тон. С уст как женщин, так и мужчин то и дело срывались скабрезные восклицания. Надев платье с глубочайшим вырезом, подняв юбки как можно выше, прогуливались жрицы любви до поздней ночи на глазах у всех.

Начало этих галантных массовых шествий было

Проститутки.

Виньетка из календаря. 1789

еще прилично в сравнении с положением вещей в более позднее время, когда каждый мужчина проходил под перекрестным огнем взоров и восклицаний фланирующих проституток, которых возбуждали сами же мужчины. Такую же картину представлял и тогдашний Лондон. На публичных рынках любви и здесь царили грубость и бесстыдство. Сидя в колясках или верхом на лошади, катались более видные проститутки по Гайд-парку или по другим улицам – корсо. Но и многочисленные маленькие города – даже и в Германии – представляли, по существу, такую же картину, с той только разницей, что здесь за отсутствием большой массы не царило такой сутолоки.

В 20-х и 30-х гг. XIX в. эта дикая оргия несколько утихла, чтобы вскоре снова начаться, в особенности в эпоху Второй империи во Франции. Именно тогда сложилась свойственная и теперь еще почти всем более крупным городам картина уличной жизни с неизбежной фланирующей проституткой.

Что ныне все обстоит так же, как в 50-х гг., доказывает следующая картина из эпохи Второй империи во Франции в романе Золя «Нана», картина, точно списанная с современной действительности и прикладываемая к любому современному большому городу: «Обыкновенно они начинали свой поход в 9 часов вечера. По тротуарам улицы Нотр Дам де Лоретт тянулись два ряда девушек, спешивших по направлению к бульварам, подобрав юбки. Нана и Сатен шли всегда вдоль церкви по улице Лепелетье. Недалеко от кафе Риш, поблизости от места их маневров, они опускали подол платья и начиналась прогулка по грязи и пыли. Перед кофейнями они замедляли свои шаги. Здесь они были в своей стихии. Подняв голову, громко разговаривая и смеясь, они время от времени оглядывались на следовавших за ними мужчин. До 11 часов продолжалось это веселое настроение, лишь изредка прерываемое бранью «грязное животное», бросаемой по адресу неловкого прохо-

жего, толкнувшего их или наступившего им на ногу. Иногда они садились за стол в кафе, фамильярно кланяясь с официантами, охотно принимая угощение от первого встречного, так как это давало им возможность сидеть и ждать окончания театра. Когда же приближалась ночь, охота становилась отчаянной. Под сенью деревьев на пустых бульварах происходили безобразные сцены. Торговались с мужчинами, обменивались грубой бранью и пинками, между тем как мимо них проходили почтенные семейства, отцы, матери и дочери, привыкшие к такому зрелищу. Совершив десять раз дорогу от оперы к театру Gymnase, Нана и Сатен останавливались на бульварах улицы Фобур Монмартр, так как мужчин становилось все меньше. Зато здесь рестораны, кабаки и харчевни были открыты и освещены до двух часов. Перед кофейнями толпились проститутки. То был последний освещенный и оживленный уголок ночного Парижа, последний открытый рынок для продажи любви на одну ночь, где торг совершался громко и без стеснения. Так шли они от одного конца до другого, как по открытому коридору публичного дома. Тихо покоилась длинная, пустынная улица Нотр Дам де Лоретт. Только изредка промелькнет тень женщины. То возвращались запоздавшие путницы. Несчастные девушки, пришедшие в отчаяние, так как не нашли себе на ночь заработка, хрипло бранились с запоздавшим пьяницей, задержавшим их на углу улицы.

Бывали, однако, и вечера удачные. Нередко перепадали им луидоры от мужчин с положением, которые шли с ними, спрятав в карман орденские ленты и другие значки. У Сатен был нюх по части этого сорта клиентов. В дождливые вечера, когда Париж тонул в сырости и скуке, эти господа — она это знала — шли в темные углы города. А она выуживала самых богато одетых. Она узнавала их по их вялому взору. В такие вечера город бывал точно охвачен настоящей бешеной жаждой наслаждения.

Правда, она немного боялась этих господ. Она знала, что самые изысканные были самыми отвратительными. Покрывавшая их лакировка быстро сходила, и наружу выступал зверь с отвратительными вожделениями и рафинированной порочностью. Сатен не чувствовала также никакого почтения к господам, приезжавшим в колясках. Она утверждала, что их кучера более порядочные люди, так как не убивают своих жен нравами полусвета».

Обычно уличная проститутка имеет свою частную квартиру, где реализуется начатая на улице любовная сделка. Если же у нее такой квартиры нет, то она не прочь сопровождать мужчину в его квартиру или предложенные им меблированные комнаты, существующие в огромном количестве в каждом более или менее большом городе. К категории меблированных комнат относятся и особые помещения в ресторанах, служащие исключительно целям мимолетной любви, существующие также не только в больших, но и в средних провинциальных городах, где во многих ресторанах найдется уютная задняя комнатка. Все эти места служат не только для сношений с проститутками, а, само собой понятно, не менее часто и для галантных похождений всяких законных или незаконных парочек, не имеющих дома подходящего случая или желающих после концерта или театра тайком отметить праздник любви.

Самую угнетающую подробность в картине уличной проституции больших городов составляют малолетние проститутки. В Англии число их все растет, и не только по мнению пессимистически настроенных моралистов, но и по мнению комиссии верхней палаты, специально назначенной в 1885 г. для более тщательного расследования этого вопроса.

Чаще всего в проститутки идут, конечно, дети самих же проституток, причем их посвящают в это ремесло обычно сами же матери, сводящие их с извра-

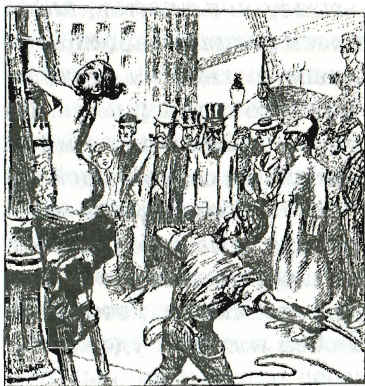

ценными развратниками и забирающие деньги. Есть, однако, немало и таких двенадцати- и тринадцатилетних девочек, которые промышляют собой на собственный страх и риск. Лондон кишел в продолжение целых десятилетий этими несчастными существами, вышедшими из низов люмпен-пролетариата. Так как у них не имеется собственной квартиры, так как они проводят ночь в темных углах, в амбарах, на площадях или под мостом, то в этих же местах находится и их ложе любви, то есть они отдаются покупателю в ближайшем углу, под воротами или в сенях дома, если только их не приглашают к себе. В настоящее время детская проституция существует в такой форме главным образом в Испании.

От уличной проститутки неотделим сутенер. Редко найдется проститутка, которая не имела бы своего «Луи» или «Люде», как говорят в Германии, своего «Альфонса», как выражаются во Франции. В сутенере обычно видят необходимого делового компаньона проститутки, который доставляет ей клиентов, помогает отбирать их и в особенности активно защищает ее подверженной всевозможным опасностям деятельности. Нет никакого сомнения, что сутенер на самом деле исполняет все эти и тому подобные функции, и однако не в этом его главная роль при содержащей его проститутке. Он прежде всего ее любовник. Он единственный мужчина, которого она сама избирает, который удовлетворяет ее потребность в любви, в противоположность всем остальным мужчинам, которые ее выбирают и потребность в любви которых удовлетворять должна она.

Нет более глубокого заблуждения, как утверждение, будто проститутка отдается, когда исполняет свою профессию. А это непременно имело бы место, если бы она промышляла из любви к делу, то есть из чрезмерно развитой чувственности. Что это в большинстве случаев не так, доказывает как раз то обстоятельство, что

каждая проститутка имеет любовника, а им бывает именно сутенер... В изданном Маргаритой Бёме «Дневнике падшей» говорится: «Люди, не имеющие достаточно правильного понятия об этой среде, представляют себе взаимные отношения этих мужчин и девушек иными, чем они есть на самом деле. Я тоже думала, что «Луи» – это человек, приводящий девицам клиентов, охраняющий их, напоминаящий скандалящим или не желающим платить посетителям деликатным образом об их обязанности быть оципанными, а во всем прочем остающийся не чем иным, как своего рода рабовладельцем проститутки. Все это, конечно, бывает, однако обычно девицы относятся к этим так называемым сутенерам, как к своим любовникам. Оно и понятно. В каждой проститутке живет так или иначе женщина со свойственным ей желанием опереться на мужчину, с ее любовным томлением, не находящим удовлетворения в чисто деловом характере обычных ее половых сношений. Нечто подобное испытываю и я. Сколько бы дала я за то, чтобы иметь

Вильетт А. Публичное наказание восемнадцатилетней девушки в Америке за любовную связь со священником. Карикатура на американскую жестокость. 1900

хоть одного человека, который принадлежал бы мне, на которого я могла бы опереться, о котором я знала бы, что он мой, как я – его!»

Так лишь и становится понятным другое типическое явление, а именно что проститутка не только содержит сутенера – если бы его главная функция состояла в том, чтобы доставлять ей клиентов и охранять ее, было бы естественнее, если бы они делили доход пополам, – но и положительно осы-

пает его порою деньгами и что между проститутками существует настоящее соревнование, кто лучше содержит своего альфонса. Вращавшийся в этой среде О. Узингер говорит в своем этюде о сутенере: «Достоинно примечания и то соревнование, которое царит среди проституток и которое заключается в том, что каждая старается принести своему сутенеру как можно больше денег».

Сутенер старается по очень понятной причине поддерживать проститутку в этом ее стремлении. Ему обычно живется в материальном отношении хорошо. Молодые красивые проститутки приносят в неделю сотни, даже тысячи. Но даже и опустившаяся проститутка, «доставляет своему любовнику от десяти до двенадцати марок в день».

Паразитическая роль сутенера ставит его, естественно, так низко в общественном отношении, что он считается, быть может, самым низким человеческим существом, и потому на такую профессию соглашались обыкновенно только последние отбросы. Сутенеры выходят из всех классов, и если большинство из них — выходцы из люмпен-пролетариата, то все же среди них встречается немало и деклассированных элементов из интеллигенции, буржуазии и в особенности дворянства.

Видные кокетки нередко содержат настоящих графов и баронов, ведущих аристократический образ жизни. Что эти последние могут вести такой именно образ жизни, и составляет предмет гордости данной кокетки. Достоинно внимания и то, что во всех странах многие полицейские и унтер-офицеры исполняют между прочим и функции сутенера, то есть получают от них свои главные доходы.

В заключение следует указать на то, что сутенер служит связующим звеном между проституцией и уголовным миром. В большинстве случаев сутенер вместе с тем и преступник, и прежде всего и больше всего, конечно, вымогатель. Это так естественно и логично, что не нуждается в особых доказательствах.

Жизнь и быт в низших кварталах проституции, сохранившихся в настоящее время в наиболее чистом виде в портовых городах, почти не поддаются описанию. В странных костюмах, напоминающих костюм дам из варьете или цирка, десятками стоят проститутки у открытых дверей на узких улицах, приглашая гуляющих мужчин войти. Действие неприличного костюма, обнаруживающего почти всю грудь, и одетых в пестрые чулки ног, видных вплоть до самых колен, еще усугубляется бесстыдными жестами и восклицаниями...

Если проститутки бесстыдно поднимают юбки перед проходящими, если они выставляют вперед оголенную грудь, если они окружают мужчин, пристают к ним с циничными жестами, если они пытаются вырвать их шляпы, чтобы заставить их последовать за ними домой, то это самые обычные явления. Такую картину можно было еще недавно видеть в квартале С. Паули в Гамбурге, где ютились проститутки низшего разряда, да и теперь еще можно наблюдать в Марселе и многочисленных других французских и английских портовых городах. Так как эта категория проституток живет обыкновенно в узких и тесных переулках, то здесь все до последней степени примитивно, и, стоя на улице, вы часто можете быть свидетелями того, что происходит в домах. Словом, жизнь отличается здесь крайним бесстыдством и может действовать только на низшие инстинкты изголодавшихся матросов и мужичков, да еще разве только возбуждать любопытство. От дальнейших подробностей можно воздержаться, так как перед нами по существу та же картина, которую представлял, например, Лондон в XVIII в.

Упомянем, что такие нравы можно в настоящее время наблюдать еще на многих даже первоклассных улицах испанских городов.

«В Мадриде есть немало домов на хороших улицах, где с девяти часов утра девицы стоят в дверях с вели-

чайшим бесстыдством и цинизмом. Здесь вы увидите *huespadas* с наруганными лицами, подкрашенными глазами, с таким глубоким вырезом в платье, что выступает наружу вся грудь, с сигаретками во рту. Они останавливают всех прохожих и становятся иногда нахальными». В кварталах, посещаемых более состоятельной публикой, в настоящее время жизнь внешне выглядит, естественно, совсем иначе. Здесь проститутки сами не заманивают посетителей. В крайнем случае только привратница негромко приглашает проходящих или прогуливающих мужчин войти.

Ронс Ф. Сводня и юная проститутка. Офорт

Обычно же не прибегают и к этому приему, и только красный фонарь или опущенные шторы указывают путь ищущему любви мужчине. Внешняя благопристойность должна затушевывать скандальность нравов. Когда в Берлине в 1851 г. снова открылись дома терпимости, на время закрытые, то полиция требовала строгого соблюдения внешнего приличия.

Один современный писатель замечает по этому поводу: «Пришлось затушевывать порок с внешней стороны, то есть затушевывать его местопребывание. И в этом зашли дальше, чем было нужно, его положительно окружили тайной. Дома терпимости, на вид элегантные, казались заколдованными, окна были занавешен-

ны, не видно было ни единого живого существа: особые таинственные двери и т.д. — все должно было возбуждать любопытство или по крайней мере дать удобный повод для посещения».

Именно поэтому более элегантные дома терпимости вдвойне зависят от рекламы, которую и пускают в ход как бы между прочим. Отчасти это делается при помощи листиков, вручаемых мужчинам на углу улицы или прилагаемых к безобидному проспекту какого-нибудь торгового дела. Иногда распространяются каталоги проституток с пикантными иллюстрациями, повествующие открыто или замаскированно об ожидающих посетителей чудесах. До 50-х гг. истекшего столетия было в обычае раздавать литографированные карточки с эротической сценой, а под ней значился адрес дома терпимости или проститутки. В настоящее время такое встречается только еще в Италии. В Париже и теперь еще в ходу медали, на одной стороне которых изображена женская головка или пикантно обнаженная женщина, а на обратной стороне помещен адрес дома терпимости или проститутки.

В странах и теперь еще существуют во всех более или менее значительных городах дома терпимости, число которых доходит до нескольких десятков, а иногда даже сотек. В Мадриде в 1895 г. насчитывалось ровно 300 таких домов, и в один только год возникло 127 новых. В Германии особенно многочисленны эти дома в Кёльне, Гамбурге, Франкфурте, Любеке, Киле, Дортмунде, Эссене, Бремене, Мангейме и Нюрнберге. Из университетских городов заслуживают упоминания Грейфевальд, католический Фрейбург и Лейпциг. В некоторых из этих городов, например во Франкфурте, Бремене и в особенности в Гамбурге, есть целые улицы, занятые такими притонами. Каждому приезжему швейцар гостиницы укажет на них как на одну из достопримечательностей города. Если путешественник кажется на вид богатым человеком,

то в Гамбурге ему называют улицу Ульрикус; если он коммивояжер или принадлежит к среднему бюргерству, то ему указывают на Клефекергассе, а кто желает посмотреть на настоящий «шабаш», того посылают в квартал С. Паули, где, впрочем, в последнее время произвели генеральную чистку.

Внутренний обиход в таких домах по существу мало изменился в сравнении с прошлым, разве только ведутся они теперь рациональнее, в еще более коммерческом духе. В средних притонах, то есть, стало быть, в большинстве, теперь все рассчитано на массовое удовлетворение спроса. Трудно составить себе ясное представление о том, какие требования предъявляются при этом к отдельным девушкам. В хорошо посещаемых домах терпимости они нередко должны принимать ежедневно от десяти до двадцати мужчин. В случае народных или певческих праздников число это часто удваивается и даже утраивается.

Нет надобности особенно доказывать, что при таком грубо-деловом массовом удовлетворении клиентов не может быть речи о более тонком и изящном поведении, не может быть и тени ухаживания. Тем чаще дело доходит до диких сцен. Обычным явлением считается, если целая группа мужчин берет одну проститутку, которая и должна отдаваться по очереди им всем.

В особенности часто это бывает в университетских городах. В более хороших домах терпимости, где рассчитывают всегда только на немногих богатых посетителей и где поэтому к ним и предъявляются более повышенные требования, господствуют, конечно, более утонченные нравы. Здесь обычно все незанятые девицы представляются в салоне посетителям, заигрывают с ними, выставляют напоказ свои прелести, так что те могут спокойно и обдуманно сделать выбор. В Венгрии и Франции девицы одеты при этом только в чулки, туфельки и открытую спереди кружевную рубашку, которую они в зависимости от большей или

меньшей степени кокетства или держат закрытой, или же раскрывают, чтобы прельстить гостя, за которым ухаживают.

Обычные, средней руки дома терпимости устроены в большинстве случаев довольно примитивно, только разве стены приемной и спален украшены репродукциями галантных или эротических картин. В таких домах имеется обыкновенно и нечто вроде ресторана, так что посетитель может заказать по дорогой цене бутылку вина, пива или ликера, распить ее в компании с девицами, полюбезничать с ними довольно откровенно и цинично, причем он не обязан пойти с одною из них в ее комнату. Таков обычай в большинстве немецких домов терпимости. Более видные заведения обставлены, напротив, часто с большой роскошью, дорогой, хотя и безвкусной мебелью, большими зеркалами, удобными мягкими креслами, безделушками, украшены дорогой посудой, увешаны большими эротическими картинами, порой кисти даже выдающихся художников. Костюмы девиц отличаются в таких домах, естественно, также большой роскошью.

Положение девушек, живущих в домах терпимости, самое жалкое и печальное, какое только можно себе представить. Они находятся в гораздо худших условиях, чем вольнопромышляющие. В девяноста из ста случаев такая девушка в полном смысле слова рабыня хозяина. Проданная торговцем живого товара или иным каким-нибудь путем заброшенная в притон, она с первого же дня в долгу у содержателя, берущего обычно на себя ее прежние долги и поставляющего ей необходимый для ее профессии туалет. Так как за все это, а равно и за комнату и содержание берут втридорога, то проститутка, естественно, несмотря на порой высокий заработок, в большинстве случаев всю жизнь в когтях этого вампира. Необходимо принять во внимание, что с такой жизнью, всецело посвященной наслаждению, неизбежно тесно связана расточитель-

ность, которую содержатели домов терпимости поддерживают и эксплуатируют самым рафинированным образом в интересах своего же кошелька.

Все это ставит этих девушек в возмутительную зависимость от хозяина, и они отданы всецело во власть как его самого, так и посетителей дома. Вольнопромышленная проститутка может отклонить предъявляемые к ней гнусные требования, а это удастся сделать лишь в очень редких случаях девушке, прикованной к дому терпимости, так как хозяин не желает отказаться от дохода, хотя бы он проистекал из самого отвратительного порока. Такая девушка совершенно незащитна и совершенно бесправна. Возможное бегство хозяин предупреждает тем, что прячет ее уличный костюм. Если она идет гулять, то в сопровождении другой проститутки, на которую хозяин может положиться, или же служанки.

Поэтому лишь очень немногие девушки, живущие в доме терпимости, не проникаются очень скоро ненавистью к притону, хотя бы они и вступили в него добровольно. Веселость, с которой они развлекают посетителей, совершенно искусственная, если только она — что бывает чаще — не служит проявлением одичалости, к которой очень быстро приводит эта профессия. Подумайте только, что значит иметь ежедневно половые сношения с дюжиной мужчин, и притом в большинстве случаев сношения, проявляющиеся в отвратительной форме. Как тут в конце концов не одичать так, что ко всему будешь относиться равнодушно и даже чувствовать себя в грязи, как в своей стихии.

Так как «все чаще только самые беспомощные или самые отупелые проститутки склонны подчиниться игу дома терпимости», то уже один этот факт объяснял бы в достаточной степени выше отмеченное сокращение во всех странах числа домов терпимости. Существует, однако, целый ряд еще других причин, обусловивших это явление. Среди них самая важная — уже отмеченная огромная конкуренция замаскирован-

ной проституции, множества кафешантанов, танцзалов, домов свиданий – словом, не пользующихся концессией домов терпимости, предлагающих или по крайней мере обещающих мужчинам более пикантные наслаждения.

Дом терпимости нуждается для постоянного пополнения своего состава в посредничестве профессионального торговца живым мясом, так как в большинстве этих заведений девушки быстро изнашиваются и возникает необходимость постоянно заменять их новыми. Вышеописанная жизнь в домах терпимости объясняет в достаточной степени это явление. Сюда необходимо присоединить еще то, что наличие «свежего товара» служит для заведения самой лучшей притягательной силой. Многие содержатели видят себя поэтому и без того вынужденными показывать гостям как можно чаще новые лица. Это стремление обнаруживается тем сильнее, чем богаче круги, на которые рассчитано заведение.

Некоторые дома предъявляют к телу и юности своих «дам» самые повышенные требования. В особенности во Франции существовали, да и теперь еще существуют богатые заведения, где из пятнадцати или двадцати девушек ни одна не бывает старше двадцати или двадцати трех лет и все отличаются безупречным сложением, а порой и удивительно красивым телом. В тот день, когда грудь уже перестает быть, как прежде, твердой и упругой, девушка уступается или, вернее, перепродается другому, менее притязательному дому. С другой стороны, вновь поступившая девушка сначала предоставляется всем почетным и постоянным гостям и уже только после этого поступает во всеобщее пользование. Если такая вновь поступившая девушка особенно красива, то она нередко заранее расписана на целые недели.

Так как со всеми подобными половыми эксцессами связаны постоянно такие же эксцессы в употреб-

лении алкоголя, то рано или поздно должно сдаться и самое крепкое тело, то есть оно должно по меньшей мере потерять свою прежнюю свежесть, даже если случай убережет девушку от заражения дурной болезнью. При таких условиях немудрено, что в хороших домах девушку редко держат более одного или двух лет. Требующийся «свежий» и притом способный привлечь внимание «товар» могут доставить, естественно, только профессиональные торговцы девушками, так как только самые несамостоятельные женщины идут добровольно в дом терпимости. Реже всего начинают свою карьеру добровольным вступлением в такой дом именно молодые и красивые девушки. По этой причине торговец может добыть свои жертвы в большинстве случаев только обманом или иным преступным образом, обещая хорошеньким горничным, камеристкам, продавщицам и т. д. выгодные места за границей или даже замужество, побуждая их отправиться с ними в другой город, где обманутые слишком поздно узнают, что стали жертвой обманщика.

Часто девушки попадают в цепкие лапы торговцев живым мясом или содержателей заведений также и по объявлениям, гласящим: «Ищут камеристку или секретаршу для богатой дамы» и т. п.

От большой массы проституток кокетка отличается только тем, что умеет брать за свою любовь дороже, и тем, что она находится на содержании только у одного или только у нескольких мужчин. По этой же причине она ускользает от полицейского надзора. Число таких содержанок ныне очень и очень велико, в особенности в сравнении с эпохой абсолютизма, когда только государи да еще некоторые богатые финансисты могли себе позволить подобную роскошь. Напротив, в настоящее время существует благодаря огромному накоплению капитала бесчисленное множество плутократов, многие из которых могут себе позволить

роскошь содержать дорогостоящую подругу или временно, или в продолжение нескольких лет.

Кокотка в первую голову задает тон моде. Она же в значительной степени налагает свой отпечаток и на общественную жизнь. В особенности жизнь и нравы определенных изысканных кругов большого города получают от нее свою характерную физиономию. А в целом ряде фешенебельных курортов и иных центров жуирующего света – достаточно указать на Монте-Карло – она вообще ось всей жизни. В таких местах все рассчитано на потребности и вкусы элегантной кокотки. Как ни велика, однако, роль *femme entretenue* еще и в настоящее время, она перестала быть прежней царицей, за которой все ухаживали, которая привлекала к себе всеобщее внимание, ради которой забывали все и всех. Такую роль играла она еще в эпоху Второй империи во Франции.

Пельтан писал в 1855 г.: «Недавно я присутствовал при представлении пьесы «Шарлотта Корде». В самый драматический момент, когда публика от волнения затаила дыхание, в театре вдруг поднимается шум, все оборачиваются, перешептываются, наводят наконец на определенное место летучую артиллерию биноклей. Что случилось? То явилась львица! Вы не знаете ее? Это дама, посыпающая колеса своей кареты золотым песком, разорившая уже не одного подававшего надежды молодого человека. Спокойная и мужественная, под перекрестным огнем взглядов и лорнеток, принимает она расточаемое ей внимание как естественную дань ее красоте и известности и, ощипывая вырванное из накидки на лебяжьем пуху перо, она точно говорит мужчинам: “Так поступаю я и с вами”.

Если сравнить прежнюю роль *grande cocotte* с ее теперешней, то можно говорить о ее почти развенчании. Это развенчание было, однако, следствием не торжества в этих кругах более высокой нравственности, как, может быть, будут предполагать многие, а конкуренции, которую кокотке создает женщина имущих классов.

Кокотка была оттеснена на задний план, потому что ее приемы и нравы были восприняты также женщинами имущих классов. Ныне эти последние почти все вышли из-под сени домовитости, культивируют во всем и везде ту же безумную роскошь, отличаются такими же экстравагантными склонностями, – словом, они стали такими же монденками, какими прежде, лет двадцать или тридцать тому назад, были одни только кокотки. В тысяче случаев даму теперь уже трудно отличить от кокотки. Или же наоборот. В 1869 г. Лейбль написал лучший портрет парижской дамы и назвал картину «Парижанка». Публика же окрестила картину «Кокотка», и это название так за ней и осталось. Ввиду этого кокотка уже не бросается в глаза, как нечто из ряда выдающееся, а это и было предпосылкой ее успеха. И потому она оказалась побежденной.

Кокотка в более узком смысле слова была развенчана, так как по всей линии восторжествовал тип вообще кокотки.

Едва ли будет преувеличением сказать, что размеры замаскированной проституции многим превосходят проституцию открытую и незавуалированную. Именно в этом и заключается отличие нашего времени от прежних эпох: между тем как открытая проституция сократилась если не абсолютно, то относительно, замаскированная розничная торговля любовью увеличилась абсолютно и относительно самым невероятным образом.

Здесь прежде всего необходимо упомянуть так называемых полупрошечковых, то есть таких девушек и женщин, которые, правда, существуют исключительно проституцией, но скрывают свою профессию за мнимой деятельностью учительницы или модистки и тем спасают себя от полицейского контроля. Существуют даже целые такие замаскированные дома терпимости, модные мастерские, относительно которых никто ничего не подозревает, и только посвященные знают, что «работницы», так сосредоточенно занятые иглой, ког-

да вы входите, обслуживают гораздо чаще мужчин, чем женщин-клиентов. О Турине Р. Михельс сообщает в своей книге «Die Geschlechsmoral», что здесь есть немало модных мастерских, где все 20 или 30 работниц тайно занимаются проституцией, и притом в самой мастерской.

«Во многих городах, например в Турине, – говорит он, – существуют модные мастерские, расположенные обыкновенно во втором или третьем этаже густонаселенных домов. Внешне их не отличишь от других таких мастерских. Девушки в самом деле заняты работой модисток. Если вы войдете в мастерскую, то всегда найдете их погруженными в работу и ведущими себя вполне прилично и благопристойно. Эти модистки берут заказы и на дом. Только посвященный знает, что шитье представляет одну сторону предприятия, тогда как другая состоит в исполнении совсем другой профессии. Здесь извращенные мужчины, находящиеся в обеспеченных материальных условиях, уже вышедшие из юношеского возраста, принадлежащие к высшим сословиям, находят то, чего ищут, – тайные, не компрометирующие половые сношения с порядочными девушками, а девушки со своей стороны находят то, что им нужно, – сравнительно высокий заработок, не сопряженный с позором.

Я взял на себя труд расспросить некоторых из этих девушек об их экономическом положении. Если бы они были только модистками, то они зарабатывали бы в месяц в среднем лишь 90 лир, тогда как при комбинированной системе их заработок доходит до 200 лир. В социальном же отношении они сохраняют незапятнанную репутацию. Возможно, что некоторые родители знают о двойной профессии дочерей и об источнике денег, которые они им вечером приносят. Все же это только исключение. Одна модистка, с которой я беседовал на этот счет, хорошенькая, немного бледная девушка с приличными, целомудренными манерами,

подняла, как бы ради убедительности аргумента, юбку и показала мне свое нижнее белье. На ней были длинные, толстые шерстяные чулки и закрытые кальсоны. «Горе мне! — сказала она. — Если бы мой костюм позволил родителям вечером угадать то, что я делаю днем, несдобровать бы мне!»

Как бы там ни было, эти полупроститутки внешне ведут ту же жизнь, что и их товарки. Свободные обеденные часы они проводят обыкновенно дома. Вечером они отправляются спать домой. По воскресеньям они не работают, а идут на прогулку с семьей, взяв за руку маленького брата, а быть может, под руку и жениха. За исключением узкого круга их посетителей, никто не догадывается об их двойственной общественной функции».

Немало таких замаскированных домов терпимости существует в Англии.

Еще значительнее, однако, число таких женщин, для которых проституция лишь подсобный заработок, способ увеличить свой скудный бюджет, удовлетворить потребность в роскоши или же заработать себе приданое. В книге Р. Михельса имеется описание и этого явления, причем в данном случае речь идет о Риме: «Мать, или заведующая мастерской, или, наконец, смотря по обстоятельствам, владелица магазина посылает девушку с поручениями. И вот девица спешит в танцзал на часок, полчаса или даже четверть часа. Здесь она часто встречает милого. Чаше же это незнакомец, который приглашает ее выпить у буфета стакан вина и потанцевать с ним. В передней и гардеробе лежат необозримой вереницей пакеты, коробки, мешочки, связки с книгами. Последние принадлежат нескольким учительницам. Рядом с буфетом есть еще комната, вроде тех, какие бывают позади магазина. Сюда охотно приходят молодые люди, чтобы «освежиться», и забавляются тем, что тушат газ. Швейцар, почтенный мужчина с длинной бородой, страж поряд-

Фрелих М. Туалет Венеры. Рисунок

ка и нравственности в этом доме, спешит снова зажечь его. То и дело слышится его хриплый голос: «Черт возьми! Или вы забываете, где находитесь». Часто танцы продолжают долго, вплоть до самой квартиры предприимчивого кавалера, и тогда матери, заведующие и т.д. не скоро дождутся возвращения голубки домой.

Что побуждает всех этих девушек посещать танцзал? Не страсть к танцам! Здесь речь идет просто о более приличной, более чистоплотной форме проституции. Здесь вы встретите женщин средних классов, в шляпе, перчатках и накидке. Между тем как несчастный муж сидит в конторе и работает до изнеможения за письменным столом, жена отправляется «танцевать», чтобы привести в равновесие бюджет, получивший ввиду ее любви к роскоши трещину, которую труд мужа уже не в силах исправить. Преобладают здесь,

однако, девушки. С ними можно себе многое позволить. Если они краснеют, то это не страшно. Охотно выслушивается галантное слово, даже скабрезная острота не возмущает, а кто сумеет уловить удобный момент, может себе позволить и поцелуй, щипок, даже нецеломудренный жест. Во всем остальном «руки прочь». Все эти девушки усматривают «главную аферу» в браке, и мужа они себе находят в другом месте. В танцзале они устраивают только маленькие делишки, при которых ничем не рискуют. Они идут до известной границы и останавливаются. Почти у всех имеется в виду жених, а дома их считают маленькими святыми. Если вы встретите такую девушку на улице, то вы до того будете поражены ее приличным и целомудренным поведением, что будете готовы считать ее за Лукрецию или Сусанну».

В настоящее время едва ли найдется какая-нибудь женская профессия, представительницы которой не занимались бы для коммерции также и любовью. Впереди идут кельнерши, продавщицы, горничные. Испанский писатель Эслава говорит о мадридских горничных: «Известные мне меблированные комнаты, и теперь еще существующие, дали в одно только воскресенье в час гуляния не менее как девяносто двум горничным возможность проституировать себя». Заметим здесь в скобках, что ряды официальных проституток пополняются во всех странах преимущественно горничными. Во всех крупных городах множество продавщиц выходят каждый вечер на улицу в надежде, что кто-нибудь пригласит их с собой. Если для некоторых такое знакомство служит средством увеличить свое жалованье, то другие пользуются им, чтобы поужинать, попасть в театр и т. д., третьи берут взамен за оказанную услугу драгоценное украшение и т. д.

Мужчины и женщины – посредники по отысканию мест – также обыкновенно не более как замаскированные сводни. Многие специально находят места секретар-

шам, компаньонкам, экономкам. Повышенный оклад, получаемый девушками и женщинами на таких местах, предполагает их готовность «по ночам не запирают своей спальни», как писала одна посредница искавшей место девушке. Другая еще откровеннее. Девушке, желавшей получить место секретарши, она писала: «Сообщите более подробные сведения о вашей груди и вообще о ваших формах. Если вы обладаете упругой грудью, то я могла бы вам немедленно достать несколько мест к мужчинам с очень хорошим положением. Хочется мне также знать, понимаете ли вы шутки и умеете ли вы соответственным образом отвечать на них?»

Многие даже лучшие рестораны во всех почти городах нанимают принципиально только хорошеньких кельнерш и обыкновенно только таких, которые готовы сносить приставание всех или по крайней мере постоянных посетителей. В особенности в ходу это в провинции. Здесь считается принятым, да и хозяин требует, чтобы симпатичная гостям кельнерша позволяла им посещать ее в ее каморке. Посредники всегда при этом довольно беззастенчиво намекают именно на эту обязанность.

Та же готовность идти навстречу клиентам-мужчинам предполагается, если только прямо не требуется, в провинции от певиц, танцовщиц и статисток маленьких сцен или театров варьете. Иногда прямо в условия ангажемента входит обязанность актрисы после представления принять приглашение посетителей выпить стакан вина или шампанского.

Не чем иным, как замаскированной проституцией можно считать, конечно, и обычай так называемых «порядочных» дам устраивать денежные дела в доме свиданий, о чем уже было подробно говорено. Все сказанное на эту тему также относится к замаскированной проституции.

Необходимо здесь еще раз подчеркнуть другую, тоже вышеупомянутую форму замаскированной проституции, а именно готовность многих женщин отда-

ваться мужчинам в интересах собственной карьеры или карьеры мужа. Множество фабричных работниц любезны с мастером, чтобы при распределении работы получить наиболее выгодную или чтобы он не слишком усердно контролировал их труд. Многие продавщицы разрешают хозяину те или другие вольности, чтобы повыситься по службе, добиться большего жалованья или большей свободы. Есть немало фабрик и торговых дел, где женщины-служащие являются дичью, за которой может безнаказанно охотиться начальство, и где они часто в самом деле составляют гарем заведующего, директора или владельца. Печальнее всего положение актрис. Сценическая карьера часто начинается проституцией, и каждый ее этап связан с ней.

Если многие женщины поступают так ради собственной карьеры, то немало и таких, которые готовы на такой шаг и ради карьеры мужа. Галантная хорошенькая жена для тысячи чиновников от низших и до высших во всех странах служит главным доказательством их права на более высокое место, о котором они хлопочут.

Отношение к проституции полиции, олицетворяющей собой в данном случае государственную власть, всегда отличалось двойственностью. А именно по той простой причине, что терпимость и неразрывно связанная с ней охрана проституции не могут быть уложены в рамки идеи кульминирующего в единобрачии «нравственного миропорядка» без явного издевательства над этой фикцией. А с другой стороны, неизбежность проституции как коррелята была всегда слишком явной, чтобы все попытки искоренить «зло проституции» запрещением или строгим наказанием промысляющих своей любовью женщин и помогающих им сведен не кончались самым комическим образом.

Наиболее откровенно и просто справилась с этой дилеммой эпоха Ренессанса; наиболее сбивчиво и противоречиво выходит из нее, как можно наблюдать на каждом шагу, современное буржуазное общество. Вот

почему, между прочим, все предпринимаемые против проституции меры производят ныне впечатление жестокости и злоупотребления. Вот почему полиция, равно как и отдельные ее органы, так часто на самом деле и злоупотребляют находящейся в их руках властью над проститутками.

Начиная с конца XVIII в. в основу всех полицейских мер против проституции легла главным образом мысль охранить здоровье мужчин, потребителей проституции. Отсюда: регистрация проституток, контроль над ними, полицейски-врачебный надзор, учреждение домов терпимости или особых улиц, облава на гуляющих проституток и т. д. Все это, разумеется, страшно принижает социальное положение проститутки, и, несмотря на все постановления, изданные будто бы в ее интересах, официально заклеянная проститутка никогда на самом деле не стояла в социальном положении так низко, как в наш буржуазный век.

Полицейское заклеивание женщины проституткой приводит к полному унижению ее человеческого достоинства именно благодаря принудительному врачебному надзору. Проститутка становится, таким образом, безвольной вещью. Во многих странах этот акт совершается к тому же в форме настоящего насилия. Женщина, заподозренная в «безнравственном промысле» и приведенная в участок, подвергается здесь обычно гнусному физическому осмотру полицейским врачом. Очень часто против желания и без предварительного судебного приговора. Достаточно показаний городского, чтобы сделать это и навсегда омрачить душу женщины. Полицейски-врачебный осмотр внушает многим проституткам такой ужас, что они никак не могут к нему привыкнуть, даже такие, которые готовы подчиниться какому угодно эротическому капризу посетителей. В этот момент проститутка особенно ясно сознает, что она перестала быть человеком, что она стала безвольной вещью. А самое трагическое в этом институте то, что он к тому же и

не достигает своей цели, а именно охраны здоровья мужчин, прибегающих к услугам проституток.

Ныне очень хорошо известно, что опасность заражения от находящихся под надзором проституток так же велика, как и от освобожденных от него. Ибо подобная охрана от заражения могла бы быть действенной только в том случае, если бы врачебному осмотру подвергались и мужчины до их схождения с проститутками... Вот в чем неразрешимая проблема.

Ничто не характеризует бесправное положение проститутки в современном буржуазном обществе так хорошо, как предпринимаемые время от времени во всех больших городах облавы, причем оцепляются целые кварталы и все гуляющие женщины без разбора задерживаются и препровождаются в участок. Здесь они подвергаются осмотру, и тех, кто не может засвидетельствовать свою личность, арестовывают. Иногда эти облавы распространяются и на известные дома и меблированные комнаты, причем также задерживаются все женщины, не могущие засвидетельствовать свою личность. Такие облавы составляют предмет особого страха проституток, преимущественно тех, кто сумел избежать полицейского надзора, или тех, кто занимается замаскированной проституцией.

При таких условиях совершенно понятно, что проститутки стараются всеми силами войти в дружбу с исполнительными органами полицейской власти. Достигают они этого или подкупом, или тем, что отдаются в рабство низшим полицейским чинам, своевременно предостерегающим их о грозящей опасности. Если многие проститутки имеют своими сутенерами городских, полисменов и т.д., то и это объясняется их убеждением, что таким образом они лучше всего обезопасят себя от самой полиции, то есть от вечной опасности надзора.

Во многих городах, где существуют дома терпимости, полиция постоянно получает взятки от их со-

держателей и пользуется, кроме того, правом бесплатного их посещения. В Лондоне это одно время до того было в ходу, что существовал настоящий альянс между хозяевами домов терпимости и органами полиции, как выяснил на основании собранного им фактического материала В. Стед.

«Неизбежным результатом является следующее, — замечает он. — Каждый дом терпимости становится в большей или меньшей степени для полиции источником дохода. «Полиция — лучший друг содержателя заведения!» — сказал мне с серьезным выражением лица один хозяин. — Она держит все в секрете. А содержатель дома терпимости, в свою очередь, лучший друг полиции. Он платит ей». — «А сколько платите вы ей?» — спросил я. «Три фунта в неделю, а мое заведение не из крупных. Мне говорили, однако, что одно пользующееся дурной славой заведение в Ист-Энде платит полиции ежегодно 500 ф., не говоря уже о бесплатном посещении для полисменов и сыщиков».

А результат? Тесный альянс между содержателями заведений и полицейскими».

Полиция как ангел-хранитель священных прав держателей домов терпимости — поистине достойный символ нравственного лицемерия!

Глава 6

РАЗВЛЕЧЕНИЯ И УДОВОЛЬСТВИЯ

Если в эпоху абсолютизма развлечения большой массы населения отличались примитивностью, то в буржуазный век они стали весьма дифференцированными, так как, как и все стороны жизни, должны были подчиниться закону экономического развития и потому сделались в высокой степени предметом капиталистической эксплуатации. Так как капитализм требу-

ет массового потребления во всех областях, то главной задачей коммерческой эксплуатации общественных развлечений было приобщение к ним масс. Это и сообщило им в XIX в. их специфическую нотку: они демократизировались.

Или, вернее, развлечения снова демократизировались. В эпоху Ренессанса почти все люди знали друг друга, даже когда устраивались публичные праздники, почти все были друг с другом знакомы. Поэтому большинство общественных развлечений было тогда до известной степени не чем иным, как расширенными семейными праздниками. Естественным отсюда последствием было то, что все зрители в большей или меньшей степени становились также и активными участниками предстоявшего развлечения.

В настоящее время друг друга знают лишь немногие. Главнейшие формы развлечений уже не направлены в такой же степени, как прежде, на семью, поэтому люди теперь не связаны при устройстве этих развлечений чувством солидарности.

И вот уже не мы сами создаем себе развлечения, мы предоставляем другим их создавать. Эту обязанность взяло на себя множество капиталистов-предпринимателей. Из участника масса все более превращается в простого зрителя. Таково одно из главных отличий современных массовых удовольствий от прежних приемов развлечений.

Потеряв свой былой интимный и семейный характер, современные развлечения значительно выиграли в другом отношении: качество главнейших общественных увеселений значительно улучшилось. Достаточно вспомнить хотя бы публичные, всем доступные спектакли. Последние стоят ныне на такой высоте, что в сравнении с ними кажется ничтожным все, что предлагалось избранным придворным кругам. Все завоевания науки и техники отданы ныне на служение программе общественных развлечений, по-

добно тому как они применяются и ко всем остальным областям жизни.

Еще важнее, однако, то обстоятельство, что общественные развлечения стоят в наше время не только в художественном и техническом отношении несоизмеримо выше, чем прежде, они получили теперь и более импонирующий характер, по крайней мере в одном. Вся наша публичная жизнь насыщена теперь в огромной степени политическими и умственными интересами. Интерес к политике, науке и искусству не является уже, как прежде, побочным занятием – забавы ради – одних только имущих и господствующих классов, а составляет ныне главное содержание образа мыслей и чувств настоящей массы, то есть трудящегося народа. Благодаря именно этой особенности

Бердслей О. Концовка. 1983

общественные развлечения нашего времени оставили далеко позади себя таковые предыдущих эпох. А это оказало большое влияние также и на формы проявления в них полового элемента.

С одной стороны, исчезли наиболее грубые приемы, а с другой – обнаружили такую концентрацию и такая рафинированность, в сравнении с которыми все ранее бывшее в этой области кажется наивным.

Еще в большей степени, чем в XVII и в XVIII вв., в центре публичной жизни стал в буржуазный век ресторан, и даже больше: ресторан, трактир сделались вообще средоточием жизни массы. Произошло это, конечно, отнюдь не потому, что масса, как лгут, закатывая глаза, мудрецы дешевой морали, так огрубела, что потеряла всякий интерес к интимной семейной жизни и чувствует себя хорошо только в чаду трактира за рюмкой водки или за стаканом пива. К сожалению, иные и более трудно преборимые причины приковывают массы в такой сильной степени к трактиру.

Для семейной жизни нужно иметь и время, и достойное человека жилище. Ни того ни другого в настоящее время нет у большей части пролетариата. Вот почему огромные массы населения ныне безжалостно приговорены к муке ежедневного посещения кабака. Трактир для них – единственное место, предоставляющее им сравнительную свободу движения и, кроме того, позволяющее им хоть на время забыть «идиллию» семейного счастья, складывающуюся для миллионов из усталости, бедности, плохого воздуха, болезней и никогда не прекращающейся заботы. Трактир для них – отдых и развлечение.

Самостоятельный публичный танцзал, разумеется, не изобретение последних дней. В продолжение целых веков во многих странах танцуют каждое воскресенье в трактире: когда-то плясали под звуки одной волынки, скрипки или цитры, потом из них образовалась целая капелла, место которой занимает в

настоящее время часто механический граммофон или пронзительный оркестрион.

Танец всегда был самым удачным сводником, и таким он остался и в буржуазный век. Публичные танцевальные вечера в настоящее время в большинстве случаев не что иное, как место публичного разврата. Они потому и посещаются так усердно мужчинами и женщинами, что дают им возможность перебеситься. В 1711 г. англичанин Аддисон поместил в своем «Зрителе» письмо некоего «почтенного купца», приходившего в ужас от тогдашних свободных танцев, во время которых «молодые люди обходились с его дочерью свободно и фамильярно», а она в свою очередь «бесновалась» с ними. Кто знаком с нашими современными танцзалами, тот знает, что и теперь еще здесь господствуют такие же нравы...

С какой сознательной преднамеренностью танец всегда превращается в средство свести оба пола, наглядно доказывает развитие современных танцев. В доказательство того, что и буржуазный век шел в данном случае принципиально по тому же пути и преследовал здесь те же цели, будет достаточно привести и вкратце охарактеризовать главнейшие вновь возникшие типы танцев.

Первым и важнейшим созданием буржуазного века в этой области надо считать немецкий вальс. Следующий специфически новый танец возник в эпоху, когда жажда наслаждений в буржуазии достигла своего апогея, а именно в эпоху Второй империи. Именно эта эпоха изобрела канкан, один из самых диких и бесстыдных танцев, когда-либо придуманных. В сравнении с ним кажутся бледными даже испанские и итальянские народные пляски фанданго и тарантелла, представляющие именно поэтому и более благородные формы танца. Канкан – это переложенная на язык танца непристойность. Именно поэтому он истинный продукт своей эпохи. Она отражается в нем,

Ньютон. Английский танец. 1800

она живет в нем со всей своей беззастенчивой дикостью, не знавшей ни меры, ни цели для своих вожделений, не знавшей никаких идеалов, разве только один — глумиться и издеваться над всем благородным и чистым.

Как пикантно поднять юбку у красивой женщины! Насколько пикантнее, если красивая женщина делает это сама в порыве разнузданности! И притом для удовольствия не одного, а зараз целой сотни, и не благодаря желанной случайности, а преднамеренно и демонстративно, так что зритель видит решительно все: не только белые, украшенные кружевами нижние юбки, не только красивые чулки, полные икры, кокетливую подвязку, но и кальсоны, обтягивающие крепкие бедра, и в особенности как можно больше тела, голого тела. Самое же пикантное для эротически-разнузданной фантазии, если женщина со сладострастным упоением декольтируется на глазах своего партнера сверху донизу, если она под конец в порыве неистовства совершенно обнажается перед ним, точно говоря ему бесстыднейшими жестами, которые яснее слов: «Смотри! Все это я показываю тебе, потому что ты так любишь это видеть! Да и для меня величайшее удовольствие обнажаться перед тобой, показывать тебе

все мои секреты, и вот я не раз, а десятки раз поднимаю юбки. Ногой я касаюсь кончика твоего носа. Я попридерживаю юбки, чтобы они опустились не слишком рано. Я кружусь перед тобой, показываюсь тебе со всех сторон, чтобы ничто от тебя не ускользнуло!» Все это, доведенное до бешенства, – смысл канкана.

Так как канкан был в самом деле лучшим отражением духа времени, то неудивительно, что из среды тогдашних любительниц танцев выходили настоящие канканские гении. Такова была, например, знаменитая танцовщица Ригольбош, описавшая, между прочим, свои ощущения во время пляски: «Для канкана существует один только синоним – бешенство. Ученые утверждают, что канкан изобретен неграми. Это неверно. Негры жестикулируют, но не танцуют канкана. Канкан по существу французский танец и сделается со временем национальным танцем. Он – воплощенная парижская фантазия. Канкан пренебрегает с презрением всем, отзывающимся правилами, правильностью, методичностью... Чтобы уметь танцевать его, надо иметь совершенно особый талант, совершенно исключительный ум. Душа танцующего должна быть такой же фантастичной, как его ноги, так как речь идет не о том, чтобы воспроизвести нечто традиционное, нечто согласованное с правилами. Необходимо изобретать и создавать, и притом создавать в одно мгновение. Правая нога не должна знать, что делает левая. В какой-нибудь момент вы должны быть неизвестно почему мрачны, угрюмы, меланхоличны, чтобы в следующую минуту безумствовать, как менада. В случае надобности необходимо испытать все это одновременно. Необходимо быть и веселой и грустной, равнодушной и страстной. Канкан может быть всем или ничем. Он мир или деревня, трагедия или песенка. Канкан – это бешенство ног».

О том, с каким бесстыдством иногда танцевали канкан – многие разнузданные танцовщицы, например, танцевали его без кальсон, – можно судить по тому, что

тогда в Париже было издано полицейское постановление, в силу которого в зале должен был находиться *sergente de ville*, обязанный предупреждать самое худшее, выводя из залы даму, которую канкан вдохновил к слишком смелым вольностям.

Тот факт, что это практиковавшееся в интересах разнузданнейшей эротики «бешенство ног» совершило свое триумфальное шествие по всему миру, как и специфическая мода Второй империи, кринолин, доказывает нагляднейшим образом, что оно как нельзя более отвечало духу времени. Это положение подтверждается и тем обстоятельством, что канкан плясали не только в публичных танцзалах, но и с бешеным упоением на семейных праздниках средней и высшей буржуазии.

В конце 60-х гг. всеобщее увлечение канканом несколько ослабело. Вместе с политической ситуацией, породившей этот танец, он до известной степени сошел со сцены. Что он, однако, не умер совсем, лучше всего доказывает его веселое возрождение на подмостках варьете в начале 90-х гг. Пляска пяти сестер Баррисон и их многочисленных подражательниц была, собственно, не чем иным, как новой вариацией канкана, главная суть которой состояла в рафинированном использовании *dessous*, внезапно и гротескно разоблачаемых. Значительным подспорьем стали в данном случае рафинированные красочные контрасты, придуманные тем временем как средство воздействовать на эротическое чувство. Из-под темного верхнего платья вдруг показывалась ослепительная пена развевающихся белых кружевных нижних юбок и кальсон, а из них точно вылетали элегантные ноги в черных чулках, проделывая на глазах у зрителей самые невероятные движения.

Достигнуть элегантности и рафинированности сестер Баррисон еще не было дано канкану 60-х гг. Поэтому их пляска и произвела сенсацию. Ни один другой танец не действовал в такой степени на мужскую чувственность, как эта новая разновидность канкана.

То было за последнее время самым смелым публичным встряхиванием мужской чувственности, и, чтобы испытать и насладиться этой встряской, люди массами посещали спектакли сестер Баррисон, брали с боя места, а богатые тунеядцы добивались не менее безумно личной благосклонности танцовщиц.

Если танцы, придуманные в последние десятилетия, и не имели такого бесспорного, распространившегося на весь мир, то есть весь мир возбуждавшего, успеха, какой выпал на долю канкана, то некоторые из них все же отличаются таким рафинированным эротическим недвусмыслием и потому таким сводническим характером, какие трудно представить себе даже воображению, насквозь насыщенному подобными представлениями. Это: занесенный из Испании матчиш, вывезенный из Америки кекуок, танец апашей, подаренный миру Францией, и, наконец, немецкие варианты этих танцев, известных под названием Schiebetanze. Все они очень скоро сделались весьма популярными во всех слоях и пользуются этой популярностью до известной степени еще и теперь.

Если кекуок и танец апашей воздействуют благодаря соединению грубости и дикости, то немецкие Schiebetanze – благодаря своим доходящим до последней границы эротико-порнографическим трюкам. По самому своему существу каждый танец носит, что необходимо постоянно подчеркивать, эротический характер, так как он изображает символически взаимное ухаживание полов, а порой и самый половой акт. Если эта последняя сторона во всех остальных танцах завуалирована, то в так называемых Schiebetanze она выступает совершенно открыто. Они в сущности не что иное, как возможно более точное воспроизведение в форме плясового ритма движений при половом акте... Трудно представить себе более порнографическую форму танца. И потому чрезвычайно важно снова и снова подчеркивать, что популярность этих танцев распространяется не толь-

ко на танцзалы предместий, где танцует простонародье, но и на самые изысканные учреждения жуирующего богатого света, что эти танцы не только исполнялись с величайшим упоением в домах высших слоев буржуазии, но и теперь еще там в моде... Ибо перед дверью частных квартир кончается власть полиции. Из публичных помещений для танцев полиция могла устранить под угрозой наказания наиболее порнографические формы канкана, в частном же салоне ей не место, и потому здесь никто и не обращает внимания на ее запреты.

В связи с развитием танцев необходимо сказать несколько слов также о некоторых публичных празднествах, так как их апогеем считается всегда именно танец. Речь идет о балах, сезон которых обыкновенно совпадает с зимой и которые часто бывают связаны с карнавалом.

Только в некоторых немногих городах – в Германии преимущественно в Рейнской провинции, в Кёльне, Майнце и Дюссельдорфе, а кроме того, еще в Мюнхене – карнавал происходит еще на улице, да и в этих городах только незначительная его часть, а именно самая Масленица. Главный праздник и в данном случае перенесен в закрытые помещения, где балы и карнавальные веселье царят не только несколько дней, но и обыкновенно многие недели. Тем не менее необходимо прежде всего упомянуть об уличном веселье карнавала. Оно и в настоящее время не отличается особенным благородством.

Это в сущности вымученное веселье, пользующееся ради возбуждения весьма банальными, а подчас и грубыми средствами. Веселье и радость сказываются главным образом в диком шуме и нелепых выходках. Апогеем удовольствия становится обычно пристаивание без разбора ко всем девушкам и женщинам, обоюдные поцелуи, дерзкие и циничные жесты. Женщина, выражающая протест, объявляется дурой, портящей праздник. А с наступлением темноты эта уличная жизнь переходит всегда в дикую и отвратительную оргию,

переносящуюся постепенно с улицы в разные учреждения, где можно позволить себе гораздо больше, так как противящаяся женщина уже не может уйти, а в сутолоке так легко скрыть самые грубые жесты.

Часто указывалось на необходимость облагородить именно эти формы карнавала. В этом направлении даже делались попытки. Все они имели очень мало успеха. И так будет продолжаться до тех пор, пока масса будет жить в политической и социальной несвободе и потому усматривать в таких праздниках единственную данную ей в виде уступки возможность беспрепятственного проявления своей жажды удовольствия. Только когда исчезнет эта социальная и политическая несвобода, можно будет надеяться на возникновение более благородных форм праздничного веселья. Ибо только таким образом может расшириться вообще горизонт массы, а это необходимая предпосылка как для того, чтобы публичное эротическое наслаждение облекалось в более высокие формы, так и для того, чтобы это последнее уже не становилось в центре общественных развлечений.

Там, где налицо политически просвещенная масса, праздники в самом деле носят гораздо более пристойный характер.

Во время праздников организованного пролетариата таких диких оргий никогда и не бывает.

Во всех таких случаях, особенно на публичных балах, очень видную роль играет проститутка. Однако ведет она себя уже иначе, чем в эпоху Ренессанса. В настоящее время проститутка более сдержанна, менее экстравагантна, чем даже порядочная дама. Кокотки ведут себя на публичных балах всегда приличнее последних, и потому балы кокоток относятся к числу наиболее приличных балов сезона. Когда танцует и флиртует шикарная кокотка, зрителям всегда удастся, конечно, увидеть многое, но не столько, сколько они иногда увидят в приличном обществе. Это отличие станет понятным, если принять во внимание разные цели,

преследуемые в таких случаях порядочной дамой и кокоткой.

Для многих дам из общества бал — удобнейший, а часто и единственный случай от души повеселиться, отдаться во власть затаенных порывов, позволить расцеловать себя и т. д. Бальная свобода разрешает ей все это. Порядочная дама хочет и должна использовать именно этот случай. Это и приводит к пресловутым характерным сценам, имеющим место на балах-маскарадах и благотворительных балах в Мюнхене, на аналогичных увеселительных вечерах в Берлине, на балах парижских художников и т. д.

В совершенно ином положении находится кокотка. У нее уже нет потребности быть «ощупанной» мужчинами, для нее бал не более как удобный случай завязать дело, которое все равно будет реализовано лишь после бала. Ей поэтому не к спеху. А флирт как самоцель ее вообще не интересует. Вот почему в этих особых случаях кокотки и ведут себя приличнее дам.

До какой смелости доходят порой и в настоящее время праздники и балы-маскарады, устраиваемые художниками, доказывают классическим образом балы парижских художников Монмартра. На этих празднествах дамы обычно щеголяют почти полным отсутствием костюма. Считается совершенно естественным, чтобы красивая грудь и красивые ноги не скрывались. Бывали и случаи, что особо красивые

Маурин Н.
«О, какой ты ленивый!».
Эротическая картина

дамы появлялись совсем обнаженными. Впрочем, они не были, конечно, совсем голыми, «этого бы они постыдились». На одном процессе, вызванном таким балом, одна дама серьезнейшим образом заявила, что она была вовсе не голой, так как повыше правого колена на ней была кокетливая лента шириной в три сантиметра, а на пальцах ноги – золотые кольца. «Можно ли при таких условиях говорить о наготе?» Можно возразить, что большинство этих дам, блиставших отсутствием костюма, были натурщицами, однако среди них были и законные жены художников, а зрителем на этих балах бывает tout Paris, весь богатый праздный Париж, смотрящий на танцы из лож, куда потом устремляются и все участники.

Глядя на такие праздники, невольно на мгновение проникаешься мыслью, что возродились времена беспорядочного полового смешения. На них царит дикая сутолока, причем оба пола флиртуют самым бесстыдным образом, чему способствует и эротически пикантный маскарадный костюм. Разумеется, это явление не относится только к последнему времени. Балы эпохи Директории и империи во Франции, а также английские балы этой эпохи отличались достаточной разнузданностью. Именно тогда уже вошел в моду обычай, в силу которого женщины так охотно надевают мужской костюм. Потом, когда тон задавала мелкая буржуазия, более чопорная и щепетильная, воцарилась некоторая большая сдержанность. Но уже в 1830 г., когда снова победоносно выступила крупная буржуазия, вновь произошел поворот.

В особенности балы художников этой эпохи достигали апогея вакхической разнузданности. В Париже на долгие годы снова установилась мода, что женщины являлись на бал в мужском костюме. Мужской костюм давал возможность свободного и непринужденного времяпрепровождения, так как большинство мужчин ведут себя сдержанно только в присутствии

дам, тогда как в мужской компании они не стесняются. Женщину устранили тем, что она одевалась по-мужски. А чтобы доказать, что она и в самом деле стала истинным мужчиной, она часто вела себя беззастенчивее мужчин. Теперь она могла уже свободно наслаждаться всеми ею столь желанными удовольствиями. Множество картин, относящихся к домартовской эпохе, дают наглядное представление о разнузданности тогдашних празднеств.

Не следует при этом, однако, упускать из виду, что такие нравы царили в артистических кругах и выражали в значительной степени протест против филистерского мещанства.

Только в 50-х гг. эта разнузданность получает более общий характер. На сцену выступила крупная буржуазия, и все остальные слои, даже артистическая богема, отошли на задний план. Все получило грубый, даже скотский оттенок. Парвеню накладывал отпечаток своих манер на общественные развлечения, как он накладывал его и на политическую жизнь. В эту эпоху даже жены мещан находили наивысшее удовольствие в том, чтобы блистать на балах наготой. Декольте достигало своих крайних пределов; даже при английском дворе декольтировались так, что была видна почти вся грудь. На маскарадах преобладали классические костюмы, отличавшиеся возможно большим отсутствием костюма. Вспомним хотя бы костюм, в котором однажды явилась на придворный бал красавица графиня Кастильоне, любовница Наполеона III. В одном современном сообщении говорится: «На последнем костюмированном вечере при дворе красавица графиня Кастильоне, известная главным образом своими пышными формами, явилась в костюме героини нового романа Флобера «Саламбо». На ней было высоко подобранное платье, сандалии, на каждом пальце удивительно сложенной белоснежной ноги сверкало бриллиантовое кольцо, а над левым коленом — драгоценное запястье из алмазов и смарагдов».

С тех пор разнузданность уже не ослабевала, что-бы достигнуть в наше время своего апогея. Почти беспомощны против этого, естественно, всякие полицейские меры, запрещающие, например, устроителям публичных балов и маскарадов сооружать искусственные беседки, где влюбленные парочки могут спокойно предаваться любви, и т. д. В таких случаях любители подобных развлечений спасаются на время под сенью семейного дома и беснуются здесь, пока не пройдет гроза нравственного ригоризма.

Кто хотя бы поверхностно знаком с жизнью жуирующего бомонда, тому известно, что здесь часто не знают ничего высшего, как предаваться самым грязным неприличиям. «Ведь мы среди своих... Как очаровательно иметь возможность хоть раз в жизни не стесняться».

Начинается обыкновенно с того, что кто-нибудь продекламирует явно скабрзные стихи, модные в том или другом кабаре, и нередко эти стихи лучше всего знает и помнит именно дама, которую не очень приходится упрашивать повторить их со всеми подчеркиваниями. Потом переходят к танцам. Стоит ли стесняться! Если светские дамы Второй империи подражали на своих семейных вечерах самым разнузданным танцовщицам канкана, то в 90-х гг. они соперничали так же рьяно с сестрами Баррисон – ведь носили же и они такие же пикантные *dessous*. А ныне? Ныне танцуют матчиш или кекуок так дико, сладострастно, как не осмелился бы его протанцевать сутенер со своей проституткой.

Картина этих нравов везде одна и та же. Там, где процветают полудевы, девушка не умеет лучше доказать свое презрение к мещанству, как тем, что прежде всего эмансипируется из-под власти чувства стыдливости. У М. Прево встречается такая сцена: «Она быстро села на стул перед роялем и заиграла прелюдию, прежде чем ее могла остановить Мод, которой это не нравилось. С необыкновенным талантом подчеркивала она все двусмысленные стихи. Мужчины аплодировали.

Песенка произвела на них более сильное впечатление, чем они хотели признаться. Контраст между неприличным содержанием песни и девичьими устами, произносившими ее, и девичьим слухом, ловившим ее, зажег в них искру желаний. Искрящаяся пена рискованной песенки опьянила и девушек, этих полудев. Смех их звучал неестественно прерывисто, и они опирались с еще большей томностью на руку своих кавалеров».

Многие мужчины этих кругов считают для себя высшей честью иметь жену, обнаруживающую в этом отношении и понимание и склонность. Что из того, если она при этом позволит другому поцеловать ее или если она перешептывается с кавалером, спрятавшись за веер! Ведь и сам муж ведет себя не иначе со своей партнершей! А если жена покажет во время танца ногу и кальсоны больше, чем то позволял приличие, он утешается тем, что громко заявляет: «Как их не показать, они так хороши».

Там, где по-прежнему тон задает мещанство, в особенности, стало быть, в маленьких и средних городах, дело никогда не доходит до таких экстравагантностей. Публично сдерживаемая похотливость мужчин обнаруживается здесь вовсю разве где-нибудь в меблированных комнатах или же во время «неотложных деловых» поездок в соседний большой город, тогда как жены вынуждены сидеть дома и разыгрывать невинных.

Так как в настоящее время почти все развлечения переросли рамки семейной жизни, то игры уже не исполняют прежней роли: во всяком случае в жизни взрослых они занимают уже второстепенное место, и только разве девушки-подростки и юноши еще отдают им время. Поскольку такие игры еще сохранились, они стали гораздо скромнее, чем те, которые были в ходу в эпоху Ренессанса. Это не значит, что половой элемент совершенно упразднен. Эротическая нотка лежит все еще в основе множества таких игр для взрослых. Шарады, фанты и т.д. — все сводится в конце концов к поцелуям.

Более скромный характер этих игр находится в

тесной связи с нравственным лицемерием. Внешнее поведение должно было стать все более сдержанным, все более скромным. Если мы поэтому вернемся от нашей эпохи назад к первым десятилетиям буржуазного века, когда все кипело и бурлило, то мы увидим, что тогда игры отличались приблизительно такими же грубыми приемами, какие были в ходу в эпоху Возрождения, что они давали мужчинам и женщинам возможность вступать друг с другом ради эротического возбуждения прямо врукопашную. Такие игры позволяли хватать друг друга довольно бесцеремонно, позволяя оголить участниц «безобидным образом» так, что они охотно простят, и т. п. Особенно интересные и для наших современных понятий ошеломляющие данные имеются у нас относительно Бельгии и в особенности Англии. Словесные и пластические документы рисуют нам такие свободные нравы во время игр, которые ничем не уступают Ренессансу. Самые дерзкие жесты были явлением обычным.

Это сходство с эпохой Возрождения неудивительно, так как восшествие современного буржуазного общества знаменовало собой, как мы знаем, победу сил и здоровья, а они всегда облакаются на первых порах в необузданную грубость.

В настоящее время большинство игр стало спортом. Спорт, правда, нечто большее. Он не что иное, как рациональная форма прежних игр, исправленная нравственным лицемерием и очищенная проникновением в гигиеническую цель общественных развлечений.

Нас интересуют здесь, естественно, только те формы спорта, в которых одинаково участвуют оба пола.

В последние пятнадцать или двадцать лет спорт занял главное место среди общественных развлечений: сначала процветал велосипедный спорт, а теперь процветают главным образом летом теннис, а зимой катание на санках, на лыжах и т. д., и в ограниченном размере катание на коньках, когда-то бывшее единственным зим-

ним спортом. Мы привели только наиболее известные виды спорта. Но именно они и должны быть приняты в расчет при оценке публичной и частной нравственности. Для ее характеристики они весьма важны. Официально спорт служит прежде всего здоровью, укреплению нервов; кто хочет закалить себя, похудеть и т. д., тот занимается спортом. Несомненно, спорт преследует эту цель, но именно потому, что перечисленные его виды вместе с тем очень удобные случаи для флирта, и занимаются ими не только так планомерно, но и с таким фанатическим рвением. Удобство, предоставляемое этими видами спорта для флирта, и служит звеном, связующим отдельные пары, колонны и группы.

Житейский опыт давно сделал поэтому из этих видов спорта правильный вывод. Между тем как прежде матери таскали дочерей-невест с одного бала на другой, теперь они посылают их играть в теннис или туда, где зимою спорт практикуется в широких размерах. Десятки зимних курортов представляют ныне международные брачные биржи. А летом ими служат все скверы и площадки в большом городе, где играют в теннис.

Место прежней бани и так называемых купальных поездов заняли с середины XIX в. морские курорты, а в самое последнее время – купальный спорт, достигший особенного развития в Берлине. И в данном случае нас будут интересовать только те места, где оба пола купаются совместно. Такой обычай давно уже существует в больших морских курортах Франции, Бельгии и Италии, в Германии же только в некоторых, да и то лишь в виде семейного купания – форма, которую, впрочем, нетрудно обойти и всяким влюбленным парочкам.

Посещение морского или речного курорта служит, само собой понятно, как и разумное занятие спортом, укреплению здоровья, но и здесь существует также связь с эротикой. Так как совместное купание обоих полов представляет такой удобный случай для флирта, то это и привело если не теперь, то раньше, когда

посещение международных морских купаний, как-то: Биариц, Трувилль, Остенде и Бас – было только спортом богатых людей – в первую голову к организации совместного купания. При помощи плотно облегающего тело купального костюма предусмотрительная мамаша могла дать всем наиболее достоверное, потому что наиболее интимное, понятие о телесных достоинствах своих дочерей-невест. Жизнерадостная, жаждущая любви дама, в свою очередь, могла таким образом наиболее убедительно доказать широкому кругу мужчин, что она далеко еще не *passé*, что она, напротив, как раз на высоте и потому вполне достойна самого рьяного ухаживания. «Убедитесь, пожалуйста: хороши мои ноги? не безупречный ли у меня или пикантный бюст? не изящна ли линия спины?»

Плотно облегающий тело купальный костюм не только позволяет нагляднейшим образом убедиться в

*Сомов К. Иллюстрация
из «Книги маркизы»*

наличии этих достоинств; удачно сшитый костюм – а это важнее всего! – способен придать телу какую угодно желанную линию. Так как купальный костюм до известной степени стягивает тело, то он часто придает ему эластичность и породистость, которых оно лишено в нагом виде. Это впечатление может быть к тому же значительно усилено благодаря покрою и умно подобранной материи. Ловко придуманный покрой часто только и придает телу надлежащую

форму. В случае надобности можно прибегнуть и к помощи корсета и т. д. С другой стороны, предпочтительно выбирают самое тонкое шелковое трико, облегающее тело плотно, как кожа, или трико прозрачное, позволяющее выставить напоказ даже покрытые волосами части тела...

Здесь необходимо указать на то, что, вопреки отрицанию отдельных лиц и несмотря на бессознательность в большинстве случаев этого стремления, во многих людях чрезвычайно сильно развито желание выставить себя в обнаженном виде, и притом обнаженном в эротическом смысле. Та же тенденция сказывается отчасти и в так называемой культуре наготы, культуре нагого тела.

Преднамеренно эротическая форма купального костюма доказывает это на морских курортах, посещаемых богатыми слоями. Если бы люди относились равнодушно к телу, то это привело бы к безразличному в эротическом отношении костюму. Жизнь в фешенебельных морских курортах, расцвет которой относится к 50-м гг. истекшего столетия, есть поэтому та общественная форма, которая, позволяя обнаруживаться этому эксгибиционизму в рамках буржуазной морали, не уничтожает самих этих рамок. Не следует забывать, что фешенебельные морские купания становятся поэтому местами сборища для всего элегантного демимонда, для которого они предоставляют, естественно, самую выгодную возможность показать всему миру, то есть всему платежеспособному миру, все те физические достоинства, курс которых стоит особенно высоко. По этой причине такие курорты, как Трувилль, Остенде и т. д., всегда были и еще теперь остаются центрами жизни, посвященной рафинированным эротическим наслаждениям.

Со времен античной древности театр никогда не играл в умственной жизни такой всеобъемлющей роли, как в течение всего буржуазного века. Театр был

той ареной, где впервые в XVIII в. пропагандировались буржуазные идеи, и всегда, когда потом всплывали новые идеи, подмостки становились для них одним из наиболее важных полей битв. Вся жизнь буржуазного общества праздновала свое возрождение на подмостках театра.

Нас интересует здесь иная сторона дела, а именно тот связанный с только что названной чертой факт, что театр был в продолжение всего XIX в. вместе с тем и одним из наиболее важных духовных развлечений масс. Благодаря этому он сыграл и все еще играет чрезвычайно видную роль в истории публичной нравственности, ибо в еще большей степени, чем борьбе общественных сил, служит он интересам предпринимателей-капиталистов. Стало это возможным потому, что лишь меньшинство ищет в театре просвещения и вдохновения, только меньшинство хочет получить там художественное наслаждение, тогда как большинство просто идет туда ради пикантной забавы. Автор и директор, считающиеся с этими наклонностями толпы, делают лучшие дела.

Так возникли фарс и оперетка с их специфическим содержанием, и вот почему многие писатели стараются действовать под видом серьезной комедии и бытовой драмы на половое чувство. Конечно, с подобными спекуляциями не следует смешивать или ставить на одну доску мужество тех поэтов, которые серьезно изображали на сцене половые проблемы и конфликты. Такое смешение достойно разве лишь лицемеров-пиетистов. Так как подобный мужественный анализ половых отношений, облаченный в драматическую форму, встречается теперь все чаще и чаще, то это дает нам, конечно, право говорить о росте в обществе чувства ответственности перед лицом таких вопросов, причем безразлично, будет ли автор трактовать их серьезно, сатирически или же юмористически.

Так как, тем не менее, гораздо легче производить впечатление одним только сюжетом, чем претворить

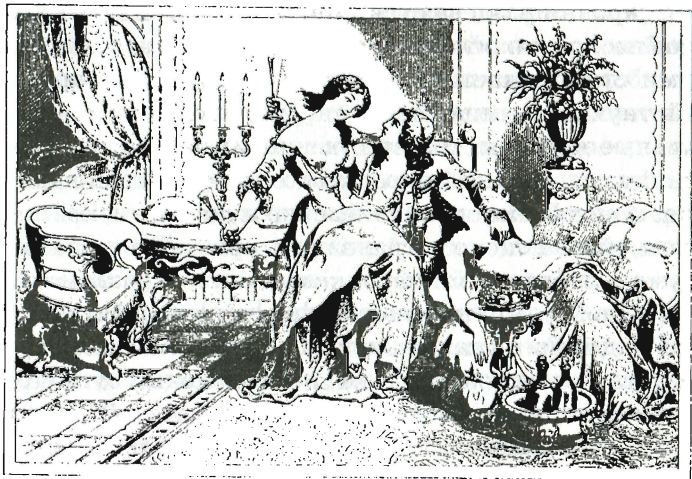
сюжет в художественную форму и тем оправдать его, то первый способ всегда казался более заманчивым, тем более что он был часто и гораздо выгоднее. Однако открыто поддаться такому соблазну для большинства писателей было невозможно, пока господствующие классы еще видели в театре важное педагогическое учреждение, кафедру публичной морали; было это так же невозможно и в рамках мелкобуржуазного быта и отношений. Открыто и беззастенчиво эксплуатировать театр в этом направлении стало возможным только после того, как он был возведен в степень простой забавы, и лишь после того, как развились отношения и нравы, характерные для большого города. И то и другое началось с середины XIX в. С этого момента театр и стал исполнять роль пропагандиста выгодных для предпринимателей порнографических спекуляций. Как во многих других случаях, так и здесь, исходной точкой должен был стать Париж, ибо обе указанные предпосылки впервые определились отчетливо именно здесь.

Первоначально эта программа осуществлялась скудно и жалко. На сцене изображалось, как влюбленные парочки раздеваются, причем такие сцены старались несколько усложнить в том смысле, что свидетелями становилась не только публика, но и другие действующие лица. Так как пускали вперед самые сильные эффекты, то, естественно, их нельзя уже было усиливать, можно было только придумывать вариации. Апогей, которого сейчас же и достигли, состоял в том, что на сцене устраивались сразу две спальни с двумя влюбленными парочками, так что раздающаяся в одной комнате *musique de chambre* действовала возбуждающе на находящуюся в другой комнате пару, представляющую к тому же уже немолодых супругов.

Таково, например, содержание пьесы «Брачная зима», делавшей в 50-х гг. полные сборы. Один современный рецензент так передает ее содержание: «На сцене видны две спальни, позволяющие одновремен-

но знакомиться с интимной жизнью только что обвенчавшихся молодоженов и другой пары, уже успевшей в силу времени и привычки значительно остыть. Обе пары действуют друг на друга возбуждающе, с шумом переставляя кровати, так что старая пара, только что поссорившаяся, пытается теперь разжечь себя счастьем молодой четы. На сцене раздеваются, идут на глазах публики, нисколько не стесняясь, спать и обнаруживают такую наивность нравов, что зрителю начинает казаться, что перед ним разыгрывается катехизис для новобрачных. Вы точно присутствуете при представлении дикарей, соединивших в одной праздничной пьесе все свои варварские обычаи и обряды в честь свадьбы одного из членов племени».

Под влиянием развивавшегося коммерческого духа были придуманы и другие подробности и трюки, в особенности был использован столь пикантный мотив смешения одного лица с другим. И хотя в конце концов всегда торжествовала добродетель, как это обычно бывает в порнографических произведениях, по существу все эти пьесы были восхвалением того, что по офици-

Немецкие иллюстрации к мемуарам Казановы. 1845

альным понятиям считалось безнравственным. Это прославление выражалось в том, что все недозволенное изображается в возможно более очаровательном и соблазнительном виде. По этому рецепту поступают вплоть до наших дней, добиваясь дешевой ценой значительных успехов. Важной союзницей в таких делах всегда была музыка, так как она способна изобразить половые отношения не только намеками, но и так ярко, как это никогда не в силах сделать слово.

Опера превратилась в оперетку, при помощи которой можно было достигнуть пикантнейших эффектов. Оперетка всегда была не чем иным, как прославлением эротически-пикантных положений. Многие композиторы опереток не более как композиторы скабрезностей. Впрочем, не следует упускать из виду, что музыка может выражать эротическое напряжение, для которого нет терпимых слов, также и в таких звуках, которые могут действовать освобождающим и возвышающим образом. Можно эротическую тему облечь в звуки так умно и остроумно, что даже смелая мысль получит право гражданства. Вот почему такие композиторы, как Оффенбах и Иоганн Штраус, не являются порнографами. Другим союзником, стремившимся культивировать на сцене скабрезность, был балет, также достигший своего высшего расцвета в XIX в., о чем нам еще придется говорить. Здесь необходимо упомянуть лишь о том, что он был включен в виде массового или единичного танца в каждую оперу. До выступления Рихарда Вагнера, восстававшего также и против этого унижения театра, ни одна опера не обходилась без балета. Отсюда следует, что поэты и композиторы лишь косвенно были совратителями публики, более или менее предусмотрительными исполнителями ее же воли. Истинный диктатор – публика.

Будет ли театр кафедрой пропаганды высших идеалов человечества или же станет навозной ямой порнографии, это всецело зависит от исторической ситуа-

ции. Она виновата также в том, что иногда артист настолько затемняет самую пьесу, что главный интерес обращен на него, а не на ее идею. Это бывает обычно в такие эпохи, когда люди довольствуются позой действия, чтобы избежать самого действия. А такую эпоху переживаем мы как раз теперь. В настоящее время все сводится к эстетизму, а этот последний связан в значительной степени с личностью посредника, то есть артиста. Отсюда нелепое преклонение перед актером. В такие эпохи люди воображают, что поступают как революционеры или по крайней мере смело, если порывают со старыми традициями формы и преодолевают чувство чопорности и стыдливости.

Таким «революционным подвигом» было, например, появление Монны Ванны без трико, так что при откидывании плаща публика видела ее полную грудь, или появление Юдифи и Саломеи, верхняя часть тела которых также была обнажена. На самом деле это, конечно, не более чем ухищрения спекулянтов, отвлекающих внимание публики от идеи в сторону пикантной детали. Обнаженная грудь Монны Ванны и Саломеи выдвигается в центр представления, тогда как эта подробность должна была быть только жестом. Что эта скабрёзная пикантность считалась в самом деле гвоздем всей роли, лучше всего доказывает тот факт, что одно время хорошенькие исполнительницы этой роли с какой-то манией снимались именно в тот момент, когда Монна Ванна откидывает плащ и показывает грудь, и выставляли себя в таком виде в витринах всех художественных магазинов. Другим последствием этой тенденции было то, что большая публика знала из всей пьесы только одну эту подробность и что именно эта подробность и привлекала ее в театр.

Какой вывод нужно сделать из всего сказанного? Вывод гласит: все притупились, и актеры и публика, и все поэтому жаждут сенсационных переживаний: одни — представляя, другие — созерцая. А затушевываются и

оправдываются эти сенсационные переживания высокими фразами о «мужественном служении правде».

Танец как представление, как спектакль в противоположность танцу как развлечению, в котором каждый может участвовать, — это нечто особое. Впрочем, только с точки зрения исторической оценки. По существу они одно и то же. Каждый танец есть не что иное, как чувственный экстаз, чувственное опьянение, выражающееся в ритмических движениях, соответствующих истинному переживанию этих чувств в их стилизованном виде. На этой особенности и покоится увлечение, с которым участвуют в танцах, а также никогда не ослабевающий интерес к балету и к танцам соло.

Способность танца заставить переживать самому и передавать другим чувственное возбуждение коренится именно в этой его сущности, о которой мы неоднократно уже упоминали. Вот почему танец был одним из лучших средств массового соращения, практикуемого на крупнокапиталистических началах. Вот почему, с другой стороны, характер балета и танца соло должен был измениться в буржуазный век по сравнению с эпохой абсолютизма.

Соответствующая сущности абсолютизма, застывшая в своей строгости форма должна была смениться вакхической разнузданностью, символизировавшей разнузданность наслаждения. Этот переворот совершился, правда, уже в XVIII в., когда все общественное здание стало шататься, и потому уже тогда балет и танцы отличались крайней страстностью. Первой видной представительницей этого нового темпа была знаменитая Комарго. Она принадлежала, между прочим, к числу тех танцовщиц, которые прибегали к излюбленному трюку — танцевать без кальсон, что до крайности повышает эротическое любопытство зрителей, отчасти, конечно, потому, что никогда не получает полного удовлетворения. Так как танец оказывает особенно сильное впечатление на чувственность зрителя,

то интерес к балетным звездам часто доходил в известных кругах до настоящего безумия. Было время, когда даже самые видные газеты не знали более настоящей задачи, как подогреть это безумие.

Когда в конце XVIII в. в лондонском театре подвизались с огромным успехом танцовщицы Паризо, Каро и Кемп, то в выходившей в Веймаре газете «London und Paris» им посвящалось больше места, чем французской революции. Обычным явлением было тогда, что свихнувшиеся поклонники выпрашивали у балерины старый изношенный башмак, обещая хранить его как святыню, или если из-за туфельки, слетевшей с ноги танцовщицы в партер, в публике начиналась такая драка, что многие получали серьезные повреждения, и успокоение наступало только после того, как туфелька была разорвана на части и каждый из участников драки мог назвать своим какой-нибудь обрывок трофея.

Портреты знаменитых балерин продавались в виде драгоценнейших гравюр. Эта помешанность на балете длилась очень долго. Выступление Фанни Эльслер, «балерины двух миров», Тальони, Пепиты и т. д. вызывали «взрывы восторга». Каждый их шаг отмечался газетами, каждый успех увековечивался ими, об их огромных гонорарах с триумфом докладывалось всему миру. В настоящее время только уж очень исключительные общественные круги восторгаются трюками знаменитых танцовщиц до такой степени, точно речь идет о высочайших проблемах человечества. Выступление ловких балерин давно уже перестало быть общественным событием, вызывающим всеобщий интерес.

Приблизительно то же самое необходимо сказать и о развитии балета. Цель его заключалась в эротическом возбуждении зрителя: показать пикантным образом как можно больше женского тела, несколько десятков обнаженных женских грудей и вдвое больше элегантных женских ног и бедер, облаченных в трико, — вот главная притягательная сила балета. И мно-

жество людей посещали только ради этого действующего на половые нервы зрелища даже оперу, не обходившуюся вплоть до нашего времени без более или менее искусно вставленного балета.

Если в настоящее время в этом отношении замечается несомненное улучшение, то его нельзя отнести только за счет общего художественного подъема театра, в этом в еще гораздо большей степени виновато то обстоятельство, что театр ныне уже не единственная пища для глаз, так как существуют иные учреждения, решающие эту задачу в гораздо более рафинированном духе, учреждения, под сенью которых и укрылись теперь балет и танец соло. Это прежде всего варьете.

Эпоха абсолютизма изобрела оперу. Буржуазный век демократизировал ее сначала в виде оперетки, потом в виде варьете.

В данном случае под демократизацией следует подразумевать ее превращение в простое увеселительное зрелище, ставящее себе преимущественно грубо чувственные цели. А ничто так не действует на эротическую возбудимость людей, как непристойность. Ничто их так не привлекает или отталкивает, смотря по характеру, как непристойность. Использовать ее так, чтобы она действовала возбуждающе, — задача, поставленная и разрешенная театром-варьете. Непристойность, облаченная в слова, музыку, пляску, костюм, цвета и т.д., — таково варьете. Налицо все оттенки, от грубой сальности до высшей артистичности.

Существующее вот уже несколько десятилетий варьете представляет собой в этом отношении наиболее рафинированный шедевр. Упразднено все, что может ослабить впечатление непристойности, подчеркивается все, что может ему содействовать. Нет поэтому другой формы публичного представления, которое было бы в такой же степени характерно для нашего времени.

Начало этой формы публичного увеселения, в центре которого стоит скабрзность, относится, правда, к

давнему времени. Его надо искать в примитивных шантанах, возникших еще в XVIII в., простую программу которых составляли музыкальные пьесы, пение, а потом и танцы. Уже тогда предпочтение отдавалось фривольному жанру, двусмысленным шансонеткам, подчеркнуто-эротическим танцам. Как ни стары эти спектакли, их изобретение все же относится к XIX в., а именно к 50-м гг., когда возникли настоящие шантаны, предтечи варьете, и их до сих пор сохранившаяся побочная примитивная разновидность.

Колыбелью шантана был Париж Второй империи, где нашли свое первое яркое выражение вообще все формы удовольствий. Вскоре подобные предприятия возникли повсюду, повсюду находя восторженную публику. В Германии, разумеется, прежде всего в новой столице, в Берлине. Здесь шантаны вошли в моду особенно в 70-х гг. Несколько лет спустя они насчитывались уже десятками. «Обыкновенно то были пивные, где в углу на невысокой эстраде сильно декольтированные женщины в коротеньких пестрых юбках распевали двусмысленные песенки». Прошло еще десятилетие, и уже не оставалось на свете значительного города, в котором не имелось бы одного или нескольких таких всегда переполненных увеселительных учреждений. В более значительных городах, и в особенности в портовых, их насчитываются десятки и даже сотни. Во всех этих шантанах вовсю царила скабрезность. Подражали Парижу. Французы считались в этой области непревзойденными мастерами, и потому гвоздем всех программ всегда служило объявление: «При участии знаменитой парижской шансонетной певицы такой-то». В последнее время было, однако, сделано открытие, что по части непристойности любая страна может свободно поспорить с французами.

Главными номерами программы шантана были долгое время куплеты, более или менее плохо исполняемые двусмысленные песенки, или, вернее, для зна-

токов вовсе не двусмысленные. Секрет публично произносимой скабрёзности в том именно и заключается, что она облекается в невинную внешнюю форму. Скабрёзность состоит в скрытом двойном смысле ловко подобранных слов, в рафинированных паузах, в подчеркивании известных мест, в мимических движениях, сопровождающих шансонетку...

С цинизмом слов соединяется цинизм жестов. При помощи соответствующих жестов все перекидывается в область эротики, все получает, таким образом, порнографический характер. При плясовой песне и вообще при пляске было особенно удобно решать эту задачу, так как здесь непристойность получала сильного союзника в виде музыки. Без музыки, отданной с середины прошлого столетия в особенно широких размерах на служение скабрёзности, шантан и варьете не сыграли бы своей огромной роли. Музыка способна звуками выразить самое общее и самое рискованное и к тому же изобразить это чрезвычайно подробно и пластично. Эта способность музыки и была планомерно использована театрами-варьете. Слова и жесты сопровождаются рафинированно живописующей музыкой, идущей на помощь воображению там, где слова и жесты упираются в непреодолимые преграды. Ни одно искусство поэтому не было так беззастенчиво тесно слито с непристойностью, как шантанная музыка.

Служил непристойности с самого начала и костюм. Главным образом, хотя и не исключительно, здесь речь идет о женском костюме. Первоначально – то была форма еще примитивная – шансонетные певицы появлялись на эстраде или на сцене в коротеньких платьицах, так что публика видела всегда по крайней мере икры ног, а при известных движениях и кое-что еще. К откровенной нижней части костюма вскоре присоединилась такая же откровенность верхней его части. Эти пробелы костюма и должны были вознаграждать публику за недочеты в пении и декламации, и публи-

ка была в самом деле вполне удовлетворена, так как большинство предпочитает не слушать, а смотреть, и только немногие протестуют, если пение служит лишь средством развернуть эротически-пикантное зрелище. Во всяком случае, обратное явление никогда не имело места: красивое пение, хорошая декламация никогда не примиряли публику со скромностью костюма. Это обстоятельство привело постепенно к такой рафинированности в костюме, которая превосходит всякие границы. Каждый цвет, каждый оттенок должны воздействовать на эротическое чувство зрителя.

Это касается даже таких номеров программы, которые, по существу, не имеют никакого отношения к эротике: выступления жонглеров, дрессировщиков, гимнастов, атлетов и т. д. Костюм этих артистов выдержан в таком же духе.

Наибольшего эффекта здесь можно было достигнуть опять-таки при помощи танца, не только потому, что он всегда действует на чувственность, но и потому, что его эксцентрические разновидности позволяли рафинированным образом выставить напоказ пикантное dessous. Все танцы в театрах-варьете преследуют поэтому только одну цель — давать танцовщице как можно чаще возможность показывать публике кружевные юбочки и кальсоны и обнажать то, что последние должны собственно скрывать.

При помощи таких эффектов работают вот уже почти столетия театры-варьете. Конечно, не только при помощи их. Публика требует не только все большего усиления этих эффектов в отдельности, но и разнообразия, все новых трюков, все новых невиданных и несслышанных еще непристойностей. И публику удовлетворяют. Одним из особенно популярных средств ее привлечения сделались уже упомянутые выше сцены раздевания. Можно ли придумать нечто более пикантное, как присутствовать при интимном туалете светской дамы? Такие сцены не только становились централь-

ными местами театральных пьес, но и самодовлеющими пантомимами. Элегантная дама входит поздно вечером в спальню в салонном туалете и начинает медленно, с перерывами, раздеваться. Сначала она снимает перчатки, потом накидку, шляпу, башмаки. Публика начинает настораживаться: вот сейчас она увидит «кое-что». Этим «кое-что» являются икры, пикантные нижние юбки и кальсоны, когда дама кладет не стесняясь ногу на ногу, чтобы удобнее было расстегнуть башмаки. Потом она доходит до блузки или корсажа.

Эротическое любопытство публики возрастает, так как уже видна грудь дамы. Так как публика жаждет в особенности этого зрелища, то дама находит достаточно причин, чтобы наклониться, в силу чего грудь как бы случайно выступает из-под рубашки или из корсета. После корсажа падают юбки и т. д. Ситуация становится с каждым моментом все пикантнее, наконец дама ложится в постель и тушит огонь. Иногда процедура разворачивается и в обратном порядке.

Другим гвоздем таких представлений сделалось выставление напоказ женской наготы вообще.

Хотя этот рафинированный трюк и был придуман давно, популярность его сохранилась до последних дней. Так, в 1907 г. в Милане, в театре «Олимпия», подвизалась очень красивая артистка Лида Борелли, выступавшая в таком костюме, что, как сообщала корреспонденция из Милана, публика была – что вообще большая редкость – «возмущена слишком большим отсутствием костюма на этой даме».

Публика не удовольствовалась, однако, и этим зрелищем, она хотела видеть сразу целые массы женских ног, женских бедер и пикантно выставленных женских грудей, и притом в самых разнообразных и затейливых комбинациях. Так возникли так называемые «обозрения», обходящие вот уже целое десятилетие все сцены больших театров-варьете всего света. В них непристойность, характерная для варьете, достигла своего апогея,

ибо здесь было все: непристойность в словах, в пении, в музыке, в костюме, в жестах – вообще во всем.

Пока это – последнее слово, *non plus ultra*, дальше которого не пошли. Но будущее покажет, что и в этом жанре возможны еще более утонченные формы – если только не прекратится спрос. А этот спрос не прекратится до тех пор, пока будет существовать характерный для частнокапиталистической системы метод работы, неизбежно вызывающий потребность в таких острых средствах возбуждения нервной системы. И потому решительно все слои населения поставляют посетителей этих увеселительных учреждений.

Даже верхушка общественного здания сразу дала им свою санкцию. Императрица Евгения пришла в восторг от первой по времени парижской шансонетной певицы, знаменитой тогда *mademoiselle* Терезы, от ее шикарной манеры петь шансонетки – и сделала ее своей официальной подругой, а ее примеру последовала и первая ее придворная дама, княгиня Меттерних.

Так и «Нана» интересовался весь Париж. О первом ее дебюте Золя говорит: «Присутствовал весь Париж: люди науки, финансисты, жуиры, много журналистов, несколько писателей, биржевые дельцы, проститутки в большем количестве, чем порядочные женщины, – странно смешанный мир, воспитанный всеми гениями, испорченный всеми пороками, и на всех лицах отражались те же вождедения и та же скука».

О том, с каким интересом публика следила за непристойными пантомимами на сцене, с каким восторгом она относилась к ним, Золя говорит: «Публика подхватывала двусмысленности и присоединяла к ним свои непристойности. Уже давно ни в одном театре публика не отдавалась с таким усердием всевозможным выходкам. Среди подобных нелепостей продолжалось представление. Вулкан, одетый как юный франт, весь в желтое, в желтых перчатках, с моноклем в глазу, бегал все время за Венерой, в платочке, с обнаженной грудью и

шеей, увешанной разными золотыми побрякушками. Нана была так белоснежна, так хорошо сложена, так естественна в своей пышной красоте, что сразу завоевала весь театр. Рядом с ней совершенно исчезала Роза Миньон, очаровательное беби в коротеньком муслиновом платьице, трогательным голосом произносившая жалобы Дианы. Та, другая, эта высокая и сильная девушка, ударявшая себя по бедрам и кудахтавшая, как наседка, распространяла кругом аромат жизни, аромат женского всемогущества, опьянявший публику.

Начиная со второго акта все ей прощалось: ее неумение держать себя на сцене, ее плохой голос, незнание роли. Стоило ей только обернуться и улыбнуться, и слышались аплодисменты. А когда она двигала бедрами, весь оркестр воспламенялся, заражая все ярусы, весь театр до самого потолка».

Только мелкая буржуазия относилась отрицательно к подобным оргиям женского тела. Откровенная непристойность не вяжется со строгой мещанской моралью. Мелкая буржуазия часто и возмущалась подобным бесстыдством, и открыто протестовала против него. Порой мещане демонстративно покидали театр, если попадали невзначай на подобные представления. Уже упомянутая выше парижская мастерица танцевать канкан, Ригольбеш, писала, между прочим, следующее о публике, посещавшей театр, где она подвизалась с таким успехом: «Только редко видишь здесь так называемые почтенные семейства. Когда они по недоразумению появляются, то контролер Ролан приходит в веселое настроение. Он знает, что после пролога они под влиянием разговоров соседей будут вынуждены уйти и он может еще раз продать их логи. Ему от этого двойная польза».

Нечто подобное можно видеть и теперь. В настоящее время мелкая буржуазия и корректное чиновничество также составляют наименьшее число посетителей таких учреждений. Надо, впрочем, считаться и с высокими ценами в этих театрах, делающими их недоступными и

для рабочей массы, так что последняя должна поневоле ограничиваться маленькими шантанами в своих рабочих кварталах, где плата за вход редко превышает 50 пфеннигов. Однако и из этой среды ныне появляются уже кое-какие посетители варьете.

Вдобавок ко всему следует упомянуть, что все шантаны и варьете — это вместе с тем наиболее посещаемые рынки проституции.

В низкоразрядных шантанах преобладают женщины и девушки, для которых проституция служит подсобным заработком, тогда как в более роскошных театрах-варьете доминируют настоящие проститутки, и притом более дорогие, от двадцати марок и дороже. Десятками сидят и гуляют они в кулуарах и в фойе. Для самого увеселительного учреждения они представляют еще один лишний магнит, когда они в рафинированном туалете выставляют или все свое тело, или какие-нибудь особые свои прелести, сидя, смело положив одну ногу на другую, давая проходящим удобный случай убедиться в том, как пикантно облегает ногу элегантний шелковый чулок или какой грациозной кажется изящная ножка, на которую надетый кокетливый золотой браслетик...

Многие завсегдатаи театров-варьете приходят специально ради этих проституток. Предпринимателям это прекрасно известно, и потому красивейшие из этих дам не только имеют бесплатный вход, но и получают известный процент от дохода с напитков, которые требуют их гости.

Что театр-варьете уже нельзя было устранить из увеселительной программы, было ясно для всех и каждого. Можно было, следовательно, только облагородить его, выдвинуть на первое место более изысканную его разновидность. К этой цели и стремились почти одновременно, с одной стороны, кабаре, а с другой — продиктованная чувством красоты реформа танцев, относящаяся к последним годам.

Обе реформы потерпели крушение. Победа осталась за порнографией.

Началось с реформы танца. Обычная форма балетного танца, это балансирование на пальцах ноги, была объявлена неэстетичной, неправдоподобной и бесстыдной. В подтверждение последнего упрека указывалось на то, что выставление напоказ облаченных в трико икр и бедер преследует по существу чисто эротические цели. Что это отчасти верно. Место облаченных в трико ног занял сначала танец босоножки Айседоры Дункан, потом танцы характерные, главными представительницами которых были сестры Визенталь, Рита Саккетто, Суламифь Раху, Руфь С.-Дени. Все эти балерины решительным образом отказались от трико. Между тем как первые танцевали в духе древних греков, под Штрауса и Шопена, последние воспроизводили индийские и египетские танцы. Нельзя отрицать, что эти танцовщицы создали ряд новых и иногда крупных эстетических ценностей. И однако они не смогли вытеснить трико и юбочки из газа: последние слишком внедрились в психику публики. Новые балетные звезды оказались лишь преходящей модой, тогда как старые балетные богини хотя и не были неизменно пребывающими в покое полюсами среди вечной смены явлений, зато, несомненно, были теми полюсами, которые именно благодаря своему волнующему и беспокоящему существу сумели противостоять всем возражениям нравственного и эстетического характера, так что ныне их победа вне всякого сомнения.

Следует, впрочем, принять во внимание, что на стороне этих балерин было в большинстве случаев и более высокое искусство – достаточно вспомнить русский балет, и в особенности балерину Павлову.

Этим, естественно, уже сказано, что крушение потерпела и крайняя форма эмансипации из-под власти трико и газовой юбки, а именно недавно возникший танец наготы, Nackttanz. Этой формой танца, пред-

ставленной такими танцовщицами, как Ольга Демон или Вилла Вилланьи, хотели достигнуть еще и другой цели. Танцовщицы хотели не только подчеркнуть целомудрие красивой, наготы в сравнении с эротически действующим одетым телом балерин, но и пропагандировать идею не обезображенной ничем телесной красоты. Нет основания сомневаться в искренности их намерений, зато тем больше сомневаться позволительно в чистоте намерений огромного большинства посетителей этих «вечеров красоты», в чем и признавались многочисленные рецензенты подобных спектаклей.

Победа и здесь осталась за непристойностью. Умерли среди всеобщего равнодушия и другие реформы, при помощи которых хотели облагородить варьете. Уцелевшие до наших дней жалкие остатки бывшего когда-то в моде кабаре способны продолжать свое похожее на прозябание существование, только вступая без зазрений совести в тесный братский союз с грубейшей непристойностью.

Враг, против которого ополчились, сделался, таким образом, союзником, за которым ухаживали с похотливой улыбкой.

Это одинаково приложимо как к Франции, так и к Германии, к тем двум странам, где возникли так называемые кабаре.

Для Германии имеется, правда, смягчающее вину обстоятельство, которое не следует игнорировать, а именно полицейская опека, мешающая духу общественной свободы расправить свои крылья. Даже лучшее кабаре не могло поэтому здесь развить целиком свои возрождающиеся тенденции и было вынуждено с самого начала и навсегда ограничиться половинчатостью. Это снова доказывает решающее значение общей исторической ситуации. Буржуазия – ибо о ней здесь идет главным образом речь, – готовая примириться с полицейским в качестве педагога, очевидно, вовсе не стремится серьезно к регенерации, ни общей, ни час-

тичной. О серьезности такого стремления можно будет говорить только в том случае, когда начнут подумывать об упразднении шуцмана в указанной роли.

В заключение следует сказать несколько слов о новейшем завоевании в области публичных представлений – о кинематографе.

Нет ничего удивительного, что и здесь очень скоро была пущена в ход непристойность.

Откровеннее всего это делалось во Франции и Италии. Сцены раздевания, любовные приключения, самые разнообразные вариации темы соращения охотно включались в программу кинематографа, продолжая и теперь еще служить одним из главных притягательных средств. Подобные картины тем опаснее, что значительная часть посетителей кинотеатров состоит из молодежи и в темном помещении так легко претворить сценическое представление в несомненнейшую действительность. Так оно и случилось, как видно из целого ряда до сей поры не прекращающихся судебных дел. В Германии цензура наложила поэтому запрет на ленты с эротическим содержанием, зато уцелела похотливо-лживая сентиментальность грубо сенсационных романов, действующих с меньшей силой на половые центры молодежи.

Глава 7

ПРЕССА И РЕКЛАМА

Хотя возникновение периодической печати относится к началу XVII в., если только не к еще более ранней поре, все же она может считаться истинным продуктом буржуазного века. Ибо только в буржуазную эпоху периодическая печать получила свою специфическую физиономию и сделалась чем-то большим, нежели примитивной формой информации, а именно пульсом времени.

В тот самый момент, когда буржуазное общество вступило в серьезную борьбу за власть, и развилось газетное дело в современном смысле слова. Печать сделалась важнейшим средством пропаганды буржуазных идей, важнейшим средством борьбы за них, она сделалась тем фактором, который духовно объединял массы, осведомлял и направлял их. И эта роль осталась за периодической печатью вплоть до наших дней. Трудно представить себе более великую роль. Ее значение усиливалось по мере того, как интересы отдельной страны, отдельного города, даже отдельной личности все теснее сливались, благодаря эволюции общественной жизни, с интересами всех стран и всех частей света. Так как ныне уже нет такой хотя бы ничтожной человеческой общины, которая могла бы сказать о себе, что она живет и может жить самодовлеющей жизнью, то каждый связан со всеми. Звено, духовно всех связующее, позволяющее им постоянно входить в соприкосновение с мировой жизнью, сообщаящее этому соприкосновению длительный характер, и есть газета. Именно эта важная функция и создала ее огромное могущество.

И все-таки мы сумеем правильно оценить периодическую печать только в том случае, если уясним себе предпосылки, которым она обязана своим возникновением в каждом отдельном случае. Исполнять вышеуказанную функцию в интересах свободы и прогресса человечества — такова обязанность печати в идеале. Издание газет, однако, в большинстве случаев прежде всего коммерческое дело. Ограничимся здесь только этой одной, зато фундаментальной предпосылкой. Становясь коммерческим делом, газета подчиняется вместе с тем специфическим законам, руководящим вообще коммерческими предприятиями. Содержание газеты получает чисто товарный характер, а это прямая противоположность ее идеального назначения.

На столбцах газеты «торгуют» тем, что для издате-

ля наиболее выгодно, а таковым никогда не бывают интересы человечества. Этому закону подвержены даже большие политические газеты, так как и их издатели хотя по крайней мере «покрыть свои расходы». Только редкие печатные органы основываются с неподкупно-чистым намерением служить, невзирая на материальную выгоду, исключительно высоким идеалам человечества.

Если по ранее изложенным причинам печать становится одним из крупнейших факторов в публичной половой нравственности, то по только что указанным причинам, а именно потому, что она есть наиболее простое коммерческое дело, а вместе с тем и один из наиболее пагубных факторов. Печать может наиболее действенно пропагандировать законы индивидуальной морали, она может поднять чувство личной ответственности и повысить, таким образом, уровень общественной нравственности. Но она же может и систематически отравлять воображение людей.

В настоящее время имеется значительное число органов печати, серьезно и сознательно ставящих своей целью нравственное воспитание масс. Подобное явление относится, однако, лишь к последним сорока годам. До этого момента в ежедневной прессе преобладала исключительно филистерская мелочность. Все половое обходилось, затушевывалось. О великих конфликтах, вносимых ежедневно в жизнь множества людей любовью, читатель узнавал в лучшем случае из сухих или морализующих заметок. Так называемые порядочные газеты обыкновенно отмалчивались, действуя сообразно основной аксиоме нравственного лицемерия: о чем не говорят, того не существует.

В 60-х гг. истекшего столетия положение изменилось. Именно тогда возникли газеты, мужественно и смело срывавшие покров даже с самого интимного. Но — и это «но» здесь весьма роковое — это было мужество не столько в интересах общественной морали, а скорее в интересах коммерческой прибыли. Общая историче-

ская ситуация все более позволяла делать подобными темами не просто дела, но и очень выгодные дела.

Так родилась так называемая сплетническая, или скандальная, пресса, ставившая своей задачей подносить читателю со всевозможными подробностями всякие сенсационные события, и в особенности из области половых нравов. Сообщалось, например, о том, что такая-то в широких кругах известная дама пользуется особой благосклонностью такого-то господина, говорилось о предполагаемых или расстроившихся браках, приводились подробности о похищениях или адюльтерах, имелся постоянно отдел, посвященный бракоразводным процессам. С особо гнусным сервилизмом заглядывали в альковы принцев и принцесс. Уже за восемь месяцев публика узнавала, в какой день должна разрешиться от бремени та или другая аристократка, прежде всего государыня или супруга наследника. С подобострастным рвением сообщались эти отрадные перспективы падкой до сенсаций массе. Заметим в скобках, что сенсационная и сплетническая пресса вся без исключения «благонадежна и патриотична». Она обычно тем патриотичнее, чем грязнее, чтобы войти в доверие к власти. Ныне подобные сплетнические газеты существуют во всех более или менее крупных городах мира, а в Америке вся пресса носит такой характер.

В Америке разоблачения интимных семейных историй организованы вполне солидно. Примером может служить следующее приведенное лондонской «The Times» (январь 1912 г.) письмо одного американского редактора одному господину, бывшему управляющим во многих знатных английских домах и поместившему объявление о своем желании поступить на новое место: «Милостивый государь!.. Я плачу хорошо, всегда в начале месяца. Сотрудничаю в нескольких американских газетах, читатели которых требуют сплетен об известных в Лондоне лицах... Чтобы дать вам некоторое представление о том, что требуется, обращаю ваше внимание на

леди Герард и Форсетс, о которых ввиду предстоящего дела об оскорблении все охотно печатается. Интересны также дела... (следует перечисление длинного ряда представителей и представительниц лондонского света, некоторые из которых начали бракоразводные процессы). P. S. Может быть, у вас есть знакомые среди официантов более видных клубов и первоклассных ресторанов?»

Насколько большая масса читателей интересуется такими темами, видно из того, что подобные происшествия составляют теперь постоянный отдел также в большинстве так называемых порядочных европейских газет. Ссылка на обязанности репортера служит обыкновенно оправданием для подобных сообщений. На самом деле газеты спекулируют на низменных инстинктах массы.

Необходимо упомянуть и об особых приемах английской прессы. Она всегда наиболее рафинированным образом решала нелегкую проблему сочетать чопорнейшее приличие с сугубым развратом и все-таки оставаться в глазах света «респектабельной». Английская печать достигла этого путем объективной судебной хроники. Она вообще считает своей обязанностью докладывать о судебных процессах очень подробно. Это, конечно, очень ценная черта. В таком постоянном контроле английский народ видит лучшую гарантию нелицеприятного суда. Чрезвычайно характерно, однако, что ни о чем так подробно не сообщается в английских газетах, как о бракоразводных делах, причем дословно передаются интимнейшие вопросы и ответы судьи, защитника и свидетелей. Даже в самых респектабельных газетах. И этот отдел, по мнению людей сведущих, наиболее читаем.

Отдел объявлений — как бы спинной хребет газеты. Не подписка, а объявления дают издателю прибыль. Этим обходным путем обычно и совершается подкуп газет. Крупные предприятия дают большие и постоянные объявления, что служит им молчаливой

Шубрак. Реклама. Плакат

гарантией, что в тексте о них будет говориться только хорошее или во всяком случае не будет говориться ничего плохого. Каждый знаток газетного дела знает, что ныне существует лишь очень немного газет, которых не подкупали бы таким образом ежедневно.

Умное разьединение газеты и объявлений, в силу которого большинство редакций заявляют, что не имеют никакого от-

ношения к объявлениям, что эти последние — чисто частное коммерческое дело издательства, имеет еще одно очень выгодное для издателя последствие. В отделе объявлений можно и не считаться с текстом газеты, можно печатать все, что оплачивается. Так и делается. Между тем как газета ратует за мораль, громит порою безнравственность конкретных людей или всего общества, в отделе объявлений пропагандируются все решительно пороки, правда, в замаскированном, но для заинтересованных лиц достаточно прозрачном виде. Сводники предлагают свои услуги, продается и покупается, как булки, супружеская любовь, проституция рекламирует свой товар, молодая вдова ищет великодушного друга, который даст ей займы определенную сумму, причем слово «молодая» указывает на то, что она известным образом оплатит за услугу, богатый господин ищет компаньонку для путешествия (речь идет о браке на четыре недели) и т. д.

И точно таким же образом предлагаются и требуются все пороки, все извращения. Опытная проститутка предлагает свои услуги под видом массажистки,

лесбиянка ищет под тем или другим девизом родственную душу. Далее идут всевозможные преступления. Акушерка предлагает порошки для менструации (речь идет о средствах делать аборт), другая предлагает свои услуги для тайных родов, делательница ангелов хочет под фирмой «бездетные родители» усыновить ребенка; сыщицы готовы содействовать в «брачных делах», то есть готовы доставить даме, желающей развестись с мужем, в лице своей собственной особы доказательство адюльтера с его стороны, без которого она не может развестись, и т. д. и т. д. — без конца.

Таким чудовищным рынком своднических дел стал отдел объявлений большинства газет, и даже многих пользующихся хорошей славой. Если в Германии в последние годы и замечается в этом отношении некоторое улучшение, так как полиция изгнала самое худшее из газетных объявлений и порок может выступать уже только в очень ловко замаскированной форме, то, например, в Австрии и Венгрии подобные нравы находятся еще в полном расцвете. И то же надо сказать о так называемых маленьких объявлениях в многочисленных французских газетах.

Иллюстрированная периодическая печать имела с самого начала непосредственное отношение к половой теме была даже до известной степени ее акушером, так как первые иллюстрированные журналы были в большинстве случаев журналами мод. Чтобы дать наглядное представление о той или другой моде, приходилось прибегать к помощи иллюстрации. С течением времени связь иллюстрированных журналов с темой половых отношений становилась все интимнее, чтобы стать в конце концов и совсем интимной, так как возник ряд журналов, иллюстрации которых воспроизводили исключительно эротические мотивы.

Значительное число таких журналов, их большая распространенность — все доказывает, что они принадлежат к числу самых характерных документов исто-

грешимый термометр, позволяют они судить о всех высотах и низинах, о силе, воодушевлявшей эпоху, и о жалком ничтожестве, в которое вылилась эта сила. Из иллюстрированных журналов мы и заимствовали значительную часть иллюстраций, поясняющих данный текст этого тома.

528

яснилось, что именно в такой оболочке можно идти дальше всего, «не нарушая приличия». Другими словами: при таких условиях можно было рассчитывать на особенно широкие круги читателей, не завися только от узкого круга любителей пикантной пищи. Значительную часть лучшего из того, что было сделано критикой общественных явлений, необходимо отнести именно на счет сатирической прессы.

Иллюстрированный галантный журнал в строгом смысле слова, журнал, для которого эротика была самодовлеющей целью, который открыто спекулировал на этих чувствах читателя, чтобы делать хорошие дела, возник впервые в 60-х гг. истекшего столетия. С тех пор во всех странах имеется несколько таких журналов. Франция, Италия, Австрия, Германия, Англия, Америка – все имели и имеют такие клоаки низменнейшей спекуляции.

Чтобы привести несколько конкретных данных, укажем на то, что этот род журналов процветал особенно бесстыдно в Австро-Венгрии.

Подобные журналы представляют собой во всех отношениях достойное дополнение к выше охарактеризованным скандальным газетам. Подобно тому как последние торгуют интимностями законных и незаконных любовных связей, так эти журналы торгуют вообще пороками, окружая их ежедневно ореолом в виде соблазнительных иллюстраций. Так они становятся самыми рьяными сводниками в деле разврата. Только ему они и служат от первой и до последней строчки, так как здесь помещают, естественно, свои объявления люди, эксплуатирующие с особенной выгодой сферу безнравственности и непристойности. Вспомним также всевозможные календари, альманахи и т. д. с соответствующими иллюстрациями.

Часто иллюстрированные журналы прямо служат сводничеству. И опять-таки это делается таким на вид безобидным образом, что только посвященные знают,

в чем дело. Следующие слова парижского писателя Мориса Тальмейра показывают, о каких иллюстрированных изданиях здесь идет речь и каким образом они служат целям сводничества:

«Вы знаете, конечно, все те журналы, в которых помещаются портреты светских дам. Большинство этих портретов должны дать наглядное представление о красоте и элегантности этих дам, имена которых у всех на устах. И однако это не единственная их цель, если верить словам некоторых своден, заслуживающих в этом отношении, как мне кажется, полного доверия. Они утверждают, что портрет такой монденки появляется в журнале только затем, чтобы дать сводне возможность показать его своим постоянным клиентам. Это делается, разумеется, с согласия дамы. Сводня как бы случайно держит в руках журнал, а портрет находится среди других тоже, конечно, случайно. Во всем этом нет ничего компрометирующего ни для дамы, ни для журнала. Никто не может подумать что-нибудь дурное, а журнал тоже не задавался никакими плохими целями. И однако портрет к услугам любителя, а сводня всеми силами старается обратить на него внимание.

Что за красавица! И что за портрет! Да, вот если бы с такой... Но это невозможно. И все-таки... Почему не попробовать. И клиент воспламеняется, надеется, сомневается, допытывается и решает наконец испробовать свое счастье. Само собой понятно, что в таких случаях цена очень высокая и дело, естественно, особенно выгодное».

Другими словами: портреты этих элегантных дам не что иное, как иллюстрированные объявления в тексте. В отделе объявлений нельзя предлагать себя покупателям, и вот нашли обходной путь, обещавший к тому же самый прочный успех. Так как мужчина, в конце концов попадающийся на удочку, не подозревает, что имели в виду его и ему подобных, то он и не скупится. Напротив, в собственном воображении он вырастает до размеров свратителя и победителя и го-

Немецкие иллюстрации к мемуарам Казановы. 1845

тов под влиянием этого наивного самообмана заплатить сколько угодно. Не чем иным, как именно объявлением, и являются в глазах издателей подобные портреты, и потому дама должна в той или иной форме платить за него. Она доставляет карточку, покрывает расходы по изготовлению клише и обязуется, кроме того, купить пятьдесят или сто экземпляров этого номера. Такова наиболее старая и до известной степени замаскированная форма подобных объявлений.

В последнее время, однако, входят в моду повсюду, а также и в Германии, простые деловые отношения. Вы платите 50, 100 или больше марок, и за это вас снимают и ваш портрет помещаютс пышным панегириком сообразно вашим желаниям: вас будут прославлять или как шикарную красавицу, составляющую сверкающий центр в каждом салоне, где она появляется, и немедленно обращающую на себя всеобщее внимание, или как смелую наездницу, или как элегантную спортсменку, пикантнейшее украшение манежа или площадки для тенниса, или как обворожительную актрису, у которой больше чем нужно ангажементов, и т. д.

Самая приятная особенность таких своднических дел — их полная безопасность для заинтересованных лиц, даже в том случае, если бы такое дело всплыло на поверхность. Ибо кто уже узнает о том, что потом происходит где-нибудь в элегантной квартире холостяка или где-нибудь в меблированных комнатах! Вы просто хотели прославиться. Если поэтому кто-нибудь и узнает, что вы поместили в журнале или в газете такое иллюстрированное объявление, то в худшем случае это отнесут на счет вашего тщеславия.

Страшная конкуренция, к чему с середины XIX в. привела частнокапиталистическая система производства, побуждала каждого предпринимателя предлагать массе свой товар как можно нагляднее, чтобы она сразу вспомнила именно о нем в случае надобности.

Так довольно рано возник иллюстрированный плакат, а недавно и иллюстрированное объявление. Несравненно более сильное воздействие на психику картины, чем слова, сделало в конце концов иллюстрацию самым важным в наши дни средством рекламы. А так как иллюстрированная реклама лучше всего достигает своей цели, когда сразу обращает на себя внимание массы, то без всяких зазрений совести стали предпочитать эротические мотивы, ибо все половое невольно обращает на себя внимание.

Подобная реклама может многих оттолкнуть, но равнодушно мимо нее пройдет меньше людей, нежели мимо какой угодно другой иллюстрации. И потому давно уже масса предметов восхваляется в тесном единении с эротикой. Первые шаги отличались робостью. В виде символа или аллегии изображалась почти обнаженная женская фигура. Если речь шла о сельскохозяйственной выставке, то женщина носила имя Помоны, когда рекламировался рояль, она играла на струнах лиры и т. д. С течением времени масса уже перестала реагировать на такую скромную приманку, и потому стали прибегать ко все более интимным и

характерным намекам. Откровеннее всего поступали, естественно, с самого начала при плакатном рекламировании монденных увеселительных учреждений, как-то: цирков, варьете, балов, маскарадов или монденных иллюстрированных журналов.

В этих случаях, впрочем, эротически пикантная форма плаката неудивительна, так как предлагается именно такого рода товар. Несравненно рафинированнее и для нашей эпохи характернее, если торговец, рекламирующий совершенно незначительный товар, прибегает к тем же эротически-возбуждающим приемам его восхваления. И делалось это с течением времени все более беззастенчиво. На стенах домов, в витринах магазинов проносится мимо нас настоящий шабаш пикантно обнаженных женских тел. Чтобы приковать внимание и сохранить в памяти ту или другую марку шампанского, тот или другой сорт папирос, фирму, торгующую сукном, обувью, утварью и т. д.

Разжигаемый конкуренцией коммерческий дух постепенно связал с эротикой решительно все. Магазин обуви показывает до самых икр ногу элегантно обутой дамы, а вслед за ней по ступенькам входит пара таких же элегантно обутых мужских ног. Продавец дамских чулок демонстрирует, как пикантно облегает элегантную ногу изящный дамский чулок. Фабрика мебели, предлагающая обстановку для спальни и столовой, помещает рекламу, изображающую, как в столовой сидят молодые супруги, нежно чокающиеся по поводу того, что будет «потом», а в спальне мы видим первый акт этого «потом»: раздевшаяся до самого корсета молодая жена еще раз требует, чтобы муж подтвердил все свои данные за столом обещания.

Еще дальше идет магазин, торгующий всякой всячиной. В виде обложки для своего проспекта он выбирает иллюстрацию, показывающую, как у дверей элегантной спальни подслушивают с хитрой улыбкой камердинер и камеристка. А подписи — «В светском

обществе», «Интересные разоблачения» – придают проспекту характер скандальной брошюры. Всякий, кому его вручат, сунет его в карман – и цель будет достигнута!

Подобные рафинированные рекламные шутки ныне в ходу во всех странах. Даже в Англии. Здесь им придают, впрочем, часто серьезную внешность, как показывает, например, выдающийся в художественном отношении плакат Бердслея для издательства, рекламирующего детские книги. Было бы логичнее, если бы подобная похотливая женщина служила рекламой для пикантного светского романа, тогда как последнего рода литература, наоборот, рекламируется при помощи плаката, изображающего наивное детское личико!

Мы привели лишь несколько примеров. На эту тему можно было бы, однако, написать целый пространный культурно-исторический этюд. В настоящее время этот канкан рекламы несколько утих. Конечно, не потому, что люди поняли бесстыдство подобных методов, а потому, что большие расходы, к которым постепенно привели такие художественные рекламы, не окупались во многих отраслях производства. Уменьшение прибыли – вот, несомненно, главная причина некоторого уменьшения бесстыдства в этой области. И это в рамках крупнокапиталистической дикой охоты за прибылью понятно и естественно! Что предпринимателю до морали, раз дело процветает и прибыль повышается! А как только чрезмерное увлечение этим приводит к уменьшению прибыли, люди возвращаются на покинутую стезю добродетели, пока не будут придуманы новые трюки, если не гарантирующие, то по крайней мере обещающие новые шансы для прибыли.

Ибо существует один только бог и один только закон – наивозможно большая прибыльность коммерческого дела!

Заключение

Ни в какой области, а следовательно, и в области половой морали не следует оценивать прошлое современным нам масштабом, так как каждый век требует для своей оценки разных критериев. В продолжение всего нашего исследования мы так и поступали. И все же позволительно поставить вопрос: стала ли общественная и частная нравственность выше и лучше, чем прежде? Этот вопрос даже необходимо здесь выдвинуть: отвечая на него, мы резюмируем все сказанное. Этот вопрос есть естественный заключительный аккорд всего нашего изложения. Наряду с познанием закономерности, царящей в области истории нравов, это главный пункт, интересующий серьезного читателя.

Предвосхитим здесь ответ на поставленный вопрос. Он гласит просто и кратко: публичная и частная нравственность стала в наше время несравненно выше, чем была прежде!

Можно было бы доказать, что, с одной стороны, безнравственность осталась по существу той же, а с другой – что она не сократилась и по своим размерам и что если «порок» и не увеличился, то пользуется он все той же, как и прежде, симпатией. Каждая из глав этой третьей книги может представить сколько угодно убедительных доказательств. Однако такой способ аргументации привел бы к безусловно неверному выводу, к мнимому умозаключению. А именно по той причине, что более высокий или низкий уровень нравственности каждой эпохи никогда не бывает проблемой абсолютного, а только относительного числа. Если мы хотим получить правильный ответ, то вопрос должен быть поставлен так: в какой мере ищет ныне масса народа счастья еще и в иных областях жизни больше, чем в области эротики? Только правильный ответ на этот вопрос позволит нам произнести заслуживающее доверия суждение.

Пан и нимфа. 1845

Мы имеем полное право предположить, что находящаяся в распоряжении отдельной личности духовная и физическая сила и сумма энергии остается, вероятно, во все времена одинаковой. Чрезмерная трата сил в одном направлении покупается ценою меньшей траты сил в другом. Или оставаясь в пределах нашей темы: люди, интенсивно занимающиеся, например, политическими или научными вопросами, не могут тратить на эотику и отдаленно столько сил —

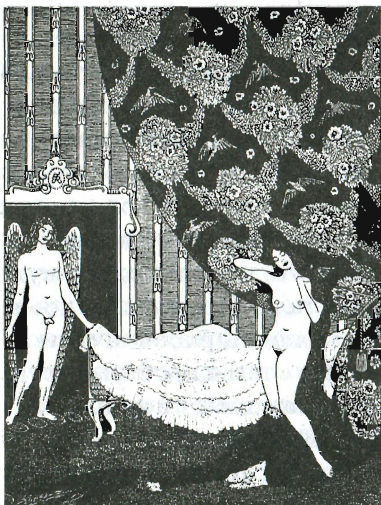
для этого нужно, кроме того, еще время! — как люди, ум и воображение которых не заняты более высокими интересами. И не подлежит никакому сомнению и не нуждается в особых доказательствах, что в наше время большинство взрослых людей интересуется в противоположность всем прежним эпохам в очень широкой степени политическими и даже научными вопросами. Уже одно это указывает на то, что общая нравственность должна быть ныне более высокой, чем во все прежние эпохи. И оно так и есть.

Если факт, что в настоящее время масса народа в большинстве культурных стран в гораздо большей степени интересуется общим благом — а ведь в этом суть политики и науки, — не нуждается в особых подтверждениях, то необходимо показать, как это произошло. Ибо так выяснится другая, и еще более важная, сторона дела, а именно что более высокая нравственность

нашего времени определяется не только отрицательным образом, в том смысле, что люди имеют теперь меньше времени и сил для разврата, но и положительным образом, именно в том смысле, что у них есть зато время для служения более высоким идеалам во всех областях жизни. Причиной этого положительного явления служит также капитализм, или, вернее, последствия капиталистического развития. Более высокая нравственность нашей эпохи есть не что иное, как результат фаталистического превращения вещей в их собственную противоположность, к которому привело, и притом должно было привести, развитие капитализма.

С двумя явлениями надо считаться в первую очередь, так как они привели к мировым массовым движениям. Это эмансипация женщины, кульминирующая в женском движении, и эмансипация четвертого сословия, кульминирующая в рабочем движении. Оба эти всемирно-исторические движения не только служат доказательствами более высокой нравственности; уже в их существовании обнаруживается эта более высокая нравственность. Именно благодаря им многообещающее будущее уже отчасти стало настоящим.

Систематическое угнетение женщины было первым великим классовым гнетом, к которому всюду привело возникновение частной собственности. Женщина была низведена до степени человека второго разряда, будь то в виде домашней рабыни, или в виде про-

*Фрелих М.
Вдова и добрый ангел*

изводительницы детей, или же в виде избалованного предмета наслаждения. Пусть во всех этих трех случаях ее индивидуальное положение было иным, по отношению к мужчине она стояла во всех этих случаях одинаково низко. Возникший и развивавшийся капитализм систематизировал угнетенное положение женщины как класса, усугубил ее трагедию. Но это только одно из последствий этой системы. Создавая почву для освобождения женщины из-под власти домашнего хозяйства, капитализм вместе с тем создал и предпосылки для окончательного уничтожения угнетения женщины как класса.

Освобождением от домашнего хозяйства началась женская эмансипация. То ее первая форма, и в этой форме мы встречаемся с ней уже в первую эпоху развития капитализма, в эпоху Ренессанса. Тогда речь могла идти, однако, только о женщинах имущих классов, и только о них и шла вплоть до XVIII столетия. Во второй половине этого века положение изменилось. Это было первым результатом начинавшегося крупнокапиталистического развития. Что было ранее возможностью для тех, кто владел капиталом, а именно освобождение от домашнего хозяйства, стало одним из условий развития капитализма. Женщина в массе должна была быть освобождена из-под власти домашнего хозяйства не для того, конечно, чтобы рядом с мужем в одинаковой с ним степени наслаждаться жизнью, а для того, чтобы рядом с мужчиной работать на службе капитала. Промышленное развитие нуждалось также и в женской рабочей силе. Так неизбежно зародилась вместе с тем и проблема истинной эмансипации женщины, эмансипации женщины в массе.

Женщина, на которую эволюция возложила ту же тяжесть, что и на мужчину, поняла в этой фазе развития свое подчиненное положение, поняла, что такое положение не может считаться естественным, и потребовала одинаковых с мужчиной прав, потребовала

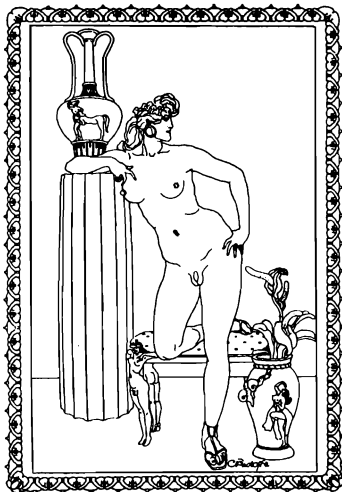
экономического и политического равноправия. Это одна из самых крупных дат в истории цивилизации, ибо только с этого момента женщина начала быть человеком. Только эмансипация женщины если не завершила, то по крайней мере подготовила почву для превращения мужских прав в истинно человеческие права. Женщина перестала быть только домашней рабыней, только производительницей детей, только объектом наслаждения. Сначала это произошло, правда, только в идее

и долгое время продолжало существовать только в идее.

И однако всякое освобождение всегда начинается в тот самый день, когда недовольство становится сознательным и планомерным протестом.

А в тот момент, когда женщина стала человеком, все человечество сделалось богаче, чем оно было когда-нибудь раньше. Родились его величайшие и высочайшие идеалы. Только с этого момента стремление облагородить любовь стало серьезно осуществляемой программой. Только теперь чувственность, одухотворенная индивидуализмом, получила достойную человека форму. Только теперь стали понимать, что любовь и красота могут и должны быть взаимно покрывающими друг друга понятиями. Только теперь обязанности родителей перестали быть семейным долгом, чтобы стать возвышенным назначением.

Все это могло иметь место только теперь. Эмансипация женщины как класса, в противоположность

*Кристоф Ф. Иллюстрация
к современному изданию
«Сатирикона» Петрония.
1909*

эмансипации небольшой группы женщин, была неизбежной предпосылкой для пробуждения общечеловеческих идеалов.

Такое же облагораживающее влияние, как эмансипация женщины, имела на общество и эмансипация пролетариата. Процесс и здесь совершился в том же направлении. Капиталистическая система производства непосредственно, правда, порабощает народную массу, зато косвенно освобождает каждого отдельного человека из этой массы и поднимает его в духовном и нравственном отношении выше, чем стояла масса в предыдущие эпохи. Эта эмансипация обнаружилась в пробуждении классового самосознания, что, как известно, всегда имело место и теперь еще имеет во все более прогрессирующем размере на известной ступени экономического развития. С этого момента для каждого в отдельности перестает существовать трагический рок, необходимость «погрузиться в животное состояние», как заметил в 1840 г. Энгельс об английских рабочих. А перестал этот трагический рок существовать уже по одной той вышеуказанной причине, что для этого отныне не было больше ни времени, ни сил.

Период возмущения, совпадающий с пробуждением классового самосознания, означает для каждого в отдельности не только то, что он приходит в себя, но и то, что он тратит значительную часть физических и психических сил в другом направлении, и притом в направлении, враждебном эротике, ибо эротика как индивидуальное переживание всегда по существу антисоциальна. Только человек, индифферентный в политическом отношении, располагает ныне еще достаточными силами для чисто животной жизни. А индифферентизм и обнаруживается обыкновенно как раз в этих областях: политический индифферентизм и нравственная малоценность у индивидуумов и групп, чуждых всяким высшим интересам, не только адекватны, но и часто наличествуют одновременно.

Пробуждение в массах классового самосознания приводит, однако, не только таким механическим путем к нравственной регенерации. Последняя служит, кроме того, сознательно и планомерно поставленной и достигаемой целью. Поняв, что она ведет недостойное человека существование, масса прониклась очень скоро тоской по существованию, достойному человека. Так началось ее самовоспитание. И это самовоспитание практиковалось тем более планомерно и сознательно, чем больше выяснялось, что оно — важный фактор борьбы за власть. Как восходящий класс, пролетариат хотел быть представителем более высокой нравственности — правда, не только в половой области, но, между прочим, и в ней, — и он поэтому должен был провозгласить нравственную безупречность законом, обязательным для себя.

А этим путем восходящие классы воспитывают в духе более высокой нравственности не только себя, но косвенно и те классы, против которых восстают. Правда, у последних это приводит прежде всего к возникновению нравственного лицемерия, но и оно в последнем счете ведь не что иное, как уступка, сделанная добродетели, необходимость которой, таким образом, признана во всеуслышание.

Важно еще раз подчеркнуть вывод, касающийся специально рабочего класса. И этот вывод гласит:

*Реннер П. Иллюстрация
к немецкому изданию
«Приятных ночей»
Страпаролы. 1908*

нравственный уровень рабочего класса ныне стоит так же высоко, как низко стоял он когда-то до его эмансипации.

Этот вывод необходимо потому особенно подчеркнуть, что он является главным фактором при правильном ответе на поставленный выше вопрос: поднялся ли общий уровень нравственности в наше время в сравнении с предыдущими эпохами? Именно поэтому, и прежде всего поэтому, он в самом деле несоизмеримо выше, чем прежде, так как вопрос о большей или меньшей нравственности эпохи — это всегда проблема не абсолютного, а относительного числа.

Перед лицом фактов, что в наше время многие миллионы людей в каждой стране энергично и сознательно стремятся к более высокой нравственности, что эти миллионы пропагандируют и стремятся осуществить такие экономические и политические условия, которые уже в себе самих содержат более высокую нравственность, перед этими фактами совершенно ничтожное значение имеет то обстоятельство, что и ныне еще сотни тысяч ищут свое индивидуальное счастье исключительно в тех самых областях низменных эротических удовольствий, в которых в былые времена видела свой высший идеал вся масса населения.

И мы можем поэтому заключить с чувством гордости и удовлетворения: как бы малопривлекательна ни была картина современных нравов, развернутая добросовестным исследованием, — причем, конечно, подвиги лицемерия ничем не уступают поступкам, тщательно скрываемым, — человечество тем не менее гигантскими шагами поднимается все выше и выше.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I. Эпоха Ренессанса

Глава 1. Идеал физической красоты Ренессанса	5
Глава 2. Любовь и брак	15
Глава 3. Нравственность церкви	63
Глава 4. Проституция	79
Глава 5. Общественные развлечения	109
Глава 6. Сексуальная патология	135

Книга II. Галантный век

Глава 1. Эпоха абсолютизма	146
Глава 2. Новый Адам и новая Ева	157
Глава 3. Ливрея разврата	175
Глава 4. Любовь	198
Глава 5. Проституция	283
Глава 6. Гостиница и салон	305

Книга III. Буржуазный век

Глава 1. Буржуазный век	333
Глава 2. Идеал физической красоты в век господства буржуазии	361
Глава 3. Буржуазный костюм	374
Глава 4. Любовь и брак	407
Глава 5. Проституция	455
Глава 6. Развлечения и удовольствия	484
Глава 7. Пресса и реклама	521
Заключение	535

Научно-популярное издание
Серия «Историческая библиотека»

Фукс Эдуард

ИСТОРИЯ ПРАВОВ

Ответственный редактор *Ю. Г. Иванов*
Дизайнер обложки *Е. В. Михалкина*
Технический редактор *М. Г. Потапова*
Корректор *Г. В. Селицкая*

Подписано в печать 24.02.10 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 84 x 108¹/₃₂. Объем 17 печ. л.
Гарнитура «SchoolBookC».
Тираж 3500 экз. Зак. 26208 (К-Sm).

«РУСИЧ». Лицензия ИД №04277 от 15.03.2001
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7
E-mail: info@russitch.ru (редакция)
E-mail: salerus-smol@rambler.ru (отдел реализации)
Тел.: (4812) 68-36-87, 68-36-86, 21-41-00
www.russitch.ru

ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

История ПРАВОВ

Если родители разрешают и помогают дочери флиртовать, то это имеет еще и другую причину, кроме желания дать ей возможность насладиться «невинными радостями» сношений с мужчиной. Подобное великодушие объясняется также стараниями родителей облегчить дочке ловлю мужа.
Э. Фукс

ISBN 978-5-8138-0991-0

9 785813 809910